

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VI.

Книга 28 (3).

Подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

МАЙ 1895 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собствен. домъ.

1895.

111

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Генезисъ и развитіе музыки — В. А. Вагнера	275
Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: «Хозяинъ и работникъ». — А. А. Козлова	313
О добродѣтеляхъ. (Изъ нравственной философіи). — Вл. С. Соловьева	331
Параллелистическая теорія душевной жизни. — Л. М. Лопатина	358

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея задачи и методы. — В. Анри	259
Психологія въ исторіи. (Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи). — П. Н. Ардашева	294
По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго: «О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ». (<i>Окончаніе</i>). — М. И. Каринскаго	314

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Paul Deussen. Allgemeine Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Religionen. — Rich. Garbe. Die Sāmkya-Philosophie. — Max Müller. Three Lectures on the Vedānda-Philosophy. — А. Н. Гилярова	361
W. R. Scott. A simple History of Ancient Philosophy. — А. Н. Гилярова	365

	<i>Стр.</i>
G. K. Uphues. Psychologie des Erkennens vom empirischen Standpunkte.— П. В. Тихомирова	366
Ch. Adam. La philosophie en France (première moitié du XIX-e siècle).— Ю. А.	369
Вильгельмъ Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Переводъ д-ра П. Я. Розенбаха.— В. С.	372
L'année psychologique, publiée par H. Beaunis et A. Binet. — Г. И. Челпанова.	375
Рибо. Современная германская психологія. Перев. Л. Ройзмана.— Г. И. Челпанова	377
Книги и брошюры, полученные редакціей.	379

Психологическое Общество (отчеты о засѣданіяхъ 11-го марта и 15 апрѣля 1895 г.)	382
Условія для соисканія второй преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ	384
Объявленія.	

Приложеніе.

Я. Н. Колубовскій. Философскій Ежегодникъ. Годъ I (1893)
Листы 8, 9 и 10.

Генезисъ и развитіе музыки.

Три выдающихся натуралиста нашего столѣтія, изъ которыхъ имена первыхъ двухъ извѣстны всему цивилизованному міру: Спенсеръ, Дарвинъ и Вейсманнъ, посвятили свое вниманіе вопросу о возникновеніи, а частью и о развитіи музыки.

Спенсеръ на основаніи собраннаго имъ матеріала высказалъ предположеніе, что музыка получила свое начало отъ рѣчи.

Дарвинъ, ссылаясь на данныя зоологіи, полагаетъ, однако, что съ этимъ нельзя согласиться на томъ основаніи, что голосъ получилъ начало *до возникновенія членораздѣльной рѣчи*, и даетъ свое объясненіе предмету. Ученый этотъ полагаетъ, что музыкальное искусство явилось плодомъ *полового подбора* и стоитъ внѣ подбора естественнаго, въ основѣ котораго лежитъ принципъ пользы.

Вейсманнъ, утверждая, что объясненіе Спенсера не вѣрно, и въ этомъ отношеніи сходясь съ Дарвиномъ, даетъ, однако, иное объясненіе явленію, чѣмъ этотъ послѣдній. Вотъ что мы читаемъ въ его „Essais sur l'hérédité et la sélection naturelle (Франц. пер. Varigny, стр. 478).

„Половой подборъ не даетъ объясненія явленію, даже въ такомъ случаѣ, если онъ игралъ какую-нибудь роль при возникновеніи пѣнія у первобытнаго человѣка. Не только въ настоящее время, но съ незапамятныхъ временъ выборъ мужчины— такъ же, какъ и женщины, опредѣлялся иными

факторами, нежели музыкальными способностями, а именно: молодостью, красотой, силою, и не въ меньшей степени—умомъ.“

„Нельзя предполагать, чтобы люди, не обладающіе голосомъ и не имѣющіе музыкальнаго дарованія, непременно, или часто, отвергались женщинами—какъ въ наше время, такъ и въ отдаленныя эпохи человѣческой исторіи, намъ доступныя.“

„Это обстоятельство исключаетъ всякую возможность развитія музыкальныхъ способностей путемъ полового подбора“.

Такимъ образомъ, Вейсманнъ, полагая вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что генезисъ музыки долженъ быть отнесенъ за предѣлы возникновенія членораздѣльной рѣчи, ищетъ ключъ къ объясненію явленія не въ половомъ, а въ *естественномъ подборѣ*.

Ниже мы коснемся этого предмета еще разъ съ большою подробностью, а здѣсь ограничимся лишь слѣдующей выдержкой изъ цитируемой статьи автора. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ (стр. 493),—„что нужно искать генезиса музыкальнаго чувства совершенно въ другомъ направленіи; оно получило начало не какъ нѣчто независимое, преднамѣренное, а какъ дополнительная способность нашего слухового органа. Органъ этотъ былъ необходимъ въ борьбѣ за существованіе; онъ возникъ путемъ подбора полезныхъ признаковъ и этимъ путемъ доведенъ до высочайшей степени совершенства“.

Собранные названными учеными — Спенсеромъ, Дарвиномъ, Вейсманномъ и другими — факты, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, доказываютъ намъ, однако, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, что вопросъ о возникновеніи способности издавать музыкальные звуки не должно смѣшивать съ генезисомъ музыки, какъ искусства, и что если рѣшеніе перваго изъ нихъ мы должны искать въ области физиологіи, то рѣшеніе втораго—въ области психологіи. Другими словами, что между вопросомъ о возникновеніи музыкальнаго звука,—задача, которую имѣлъ въ виду Дарвинъ,—и музыки, какъ искусства,—которую имѣлъ въ виду

Спенсеръ,—существуетъ приблизительно такое же различіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и такая же связь, какъ между физиологіей и психологіей.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ фактамъ, изложеніе которыхъ начнемъ съ разсмотрѣнія органовъ слуха, поскольку знакомство съ ними необходимо для нашей задачи.

Г л а в а I.

Генезисъ и развитіе слухового аппарата.

Въ своемъ законченномъ видѣ аппаратъ, служащій у чело-
вѣка для воспріятія музыкальныхъ звуковъ и превращенія
ихъ въ соотвѣтствующія ощущенія, слагается изъ слѣдую-
щихъ частей.

Наружное ухо состоитъ изъ *ушной раковины* и слухового
прохода который проникаетъ до извѣстной глубины въ
черепъ; роль этихъ органовъ—собирать и направлять зву-
ковыя волны къ *среднему уху*; это послѣднее отдѣляется
отъ наружнаго тонкою перепонкой, которая называется
барабанной; въ полости средняго уха находится система
слуховыхъ косточекъ; полость эта выполнена воздухомъ,
который возобновляется помощью, такъ называемой, евста-
хіевой трубки, открывающейся въ полость глотки. Да-
лѣе за среднимъ ухомъ помѣщается *внутреннее ухо*, кото-
рое отдѣляется отъ средняго сложно устроенной перего-
родкой. Строеніе внутренняго уха въ высшей степени слож-
но; оно выполнено жидкостью (лимфой). Такъ какъ для
нашей цѣли нѣтъ надобности въ разсмотрѣніи всѣхъ вхо-
дящихъ въ составъ этого органа частей, то мы для упро-
щенія остановимся лишь на тѣхъ, которыя намъ необходимы,
а именно, на помѣщаемомъ въ улиткѣ внутренняго уха
органѣ Корти. Органъ этотъ состоитъ изъ многихъ тысячъ
нитевидныхъ упругихъ волоконъ, на подобіе струнъ, на-
тянутыхъ между соотвѣтствующими частями слухового ап-
парата; волокна эти различной длины; у челоуѣка ихъ на-
считываютъ около 15.000. Гельмгольцъ приравниваетъ эти

волокна къ струнамъ арфы или фортепіано и принимаетъ, что ихъ колебанія (по созвучію) вызываються у каждой лишь однимъ соотвѣтствующимъ волокну звукомъ. Отсюда самый этотъ аппаратъ, по мнѣнію ученаго, представляетъ собою орудіе, отлично приспособленное къ анализу музыкальныхъ звуковъ, такъ какъ сложный звукъ, вызывая колебанія такого количества струнъ (волоконъ), какое входитъ въ его составъ, заставляетъ вибрировать лишь тѣ изъ волоконъ, которыя могутъ колебаться съ однимъ изъ входящихъ въ составъ сложнаго звуковъ.

Въ непосредственной связи съ каждымъ такимъ волоконемъ находится одна слуховая клѣтка, которая въ тоже время соединяется и съ слуховымъ нервомъ. Клѣтокъ этихъ, стало быть, столько же тысячъ, сколько и волоконъ, и каждая изъ нихъ, очевидно, вибрируетъ лишь при одномъ опредѣленномъ звукѣ. Вызванная къ дѣятельности слуховая клѣтка посредствомъ слуховаго нерва передаетъ свое раздраженіе воспринимающему слуховыя раздраженія центру головного мозга.

Но этимъ дѣло еще не оканчивается.

Для уразумѣнія дальнѣйшаго процесса необходимо сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ, объективныхъ и субъективныхъ ощущеніяхъ.

Каждому изъ насъ извѣстны случаи такъ называемаго, „звона въ ушахъ“, когда, въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, ничего общаго съ звукомъ не имѣющихъ, наши органы слуха заставляютъ насъ слышать не существующіе звуки, иногда въ такой степени ясные и опредѣленные, что они вводятъ насъ въ обманъ (галлюцинаціи слуха).

Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ *источникомъ слуховыхъ ощущеній* являются не внѣшнія, а внутреннія причины, аналогичныя тѣмъ, на примѣръ, которыя у человѣка, страдающаго мигренью, вызываютъ иногда рядъ зрительныхъ ощущеній, очевидно, не имѣющихъ никакого отношенія къ внѣшнему міру.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не всѣ испытываемыя нами

слуховыя ощущенія имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ. Иногда—и это, разумѣется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—этимъ источникомъ является *среда*, т.-е. внѣшній міръ, иногда—гораздо рѣже—міръ нашихъ внутреннихъ органовъ. Ощущенія перваго рода называются *объективными* (т.-е. происходящими отъ внѣшнихъ предметовъ); во второмъ—*субъективными* (т.-е. происходящими въ зависимости отъ процессовъ, которыхъ источникомъ являются органы наблюдателя).

Въ чемъ же лежитъ анатомо-физиологическій субстратъ этого явленія?

Исслѣдованія, произведенныя съ цѣлью рѣшенія вопроса, приводятъ насъ къ тому заключенію, что ощущенія слуха (равно какъ и другихъ органовъ чувствъ) зависятъ собственно не отъ возбужденія органовъ слуха и даже не отъ дѣятельности этихъ самыхъ органовъ, т.-е. не отъ внѣшняго, средняго и внутренняго уха, а отъ возбужденія тѣхъ частей головного мозга, которыя воспринимаютъ звуковыя раздраженія и перерабатываютъ ихъ въ соотвѣтствующія ощущенія. Такимъ образомъ, ухо со всѣми его частями составляетъ, такъ сказать, лишь первую инстанцію въ процессъ; слуховой нервъ соединяетъ эту первую инстанцію со второй, т.-е. съ *воспринимающими слуховыя раздраженія центрами* головного мозга. Воспринятія этими центрами впечатлѣнія передаются, наконецъ, изъ этой второй въ третью и послѣднюю инстанцію—въ корковый слой большихъ полушарій, гдѣ эти воспріятія субкортикальныхъ центровъ и превращаются въ сознательныя ощущенія.

Всякое раздраженіе какой бы то ни было изъ двухъ первыхъ инстанцій въ концѣ концовъ достигаетъ находящихся съ ними въ соединеніи частей большого мозга и производитъ слуховыя ощущенія, для которыхъ въ кортикальномъ слоѣ большихъ полушарій головного мозга существуетъ опредѣленная анатомическая территория, въ свою очередь соединенная ассоціаціонными путями съ другими территориями головного мозга.

Если у собаки или обезьяны, наприм., уничтожить слуховую территорию головного мозга, то животные эти дѣлаются глухими, хотя ихъ слуховой органъ ничуть не поврежденъ. Слухъ продолжаетъ преобразовываться въ нервное раздраженіе посредствомъ слухового аппарата; соотвѣтствующія каждому звуку раздраженія доставляются по-прежнему къ головному мозгу, но здѣсь уже нѣтъ органа, способнаго преобразовать эти звуки въ музыкальныя ощущенія, и вотъ животныя, обладая здоровыми и нормально устроенными органами слуха, оказываются „психически глухими“. Съ другой стороны, при удаленіи всѣхъ частей слухового аппарата, за исключеніемъ одной только слуховой территории большихъ полушарій, способность къ звуковымъ чувствованіямъ не утрачивается; композиторская дѣятельность Бетховена за послѣдніе годы его жизни служить этому блестящимъ доказательствомъ.

Итакъ, слуховой аппаратъ въ его цѣломъ представляетъ собой очень сложно организованное цѣлое, въ которомъ первую инстанціей является *наружное ухо*. Оно воспринимаетъ колебанія воздуха въ формѣ звуковыхъ волнъ. Волны эти, пройдя слуховой проходъ, достигаютъ барабанной перепонки и передаются по системѣ слуховыхъ косточекъ перегородкѣ, отдѣляющей среднее ухо отъ внутренняго, и лимфѣ, выполняющей внутреннее ухо. Здѣсь, по созвучію, начинаетъ вибрировать то или другое слуховое волоконецъ и соединяющаяся съ нимъ слуховая клѣтка. Раздраженіе этихъ органовъ Корти передается по слуховому нерву, воспринимающему слуховыя впечатлѣнія, къ центру головного мозга и наконецъ, по идущимъ отсюда слуховымъ нервамъ къ слуховой территоріи кортикальнаго слоя большихъ полушарій головного мозга, гдѣ слуховыя впечатлѣнія и превращаются въ сознательныя слуховыя ощущенія.

Органъ слуха собственно, по мнѣнію Вейсмanna, развитъ у человѣка не болѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, и устройство его не отличается ничѣмъ, что давало бы намъ право предполагать въ немъ какія-нибудь особыя способности,

сравнительно съ ухомъ высшихъ млекопитающихъ животныхъ, способныхъ слышать музыку.

Однако, ни кошки, ни собаки, ни другія животныя, способныя слышать человѣческую музыку, не организованы такъ, чтобы они могли понимать ее; ихъ слуховой органъ, который можно разсматривать какъ результатъ естественнаго подбора, не развивался съ тою цѣлью, чтобы дать возможность кошкѣ и собакѣ сочувствовать человѣческой музыкѣ, ибо это имъ не принесло бы ни малѣйшей пользы въ борьбѣ за существованіе. Къ тому же они съ своимъ слуховымъ органомъ гораздо древнѣе человѣка съ его музыкой. Такимъ образомъ, способность этихъ животныхъ слышать музыку должна была явиться случайнымъ *дополненіемъ* слухового аппарата, который сдѣлался такимъ, какимъ мы его видимъ на дѣлѣ, по другимъ причинамъ. Точно то же и съ человѣкомъ: и онъ не получилъ свое музыкальное ухо, какъ таковое, а получилъ путемъ подбора очень тонкій, въ высокой степени развитой въ борьбѣ за существованіе слуховой органъ, который случайно оказался пригоднымъ и для слушанія музыки. Итакъ, способность различать музыкальные звуки должна была имѣть мѣсто уже тогда, когда еще не существовало человѣка.

Мы не знаемъ нашихъ непосредственныхъ предковъ, но, весьма вѣроятно, что и они уже обладали почти такимъ же слуховымъ органомъ, какъ человѣкъ, намъ современный, потому что у карриатуръ нынѣшняго человѣка, обезьянъ, онъ развитъ почти въ такомъ же совершенствѣ. Разница тамъ, гдѣ она можетъ быть указана, является не качественной, а количественной. Чѣмъ болѣе, на примѣръ, слуховыхъ волоконъ въ улиткѣ, чѣмъ болѣе въ ней слуховыхъ клѣточекъ, тѣмъ тоньше и полнѣе слышитъ животное, о которомъ идетъ рѣчь. Измѣренія и вычисления Ретціуса удостовѣряютъ, что у человѣка 15.000 этихъ слуховыхъ клѣточекъ, у кошки 12.500, у кролика 7.800; изъ чего слѣдуетъ, что слухъ у человѣка болѣе совершененъ, нежели у этихъ двухъ животныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что количество слуховыхъ

кѣлочекъ у людей, хотя бы и одной расы, не одинаково; обстоятельство это объясняетъ, почему нѣкоторые индивидуумы слышать менѣе точно, или слышать менѣе низкіе или высокіе звуки, чѣмъ другіе.

Такимъ образомъ, если слуховой музыкальный аппаратъ въ своихъ главныхъ частяхъ одинъ и тотъ же у кошки или кролика, что и у человѣка, различаясь съ нимъ лишь степенью развитія, то,—спрашиваетъ Вейсманнъ,—какимъ же образомъ могъ онъ выработаться, когда вырабатываются только *полезные* органы? Для животныхъ, у которыхъ нѣтъ музыки, должно быть безразлично, обладаютъ они, или нѣтъ, музыкальнымъ ухомъ, и поэтому происхождение ихъ слуховаго аппарата должно было имѣть своей исходной точкой другія потребности. Но какія?

Какимъ образомъ могла быть полезной для млекопитающихъ въ борьбѣ за существованіе способность ясно различать также огромное количество звуковъ, на которое оказывается способнымъ ихъ слуховой аппаратъ?

Вейсманнъ даетъ на эти вопросы нижеслѣдующій отвѣтъ.

Дикія животныя, говоритъ онъ, нуждаются въ очень тонкомъ слухѣ; напримѣръ, плотоядныя животныя, какъ кошки, прежде всего должны быть въ состояніи слышать и различать всѣ звуки, издаваемые животными, служащими имъ добычею. Одно это уже должно было выработать способность различать многообразный рядъ звуковъ, который для нашей дикой кошки, наприм., начинается съ воркованія голубя, пѣнія кукушки, дрозда, зяблика, жаворонка и кончается способностью различать малѣйшій шорохъ осторожной мыши или землеройки. Рядомъ съ этимъ также необходимо, чтобы дикое животное было способно слышать звуки, производимые его врагами, и отличать ихъ какъ отъ другихъ, такъ и другъ отъ друга.

Такимъ образомъ, слуховой аппаратъ млекопитающихъ животныхъ долженъ былъ совершенствоваться путемъ естественнаго подбора до способности воспринимать и низкіе, и очень высокіе звуки. Это было необходимо для того, что-

бы органъ слуха давалъ возможность животному всегда и въ точности знать: происходитъ ли звукъ отъ врага его или отъ животнаго, служащаго ему добычей, такъ какъ здѣсь каждая ошибка могла быть роковой.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему уже кроликъ имѣетъ въ своемъ слуховомъ органѣ 7.800 слуховыхъ клѣточекъ, что указываетъ на удивительную тонкость его слуха. Допуская даже, что не каждая изъ этихъ 7.800 слуховыхъ клѣточекъ способна воспринимать звуки, все-таки остается удивительное количество звуковыхъ чувствованій, принимая во вниманіе, что наши рояли заключаютъ въ себѣ лишь около 80 различныхъ музыкальныхъ звуковъ.

Приведенные факты устанавливаютъ нижеслѣдующее заключеніе: *способность воспринимать музыкальные звуки у человека явилась побочною, дополнительною способностью слуха вообще*, — способностью, говоритъ Вейсманнъ (стр. 493), случайной и не предумышленной, какъ явилась способность нашихъ рукъ, наприм., къ исполненію техническихъ трудностей въ игрѣ артиста.

Нашъ слуховой органъ, выработанный путемъ борьбы за существованіе, устроенный такъ, что онъ даетъ намъ возможность улавливать многія тысячи звуковъ, — оказался, *между прочимъ* способнымъ улавливать, сравнительно говоря, и ничтожное количество музыкальныхъ звуковъ.

Итакъ, стало-быть, способность воспринимать музыкальные звуки получила *свое начало раньше, чѣмъ возникла членораздѣльная рѣчь*. Это доказывается не только тѣмъ, что извѣстна одна изъ антропоморфныхъ обезьянъ (именно гиббоновъ) способная, по свидѣтельству Дарвина, производить, а стало быть, и воспринимать какъ разъ октаву музыкальныхъ звуковъ, восходя и нисходя черезъ всю скалу полутонами, но и тѣмъ еще, что у дѣтей способность издавать музыкальные звуки обнаруживается ранѣе способности къ членораздѣльной рѣчи.

Къ сказанному остается добавить, что въ головномъ мозгу, — какъ это въ настоящее время можетъ считаться научно

установленнымъ,—существуетъ опредѣленный отдѣлъ, завѣдующій воспріятіемъ и переработкою музыкальныхъ звуковъ, который рѣшительно не зависитъ отъ аппарата рѣчи *). А изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ, что музыкальный аппаратъ человѣка составляетъ лишь побочную и незначительную часть того цѣлаго, которое мы называемъ органомъ слуха, что онъ выработался какъ составная часть этого цѣлаго въ ряду съ другими способностями слуховаго аппарата лишь путемъ естественнаго *подбора* и преслѣдуя *полезныя цѣли*; онъ не представляетъ собою какого-либо новаго, не встрѣчающагося у животныхъ явленія, и первобытный человѣкъ, стоящій на еще несравненно болѣе низкой степени культуры, чѣмъ на какой стоятъ современные намъ дикари, долженъ былъ обладать такимъ же воспринимающимъ звуки музыкальнымъ аппаратомъ, какимъ обладаетъ и цивилизованный европеецъ.

Какъ ни кажется парадоксальнымъ этотъ выводъ, являющійся прямымъ слѣдствіемъ указанныхъ выше соображеній, но факты, лежащіе въ его основаніи, дѣлаютъ его столь же прочно установленнымъ, какъ и всякое другое научное положеніе.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Негры, какъ извѣстно, не занимаютъ высокой ступени на лѣстницѣ человѣческой культуры; ихъ родная музыка не можетъ быть названа музыкой въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ европеецъ, и между тѣмъ Бриндисъ II Саласъ (Brindis у Salas)—негръ острова Кубы—обѣзжалъ въ свое время Америку и Европу какъ виртуозъ на скрипкѣ. Онъ

---

*) Это обстоятельство устанавливается цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, удостоверяющихъ, что больные съ полной афазіей сохраняютъ способность пѣть разныя пѣсни. Такъ, Lasègue описываетъ субъекта, который потерялъ способность и говорить, и писать, но сохранилъ способность пѣть. Еще болѣе интересный фактъ сообщаетъ Finkelburg (Niedertheim Arch. géner. de Médéc. 1872), наблюдавшій больного афазіей скрипача, который потерялъ память словъ, потерялъ способность читать и играть по нотамъ, но по слуху игралъ довольно легко. Число такихъ и подобныхъ случаевъ, можно было бы привести десятками, если не сотнями.

обладалъ не только техникой и замѣчательно тонкимъ слухомъ, но, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть Otto Lesman, редакторъ Allgemeine Musikzeitung, былъ „удивительно одаренъ музыкально“ и игра его была артистической. Мы не входимъ здѣсь въ разсужденія о томъ, поскольку негръ, о которомъ идетъ рѣчь, могъ самъ понимать и какъ онъ понималъ сложныя инструментальныя произведенія, которыя требовали большаго, чѣмъ совершенный слуховой аппаратъ и музыкальная память. Этого я буду имѣть случай коснуться еще разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь для насъ достаточно того факта, что чистокровный негръ оказался обладающимъ такимъ совершеннымъ музыкальнымъ аппаратомъ, который при наученіи и подготовкѣ далъ ему возможность передавать музыкальныя сочиненія, отстоящія отъ музыки его родины на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ. Органъ слуха негра оказался аппаратомъ, физиологически *готовымъ* для такого воспріятія; будь иначе, отличайся этотъ аппаратъ его *качественно* отъ того, что мы видимъ у современнаго европейца, *наученіе* не могло бы привести ни къ какимъ результатамъ, ибо наученіе не могло бы замѣнить отсутствующихъ органовъ Корти, какъ не можетъ ни наученіе, ни упражненіе развить музыкальный слухъ у современныхъ намъ людей, — когда они лишены его отъ природы вслѣдствіе тѣхъ или другихъ дефектовъ слухового аппарата.

Другой примѣръ представляютъ „les chanteurs du jubilé“ — общество негровъ же, которое удивляло Европу въ 1887 г. замѣчательнымъ *четыреголоснымъ* пѣніемъ.

Исторія музыки показываетъ намъ, съ какою постепенною, какъ страшно медленно доразвилась европейская часть человѣчества до такъ называемаго, четырехголоснаго пѣнія; она показываетъ намъ, сколько уклоненій въ сторону, сколько гениальныхъ усилій потребовалось для того, чтобы открыть то, что потенциально заложено въ ушахъ негра, какъ заложено, быть можетъ, въ ушахъ, если не всякаго, то многихъ другихъ дикарей, и что вовсе не проявлялось по при-

чинамъ, отнюдь не заключающимся въ устройствѣ слуховаго аппарата. Мы познакомимся съ ними въ своемъ мѣстѣ.

Третьимъ примѣромъ, удостовѣряющимъ сказанное, являются евреи, которые, какъ это указываетъ Вейсманны, начали принимать участіе въ развитіи музыкальнаго искусства лишь въ нашемъ столѣтіи; они не имѣли случая заниматься музыкой высшаго порядка въ теченіе всего того періода, когда она была слита съ христіанскимъ культомъ.

Въ теченіе 18 вѣковъ музыка не играла никакой роли въ жизни евреевъ, и вотъ, какъ только является возможность ею заниматься, музыкальный аппаратъ ихъ оказывается не только способнымъ сразу стать на уровнѣ того, что было создано въ области этого искусства, но и выдвинуть въ первые ряды представителей музыки такія имена, какъ братья Рубинштейны, Мендельсонъ, Мейерберъ, Галеви, Мошелесъ и др.

Изложенные въ настоящей главѣ факты даютъ намъ право заключить ее слѣдующими словами.

Способность воспринимать музыкальные звуки возникла безъ прямаго отношенія къ способности ихъ воспроизводить и независимо отъ нея; на нее должно смотрѣть какъ на случайную и дополнительную способность къ органу слуха, какою является, наприм., случайная и дополнительная способность и приспособленность человѣческой руки управлять иглой, играть на скрипкѣ или рисовать карандашомъ.

Слуховыя способности, возникшія путемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, должны были быть,— а многіе факты доказываютъ, что онѣ и дѣйствительно были,— столь же высоко развитыми у человѣка каменнаго и бронзоваго вѣковъ, какими мы ихъ видимъ у современнаго намъ европейца.

Отъ способности воспринимать звуковыя впечатлѣнія перейдемъ къ рассмотрѣнію способности воспроизводить ихъ.

ГЛАВА II.

Возникновеніе и развитіе голосоваго аппарата.

Возникновеніе способности издавать музыкальные звуки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возникновеніе самой музыки Дарвинъ, какъ было сказано, относить къ періоду времени, предшествующему времени возникновенія членораздѣльной рѣчи. Основаніемъ для этого своего мнѣнія онъ выставляетъ фактъ существованія обезьянъ, способныхъ издавать своимъ голосомъ полную звуковую гамму.

Чтобъ оцѣнить такое заключеніе, необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, гдѣ искать источникъ возникновенія голосоваго звука, и на томъ, что представляетъ собою его природа.

„Когда собака приближается къ другой собакѣ или человѣку въ злобномъ и враждебномъ настроеніи“,—читаемъ мы въ интересной книгѣ Ч. Дарвина „О выраженіи ощущеній“ *), „она идетъ прямо и держится очень напряженно; голова у нея слегка приподнята или не очень опущена; хвостъ поднять прямо и держится совсѣмъ туго; шерсть ошетиливается, въ особенности вокругъ шеи и на спинѣ; настороженные уши направлены прямо впередъ, и глаза смотрятъ очень пристально и неподвижно. Приготовляясь броситься со злобнымъ ворчаніемъ на непріятеля, собака обнажаетъ клыки, причемъ уши закладываются назадъ и прижимаются къ головѣ“.

Всѣ эти движенія¹ являются слѣдствіемъ опредѣленнаго раздраженія нервной системы животнаго,—его гнѣва; раздраженіе это выражается *дѣятельностью опредѣленной группы мускульныхъ дѣйствій*.

„Но вотъ“,—читаемъ мы далѣе,—„собака внезапно замѣчаетъ, что человѣкъ, къ которому она приближается, не незнакомецъ, но ея собственный хозяинъ; обратимъ вни-

*) Ч. Дарвина «О выраженіи ощущеній человѣка и животныхъ». Пер. подъ ред. Ковалевскаго, стр. 44 и слѣд.

маніе на то, какъ мгновенно и всецѣло измѣняется вся ея манера держаться. вмѣсто прямой вытянутой походки, мы видимъ, что тѣло ея вдругъ понижается и даже присѣдаетъ и приводится въ волнистое движеніе; хвостъ изъ прежняго тугого и поднятаго положенія опускается и начинаетъ двигаться изъ стороны въ сторону; шерсть мгновенно становится гладкою, уши опускаются и оттягиваются назадъ, но не прижимаются плотно къ головѣ, а губы свѣшиваются книзу. Вслѣдствіе отведенія ушей назадъ вѣки вытягиваются и глаза перестаютъ быть круглыми и неподвижными“.

Эти новыя движенія, очевидно, являются слѣдствіемъ другаго источника возбужденія нервной системы животнаго—его радости, и этотъ родъ возбужденій, также какъ и гнѣвъ, ищетъ выхода и находитъ его въ соотвѣтствующихъ мускульныхъ движеніяхъ, которыя у ласкающейся собаки непрерывны и состоятъ, главнымъ образомъ, въ волнистыхъ движеніяхъ всего тѣла.

Не слѣдуетъ думать, чтобы мускульныя движенія являлись отвѣтомъ или внѣшнимъ выраженіемъ только сильныхъ душевныхъ волненій животнаго; эти движенія, менѣе рѣзкія, конечно, менѣе замѣтныя, сопровождаютъ всякія, и даже слабыя, возбужденія нервной системы. Для выясненія этого обстоятельства укажу на фактъ, описываемый Дарвиномъ въ той же книгѣ:

„У меня“, — говоритъ натуралистъ, — „была въ прежнее время большая собака, которая, какъ и всѣ собаки, очень любила ходить гулять со мною. Она выражала свое удовольствіе, гордо выступая передо мной, высоко вынося ноги, приподнявъ голову, умѣренно настороживъ уши и держа хвостъ прямо, но не туго. Недалеко отъ моего дома, вправо съ дороги, идетъ тропинка, ведущая въ оранжерею, куда я часто заходилъ на нѣсколько минутъ посмотреть, какъ идутъ разные опыты съ растеніями. Это всегда было большимъ разочарованіемъ для собаки, такъ какъ она не была увѣрена, пойду ли я оттуда на прогулку, и мгновенная и

полнѣйшая переменѣна всего выраженія, находившая на нее, чуть только я поворачивалъ на тропинку (а я часто нарочно пробовалъ дѣлать это въ видѣ опыта), была крайне смѣшна. Ея разочарованный видъ былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ семейства, и мы называли его *оранжерейнымъ выраженіемъ*. Оно состояло въ томъ, что голова сильно опускалась внизъ, все тѣло присѣдало и оставалось неподвижнымъ; уши и хвостъ внезапно опускались, а о маханіи хвостомъ не было и рѣчи. Съ опусканіемъ ушей и губъ, форма ея глазъ сильно измѣнялась, и мнѣ казалось, что блескъ ихъ ослабѣвалъ. Весь видъ собаки выражалъ жалкое безнадежное отчаяніе, которое было тѣмъ смѣшнѣе, что оно порождалось такою ничтожной причиною. Всѣ подробности ея позы были совершенною противоположностью прежнему радостному и въ то же время достойному виду“.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что подавленное душевное состояніе животнаго, — его огорченіе, — подѣйствовало на нервную систему и кровообращеніе, а слѣдовательно, и на тонъ всей мышечной системы.

Можно было бы привести длинный рядъ примѣровъ, доказывающихъ, что когда общіе чувствительные центры нервной системы возбуждены, то возбужденіе это находитъ свое разрѣшеніе въ передачѣ его, съ одной стороны, нервнымъ клѣткамъ, съ другой, — соотвѣтствующей группѣ мышечныхъ волоконъ, и далѣе, что дѣятельность мышечной системы бываетъ тѣмъ болѣе сильною, чѣмъ сильнѣе раздраженіе чувствительныхъ центровъ нервной системы.

„Когда животныя сильно страдаютъ отъ боли“, — говоритъ Дарвинъ, — „они обыкновенно *странно изгибаются* въ разныхъ направленіяхъ, и тѣ, которыя имѣютъ голосъ для выраженія страданія, издаютъ раздрающіе крики или стоны. Почти каждая изъ мышцъ тѣла приводится въ сильное дѣйствіе. Человѣкъ обыкновенно плотно закрываетъ ротъ, или еще чаще сильно оттягиваетъ губы и сжимаетъ зубы, иногда скрежеща ими“ (стр. 56).

Разъяренный быкъ мечетъ копытами землю, бьетъ себя

хвостомъ и грозно реветъ; левъ сдвигаетъ брови, выпускаетъ когти; попугай, испытывая пріятное волненіе, неуклюже танцуетъ на шестѣ своей клѣтки, и поднимаетъ крикъ, когда бываетъ недоволенъ; даже жабы, какъ мнѣ пришлось видѣть, раздуваютъ до возможнаго свое тѣло и издають отчаянные крики, когда на нихъ нападаетъ ворона.

„Почему раздраженіе нервной клѣтки“, — читаемъ мы у Дарвина (стр. 57), — „порождаетъ или развиваетъ нервную силу, неизвѣстно, но всѣ величайшіе физиологи приходятъ единодушно къ этому заключенію; такъ, напримѣръ, Мюллеръ, Вирховъ, Бернаръ и друг. Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ, что можно принять за непреложную истину, что, во всякую данную минуту, существующее количество освобожденной нервной силы, которое совершенно непонятнымъ образомъ вызываетъ въ насъ то, что мы называемъ чувствованіемъ, должно вылиться въ какомъ-нибудь направленіи, должно породить эквивалентное проявленіе силы гдѣ-нибудь; такимъ образомъ, — продолжаетъ Дарвинъ, — когда черепно-спинная система сильно возбуждена и нервная сила выдѣляется въ избыткѣ, она должна быть издержана сильнымъ чувствованіемъ, дѣятельнымъ мышленіемъ или сильными движеніями“.

Переходя отъ животныхъ къ человѣку, мы встрѣчаемъ тѣ же чувстваванія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что эти чувстваванія бываютъ у него болѣе разнообразными и болѣе сильными. Отсюда само собою слѣдуетъ, что *у человека, какъ и у животныхъ, волненія и возбужденія нервной системы разрѣшаются соответствующими мускульными движеніями, тѣмъ болѣе сильными, чѣмъ сильнѣе раздраженіе нервной системы.*

„Подъ вліяніемъ сильной радости и удовольствія“, — говоритъ Дарвинъ (ibid., стр. 61), — „нами овладѣваетъ сильное стремленіе къ различнымъ безцѣльнымъ движеніямъ и къ издаванію разныхъ звуковъ. Мы видимъ это на нашихъ дѣтяхъ — въ громкомъ смѣхѣ, хлопаньи въ ладоши и радостныхъ прыжкахъ, въ прыжкахъ и лаѣ собаки, которая идетъ гулять съ хозяиномъ, въ скачкахъ лошади, которую выпустили

въ открытое поле. Замѣчательно, что именно ожиданіе удовольствія, а не самое вкушеніе его, ведетъ, главнымъ образомъ, къ безцѣльнымъ и нелѣпымъ тѣлеснымъ движеніямъ и къ издаванію различныхъ звуковъ. Мы видимъ это на дѣтяхъ, когда они ждутъ какого-нибудь большого удовольствія или праздника; собаки, тоже безумно прыгавшія при видѣ блюда съ пищею, не выказываютъ вовсе удовольствія внѣшними знаками, когда наконецъ получаютъ его, и даже не машутъ хвостомъ“.

Слушая музыку, которая доставляетъ удовольствіе, многіе отбиваютъ тактъ ногами, руками или головой. Самыя слабыя раздраженія нервной системы, какъ это указываетъ Спенсеръ въ статьѣ „О происхожденіи и дѣятельности музыки“, -- и тѣ выражаются въ мускульномъ движеніи; пріятный запахъ вызываетъ улыбку, т.-е. сокращеніе извѣстныхъ лицевыхъ мускуловъ; толпа улыбается и смѣется, глядя на фейерверкъ. Простое удовольствіе, являющееся вслѣдствіе ли удачи, успѣха, или исполненнаго ожиданія, вызываетъ соотвѣтствующую дѣятельность мускуловъ: человѣкъ поднимаетъ голову, выступаетъ съ достоинствомъ, совершенно подобно тому, какъ ходила, и по той же причинѣ, собака Дарвина до появленія у ней „оранжерейнаго“ выраженія. Даже сіяющій взглядъ человѣка, получившаго пріятное извѣстіе, объясняется, какъ это справедливо отмѣтилъ Спенсеръ, сокращеніемъ мускула, поднимающаго вѣки, допускающаго паденіе бѣлаго количества лучей и сильнѣйшаго отраженія ихъ отъ влажной поверхности глаза.

Точно также какъ пріятныя, такъ и непріятныя волненія человѣка выражаются мускульными движеніями. Неудовольствіе выражается сморщиваніемъ лба, отвращеніе — вздернутой губой, обида — надутыми губами. Отъ этихъ простыхъ явленій мы шагъ за шагомъ, по мѣрѣ осложненія и усиленія нервнаго раздраженія, можемъ перейти къ самымъ сильнымъ, самымъ крайнимъ формамъ такого выраженія. Капризный ребенокъ топаетъ ногами или бросается на полъ, ложится на спину, машетъ ногами и руками, кричитъ и плачетъ.

Болѣзненные ощущенія, изъ какого бы источника они ни происходили, вызываютъ мускульныя дѣйствія, тѣмъ болѣе рѣзкія и опредѣленные, чѣмъ они сильнѣе. Физическая боль вызываетъ нахмуриванье бровей, искривленіе чертъ лица, стискиваніе рукъ, судорожныя движенія всего тѣла, и т. д.

Проявленіе внутренняго волненія въ мускульныхъ движеніяхъ можетъ быть не менѣе разнообразнымъ, порывистымъ и сильнымъ. Когда мать внезапно теряетъ ребенка, она иногда приходитъ въ бѣшенство отъ горя и ее можно считать тогда въ страстно возбужденномъ состояніи: она дико ходитъ взадъ и впередъ, рветъ на себѣ платье или волосы и ломаетъ руки.

Эти движенія объясняются, конечно, наплывомъ никуда не направленной силы возбужденныхъ чувствительныхъ нервныхъ центровъ.

Не останавливаясь далѣе на фактахъ, аналогичныхъ по своему значенію,—а число этихъ фактовъ можно признать безъ преувеличенія огромнымъ,—мы получаемъ право считать доказаннымъ формулированный, сколько мнѣ извѣстно, впервые Спенсеромъ законъ, по которому *„всякія чувства—ощущенія или душевныя волненія, пріятныя или тяжелыя—имѣютъ ту общую характеристическую черту, что всѣ онѣ являются стимулами мускульныхъ движеній“*. Другими словами, что какъ въ животныхъ, такъ и въ человѣкѣ, есть прямая связь между чувствомъ и движеніемъ, и что послѣднее становится порывистѣе по мѣрѣ того, какъ первое становится сильнѣе.

Если мы припомнимъ теперь, что голосовые звуки производятся дѣятельностью извѣстнаго рода мышцъ, что эти мускулы, какъ и другіе, приводятся въ движеніе и служатъ разрѣшеніемъ для нервного возбужденія, что (какъ это удостоверяетъ Дарвинъ) мышцы грудной клѣтки животныхъ, обладающихъ способностью издавать голосовые звуки, *всею чаще* являются отвѣчающими на нервныя волненія, то для насъ слѣдается понятнымъ, какъ могъ получить свое начало голосъ, какъ могла возникнуть и развиваться способность

издавать музыкальные звуки въ царствѣ животныхъ и у человѣка до возникновенія у него членораздѣльной рѣчи.

Такимъ образомъ, излагаемыя данныя по вопросу о голосовомъ аппаратѣ рисуютъ передъ нами слѣдующую картину его генезиса.

Сильныя чувствованія, или душевныя волненія—пріятныя и непріятныя—служили, и продолжаютъ служить, стимулами мускульныхъ движеній. Мышцы грудной клѣтки животныхъ, обладающихъ способностью издавать голосовые звуки, всего чаще являлись отвѣчающими на нервныя волненія. Отсюда *генезисъ голоса*, который въ началѣ своего развитія представляетъ собою чисто физиологическую функцію, подлежащую развитію на основаніи общихъ законовъ органическаго развитія.

Г л а в а III.

Возникновеніе и развитіе музыкальнаго искусства.

Въ двухъ предшествующихъ главахъ мы пришли къ заключеніямъ, одинаково важнымъ для рѣшенія нашей задачи. Мы установили, что способность къ воспріятію музыкальных звуковъ представляетъ случайно возникшій, и притомъ незначительный, придатокъ къ слуховому аппарату вообще, который достигъ своего совершенства обычнымъ путемъ возникновенія полезныхъ органовъ, т. е. путемъ естественнаго подбора, вслѣдствіе чего у человѣка бронзоваго вѣка мало отличался отъ того, что мы видимъ у современнаго европейца. Далѣе, мы установили, что рядомъ съ развитіемъ органовъ слуха шло развитіе голосового аппарата, который первоначально былъ однимъ изъ мускульныхъ рефлекторныхъ актовъ, служившихъ средствомъ разрѣшенія нервного возбужденія. Намъ остается разсмотрѣть теперь слѣдующій вопросъ: можно ли относить начало музыкальнаго искусства къ той отдаленной эпохѣ, когда получили законченное развитіе какъ способность воспроизводить, такъ и способность воспринимать музыкальные звуки?

Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ отрицательно, и вотъ почему.

Голосъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до возникновенія членораздѣльной рѣчи, могъ быть только тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ у современныхъ животныхъ, т.-е., главнымъ образомъ, средствомъ разрѣшенія нервнаго возбужденія при радости, боли, гнѣвѣ, ужасѣ, ярости, и т. п. Онъ представлялъ собою не столько актъ психологическій, сколько физиологическій. Вотъ почему мы полагаемъ, что,—если Дарвинъ и Вейсманнъ правы, утверждая, что способность издавать голосовые звуки и различать музыкальные тоны возникла задолго до членораздѣльной рѣчи, если Вейсманнъ правъ, утверждая, что воспроизводящія и воспринимающія эти звуки способности возникли путемъ естественнаго подбора,—то едва ли они правы, полагая, что одновременно съ генезисомъ этихъ способностей получило начало и музыкальное искусство. Знать, что мраморъ и желѣзо существуютъ въ Патагоніи еще не значитъ знать архитектуру построекъ ея обитателей и тѣ факторы, которыми обусловливается ея генезисъ. Узнать матеріаль, изъ котораго сложился современный намъ храмъ музыкальнаго искусства, еще не значитъ узнать тѣ элементы, которыми была создана его архитектура.

Намъ кажется, вслѣдствіе этого, что Спенсеръ, принимающій за моментъ возникновенія музыки, какъ искусства, гораздо болѣе позднюю эпоху,—эпоху, совпадающую съ возникновеніемъ членораздѣльной рѣчи, которая дала начало этому искусству, и подъ влияніемъ которой оно совершило свои первые шаги,—стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Дарвинъ и Вейсманнъ.

Въ доказательство этой идеи, кромѣ соображеній общаго характера, можетъ быть выставленъ цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ.

Мы расположимъ эти факты въ три группы.

Въ первую отнесемъ тѣ изъ нихъ, которые приводятъ къ аналогіи особенностей рѣчи съ особенностями вокальной музыки. *Во вторую* войдутъ нѣкоторые данныя исторіи развитія музыкальнаго искусства, поскольку они касаются интере-

сующаго насъ вопроса, и наконецъ, въ *третью* — примѣры, иллюстрирующіе современное положеніе этого искусства у нѣкоторыхъ мало, или вовсе не культурныхъ племенъ человѣчества.

Что касается первой группы доказательствъ—аналогіи между характеромъ особенностей рѣчи и вокальной музыки,—то мы находимъ ихъ въ интересной статьѣ Спенсера: „Происхожденіе и дѣятельность музыки“.

Названный ученый говоритъ, что *сила звука* въ нашей рѣчи бываетъ тѣмъ большею, чѣмъ больше волненіе нервной системы и, стало быть, чѣмъ сильнѣе дѣятельность обуславливающихъ звукъ мускуловъ.

То же и въ вокальной музыкѣ. Вся разница въ томъ лишь, что измѣненія голоса нашей рѣчи, являющіяся результатомъ угнетеннаго горемъ психическаго состоянія или удовольствія, въ музыкѣ (вокальной) доводятся до своего крайняго предѣла.

Качество голоса, или тембръ, нашей рѣчи соотвѣтствуетъ различнымъ состояніямъ нашего духа; въ зависимости отъ волненія рѣчь становится болѣе звонкой; при дурномъ настроеніи она пріобрѣтаетъ нѣчто металлическое. „То же,—говоритъ Спенсеръ, — видимъ мы въ пѣніи, такъ какъ спѣтый тонъ есть самый звучный, какой только мы можемъ издать.“

Диапазонъ голоса нашей рѣчи измѣняется сообразно дѣйствию голосовыхъ мускуловъ, а послѣдніе—въ зависимости отъ нервнаго возбужденія. Среднія ноты берутся безъ усилія; онѣ берутся тогда, когда состояніе духа покойно или равнодушно; высокія и низкія требуютъ усилій, тѣмъ болѣе значительныхъ, чѣмъ ниже и выше берутся звуки, а употребляются онѣ въ возбужденномъ состояніи. Чрезвычайная радость и чрезвычайный страхъ сопровождаются пронзительными вскрикиваніями. Въ пѣніи мы почти не встрѣчаемъ тѣхъ нотъ, которыми мы говоримъ; въ немъ встрѣчаются болѣе высокія и низкія ноты, а самые страстные эффекты выражаются двумя концами гаммы, особенно же верхнимъ.

Это соображеніе Спенсера, какъ кажется, прекрасно иллюстрируется данными современнаго состоянія музыки у народовъ разныхъ культуръ. Въ то время, какъ у высокоцивилизованныхъ расъ, съ ихъ совершенною рѣчью, способною выражать самыя незначительныя оттѣнки душевнаго состоянія, мы встрѣчаемъ даже такія вокальныя произведенія, въ которыхъ части идутъ почти сплошь въ однихъ среднихъ регистрахъ, — музыка кафровъ, наприм., по свидѣтельству Шутера (Shooter), представляетъ собою рядъ рѣзкихъ контрастовъ и внезапныхъ переходовъ съ самыхъ высокихъ къ самымъ низкимъ звукамъ. Шутеръ присовокупляетъ къ сказанному, что этотъ приѣмъ въ пѣніи чрезвычайно распространенъ не въ одной только Землѣ Кафровъ. Любопытно отмѣтить здѣсь и тотъ фактъ еще, что среди немногихъ и крайне простыхъ инструментовъ кафра видное мѣсто занимаетъ свистокъ, потому именно, что онъ выдается изъ хора даже кафрскихъ пѣвцовъ, для которыхъ пѣсня не будетъ пѣсней, если ее не пѣть во всю мощь легкихъ.

Интервалы рѣчи стоятъ въ тѣсной связи съ діапазономъ голоса: спокойная рѣчь монотонна; голосъ не переходитъ далѣе 2—3 нотъ выше или ниже средней ноты; душевное волненіе употребляетъ квинты, октавы и большіе интервалы, которые увеличиваются пропорціонально усилению мускульнаго приспособленія, т.-е. по мѣрѣ увеличенія нервнаго возбужденія. Возвращеніе къ среднимъ нотамъ всегда обозначаетъ уменьшающееся душевное волненіе.

Пѣніе выводитъ эти интервалы иногда далеко за предѣлы естественнаго выраженія душевнаго волненія и преувеличиваетъ его, какъ преувеличиваетъ естественный языкъ душевнаго волненія въ силѣ, тембрѣ, діапазонѣ и *быстротѣ переходовъ*. Подъ этимъ послѣднимъ терминомъ въ рѣчи Спенсеръ разумѣетъ измѣнчивость діапазона въ случаяхъ душевнаго волненія, которая въ пѣніи достигаетъ высшей степени.

Аналогіи эти и соображенія, построенныя на нихъ Спен-

серомъ, получаютъ еще большую убѣдительность, если мы присоединимъ къ нимъ слѣдующія данныя.

Во-первыхъ, процессъ рѣчи, въ составъ которой входятъ нѣкоторые ингредіенты музыкальной природы, каковы голосъ и интонація, возникаетъ въ томъ отдѣлѣ головного мозга, который тѣсно связанъ и близко расположенъ къ центрамъ музыкальныхъ способностей, имѣя съ этими послѣдними нѣкоторые общіе элементы анатомио-физиологическаго субстрата; и во-вторыхъ, устройство механизма большихъ полушарій головного мозга до крайнихъ предѣловъ облегчаетъ связь между отдѣльными его частями. |

Изъ перечисленныхъ данныхъ мы получаемъ право заключить, что то, что мы считаемъ отличительными чертами пѣнія, представляетъ просто свойства взволнованной рѣчи. Особенности разговорнаго голоса, обусловливаемыя тѣмъ или другимъ характеромъ нервнаго волненія, перешли въ пѣніе и доведены имъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Отъ изложенныхъ соображеній, которыя достаточно убѣдительно независимо отъ другихъ, перейдемъ теперь къ даннымъ исторіи музыкальнаго искусства.

Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ справкамъ въ этой области знанія, необходимо сказать, что изъ всѣхъ искусствъ древности: скульптуры, живописи, музыки—эта послѣдняя извѣстна намъ менѣе другихъ. Мы не знаемъ, какъ играли музыканты на различныхъ инструментахъ, которыхъ изображенія находимъ на фрескахъ и папирусахъ древняго Египта; мы не знаемъ, какъ пѣли хоры во время религиозныхъ празднествъ и торжественныхъ процессій.

Нельзя, повидимому, сомнѣваться въ томъ, на примѣръ, что греки заимствовали музыку у египтянъ. Чаппель *) утверждаетъ, что прототипъ всякаго греческаго инструмента можно прослѣдить въ Египтѣ. Мы знаемъ, что Европа эпохи Возрожденія получила кое-что для своей музыки изъ

*) Chappell. «The history of music». V. I, 1874.

греческихъ источниковъ. Но какъ, когда, въ какія эпохи, въ какой послѣдовательности выражалось это вліяніе, — въ этомъ, какъ оно и само собою понятно, остается еще очень и очень много и спорнаго, и темнаго.

А. Г. Рубинштейнъ въ своей книгѣ: „Музыка и ея представители“ — утверждаетъ даже, что время до второй половины XVI вѣка надо считать „доисторическимъ“, „такъ какъ о музыкѣ древнихъ евреевъ, грековъ и римлянъ мы ничего не знаемъ, или же намъ извѣстенъ только научный ходъ“; того же мнѣнія держится онъ и по отношенію къ музыкѣ отъ начала христіанской эпохи до вышеуказаннаго времени, т.-е. до второй половины XVI столѣтія.

Мы не станемъ поэтому долго останавливаться на этой сторонѣ предмета; оставимъ въ сторонѣ музыку древней Индіи и Египта и ограничимся лишь тѣмъ, что извѣстно наиболѣе достовѣрно. Начнемъ съ періода, который открывается греческой музыкой и доставляетъ намъ, какъ увидимъ, не лишенный интереса матеріалъ.

Греческая музыка прежде всего доказываетъ намъ, что искусство это на первыхъ шагахъ своего развитія идетъ не впереди рѣчи, а за нею. Наиболѣе древнія поэмы грековъ, состоявшія изъ религіозныхъ легендъ, которыя сами излагались языкомъ, свидѣтельствующимъ о возбужденномъ чувствѣ, сколько извѣстно, пѣлись, а не повѣствовались; причемъ пѣніе это, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей вопроса, скорѣе соотвѣтствовало нашему речитативу, чѣмъ пѣнію. Въ основѣ этого предположенія лежитъ фактъ, что на древней лирѣ грековъ имѣлось только четыре струны. Играли на ней въ унисонъ съ голосомъ, который такимъ образомъ былъ ограниченъ четырьмя тонами. Если это было дѣйствительно такъ, то несомнѣнно, что пѣніе древнихъ грековъ было менѣе удалено отъ обыкновенной рѣчи, нежели нынѣшнее.

Открытія памятниковъ древне-греческой музыки за послѣдніе годы: сначала надписи Сейкила и отрывка хора изъ Еврипидова Ореста, а потомъ отрывковъ гимновъ Аполло-

ну Дельфійскому *) мало въ чемъ измѣняютъ соображенія, высказанныя ранѣе этихъ открытій о древне-греческой музыкѣ, съ интересующей насъ точки зрѣнія.

Сравненіе гимна Аполлону съ пѣсней Сейкила устанавливаетъ между прочимъ фактъ отсутствія въ первомъ изъ нихъ обозначеній музыкальныхъ ритмическихъ долготъ. По мнѣнію однихъ, это обстоятельство указываетъ на большую древность гимна; по мнѣнію другихъ, фактъ этотъ, какъ и самая простота ритма, — объясняются *полною зависимостью ритма музыки отъ ритма стихотворнаго.*

Послѣднее соображеніе является и весьма вѣроятнымъ, и вполне согласнымъ съ указанными выше соображеніями вообще **).

Въ какомъ отношеніи стоитъ музыка первыхъ вѣковъ христіанства къ музыкѣ греческой, сказать трудно: весьма вѣроятно, что она не осталась внѣ вліянія послѣдней.

Первыя пѣвческія школы основаны папою Сильвестромъ въ IV вѣкѣ. Школы эти доставляли пѣвчихъ для хора, которымъ сопровождалось богослуженіе.

Музыкальное искусство этого времени (мы говоримъ собственно о церковномъ пѣніи) представляетъ поучительную, съ нашей точки зрѣнія, картину его постепеннаго развитія. Дѣло въ томъ, что Амвросій (епископъ Миланскій въ IV в.), установившій для церковныхъ мелодій четыре лада, ритмъ пѣнія ставилъ въ зависимость отъ долготы и краткости слоговъ текста, тогда какъ Григорій Великій ввелъ пѣніе изъ тоновъ одинаковой ритмической продолжительности. Оно получило

*) Гимнъ Аполлону высѣченъ на каменныхъ плитахъ и представляетъ собою, какъ полагаютъ, самый древній памятникъ древне-греческой музыки; Вейль (Bull. de correspondance hellenique. XVII, 1893) относитъ этотъ памятникъ къ II—III в. до Р. Хр.

***) Что представляетъ собою музыка гимна съ точки зрѣнія нашего понятія объ искусствѣ, это съ достаточной ясностью можно видѣть изъ отрывка гимна, приведеннаго въ приложеніи № 1 къ настоящей статьѣ.

С. Буличъ («Дельфійскія музыкальныя находки». Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ., янв. 1895 г.), изъ статьи котораго мы заимствуемъ этотъ отрывокъ, справедливо замѣчаетъ о хроматической части гимна, что это „довольно безцѣльное блужданіе по ступенямъ хроматической гаммы“.

вслѣдствіе этого названіе *cantus planus* (plein-chant) и вытѣснило въ концѣ-концовъ амвросіанское пѣніе.

Мы видимъ такимъ образомъ, что должно было пройти много времени прежде, чѣмъ музыкальный ритмъ получилъ наконецъ независимость отъ ритма текста; легко понять изъ этого факта, что раньше этого музыка, какъ искусство, основанное на музыкальномъ чувствѣ, не могла получить и своего самостоятельнаго, независимаго развитія, что только при этой независимости отъ долгихъ и короткихъ слоговъ мелодія становилась въ условія, при которыхъ оказывалось возможнымъ передавать ея извѣстныя чувства, извѣстныя настроенія.

Первымъ шагомъ на этомъ пути явилась колоратура, т.-е. мелодическія фигуры, исполнявшіяся на одной гласной слога. Такія фигуры вначалѣ назывались „пневмами“. Онѣ выражали въ музыкальной формѣ возбужденное извѣстнымъ образомъ чувство, которое выходило за предѣлы, доступныя слову.

Что представляла собою, однако, эта музыка, объ этомъ можно судить по тому, между прочимъ, что Шутеръ, говоря о современной намъ музыкѣ зулусовъ, утверждаетъ, что они очень искусно поютъ въ унисонъ и что внутреннее достоинство этого пѣнія легко можетъ себѣ представить тотъ, кто хорошо знакомъ съ большими старыми грегорианскими гимнами, такъ долго остававшимися въ неизвѣстности.

Приводя это мнѣніе, мы отнюдь не настаиваемъ на его точности, но самый фактъ такого сближенія, сдѣланный человѣкомъ, пишущимъ не исторію музыки, а *между прочимъ* дающимъ описаніе музыки дикарей Африки и подыскивающимъ примѣры для ея характеристики, на нашъ взглядъ, высоко поучителенъ,—особенно принимая во вниманіе тѣ заключенія, къ которымъ приведутъ насъ данныя, вытекающія изъ сопоставленія музыки нѣкоторыхъ не культурныхъ расъ Азіи и Африки между собою.

Много лѣтъ спустя, послѣ цѣлаго ряда попытокъ выдаю-

щихся музыкальныхъ талантовъ, является наконецъ многоголосная музыка, о существованіи которой мы узнаемъ лишь около X столѣтія. Интересно, однако, что, несмотря на указанные прогрессивные шаги въ музыкальномъ искусствѣ, въ музыкѣ миннезингеровъ XII—XIII столѣтій мы продолжаемъ встрѣчать *стремленіе подчинить музыку слову*.

Не будемъ слѣдовать далѣе за ходомъ развитія музыки. Скажемъ кратко, что многоголосная музыка, первоначально грубая и некрасивая, въ концѣ-концовъ положила начало, съ одной стороны, оперѣ, для которой въ 1637 г. былъ созданъ первый оперный театръ въ Венеціи, а съ другой, — чисто инструментальной, сонатной формѣ музыки. Эта послѣдняя форма музыкальныхъ произведеній легла въ основаніе концертовъ, тріо, квартетовъ, симфоній и увертюръ нашего времени.

Таковъ въ немногихъ словахъ длинный, поражающій своею медленностью путь развитія музыки. Въ его цѣломъ, какъ бы ни были спорны нѣкоторые частные пункты, онъ несомнѣнно доказываетъ намъ, что музыкальное искусство въ своей исторіи развитія пережило три ясно обособленныхъ, хотя и связанныхъ между собою безчисленными переходами, эпохи:

во 1-хъ, эпоху, когда музыкальный звукъ служилъ только дополненіемъ къ слову (какъ краски въ статуяхъ), отъ котораго онъ получалъ и значеніе, и смыслъ;

во 2-хъ, эпоху, когда музыкальный звукъ достигаетъ, наконецъ, такой самостоятельности, при которой слово и музыка идутъ рядомъ, составляя два борющихся элемента, какъ мы это съ особенною наглядностью видимъ въ нашей оперѣ, гдѣ драма то побѣждаетъ мелодію, то въ свою очередь побѣждается ею;

наконецъ, въ 3-хъ, — эпоху высшаго развитія искусства, когда музыкальный звукъ, освобожденный отъ слова, въ инструментальной музыкѣ находитъ свое высшее выраженіе и проявленіе. Не трудно видѣть, что эти данныя составляютъ новый, и весьма убѣдительный, аргументъ въ пользу

того заключенія, которое было высказано Спенсеромъ на основаніи аналогіи особенностей характера рѣчи, съ одной стороны, и музыки, съ другой.

Данныя исторіи въ свою очередь удостовѣряютъ, что музыка, какъ искусство, получила свое начало отъ рѣчи, что вокальная музыка, представляя собою доведенный до крайнихъ предѣловъ языкъ волненія, явилась раньше музыки инструментальной, которая, представляя наибольшее уклоненіе отъ своего источника, могла явиться лишь гораздо позднѣе и которая служить самымъ совершеннымъ выраженіемъ этого искусства.

Третьею группой фактовъ, которыми устанавливается генезисъ музыки, какъ искусства, являются тѣ изъ нихъ, которые почерпаются изъ изученія современнаго намъ состоянія музыки у разныхъ народовъ.

Свѣдѣнія о музыкѣ дикарей собраны многочисленными путешественниками, которые записывали слышанныя ими мелодіи и привозили образчики разныхъ инструментовъ. Свидѣтельства ихъ, говоря вообще, сводятся къ тому, что музыка дикарей монотонна и въ силу этой монотонности гораздо ближе стоитъ къ обыкновенной рѣчи, нежели пѣсни образованныхъ расъ.

Мы не станемъ, конечно, останавливаться на перечнѣ всѣхъ свѣдѣнныхъ въ этомъ отношеніи наблюденій: каждое новое путешествіе приноситъ новый запасъ ихъ, и всѣ вмѣстѣ они приводятъ насъ еще разъ къ заключенію, что первой формой музыкальнаго искусства было не что иное, какъ рѣчь въ состояніи волненія.

Для нашей цѣли достаточно будетъ указать нѣсколько примѣровъ, которые мы заимствуемъ изъ описаній быта лопарей, эскимосовъ, вогуловъ, монголовъ, киргизовъ и нѣкоторыхъ дикарей Африки.

Музыку вогуловъ г. Сорокинъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ отдѣлу антропологии и этнографіи при Казанскомъ Обществѣ естествоиспытателей (см. Труды Общ. ест. при Импер. Казан. унив., т. III, № 4) описываетъ такимъ образомъ.

Пѣніе вогуловъ нерѣдко сопровождается оригинальнымъ инструментомъ—*шангурой*. Это «небольшая коробка въ видѣ лодки; дно ея кругло, верхняя часть задѣлана дѣкой, въ которой проверчено нѣсколько отверстій, и, наконецъ, надъ дѣкой протянуто пять металлическихъ заржавѣлыхъ струнъ, настраивающихся посредствомъ натягиванія на колки, помѣщенные на суженной части инструмента. Каждая струна настраивается на *цѣлый* тонъ выше сосѣдней: такъ наприм., если крайняя издаетъ звукъ *do*, то вторая будетъ *re*, третья *mi*, четвертая *fa*, пятая—*sol*.” (Здѣсь, очевидно, описка, такъ какъ между *mi* и *fa* $\frac{1}{2}$ тона, а не цѣлый тонъ).

„Что же касается до игры на шангурѣ“, — читаемъ мы далѣе у г. Сорокина, — „то у вогуловъ требуется только *извлеченіе звуковъ*, не заботясь о томъ, выходитъ ли какая-нибудь мелодія или нѣтъ. Сколько я ни вслушивался, больше пяти звуковъ, соответствующихъ струнамъ, въ мотивѣ не слышится. Правая рука играющаго перебираетъ попеременно струны, лѣвая бьетъ концами пальцевъ такъ, какъ у насъ это дѣлается во время игры на балалайкѣ. Весьма часто получаютъ такіе ужасные диссонансы, что хочется заткнуть уши» (стр. 33).

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «Содержаніе пѣсень предоставляется благоусмотрѣнію поющаго. Начиная пѣть, вогуль не знаетъ еще, о чемъ онъ будетъ пѣть, и сводитъ обыкновенно на какой-нибудь случай изъ своей охоты. Это еще не значить, чтобы воспѣвались особенные, выходящіе изъ ряда обыкновеннаго, случаи. Вовсе нѣтъ. Поется, что вотъ, моль, я нашель и убилъ медвѣдя, или сохатаго.»

Послѣ сказаннаго становится совершенно понятной общая оцѣнка авторомъ пѣнія вогуловъ, по которой оно «*есть скорѣе речитативъ съ пониженіемъ и повышеніемъ голоса въ нѣкоторыхъ мѣстахъ*». Заключение, съ точки зрѣнія, насъ интересующей, очень поучительное, какъ видитъ читатель, принимая во вниманіе, что оно сдѣлано не музыкантомъ и безъ всякой предвзятой мысли, на основаніи одного лишь собраннаго авторомъ сырого матеріала.

Музыка *киргизовъ* представляет собою пѣсню нескончаемую и заунывную, состоящую, большею частью, изъ безпорядочно слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ. Киргизы, по свидѣтельству А. Самсонова*), какъ и монголы, по свидѣтельству Пржевальскаго**), воспѣваютъ то, что ихъ въ данный моментъ занимаетъ изъ предметовъ ихъ быта и обстановки. Отсюда само собою понятно, что пѣніе ихъ большею частью представляет собою импровизацію, если можно назвать этимъ именемъ безпорядочное блужданіе по всѣмъ тонамъ гаммы.

Для нашей цѣли особенно интереснымъ является слѣдующее мѣсто изъ «Записокъ о приключеніяхъ у киргизъ-кайсаковъ въ 1803 и 1804 гг.» С. Большого***).

«Сколь забавно слушать,—говоритъ онъ,—когда изрядный говорунъ продолжительную свою и довольно жаркую рѣчь въ народномъ собраніи прерываетъ пѣніемъ, или, напротивъ того, хорошей пѣсенникъ искусно вкладываетъ въ свою пѣсню довольно длинную рѣчь или отборные стихи, которые поетъ или говоритъ безъ всякаго приготовленія».

На нашъ взглядъ, фактъ этотъ представляетъ отличную иллюстрацію къ положенію о томъ, что музыка явилась первоначально какъ языкъ повышеннаго волненія. Человѣкъ, возбужденный общимъ вниманіемъ и предметомъ своей рѣчи, находитъ простое слово недостаточнымъ средствомъ для передачи своего настроенія: ему мало словъ для того, чтобы разрѣшить свое собственное нервное возбужденіе, и онъ переходитъ отъ рѣчи къ речитативу, отъ речитатива къ пѣснѣ.

Едва ли можно сомнѣваться, что обратное явленіе въ своей основѣ имѣетъ тѣ же причины, слѣдующія на этотъ разъ въ обратномъ порядкѣ.

Пѣсни *лопарей*, по единогласному свидѣтельству изслѣдо-

*) «Очерки сибирскихъ киргизовъ».

**) «Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки.»

***) «Сынъ Отечества» 1822 г., чч. 76, 77 и 80. Авторъ этой статьи, въ качествѣ врача, принималъ участіе въ экспедиціи 1802 г. въ Бухару.

вателей, чрезвычайно монотонны и рѣшительно непріятны для нашего слуха. Одинъ изъ такихъ изслѣдователей сравниваетъ ихъ съ лаемъ и воемъ собакъ. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ подобнаго рода пѣсняхъ, часто нѣтъ именно того, что является непремѣннымъ условіемъ нашего представленія о пѣснѣ, какъ объ *опредѣленнои*, послѣдовательномъ рядѣ музыкальныхъ звуковъ,—нѣтъ мелодіи. В. Немировичъ-Данченко говоритъ, что «лопарская пѣснь чрезвычайно напоминаетъ переливаніе воды въ ручьѣ, тихое журчаніе потока». Она, если не всегда, то большею частью, представляетъ собою просто рядъ беспорядочныхъ повышеній и пониженій звуковъ.

Совершенно подобное же явленіе мы встрѣчаемъ, наприм., у готтентотовъ. Вотъ что говоритъ о музыкѣ этихъ дикарей путешественникъ Le Vaillant.

«У дикихъ готтентотовъ есть инструментъ, называемый *ура*, — соединеніе струннаго съ духовымъ. На немъ, впрочемъ, дикари не могутъ сыграть настоящаго мотива, а извлекаютъ изъ него лишь нѣкоторые рѣзкіе звуки».

Обстоятельство, кстати сказать, весьма интересное для вопроса о томъ, поскольку о музыкѣ древнихъ народовъ мы можемъ судить на основаніи рисунковъ или иныхъ изображеній ихъ инструментовъ.

„Меня очень забавляло смотрѣть“, продолжаетъ путешественникъ, „какъ по цѣлымъ часамъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, Джонъ, восхищалъ своихъ слушателей своей игрой на этомъ инструментѣ. Они восклицали: превосходно! очаровательно! Еще! Еще! Онъ начиналъ снова, но *каждый разъ совершенно другое*, потому что, какъ я сказалъ, эти дикари не могутъ составить на этомъ инструментѣ правильнаго мотива, такъ какъ звуки являются только результатомъ случайности или качества одной изъ частей инструмента, называемой *киллъ* (Quill)“.

Не слѣдуетъ думать, конечно, чтобъ у названныхъ народовъ не было опредѣленно чередующихся тоновъ пѣсни, т.-е. музыкальной формы, напоминающей мелодію. Поетъ

ли лопарь, изливаетъ ли свое горе въ пѣснѣ эскимось, котораго описалъ Кэнъ *), поетъ ли дикарь Африки или Азіи,—мы слышимъ или такъ называемую, «импровизацію», вродѣ лопарской, готтентотской, или безконечное повтореніе 4—5 нотъ въ одной послѣдовательности.

Швейнфуртъ **), посѣтившій страну Монбутту, даетъ намъ между прочимъ очень поучительный мотивъ одной изъ ихъ пѣсень ***).

Коснувшись африканскихъ номадовъ, кстати будетъ упомянуть, что, по свидѣтельству того же Швейнфурта, пѣсни профессиональныхъ пѣвцовъ страны «Ньямъ-Ньямъ, которыми они встрѣчаютъ чужеземцевъ, представляютъ собою не болѣе, какъ *речитативъ*». Пѣвцы эти встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ Африки, вслѣдствіе чего Беккеръ и другіе путешественники называютъ ихъ миннезингерами этой части свѣта.

Можно было бы увеличить число приведенныхъ примѣровъ множествомъ другихъ, совершенно однородныхъ; но и приведенныхъ совершенно достаточно для нашей цѣли, т.-е. для того, чтобы на основаніи данныхъ о состояніи музыки у современныхъ намъ номадовъ заключить, что рѣчь была источникомъ речитатива, и послѣдній въ свою очередь — источникомъ вокальной музыки.

Нѣтъ надобности говорить о томъ разумѣется, что не у всѣхъ некультурныхъ расъ музыка стоитъ на такомъ низменномъ уровнѣ, на какомъ мы ее встрѣчаемъ у вогуловъ, или, наприм., у лобъ-норцевъ, которые, по свидѣтельству Пржевальскаго (Ibid., стр. 313), очень рѣдко поютъ свои заувывные мотивы и вовсе не имѣютъ инструментовъ. Есть расы, у которыхъ музыка достигла, говоря относительно, очень высокаго развитія. Сосѣди лобъ-норцевъ—*мачинцы*, по свидѣтельству того же Пржевальскаго (стр. 427), страстные любители музыки. У нихъ есть цѣлый рядъ музыкальныхъ

*) «Путешествіе и открытія второй Гринельской экспедиціи».

**) «Путешествіе въ Центральную Африку».

***) См. Приложение № 2-й.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.

Музыкальное приложение №1, состоящее из шести стaves нотной записи. Ключевая подпись: два flats (B-flat, E-flat). Такт: 3/8. Музыка начинается с ритмической фигуры на первом стave, за которой следуют более мелодичные линии. В конце музыка завершается двойными чертами.

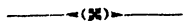
ПРИЛОЖЕНИЕ №2.

Музыкальное приложение №2, состоящее из одного стave нотной записи. Ключевая подпись: два flats (B-flat, E-flat). Такт: 3/8. Музыка начинается с ритмической фигуры, за которой следуют более мелодичные линии. В конце музыка завершается двойными чертами. В конце нотной записи написано «и.т.д.».

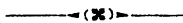
ПРИЛОЖЕНИЕ №3.

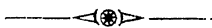
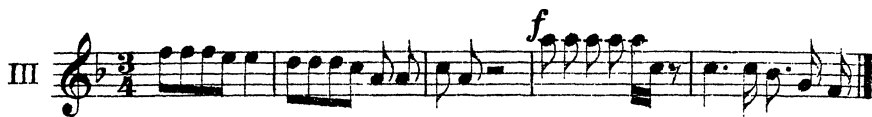
Музыкальное приложение №3, состоящее из двух стaves нотной записи. Ключевая подпись: один sharp (F#). Такт: 2/4. Музыка начинается с ритмической фигуры, за которой следуют более мелодичные линии. В конце музыка завершается двойными чертами.

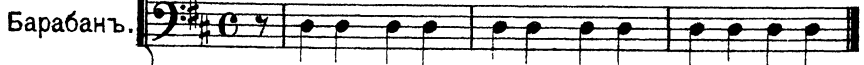
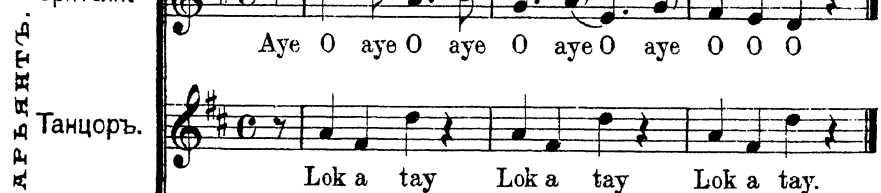
Живо.

Музыкальное приложение №3, состоящее из трех стaves нотной записи. Ключевая подпись: один sharp (F#). Такт: 2/4. Музыка начинается с ритмической фигуры, за которой следуют более мелодичные линии. В конце музыка завершается двойными чертами. В начале второго стave написано «Живо.» и «f». В начале третьего стave написано «p».

ПРИЛОЖЕНИЕ №4.

ВАРЪЯНТЪ.

инструментовъ, частью такихъ же, какъ и у другихъ туркестанцевъ, частью своихъ оригинальныхъ. Мы знаемъ музыкально одаренныя расы дикарей, какими являются, на прим., негры съ ихъ богатой (говоря относительно, разумѣется) музыкальной творческой литературой, если къ ихъ музыкѣ позволительно приложить этотъ терминъ. Даже у кафровъ, по свидѣтельству Шутера, имѣются пѣсни, представляющія нѣчто вродѣ длинныхъ мелодій *).

У Бушменовъ, по свидѣтельству Бурчеля (Burchell) напѣвъ, сопровождающій танцы, представляетъ даже нѣчто, напоминающее многоголосное пѣніе. Напѣвъ этотъ складывается изъ пѣнія зрителей, которые отбиваютъ тактъ, хлопая въ ладоши или ударяя палкой по землѣ, и пѣнія танцора, повторяющаго слоги *ва-ва-ку*. То и другое сопровождается аккомпанементомъ барабана, при чемъ зрители непрерывно повторяютъ гласныя *e, o*, на первой буквѣ раздѣляя руки, на второй хлопая въ ладоши. Этотъ напѣвъ очень нравится туземцамъ, и у многихъ южно-африканскихъ дикарей мы встрѣчаемъ нѣчто подобное съ различіемъ въ ритмѣ и тонахъ **).

Такіе сложные напѣвы не только не представляютъ явленія непонятнаго, но странно было бы, если бы такихъ явленій не существовало. Не подлежитъ сомнѣнію, конечно, что исторія развитія искусства у дикарей шла такъ же медленно, и, вѣроятно, неизмѣримо медленнѣе, чѣмъ она шла въ Европѣ, что это развитіе подлежало тѣмъ же законамъ, по которымъ совершилось оно въ Европѣ. Но итоги, къ которымъ привело это развитіе, оказались различными по множеству причинъ, изъ которыхъ большая часть намъ остаются пока неизвѣстными ***).

*) Въ приложеніи № 3-й приведены четыре такихъ мелодіи, которыя исполняются по-кафрски, т.-е. выкрикиваются во всю силу легкихъ.

**) См. приложеніе № 4-й.

***) Вотъ почему при оцѣнкѣ степени совершенства музыкальнаго искусства той или другой страны мы едва ли имѣемъ право подходить къ ней съ точки зрѣнія нашей современной музыки, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, или пытаются дѣлать, путешественники. При изученіи разныхъ стадій развитія явленій надо слѣдовать не путемъ освѣщенія ихъ сверху, т.-е. съ вершины

Только-что изложенное даетъ намъ право вслѣдъ за Спенсеромъ утверждать, что „какъ изъ разсказовъ и легендъ дикихъ, выраженныхъ въ свойственномъ имъ метафорическомъ, аллегорическомъ стилѣ возникла эпическая поэзія, изъ которой впоследствии развилась лирическая, такъ изъ возбужденныхъ тоновъ и удареній голоса, какими произносились эти разсказы и легенды, произошло пѣніе или речитативная музыка, изъ которой выросла позднѣе лирическая музыка“.

Другими словами, факты третьей категоріи, имѣющіе въ виду музыку современнаго человѣчества, приводятъ насъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ которымъ мы были приведены по разсматриваемому вопросу первыми двумя группами данныхъ: аналогіей особенностей рѣчи съ особенностями вокальной музыки и данными исторіи развитія музыкальнаго искусства.

Въ виду изложеннаго мы считаемъ себя вправе полагать, что въ той эпохѣ, которая предшествовала членораздѣльной рѣчи, нельзя искать источниковъ генезиса музыки, какъ искусства. Въ способности издавать голосовые звуки, которая не заключала въ себѣ ни одного изъ элементовъ этого искусства (ритма, мелодіи и гармоніи), а являлась только физиологическимъ (рефлекторнымъ) путемъ разрѣшенія нервнаго возбужденія при радости, боли, гнѣвѣ, ужасѣ и т. п.,—мы не можемъ видѣть генезиса музыкальнаго искусства, какъ не можемъ видѣть въ грудѣ кирпича и желѣза элементовъ и источниковъ архитектуры будущаго храма. Мы полагаемъ

европейскаго искусства, совершившаго свой путь въ иныхъ, частью исключительныхъ условіяхъ, а путемъ *сравнительнаго метода* изслѣдованія, параллельно съ методомъ историческимъ. Тогда не было бы длиннаго ряда гадательныхъ и бесплодныхъ соображеній о „гармоніи“, составляющей основу пѣсней дикарей, не имѣющихъ никакого понятія о тональностяхъ; не было бы въ такой же степени длинныхъ разсужденій о музыкѣ дикихъ народовъ по ихъ инструментамъ, которыхъ строй можетъ представлять болѣе или менѣе полную гамму и въ то же время имѣть почти такое же отношеніе къ гаммѣ, составляющей основу европейской музыки, и къ европейскому искусству, какое имѣетъ къ нему хроматическая гамма обезьяны.

поэтому, что Спенсеръ, принимающій за моментъ возникновенія музыки, какъ искусства, эпоху, совпадающую съ возникновеніемъ членораздѣльной рѣчи, ближе къ истинѣ, чѣмъ Дарвинъ и Вейсманнъ.

Г л а в а I V.

Вмѣсто заключенія.

Изложеннымъ въ предшествующихъ главахъ мы могли бы и кончить настоящую статью о генезисѣ и развитіи музыкальнаго искусства, если бы въ связи съ послѣднею группою фактовъ намъ не могли поставить, въ видѣ возраженія, нижеслѣдующаго вопроса: если человѣкъ каменнаго вѣка, какъ это выходитъ изъ приведенныхъ выше соображеній, дѣйствительно обладалъ тѣми же средствами производить и воспринимать музыку, какими располагаетъ современный намъ членъ культурнаго общества, то почему же среди дикарей не было, и нѣтъ, Бетховена, Баха и Шопена? Почему дикари не пишутъ симфоній? Почему потребовались вѣка для того, чтобы музыкальное искусство было наконецъ создано человѣкомъ, хотя онъ и обладалъ для этого отъ природы готовыми слуховыми и мускульными средствами въ эпоху еще доисторическую?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является вся совокупность данныхъ настоящей статьи, доказывающихъ, что музыка, какъ искусство, не только явилась позднѣе рѣчи и первые шаги своего развитія совершила подъ вліяніемъ послѣдней, но еще и то, что пройдя этотъ длинный и многотрудный періодъ развитія, достигнувъ наконецъ полной самостоятельности, она представляетъ собою въ каждомъ данномъ случаѣ у каждой данной расы лишь то, на что дѣлалъ ее способной вынесенный изъ пройденнаго на этомъ пути развитія матеріалъ.

Вейсманнъ говоритъ по поводу поставленныхъ выше вопросовъ слѣдующее.

„Предположимъ, что среди какого-нибудь первобытнаго народа,—возьмемъ хоть обитателей острова Самоа,—родил-

ся ребенокъ съ громаднымъ талантомъ Моцарта въ то время, когда европейская цивилизація не коснулась еще этого народа; могъ ли бы этотъ ребенокъ, выросши, сочинять квартеты для струнныхъ инструментовъ и симфоніи?—Конечно, нѣтъ. Самоасскій Моцартъ такъ же не былъ бы въ состояніи сочинять симфоніи, какъ физикъ древности, наприм., Архимедъ, не могъ бы устроить динамоэлектрической машины, употребляемой въ наше время для передачи силы, или производства электрическаго свѣта“.

Другими словами, первая причина, по которой дикари, обладая слуховыми и мускульными средствами для воспроизведенія музыки, не имѣютъ музыкальнаго искусства, заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ для этого надлежащаго знанія, наученія и опыта.

Но это еще не все. Высказавъ приведенныя соображенія, Вейсманнъ задается слѣдующимъ вопросомъ:

Можемъ ли мы, однако, дѣйствительно предполагать, что первобытные люди самой отдаленной эпохи обладали одинаковыми музыкальными способностями съ современнымъ человѣкомъ? Возможно ли думать, что въ эти первобытныя времена рождались люди, которые, если бы прошли одну изъ современныхъ музыкальныхъ школъ, слѣлались бы Гайднами, Моцартами, Бетховенами, или даже просто хорошими музыкантами нашего времени?

Мнѣ думается,— отвѣчаетъ авторъ,— что допустить этого нельзя, по той простой причинѣ, что для того, чтобы понимать высшую современную музыку, намъ нужно нѣчто другое, кромѣ музыкальнаго аппарата въ нашемъ ухѣ, кромѣ упражненія и наученія. Это *нѣчто другое*, составляющее первоначальное и необходимое для пониманія музыки, „*есть впечатлительная и высоко развитая душа*“.

Если бы, продолжаетъ авторъ, былъ уничтоженъ весь разумъ со всѣми его элементами: воображеніемъ, фантазіей, волей и индивидуальнымъ сознаніемъ, то уничтожились бы и музыкальныя чувствованія; вызванныя въ слуховой сферѣ, они не могли бы быть восприняты, такъ какъ не существо-

вало бы познающаго ихъ элемента. Для этой послѣдней цѣли недостаточно одной только слуховой сферы; необходимо еще нѣчто, помѣщающееся за ней и воспринимающее путемъ ассоціаціонныхъ волоконъ музыкальные образы, которые ею составлены и которымъ она даетъ возможность дѣйствовать на человѣка. Если этотъ механизмъ разрушенъ, то никакіе музыкальные образы уже не воспринимаются болѣе. Изъ этого же въ свою очередь слѣдуетъ другое заключеніе, а именно: чѣмъ богаче одаренъ чувствованіями и мыслью человѣкъ, тѣмъ доступнѣе для него *при равенствѣ остальныхъ условій* воспріятіе и пониманіе художественныхъ красотъ полифонической музыки. Наоборотъ, когда мы имѣемъ дѣло съ мозгомъ относительно низшаго разряда, наприм., попугая, то хотя бы воспринимающій слуховой аппаратъ его и давалъ ему возможность слышать музыку, что доказывается тѣмъ, что попугай можетъ насвистывать цѣлыя аріи,—но съ этими звуками у него связано и не можетъ быть связано пониманія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и музыкальнаго ощущенія въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы его разумѣемъ, говоря о музыкальномъ искусствѣ.

Путемъ противопоставленія этихъ двухъ группъ фактовъ можно уяснить себѣ явленіе, въ силу котораго одинаковый слуховой аппаратъ, съ соотвѣтствующей ему слуховой сферой, долженъ производить совершенно различное впечатлѣніе на организацію въ зависимости отъ высшаго или низшаго ея разряда. Ни одно животное, на какой бы высокой ступени лѣстницы оно ни стояло, не можетъ имѣть представленія о художественныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, хотя бы мы въ продолженіе всей его жизни упражняли его ухо и слуховую сферу,—не можетъ потому, что за его слуховымъ аппаратомъ у него нѣтъ соотвѣтствующимъ образомъ организованнаго духа. Тождественное явленіе, только менѣе рѣзко выраженное, представляется и различными степенями развитія въ человѣчествѣ.

Если первобытный дикарь не обладалъ одинаковой съ нами психикой; если умъ его и все, что съ нимъ связано въ те-

ченіе вѣковъ и путемъ борьбы за существованіе, сдѣлалось острѣе и глубже, то способность его *понимать музыку* должна была съ теченіемъ времени тоже развиваться. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что между первобытными людьми не было неизвѣстныхъ намъ Бетховеновъ.

Негръ, о которомъ было упомянуто выше, могъ, обладая совершеннымъ органомъ слуха и музыкальной памятью, артистически *воспроизводитъ слышанное*, но онъ не написалъ, и не могъ написать, ничего подобнаго тому, что воспроизводилъ, подражая другимъ. Этого мало: исполняя въ совершенствѣ тѣ или другія музыкальныя пьесы, онъ не могъ понимать ихъ такъ, какъ понимаетъ ихъ музыкантъ-европеецъ, — не могъ именно потому, что музыкальное искусство не стоитъ особнякомъ, а находится въ неразрывной связи съ другими искусствами, — не могъ потому, что оно зависитъ не только отъ слуховой и воспроизводящей звуки сферъ, но стоитъ въ связи съ общимъ умственнымъ развитіемъ человѣка.

Вотъ почему Бетховенъ на вопросъ о смыслѣ его D-moll'ной и F-moll'ной сонатъ имѣлъ право отвѣчать: прочтите Шекспировскую Бурю. Вотъ почему Рубинштейнъ („Музыка и ея представители“) совершенно правъ, утверждая, что Бетховенъ могъ явиться только въ тотъ историческій моментъ, когда подготавливались величайшія историческія событія и европейская часть человѣчества переживала глубокое волненіе. Вотъ почему Шопенъ, этотъ гениальнѣйшій изъ музыкантовъ всѣхъ временъ и всѣхъ націй, могъ явиться лишь въ условіяхъ, которыя были созданы положеніемъ его родины: „онъ рассказалъ міру о быломъ ея величіи, о блескѣ и славѣ ея вождей и о ея трагическомъ концѣ“.

Но здѣсь уже мы выходимъ за предѣлы настоящей статьи, такъ какъ касаемся вопроса о средствахъ и задачахъ музыки, какъ искусства.

Объ этихъ вопросахъ мы побесѣдуемъ уже какъ-нибудь въ другой разъ.

Владиміръ Вагнеръ.

Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работникъ“.

I.

Я достаточно ясно сознаю разныя затрудненія задумываемаго мною анализа или, точнѣе сказать, попытки къ анализу, потому что предполагаю вести его съ точекъ зрѣнія, довольно чуждыхъ современной текущей литературѣ и господствующимъ въ ней приемамъ при оцѣнкѣ и объясненіи художественныхъ произведеній. Одно изъ ближайшихъ затрудненій, отъ котораго мнѣ предстоитъ остерегаться, состоитъ въ возможности самому увлечься *предвзятымъ предположеніемъ*, а именно—что въ послѣднее время гр. Толстой непременно грѣшитъ противъ истинной художественности уже въ силу одного того обстоятельства, что интересы моральной проповѣди гораздо ближе его душѣ, чѣмъ интересы искусства.

Но, къ счастью, при началѣ чтенія разсказа гр. Толстого намѣреніе мое *быть на-сторожѣ* противъ сейчасъ указаннаго предположенія случайно осуществлялось какъ бы само собою, безъ всякихъ усилій съ моей стороны. При чтеніи почти цѣлой *половины* разсказа: „Хозяинъ и работникъ“ *), у меня ни разу не мелькнула мысль, что въ этомъ разсказѣ скры-

---

*) Предупреждаю теперь же читателей, что я въ своей статьѣ исхожу изъ предположенія, что разсказъ гр. Толстого всѣмъ и каждому извѣстенъ, а потому мнѣ нѣтъ надобности излагать его содержаніе.

вается какая-либо моральная тенденція: я наивно увлекался деталями разсказа гр. Толстого. Но мало-помалу мнѣ стало казаться страннымъ, что гр. Толстой, не входя *in medias res*, ужъ слишкомъ долго и много *расплывается* въ разныхъ побочныхъ эпизодахъ, описаніяхъ и картинахъ, каковы, на примѣръ, описаніе Никиты и Мухортаго, разговоры перваго съ послѣднимъ или разговоры съ кухаркой и ея мужемъ, ласки Никиты и Брежунова къ сынишкѣ послѣдняго, подшучиваніе Брежунова надъ Никитою и пр. Безполезно замедляютъ также дѣйствіе, по-моему, черезчуръ растянутае описаніе дороги, встрѣчи съ мужиками или жалобы на нынѣшнюю молодежь хозяина, у котораго Брежуновъ пилъ чай въ Гришкинѣ; наконецъ, вовсе безполезное для развитія содержанія разсказа изображеніе Петрухи, который цитируетъ вызубренные и искажаемые имъ отрывки изъ Пульсона и т. д. — Все это начало дѣлать на меня такое впечатлѣніе, что какъ будто бы гр. Толстой, подобно еще молодому, хотя и талантливому, писателю, только-что овладѣвшему знаніемъ крестьянской рѣчи, крестьянскаго быта и образа мыслей, тѣшится и любитъ въ воспроизведеніи фантазіей этихъ своихъ пріобрѣтеній.

Но меня здѣсь кто-либо остановитъ вопросомъ: да имѣемъ ли мы право стѣснять художника какими-либо правилами или предписаніями *въ строеніи и составѣ* его образовъ, ихъ аксессуаровъ и деталей. Можемъ ли мы назначать ему, на чемъ онъ долженъ остановиться болѣе, на чемъ менѣе, когда и какъ онъ долженъ обнаружить свой *художественный замыселъ*, или, употребляя довольно обычное у эстетиковъ выраженіе: вскрыть „идею художника, воплощающуюся въ его образахъ“? На эти и подобные имъ вопросы я отвѣчу, что художникъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ необходимо зависитъ не отъ какихъ-либо произвольныхъ или даже эмпирически полезныхъ правилъ, а отъ самой *сущности* своего *художественнаго творчества*, которое осуществляется не произвольно и случайно, а только при опредѣленныхъ условіяхъ.

II.

Всякое художественное произведеніе въ основѣ своей имѣетъ сначала *безотчетный*, неясно сознаваемый, хотя и *соотвѣтствующій* природнымъ индивидуальнымъ влеченіямъ художника, образъ съ различными его принадлежностями, и притомъ непременно возбуждающій особыя эстетическія чувства или волненія *). Этимъ эстетическимъ придаткомъ актъ художественнаго творчества и отличается *существенно* какъ отъ акта теоретической мысли, какъ бы она ни была элементарна и смутно сознаваема и къ какой бы области знанія она ни принадлежала, такъ и отъ акта волевыхъ или этическихъ тенденцій и требованій. Эти чувства играютъ рѣшающую роль также и въ томъ, относимъ ли мы всякое уже *оконченное произведеніе* къ области *красоты*, или искусства, или къ области *истины*, или науки и философіи, или же къ области добра, *блага*, т.-е. этики, морали.

Теперь я попытаюсь *опредѣлить*, что такое *красота* или *прекрасное*.

Образъ *вообще* есть всегда *комплексъ*, и, въ большинствѣ случаевъ, очень сложный, изъ разныхъ ощущеній. Точно также и *художественный* образъ въ большинствѣ случаевъ есть сложный *комплексъ*, но уже не прямо изъ ощущеній, а точнѣе—изъ образовъ, такъ сопринадлежащихъ другъ съ другомъ, что они представляютъ цѣлую болѣе или менѣе обширную *систему*, члены которой связаны не логическими или моральными точками зрѣнія, а художественною фантазіей, направляемой эстетическими чувствами. Эта фантазія не разлагаетъ образа на его элементы и отдѣльныя ощущенія и не рефлектируетъ надъ ихъ сложеніемъ въ цѣлое съ точки зрѣнія категорій и научныхъ законовъ, а *въ непосредственной интуиціи рѣшаетъ* **) объ эстетической *сопринад-*

*) Само собою разумѣется, что я здѣсь вовсе не могу вдаваться въ свои эстетическія теоріи, и если касаюсь ихъ, то только въ той мѣрѣ, въ какой это неизбежно для основательности моего анализа произведенія гр. Толстого.

**) Актomъ *эстетическаго сужденія*: «это прекрасно».

лежности или *соответствіи* частей съ цѣлымъ и далѣе обѣ ихъ *художественной дѣйствительности*, которая вовсе не покрывается *научною дѣйствительностью*, составляющею результатъ научнаго *изслѣдованія послѣднихъ элементовъ или началъ*, изъ которыхъ состоятъ вещи, являющіяся намъ въ пространствѣ и времени. Значить, подѣ красотою нужно разумѣть такой *порядокъ, отношенія и связь вещей, данныхъ въ нашемъ воображеніи и фантазіи*, при которыхъ они, признаваемые во внутреннемъ опытѣ, возбуждаютъ особыя чувства, называемыя *эстетическими* *).

Но путь, который проходятъ художественные образы или ихъ системы отъ своего первоначальнаго возникновенія до полного осуществленія, далеко не краткій: первоначально возникшій образъ не представляетъ чего-либо прочнаго и твердо установленнаго. Напротивъ, онъ долго и постоянно *видоизмѣняется* въ своемъ *строеніи и составѣ*, при посредствѣ, съ одной стороны, текущаго опыта, а съ другой,—вспоминаній, такъ что въ болѣе полной его формѣ, устанавливающейся въ послѣдствіи, отъ первоначально возникнувшей остается только одинъ скелетъ, окончательно одѣвающійся, говоря фигурально, совершенно *новою* плотью и кровью (а иногда первоначальный замыселъ и совѣзмъ исчезаетъ, и художественное произведеніе или вовсе не осуществляется, или возникаетъ уже совершенно новое).

Но мало-по-малу эта игра фантазіи упорядочивается. Образъ или цѣлая система образовъ, постепенно слагающихся въ *художественное единство*, становится все устойчивѣе и устойчивѣе. Безсознательная дѣятельность уступаетъ при этомъ мѣсто сознательной. Художникъ въ своей работѣ руководится уже не только личной фантазіей и личнымъ опытомъ какъ текущаго, такъ и вспоминаемаго воспріятія, но и чужимъ опытомъ всѣхъ другихъ художниковъ, приведеннымъ въ научную систему, болѣе или менѣе широкую, смотря по степени образованія художника. Въ этихъ по-

*) Если подвести эти вещи подѣ общее понятіе явленія, то они образуютъ особый разрядъ, который можно назвать *эстетическими явленіями*.

слѣднихъ моментахъ дѣятельности художника у него является естественная и притомъ интенсивная потребность вполне изолировать въ своемъ сознаніи и *объективировать* свое же собственное произведеніе, оторвать свою систему образовъ отъ почвы, на которой она возникла, и поставить ее передъ своимъ умственнымъ взоромъ, какъ нѣчто данное извнѣ. Въ такомъ случаѣ, опять-таки совершенно естественно, что художникъ, уже сознательно рефлектируя надъ созданною имъ системою, ставитъ съ полною отчетливостью различные элементы ея въ разныя отношенія и порядки. Одни элементы понимаются, какъ самые главные, *центральные*, другіе—какъ второстепенные, служащіе только дополненіемъ и поясненіемъ первыхъ *).

III.

Надѣюсь, что всѣ сейчасъ приведенныя теоретическія соображенія даютъ мнѣ полное *право* на выраженный ранѣе вопросъ о художественномъ замыслѣ у гр. Толстого, а также и право считать себя неудовлетвореннымъ его произведеніемъ въ томъ случаѣ, если оно, не являясь *единымъ цѣлымъ* съ ярко выраженными центральными и дополнительными, такъ сказать, периферическими частями, только расплывается въ *отдельныхъ* частныхъ сценахъ и эпизодахъ. Такъ какъ рассказъ гр. Толстого принадлежитъ къ эпической поэзіи, въ которой обыкновенно различаются главныя дѣйствующія лица, или *герои* рассказа, и лица второстепенныя, то я свой вопросъ могу поставить и въ такой формѣ: указалъ ли намъ гр. Толстой, и какъ именно, на героевъ своего рассказа **).

Въ этомъ рассказѣ героевъ можно видѣть только въ Брехуновѣ и Никитѣ (вѣдь, не Мухортый же этотъ герой?). Итакъ,

---

*) Конечно, описанный мною процессъ развитія художественнаго образа у опытнаго художника (мастера), оставаясь тѣмъ же самымъ по существу, совершается легче и быстрѣе.

**) Конечно, названіе *героя* я не употребляю здѣсь въ смыслѣ лица, выдающагося своими высшими силами и достоинствами, а просто въ *техническомъ* смыслѣ, въ какомъ могутъ быть герои и водевиля, и фарса, и проч.

посмотримъ сперва на Брежунова! Гр. Толстой повѣствуетъ намъ о немъ, какъ о мироѣдѣ, деревенскомъ кулакѣ (Разуваевѣ). На стр. 5 *), напр., мы знакомимся съ тѣмъ, какъ онъ объегориваетъ и обсчитываетъ Никиту. Въ главѣ IV мы видимъ, какъ онъ, въ качествѣ кулака, пользуется извѣстнымъ почетомъ у окрестныхъ жителей. На стр. 63-й Брежуновъ съ гордостью вычисляетъ все то, что онъ въ теченіе 15 лѣтъ *нажилъ самъ*: „лавку, два кабака, мельницу, ссыпку, два имѣнія, домъ съ амбаромъ подъ желѣзною крышей“. На той же и слѣдующихъ страницахъ онъ разсчитываетъ облапошить Горячкинскаго барина и купить у него рошу, по крайней мѣрѣ, за треть ея настоящей цѣны. На стр. 4 мы видимъ, какъ онъ безцеремонно распоряжается церковными деньгами для своихъ спекуляцій.

Эти описанія и показанія гр. Толстого я считаю не безполезнымъ освѣтить слѣдующими соображеніями. Какъ бы ни были антипатичны намъ Брежуновы и Разуваевы, тѣмъ не менѣе они представляютъ несомнѣнную, хотя и темную, силу въ нашемъ обществѣ; и это такъ, — благодаря *не одному* только стеченію благопріятныхъ для нихъ общественныхъ обстоятельствъ, какъ думаютъ многіе, а въ значительной мѣрѣ, и благодаря нѣкоторымъ качествамъ, которыя, такъ сказать, къ нимъ не съ неба падаютъ, а требуютъ для пріобрѣтенія ихъ нѣкоторыхъ личныхъ усилій и напряженнаго вниманія. Эти-то *качества* и даютъ имъ перевѣсъ и преобладаніе надъ ихъ ближайшими сосѣдями, крестьянами, а также и дворянами. Они проявляются какъ въ особаго рода знаніяхъ, такъ и въ большой *выдержкѣ характера*. Брежуновы (Разуваевы) точно *знаютъ* экономическія обстоятельства всѣхъ окружающихъ ихъ крестьянъ, — сколько у каждаго изъ нихъ хлѣба, имущества, скота, каковы ихъ нравы и семейныя отношенія; не менѣе точно знаютъ они и экономическое положеніе окрестныхъ помѣщиковъ. Всѣми этими

---

*) Всѣ мои цитаты изъ разсказа гр. Толстого относятся къ изданію „Посредника“, напечатанному въ Москвѣ, въ типографіи Сытина.

знаніями они ловко пользуются; умѣютъ водить хлѣбъ-соль съ нужными имъ людьми: духовенствомъ, сельскою и уѣздною администраціей и проч. Къ этому знанію и умѣнью, съ другой стороны, присоединяется выдержка характера, состоящая въ отсутствіи состраданія, жалости, въ умѣнны поборотъ эти чувства, если они случайно возникаютъ. Конечно, эту выдержку характера Брехуновы (Разуваевы) не приносятъ съ собою на свѣтъ изъ утробы матерней, а приобрѣтаютъ и вырабатываютъ постепенно, путемъ ежедневнаго опыта, показывающаго, напр., что лезть, ложь, пронырство, сдерживаніе своего самолюбія и гордости *гораздо выоднѣе*, чѣмъ откровенная прямота, правда, честность и проч.

Обращаясь опять къ разсказу гр. Толстого о Брехуновѣ, я долженъ сознаться, что нахожу его образъ у художника не согласимымъ ни съ *типомъ*, къ которому его можно отнести *), ни съ показаніями гр. Толстого о дѣйствіяхъ Брехунова, изображенныхъ авторомъ не въ абстрактныхъ описаніяхъ, а въ образахъ, непосредственно (in concreto) возбуждающихъ нашу фантазію и воображеніе. Чтобы недалеко ходить, я заявляю, что для меня *вовсе не ясна внутренняя необходимость* факта, чтобы Брехуновъ заблудился. Къ числу знаній Брехунова, какъ кулака, относится точное знаніе не только мѣстныхъ людей и ихъ обстоятельствъ, но и мѣстныхъ окрестностей. Можно смѣло сказать, что ему былъ знакомъ каждый кустикъ въ окрестности, гдѣ онъ для своихъ дѣлъ съ помѣщиками и крестьянами, ѣздилъ и ходилъ многое множество разъ. Это нужно допустить тѣмъ болѣе, что между мѣстными кулаками, къ которымъ принадлежалъ и Брехуновъ, была *стачка*, по которой они не могли конкурировать другъ съ другомъ въ покупкѣ лѣсовъ, раздѣ-

---

*) Въ данномъ случаѣ я употребляю терминъ: *типъ*, не въ смыслѣ родового понятія, въ какомъ значеніи этотъ терминъ употребляется въ области науки (напр., типъ животнаго, растенія, человѣка, государства и проч.), но въ смыслѣ конкретныхъ образовъ, изображаемыхъ въ искусствѣ.

ленныхъ между ними по округамъ (стр. 4). Вполнѣ вѣроятно, что Брежуновъ свою округу зналъ такъ же хорошо, какъ свой огородъ или свою квартиру, что и подтверждается его окрикомъ на жену, „что онъ дорогу знаетъ и провожатаго ему не нужно“ (стр. 12). Далѣе, на стр. 61—62 гр. Толстой рассказываетъ намъ, что осенью Брежуновъ расцѣпывалъ горячкинскую рошу и „даже пересчиталъ всѣ деревья на двухъ десятинахъ“. Значить, знакомство его съ этою рошей и дорогою въ Горячкино должно предполагать гораздо болѣе полнымъ, чѣмъ знакомство съ тою же мѣстностью и дорогою всякаго другого крестьянина, наприм., Петрухи, о которомъ гр. Толстой на стр. 46 говорить, что онъ „зналъ дорогу и всю мѣстность“.

Но, — остановить меня кто-либо по поводу высказываемыхъ мною сомнѣній въ возможности того, чтобы Брежуновъ сбился съ дороги:—„развѣ не можетъ быть *случайностей*, которыхъ мы ни *представить себѣ*, ни *предвидѣть* не можемъ?“

О случайностяхъ въ художественномъ произведеніи я поговорю позже, а теперь пока окончу свой анализъ разсказа гр. Толстого о томъ, какъ окончательно заблудился Брежуновъ.

Значить, несмотря на все сказанное мною о необходимости знанія имъ мѣстности, остается допустить *всемоущую случайность*, въ силу которой онъ сбивался съ дороги (около Гришкина даже два раза), и наконецъ, внявъ голосу благоразумія, взялъ провожатымъ Петруху. Но и тутъ, наперекоръ благоразумію, появляется та же фатальная случайность: провожатаго онъ взялъ только *до поворота въ лѣсъ*, а между тѣмъ всего естественнѣе было бы взять его до самаго лѣса, тѣмъ болѣе, что отъ поворота до лѣса разстоянія было не болѣе поль-версты, а въ лѣсу сбиться съ дороги уже было нельзя. Но чѣмъ далѣе идетъ разсказъ гр. Толстого, тѣмъ болѣе *господствуетъ случайность*, и только на самыхъ послѣднихъ страницахъ мы увидимъ, къ чему должны привести скопившіяся одна на другой случайности.

IV.

Теперь отъ недостаточно обоснованной случайности, что Брехуновъ заблудился, я перейду къ другой, столь же необоснованной случайности, что заблудившійся Брехуновъ замерзъ и умеръ, а Никита *чудесно*, въ полномъ смыслѣ этого слова, спасся отъ смерти.

Хотя въ разсказѣ гр. Толстого часто говорится о погодѣ, вѣтрѣ, метели, но, къ сожалѣнію, столь неопредѣленно, что на основаніи этихъ словъ нельзя сдѣлать какихъ-нибудь твердыхъ предположеній о возможности или невозможности замерзнуть Брехунову и Никитѣ. На 10-й стр. сказано, что днемъ „было морозу градусовъ 10; вѣтеръ уже начиналъ крутить“, и что вообще онъ въ полѣ былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Затѣмъ, на стр. 20-й и 22-й сказано, что „вѣтеръ не уменьшался и пошелъ снѣжокъ“ (т.-е. маленькій). На стр. 29—30, когда Брехуновъ нагналъ ѣдущихъ мужиковъ съ бабой, то задъ лошади и укутанная баба оказались *засыпанными снѣгомъ*. Значить, ужъ шелъ не „снѣжокъ“, а настоящій снѣгъ. Затѣмъ, когда Брехуновъ уже во второй разъ попалъ въ Гришкино, то (на стр. 32) сказано, „что начинало замѣтно смеркаться. Метель не усиливалась, но и не слабѣла“. Тутъ о снѣгѣ ничего не сказано, а только объ одной метели. Затѣмъ, когда уже отпустили Петруху, то Василий Андреичъ, „возбужденный виномъ и чаемъ“ *), думалъ, что подѣзжаютъ къ лѣсу и только одинъ Мухортый (стр. 49—50) „зналъ,

---

*) Это „возбужденный виномъ и чаемъ“ наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Во-первыхъ, ими авторъ какъ-будто внушаетъ, что Брехуновъ выпилъ лишнее у Тараса; однако, прямо этого вовсе не сказано. Напротивъ, по ходу бесѣды во время чаепитія можно только допустить, что Брехуновъ выпилъ, можетъ быть, стаканичка два изъ толстаго кабацкаго стекла, но опьяненія онъ ни въ чемъ не обнаруживалъ. Но какъ онъ могъ быть возбужденъ отъ чая, этого я ужъ совсѣмъ не понимаю и думаю, что чай могъ только разбавить выпитую имъ порцію алкоголя, т.-е. уменьшить возбужденіе, происшедшее отъ водки.

что его посылають не туда, куда надо" *). При этомъ не говорится прямо о снѣгѣ сверху, а только о метели; между тѣмъ, какъ Никита, такъ и дерюжка, которой онъ покрывался, „густо были засыпаны снѣгомъ“ (стр. 66). Если рваль одинъ вѣтеръ, то наносимый имъ снѣгъ долженъ былъ тотчасъ же и сдуваться. Значить, вѣрнѣе предполагать, что вечеромъ и сверху шель довольно густой снѣгъ. Въ такомъ случаѣ, вечеромъ и ночью должны были ослабѣть какъ холодъ, такъ и вѣтеръ, какъ это всегда бываетъ послѣ снѣга: значить, шансы замерзнуть для Брехунова и Никиты все-таки уменьшились.

Теперь взглянемъ на позднѣйшія, не измѣнявшіяся до послѣдней катастрофы, условія для спасенія отъ смерти Брехунова и Никиты. Когда первому не удалась попытка уѣхать отъ Никиты на Мухортомъ и когда онъ въ силу какого-то, также случайнаго, *таинственной наитія*, возгорѣлъ желаніемъ спасти Никиту и, очистивши его отъ покрывавшаго его снѣга, легъ на него и прикрылъ его собою, „то ему было снизу тепло отъ Никиты, а сверху отъ шубы“ (стр. 87); но кромѣ того можно съ большой вѣроятностью предположить, что кромѣ двухъ шубъ сверху Брехуновъ еще имѣлъ защиту отъ холода въ слоѣ снѣга, который постоянно *надалъ сверху*, ибо иначе не имѣетъ смысла показаніе автора, что на слѣдующій день нашедшимъ ихъ мужикамъ пришлось „откапывать ихъ лопатами“ (стр. 93). Конечно, слѣдуетъ счесть не иначе, какъ за *чудо*, что лежавшій снизу на саняхъ, значить, ничѣмъ отъ нихъ не согрѣваемый, Никита, человекъ, сравнительно съ Брехуновымъ, уже старый, слабый и хронически больной (отъ запоя), все-таки остался живъ, а молодой, здоровый и лучше со всѣхъ сторонъ укрытый Брехуновъ умеръ многими часами ранѣе этого

---

*) Кстати, не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія. Когда Никита скатился въ оврагъ и когда хозяинъ сталъ предлагать вернуться въ Гришкино, то первый отвѣтилъ: «тутъ такой овражище, что попади туда, и не выберешься». Какъ будто Брехуновъ, знавшій великолѣпно мѣстность, Горячкинскій лѣсъ и его округъ, могъ ничего не знать объ этомъ «овражищѣ».

откапыванія, разумѣется по... по желанію автора, такъ какъ, вѣдь, все это, въ концѣ концовъ, случилось не во внѣшней дѣйствительности, а въ *фантазіи* художника.

V.

Здѣсь, по моему, будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о пропущенномъ нами пунктѣ, т.-е. о возможности случайностей въ художественномъ произведеніи. Какъ уже я упомянулъ ранѣе, событіе, входящее въ содержаніе художественнаго произведенія, составляетъ особаго рода *дѣйствительность*, совершенно не совпадающую съ изучаемою науками, реальною дѣйствительностью. Въ эстетической дѣйствительности художникъ является почти *полнымъ хозяиномъ*; онъ, по своему рѣшенію, конечно, подъ *контролемъ* эстетическихъ чувствъ, можетъ изъ реальной дѣйствительности *выбирать* въ содержаніе создаваемыхъ имъ образовъ *факты и событія*. Однако, при этомъ выборѣ онъ не можетъ нарушить ни одного *закона* или ни одного *достовернаго факта* въ физической или духовной исторіи природы. Художникъ, напр., не можетъ допустить, чтобы у него камни плавали въ воздухѣ, или чтобы рѣки текли вверхъ, а не внизъ, и т. под. Къ этимъ ограниченіямъ со стороны внѣшней природы присоединяются и другія—со стороны нашей внутренней природы (характера, привычекъ и т. под.). Съ каждою деталю, помѣщенной въ развивающемся образѣ или цѣлой системѣ образовъ, *исключается многое множество возможностей*, которыя ранѣе могли бы войти въ нее; исключается потому, что если эти возможности сами ранѣе и не выбраны, то выбраны такія, съ которыми исключаемыя *несовмѣстимы*. Исключеніе это происходитъ *двумя* путями: путемъ *причинности* и путемъ *цѣлеположности*. На первомъ пути изъ предшествующихъ *причинъ* должны естественно и необходимо вытекать *слѣдствія*; на второмъ—*средства* должны необходимо вести къ послѣдней *цѣли*, а также и ко всѣмъ промежуточнымъ *цѣлямъ* *). Эти пути въ *техникѣ* художественныхъ

*) Я здѣсь имѣю въ виду преимущественно художественныя системы обра-

произведеній носятъ названіе *завязки и развязки*, которыя, по своей сущности, вполнѣ *соотносительны и условны*, а потому никакого безусловно имъ принадлежащаго мѣста въ системѣ образовъ не имѣютъ *).

Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ далѣе и болѣе осуществляется и воплощается первоначальный замыселъ художника, тѣмъ болѣе и болѣе ограничивается свобода фантазіи художника; тѣмъ менѣе онъ свободенъ въ выборѣ элементовъ для своего образа или цѣлой системы образовъ. Въ этомъ постоянномъ переходѣ въ творчествѣ отъ почти неограниченной свободы къ почти полному ограниченію фантазіи художника и заключается главное препятствіе къ совершенной *законченности и единству* художественнаго произведенія. Поэтому, при безчисленномъ множествѣ художниковъ, такъ мало вполнѣ безукоризненныхъ произведеній. Система образовъ должна долгое время выработываться въ духѣ художника, такъ что, по окончаніи этой выработки, должна казаться какъ бы моментально, заразъ созданною имъ отъ начала до конца (*aus einem Gusse*—какъ говорятъ нѣмцы), чего, конечно, на самомъ-то дѣлѣ быть не можетъ, ибо всякій художникъ долго до самозабвенія вынашиваетъ свое произведеніе, всецѣло погруженный въ него. Обыкновенно даже у недюжинныхъ художниковъ либо не сходятся развязка съ завязкой, либо является противорѣчіе съ дознанными наукою законами физической или психической природы, либо художникъ, увлекаясь какою-либо тенденціею, подъ видомъ художественныхъ образовъ подсовываетъ намъ этическія или публицистическія положенія. Тогда художникъ уже не творитъ образовъ, а начинаетъ намекать, разсуждать, доказывать, уговаривать, проповѣдовать, словомъ,

---

зовъ, развивающихся не въ одномъ пространствѣ, но и во времени, и между ними, главнымъ образомъ, принадлежащія къ поэзіи или словесному искусству.

*) Поэтому можно безъ логической ошибки считать завязку начинающеюся съ перваго элемента, входящаго въ систему образовъ, и продолжающеюся до послѣдняго, завершающаго эту систему; точно такимъ же образомъ можно понимать и развязку.

впускаетъ въ свое произведеніе большую или меньшую дозу содержанія, относящагося къ *другимъ областямъ психической дѣятельности*, а не къ художественному творчеству. Но этотъ предметъ неисчерпаемъ, а потому я, сказавши о немъ достаточно для моей цѣли, обращусь къ продолженію своего анализа.

VI.

Итакъ, я снова возвращаюсь къ уже прежде поставленному вопросу: составляетъ ли Брежуновъ главное дѣйствующее лицо или героя разсказа гр. Толстого? Мнѣ уже мимоходомъ случилось замѣтить, что дѣйствія Брежунова далеко не соотвѣтствуютъ тому, что о немъ разсказываетъ гр. Толстой, но то же самое я долженъ объ этомъ сказать и теперь окончательно. По вышеуказаннымъ соображеніямъ онъ долженъ бы знать дорогу, какъ свои карманы, а на дѣлѣ онъ путается, какъ малый ребенокъ. Гр. Толстой разсказываетъ о немъ, какъ человѣкъ ловкомъ и толковомъ, нажившемъ изъ ничего многое, но на дѣлѣ онъ оказывается рѣшительно неспособнымъ предпринять что-либо, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія и, начиная съ Гришкина, вполне подчиняется руководству презираемаго имъ Никиты. Значить, мы имѣемъ право принять за пустое хвастовство, когда онъ (стр. 63) объясняетъ свое богатство тѣмъ, что онъ „дѣло помнитъ, старается о немъ, ночи не спитъ; метель не метель,—ѣдетъ, ну дѣло и дѣлается, а лежни думаютъ, что денежки шутя наживаются“. Въ настоящемъ же случаѣ ничего дѣльнаго и энергическаго мы отъ него не видимъ и не слышимъ.

Наконецъ, какъ будто бы является, хотя и эгоистическое, но все-таки имѣющее смыслъ предпріятіе, когда онъ собрался уѣхать на Мухортомъ; но оно оказывается совсѣмъ не обдуманнмъ: у него не только не было яснаго представленія о дорогѣ, по которой нужно было ѣхать, но даже онъ, напр., не догадался, что нужно оставить въ саняхъ сѣделку (стр. 77), которая сильно мѣшала ему сидѣть на

лошади. Кстати, я еще долженъ сказать, что сколько-нибудь благоразумный, почуявшій опасность, человѣкъ въ Гришкинѣ запасся бы хоть лишнею коробочкою спичекъ. Конечно, поклонники гр. Толстого противъ всего сказаннаго будутъ указывать на случайность; или же будутъ ссылаться, что была де такая *пурга*, какая только бываетъ въ степяхъ. Насчетъ случайности я опять повторю, что ей не мѣсто въ художественномъ произведеніи, а насчетъ метели изъ всего рассказа видно, что она была, но вовсе не такая, какая, напр., бываетъ въ степяхъ и которая невозможна въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Вѣдь, ѣхали же и другіе люди, напр., три мужика съ бабой, смѣло поѣхалъ и Петруха провожать Брежунова. Наконецъ, если была степная пурга, то Брежуновъ, конечно любившій себя болѣе, чѣмъ деньги, не поѣхалъ бы,—тѣмъ болѣе, что не поѣхали бы и не перебили бы у него покупки и городскіе купцы.

Но здѣсь я останавлиюсь въ анализѣ дѣйствій Брежунова и закончу его тѣмъ, что если онъ и герой, то только съ *формальной* стороны. На самомъ же дѣлѣ, Брежуновъ обнаруживается вполне пассивнымъ человѣкомъ, не способнымъ ничѣмъ помочь себѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ и сдѣлать въ этомъ смыслѣ хотя бы одно здоровое и цѣлесообразное движеніе. Кромѣ того, онъ мало-по-малу совсѣмъ подчиняется Никитѣ.

Теперь я предложу вопросъ: нельзя ли героемъ рассказа признать Никиту? Это покажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что гр. Толстой, повидимому, весьма симпатизируетъ Никитѣ, который какъ бы осуществляетъ идеаль религіи гр. Толстого — *непротивленіе злу* *). Эта симпатія доходитъ до того, что авторъ влагаетъ въ *голову и уста* Никиты такія мысли, которыя, по своей тонкости, по моему, совершенно для него недоступны. Такъ, напр., на стр. 74 мысль о хозяинѣ, „который послалъ его въ эту жизнь“, и мысль о

*) См. мое сочиненіе. „Религія гр. Л. Н. Толстого и его ученіе о жизни и любви“. 1895.

томъ, что если у Никиты и есть грѣхи, то потому, что „пославшій сдѣлалъ его такимъ“ *). Однако, несмотря на всю симпатію гр. Толстого къ Никитѣ, онъ, какъ мы видѣли, никакой особенной инициативы не проявилъ и даже (что мы объяснимъ впоследствии) постоянно отвергалъ всѣ предложенія Брехунова, которыя тотъ дѣлалъ съ цѣлью спастись отъ опасности. Итакъ, и Никита, по моему, еще менѣе Брехунова можетъ быть признанъ героемъ разсказа.

VII.

Теперь мнѣ нужно остановиться на главномъ пунктѣ сочиненія гр. Толстого, незамѣтно входящемъ въ его содержаніе и совершенно измѣняющемъ его *смыслъ* и *значеніе*. Если мы поймемъ это содержаніе такъ, что поѣхали хозяинъ съ работникомъ, но на дорогѣ застигла ихъ вьюга, отчего одинъ изъ нихъ и померъ, то мы не поймемъ сочиненія. Дѣло въ томъ, что этой *внѣшней фабулой* прикрывается незамѣтно воплощающаяся въ сочиненіи *мистерія*, содержаніе которой не имѣетъ никакой внутренней связи съ поѣздкой Брехунова, метелью и проч., и состоитъ въ томъ, что несправедливо жившій *грѣшникъ* передъ концомъ жизни чудесно покаялся, любовно *отожествилъ* себя съ презираемымъ имъ человекомъ и, совершивши это дѣло любви, тотчасъ же замерзъ и умеръ? такъ какъ ему на этомъ свѣтѣ ничего не оставалось дѣлать послѣ этого исполненнаго имъ акта любви, которая и есть, по религіи гр. Толстого, *единственное наше назначеніе* въ жизни. Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ *вплетена* эта назидательно-этическая, но не принадлежащая къ области искусства, мысль, составляющая глав-

---

*) Но я все-таки долженъ счесть Никиту до извѣстной степени человекомъ психически ненормальнымъ, ибо, если предположить только 20 лѣтъ запоя (а ихъ навѣрно было больше, ибо 20 лѣтъ, какъ его бросила жена потому, что онъ былъ весьма „буенъ“ и „придирчивъ“ (стр. 5) въ пьяномъ видѣ), т.-е. отравленія алкоголемъ, то, конечно, они должны были отразиться на его психическомъ здоровьѣ и поразили прежде всего область воли (абулія). Вообще, въ простомъ народѣ битые горшковь, посуды или, какъ у Никиты, порча платья всего чаще совпадаетъ съ запоемъ.

ное основаніе религіи гр. Толстого. Пусть она не соотвѣтствуетъ остальному содержанию всего разсказа, пусть она не можетъ, по своему происхожденію, быть художественнымъ образомъ или системою образовъ, ибо не имѣетъ ничего нагляднаго и возбуждаетъ не эстетическія, а этическія чувства, все-таки она составляетъ основу и центръ, которыми объясняется все остальное.

Ею объясняются всѣ *неясности* и *несовмѣстимости* съ прежде выбранными образами, отмѣченныя мною при анализѣ произведенія; изъ нея же объясняются *всемоущія случайности*, о которыхъ была рѣчь раньше. Даже какое-то какъ бы *мистическое вѣяніе*, которое чувствуется въ разсказѣ по мѣрѣ приближенія къ развязкѣ, объясняется тою же мистеріей. Крикъ Мухортаго, котораго такъ *страшно испугался* Брехуновъ, какъ бы напоминаетъ звукъ апокалиптической трубы, пробуждающей уснувшую совѣсть грѣшника. Постоянныя несогласія и отклоненія Никитой предложеній Брехунова какъ бы приглашаютъ его *покориться голосу*, призывающему къ какой-то таинственной развязкѣ, и, наконецъ, замерзаніе Брехунова и чудесное спасеніе Никиты, не согласимыя съ обстоятельствами дѣла, ясно свидѣтельствуютъ, что все оно находится въ чьихъ-то *всесильныхъ* рукахъ и было уже согласовано съ чьею-то *всесильною* волей.

Но, пожалуй, кто-нибудь спроситъ: неужели же я думаю, что все произведеніе гр. Толстого исчерпывается его религіозно-моральною тенденціей и что въ немъ нѣтъ художественныхъ элементовъ? Конечно, и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы я отрицалъ многіе художественные образы въ послѣднемъ произведеніи гр. Толстого. Но я только позволяю себѣ утверждать, что эти образы не составляютъ *единого неразрывнаго цѣлаго*, а существуютъ въ отдѣльности, каждый самъ по себѣ. У нихъ нѣтъ центра, который бы соединялъ ихъ въ единое цѣлое. Они представляютъ прекрасныя отдѣльныя картинки, связанныя только внѣшнимъ образомъ, т.-е. поѣздкой Брехунова въ Горячкино. Ихъ весьма удобно раздѣлить на слѣдующіе отдѣльные *эскизы*:

напримѣръ, „Никита и Мухортый“; „встрѣча Брехунова и Никиты съ мужиками“; „чаепитіе у Тараса въ Гришкинѣ“; „Петруха, цитирующей Пульсона“; „бѣгство Брехунова отъ Никиты“ и т. под. Но такъ какъ *мистическая тенденція* не олицетворяется въ образахъ, а представляетъ просто *мысль*, гипотезу изъ религіи гр. Толстого, то ей и нѣтъ мѣста въ этихъ отдѣльных картинкахъ, потому что это—религіозное *върваніе*, а не *эстетическая дѣйствительность*. Сущность всего произведенія гр. Толстого заключается въ *развязкѣ*, которая, конечно, была *изобрѣтена* раньше всего и взята изъ области религіозно-моральной, а потомъ уже къ ней *подбиралась завязка* изъ области эстетической. Отъ этого все то, что вытекало изъ религіозно-моральной тенденціи, стало твердо и неподвижно, завязка же претерпѣвала нѣкоторое насиліе тамъ, гдѣ она естественно не сходилась съ развязкой; а потому все произведеніе не имѣло возможности приспособить къ себѣ эту неподвижную развязку и не могло образовать единого художественнаго цѣлаго.

Мнѣ кажется удобнымъ сравнить все произведеніе гр. Толстого съ картиной, написанной на одномъ полотнѣ или на одной бумагѣ. Центръ картины довольно затертъ; можно разобрать только, что тамъ изображено что-то совершающееся на небесахъ, или что эта картина *религіознаго содержанія*. По бокамъ же, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра, весьма *ярко и красиво* нарисованы отдѣльныя картинки свѣтскаго и даже шутиваго содержанія: напр., праздничныя сцены веселящагося люда, эскизы различныхъ забавныхъ положеній, сценки буколическаго содержанія и т. под. Сравнивая эти по бокамъ нарисованныя эскизы съ темнымъ фономъ центральной картины религіознаго содержанія, невольно вспоминаешь *возмась*, бывший въ ходу и у древнихъ: „*ne misceantur sacra profanis*“.

Слышалъ я, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ гр. Толстымъ измѣнено нѣсколько строкъ: вмѣсто словъ (въ изданіи, которымъ я пользовался) что Петруха ничего не боялся, пото-

му что зналъ дорогу, сказано, что онъ только притворялся знающимъ дорогу, а самъ боялся заблудиться. Эта пере-мѣна нисколько не измѣняетъ моего взгляда на произведе-ніе. Если это измѣненіе можно понимать въ томъ смыслѣ, что *метель* походила на *степную пургу*, то и тогда остается все-таки необъяснимымъ, почему Брехуновъ хотѣлъ не-премѣнно ѣхать, когда онъ, какъ и всякій другой благоразум-ный человѣкъ, долженъ былъ понять, что неизбежно за-блудится.

А. Козловъ.

О добродѣтеляхъ *).

(Изъ нравственной философіи.)

I.

Каждая изъ указанныхъ нами нравственныхъ основъ—стыдъ, жалость и религіозное чувство—можетъ разсматриваться съ трехъ сторонъ: какъ *добродѣтель*, какъ *правило дѣйствія* и какъ условіе извѣстнаго *блага*.

Такъ, способность стыда является прежде всего основаніемъ для различенія людей стыдливыхъ и безстыдныхъ, причемъ первые одобряются, а вторые порицаются; слѣдовательно, *стыдливость* признается какъ хорошее качество или добродѣтель. Но тѣмъ самымъ она возводится въ *норму* или въ общее правило дѣйствія (а чрезъ то и въ основаніе для *оцѣнки дѣйствій*) независимо отъ присутствія или отсутствія этой добродѣтели въ томъ или другомъ лицѣ. Если стыдливость сама по себѣ есть добро, то мы во всякомъ случаѣ должны поступать сообразно съ нею, именно *воздерживаться* отъ всѣхъ дѣйствій постыдныхъ, т.-е. выражающихъ преобладаніе низшей природы надъ высшею, и *упражняться* въ дѣйствіяхъ противоположнаго характера. Сообразное этому правилу поведеніе въ результатѣ приводитъ къ постоянному самообладанію, къ свободѣ духа и къ его власти надъ матеріальнымъ бытіемъ, т.-е. къ состоянію,

---

*) См. «Вопросы Философіи и Психологіи»,—статьи: „Первичныя данныя нравственности“ (№ 24) и „Аскетическое начало въ нравственности“ (№ 26).

дающему намъ нѣкоторое высшее *удовлетвореніе*, или представляющему собою нравственное благо.

Такимъ же образомъ, способность къ жалости или сострадательность (въ противоположность эгоизму, жестокости и злости) есть, во-первыхъ, хорошее личное качество, или добродѣтель; поскольку она признается таковою, или одобряется, она даетъ норму для альтруистической дѣятельности по правиламъ справедливости и милосердія,—а такая дѣятельность приводитъ къ нравственному благу истинной общественности или солидарности съ другими,—окончательно со всѣми живыми существами.

Точно также признательное чувство къ тому высшему, отъ чего мы зависимъ, будучи основаніемъ добродѣтели, именуемой благочестіемъ (*pietas*), даетъ тѣмъ самымъ и правило религіознаго поведенія; оно же приводитъ къ нравственному благу солидарности съ первѣйшими причинами и носителями бытія: съ предками, съ умершими вообще и со всѣмъ невидимымъ міромъ, обусловливающимъ нашу жизнь.

При неразрывной внутренней связи между данною добродѣтью, соотвѣтствующими ей правилами дѣйствія и происходящимъ отсюда нравственнымъ благомъ, намъ нѣтъ надобности при болѣе частномъ разсмотрѣніи этического содержанія каждый разъ повторять всѣ эти точки зрѣнія,—достаточно будетъ ограничиться одною: точкою зрѣнія добродѣтели, такъ какъ въ ней логически заключаются и двѣ другія, вслѣдствіе чего строгаго разграниченія между ними провести невозможно. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отказать въ качествѣ добродѣтельнаго человѣка такому, который неизмѣнно поступаетъ по правиламъ добродѣтели, хотя бы онъ при этомъ лишь въ слабой степени обладалъ соотвѣтствующимъ природнымъ свойствомъ, или даже отличался противоположнымъ. Съ другой стороны, то, что я въ отличіе отъ добродѣтели называю нравственнымъ благомъ, есть та же добродѣтель, но только не въ изначальномъ, данномъ, а въ пріобрѣтенномъ состояніи,—норма дѣятельности, превратившаяся во вторую натуру.

II.

Добродѣтельный человѣкъ есть человѣкъ, *какимъ онъ долженъ быть*. Другими словами, добродѣтель есть нормальное или *должное отношеніе* человѣка ко всему (ибо нельзя мыслить качествъ или свойствъ безотносительныхъ). Должное отношеніе не есть отношеніе одинаковое. Различая себя отъ другого, мы это другое полагаемъ или опредѣляемъ тройко: или какъ *низшее* (по существу), или какъ *подобное* намъ (однородное), или какъ *высшее* насъ. Отсюда логически вытекаеть троякій характеръ должнаго или нравственнаго отношенія, ибо ясно, что относиться къ низшему (скажемъ,—къ влеченію матеріальной природы) такъ, какъ если бы оно было высшее (скажемъ,—предписаніе божественной воли), никакъ не будетъ должнымъ отношеніемъ; точно также противно должному будетъ, если мы къ подобному себѣ (скажемъ,—человѣческому) существу будемъ относиться или какъ къ низшему (смотрѣть на него какъ на безправнаго раба), или какъ къ высшему (видѣть въ немъ божество).

Итакъ, мы имѣемъ не одно, а три должныя или нравственныя отношенія, или три вида добродѣтелей, соотвѣтственно тремъ сферамъ, на которыя необходимо различается вся область соотносящихся съ нами предметовъ,—*необходимо* потому, что человѣкъ не находитъ себя ни безусловно господствующимъ или высшимъ существомъ, ни безусловно подчиненнымъ или низшимъ, ни, наконецъ, единственнымъ въ своемъ родѣ: онъ сознаетъ себя существомъ *среднимъ* и при томъ *однимъ изъ многихъ* среднихъ; откуда—какъ прямое логическое слѣдствіе—выводится тройственность его нравственныхъ отношеній. Въ силу этого одно и то же качество или проявленіе можетъ имѣть совершенно различное и даже противоположное значеніе, смотря по тому, къ какой предметной области оно относится. Такъ, умаленіе себя или признаніе своего ничтожества, когда оно относится къ предметамъ высшаго достоинства, называется смиреніемъ и есть добродѣтель, по отношенію же къ предметамъ недо-

стойнымъ оно называется низостью и есть дѣло безнравственное. Точно также энтузіазмъ, когда онъ вызывается высокими принципами и идеалами, безъ сомнѣнія, есть добродѣтель, по отношенію же къ предметамъ безразличнымъ онъ есть смѣшная слабость, а связанный съ предметами низшаго разряда онъ становится постыдною маніей.

Ясно, такимъ образомъ, что если бы мы даже не находили въ психическомъ опытѣ трехъ основныхъ нравственныхъ чувствъ: стыда, жалости и благоговѣнія,—уже на однихъ логическихъ основаніяхъ необходимо было бы раздѣлить всю нравственную область на три сферы, или принять три вида добродѣтелей, какъ выражающихъ должное отношеніе человѣка къ тому, что ниже его, къ тому, что подобно ему или однородно съ нимъ, и къ тому, что выше его.

III.

Если сверхъ признанныхъ нами нравственныхъ основъ: стыда, жалости и благоговѣнія передъ высшимъ—перебрать всѣ другія качества, которыя въ древнія и новыя времена считались добродѣтелями, то не найдется ни одного между ними, которое *само по себѣ* заслуживало бы это названіе. Каждое изъ этихъ разнообразныхъ качествъ только тогда по праву признается добродѣтелью, когда оно согласно съ тѣми предметными нормами должнаго отношенія, которыя выражаются въ трехъ указанныхъ нами основныхъ нравственныхъ данныхъ. Такъ, воздержность или умѣренность имѣетъ достоинство добродѣтели лишь тогда, когда относится къ состояніямъ и дѣйствіямъ *постыднымъ*, ограничивая или отстраняя ихъ. Добродѣтель не требуетъ, чтобы мы были воздержны или умѣренны вообще, или во всемъ, а только, чтобы мы воздерживались отъ того, что *ниже* нашего человеческого достоинства и что безпрепятственно допускать было бы намъ стыдно. Но если кто умѣренъ въ своемъ исканіи истины или воздерживается отъ благожелательства къ своимъ ближнимъ, никто за это не сочтетъ и не

назоветъ его добродѣтельнымъ, а напротивъ, осудить за отсутствіе великодушныхъ стремленій; отсюда явствуется, что умѣренность не есть сама по себѣ или въ корнѣ своемъ добродѣтель, а становится или не становится таковою, смотря по должному или недолжному примѣненію своему къ тѣмъ или другимъ предметамъ. Также и храбрость или мужество есть добродѣтель, лишь поскольку она выражаетъ должное—именно, господственное и властное отношеніе разумнаго существа человѣческаго къ низшей матеріальной природѣ, возвышеніе духа надъ животнымъ инстинктомъ самосохраненія. Доблестную храбрость показываетъ тотъ, кто не трепещетъ передъ случайными бѣдствіями, кто сохраняетъ самообладаніе среди внѣшнихъ опасностей и смѣло рискуетъ жизнью и матеріальными благами ради благъ болѣе высокихъ и достойныхъ. Но самое *храброе* совершеніе безчинствъ, самое *смѣлое* нанесеніе обидъ и самое *безтрепетное* попираніе святыни не похваляются какъ добродѣтели, равно какъ не вмѣняется въ постыдную трусость боязнь грѣха или страхъ Божій. И тутъ, значить, свойство быть добродѣтельнымъ или порочнымъ зависитъ отъ подобающаго отношенія къ предмету, а не отъ психологическаго, субъективнаго качества аффектовъ.

Третья изъ такъ называемыхъ, кардинальныхъ (краеугольныхъ) добродѣтелей—*мудрость*, т.-е. пониманіе наилучшихъ способовъ и средствъ для достиженія поставленныхъ цѣлей и умѣнье надлежащимъ образомъ примѣнять эти средства—получаетъ свое значеніе добродѣтели не просто въ качествѣ этой формальной способности къ наиболѣе цѣлесообразному дѣйствованію, а въ непремѣнной зависимости отъ достоинства самихъ цѣлей*). Мудрость, какъ добродѣтель, есть способность наилучшимъ образомъ достигать наилучшихъ цѣлей, или умѣнье цѣлесообразнѣйшаго приложенія своихъ умственныхъ силъ къ предметамъ *наиболѣе достойнымъ*. Безъ это-

*) Я беру эти добродѣтели въ ихъ общемъ значеніи, независимо отъ особыхъ опредѣленій, которыя имъ давались въ той или другой философской системѣ.

го послѣдняго условія можно быть мудрымъ, но такая мудрость не будетъ добродѣтелью. Библейскій „змѣй“, конечно, оправдалъ свое названіе мудрѣйшаго изъ животныхъ земныхъ тѣмъ пониманіемъ душевной природы человѣческой и тѣмъ умѣньемъ, съ которымъ онъ воспользовался этимъ пониманіемъ для достиженія своей цѣли; однако, эта превосходная мудрость не признана добродѣтелью, а проклята какъ источникъ зла, и мудрѣйшее животное осталось символомъ безнравственного, ползучаго ума, мудрствующаго только низкое и недостойное.—И въ повседневной жизни не признается добродѣтелью та житейская мудрость, которая неидетъ далѣе пониманія людскихъ слабостей и умѣнья устраивать личныя дѣла сообразно съ цѣлями эгоизма и практическаго матеріализма.

Понятіе *справедливости* (четвертая краеугольная добродѣтель) принимается въ четырехъ различныхъ смыслахъ. Въ самомъ широкомъ смыслѣ справедливое есть синонимъ должнаго, правильнаго, нормальнаго, вѣрнаго вообще—не только въ области нравственной (относительно воли и дѣйствія), но и въ области умственной (относительно познанія и мышленія); на примѣръ: „вы разсуждаете *справедливо*“, или „*cette solution (d'un problème mathématique ou métaphysique) est juste*“. Въ такомъ смыслѣ понятіе справедливости шире понятія добродѣтели и принадлежитъ болѣе къ теоретической, нежели къ нравственной философіи. Во второмъ, болѣе предѣленномъ смыслѣ справедливость (*aequitas*) соотвѣтствуетъ основному принципу альтруизма, требующему признавать равно за всѣми другими то право на жизнь и благополучіе, какое признается каждымъ за самимъ собою. И въ этомъ смыслѣ справедливость не есть какая-нибудь *особенная* добродѣтель, а только логическое, объективное выраженіе того самаго нравственнаго начала, которое субъективно, или психологически, выражается въ основномъ чувствѣ жалости (состраданіе, симпатія). Въ третьемъ смыслѣ понятіе справедливости принимается тогда, когда дѣлаютъ различіе между степенями альтруизма (или нравственнаго отношенія

къ подобнымъ намъ существамъ) и за первую, отрицательную степень („никого не обижать“) оставляютъ названіе собственно справедливости (justitia), а вторую, положительную, требующую „всѣмъ помогать“, обозначаютъ какъ милосердіе (caritas, charité). Это различіе, какъ было выше указано, имѣетъ лишь условное значеніе *), недостаточное во всякомъ случаѣ для выдѣленія справедливости въ особую добродѣтель, ибо никто не усмотритъ таковой въ человѣкѣ, который, не нанося ближнимъ прямыхъ обидъ насильственными дѣйствіями, рѣшительно отказывается помогать кому бы то ни было, или облегчать чьи бы то ни было страданія. Такъ какъ нравственный мотивъ для того и другого, т.-е. для воздержанія отъ обидъ и для доставленія помощи,—одинъ и тотъ же, именно признаніе чужихъ правъ на жизнь и благополучіе, и такъ какъ нельзя найти никакого нравственного мотива, который заставлялъ бы кого-нибудь останавливаться здѣсь на полпути и ограничиваться одною отрицательною стороною этого нравственного требованія, то ясно, что такая остановка или такое ограниченіе никакъ не могутъ соотвѣтствовать какой-нибудь особой добродѣтели, а выражаютъ только *меньшую степень* общей альтруистической добродѣтели (симпатическаго чувства), при чемъ никакой общеобязательной и постоянной мѣры для меньшаго и большаго здѣсь нѣтъ, а каждый разъ оцѣнка зависитъ отъ конкретныхъ условий. При извѣстномъ развитіи нравственного сознанія въ общественной средѣ отказъ въ *помощи*, хотя бы совершенно чужому, или даже враждебному человѣку, осуждается совѣстью какъ прямая *обида*, что вполне логично, ибо, если я вообще *долженъ* помогать своему ближнему, то, не помогая ему, я тѣмъ самымъ обижаю его. Да и на низшихъ степеняхъ нравственного сознанія въ извѣстныхъ предѣлахъ отказъ въ помощи равносильенъ обидѣ и преступленію, напр. въ предѣлахъ семьи, рола, военной дружины. У

---

*) См. ст. „Жалость и альтруизмъ“ (Книжки Недѣля, мартъ 1895).

народовъ варварскихъ, гдѣ относительно враговъ позволено все, такъ что самое понятіе обиды не имѣетъ здѣсь приложенія,—мирный странникъ или гость имѣетъ *право* на самую дѣятельную помощь и щедрые дары (классическій примѣръ — Одиссей у Феакійцевъ). Но если справедливость предписываетъ благодѣаніе или требуетъ быть милосерднымъ (у варваровъ — по отношенію къ нѣкоторымъ, а съ прогрессомъ нравственности—по отношенію ко всѣмъ), то ясно, что такая справедливость не есть особая добродѣтель, отдѣльная отъ милосердія, а лишь прямое выраженіе общаго нравственнаго принципа альтруизма, имѣющаго различныя степени и формы своего примѣненія, но всегда заключающаго въ себѣ идею справедливости.

Есть, наконецъ, четвертый смыслъ, въ которомъ принимается это слово. Предполагая, что объективнымъ выраженіемъ правды служатъ *законы* (государственные, церковные), неуклонное слѣдованіе законамъ вмѣняютъ въ безусловную нравственную обязанность и соотвѣтствующее расположеніе къ строгой закономѣрности или правомѣрности признаютъ за добродѣтель, отождествляя ее съ справедливостью. Такой взглядъ примѣнимъ лишь въ предѣлахъ своего предположенія, т.-е. всецѣло—къ законамъ, исходящимъ отъ Божественнаго совершенства, и тѣмъ самымъ выражающимъ высшую правду, ко всѣмъ же прочимъ—только подъ условіемъ ихъ согласія съ этой правдою; ибо подобаетъ слушаться Бога болѣе, нежели человѣковъ. Такимъ образомъ, справедливость въ этомъ смыслѣ, т.-е. стремленіе къ *легальности*, не есть сама по себѣ добродѣтель, а можетъ быть и не быть таковою, смотря по свойству и происхожденію законовъ, требующихъ повиновенія. Ибо источникъ человѣческихъ законовъ—источникъ смутный. Прозрачная струя нравственной правды едва видна въ немъ подъ маской другихъ, чисто-историческихъ элементовъ, выражающихъ только фактическое соотношеніе силъ и интересовъ въ тотъ или другой моментъ. Поэтому, справедливость, какъ добродѣтель, далеко не всегда совпадаетъ съ легальностью,

или правдою юридическою, а иногда находится съ нею въ прямомъ противорѣчїи; самимъ юристамъ хорошо извѣстно положеніе: *summum jus—summa injuria*. Но вполне признавая различіе и возможное столкновеніе между внутреннею правдою и закономъ, многіе полагаютъ, что такая коллизія всегда должна рѣшаться въ пользу легальности, т.-е. что справедливость во всякомъ случаѣ требуетъ повиноваться закону, хотя бы и несправедливому, при чемъ въ подтвержденіе такого мнѣнія ссылаются на авторитетъ и примѣръ древняго праведника Сократа, который счелъ непозволительнымъ спастись бѣгствомъ отъ законнаго, хотя и несправедливаго, приговора противъ него аѣинскихъ судей. Но на самомъ дѣлѣ, этотъ знаменитый примѣръ говорить не совсѣмъ то.

Въ своемъ рѣшеніи Сократъ,—насколько извѣстно изъ Ксенофонта и Платона,—руководился, главнымъ образомъ, побужденіями двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ находилъ, что спастись бѣгствомъ тотъ малый остатокъ жизни, на который онъ, какъ 70-лѣтній старецъ, могъ разсчитывать, было бы постыднымъ малодушіемъ, особенно для него, вѣрившаго въ безсмертіе души и учившаго, что истинная мудрость есть постоянное *умираніе* (для матеріальнаго міра); во-вторыхъ, Сократъ находилъ, что гражданинъ долженъ приносить въ жертву *свое личное благо* отечественнымъ законамъ, хотя бы и не справедливымъ, *ради сыновняго благочестія*. Такимъ образомъ, Сократъ руководился нравственными побужденіями аскетизма и благочестія, а никакъ не безусловнымъ значеніемъ легальности, каковой онъ никогда не признавалъ. При томъ въ случаѣ Сократа не было столкновенія двухъ обязанностей, а только столкновеніе личнаго *права* съ гражданскою *обязанностью*, при чемъ можно принять въ принципѣ, что право должно было уступить. Никто не обязанъ защищать *свою* матеріальную жизнь: это только право, которымъ всегда позволительно, а иногда похвально жертвовать. Другое дѣло, когда гражданскій долгъ повиновенія законамъ сталкивается не съ личнымъ правомъ, а съ нравственною обязанностью, какъ въ знаменитомъ классиче-

скомъ примѣрѣ Антигоны, которая должна была выбирать между религіозно-нравственною обязанностью дать честное погребеніе своему брату и гражданскою обязанностью повиновенія нечестивому и безчеловѣчному, но легально-справедливому (какъ исходящему отъ законной власти отечественнаго города) запрещенію давать такое погребеніе. Тутъ вступаетъ въ силу правило: подобаешь слушаться Бога болѣе, чѣмъ человѣковъ, и ясно оказывается, что справедливость—въ смыслѣ легальности или формально-юридической законмѣрности поступковъ—не есть сама по себѣ добродѣтель, а можетъ становиться или не становиться таковою, смотря по положенію. Поэтому одинаково одобряется героизмъ Сократа, уступившаго несправедливому закону, и героизмъ Антигоны, нарушившей такой законъ,—и не потому только одобряется, что и въ томъ и другомъ случаѣ была жертва жизни, а по самому существу дѣла: Сократъ уступалъ *свое* матеріальное право ради высшихъ *соображеній* человѣческаго достоинства и патріотическаго долга, а Антигона утверждала *чужое* право и исполняла тѣмъ самымъ свою обязанность,—ибо погребеніе ея брата было *ею* правомъ, а для нея это было обязанностью, тогда какъ Сократъ вовсе не былъ обязанъ бѣжать изъ своей тюрьмы.—Вообще *pietas erga patriam*, также какъ и *pietas erga parentes*, можетъ насъ обязывать только къ пожертвованію своимъ, но никакъ не чужимъ правомъ. Допустимъ, на примѣръ, что сыновнее благочестіе, доведенное до героизма, побуждаетъ кого-нибудь не сопротивляться своему отцу, намѣревающемуся его убить. О нравственномъ достоинствѣ такого героизма можно спорить, но никому и въ голову не придетъ оправдывать или находить героичнымъ того же человѣка, если онъ сочтетъ себя обязаннымъ изъ повиновенія къ отцу убить своего брата или сестру.—Точно то же примѣнимо къ несправедливымъ и безчеловѣчнымъ законамъ, откуда явствуется, что справедливость въ смыслѣ повиновенія законамъ, какъ таковымъ, по девизу: *fiat justitia, pereat mundus*—сама по себѣ не есть еще добродѣтель.

IV.

Принятія въ патристической (церковноотеческой) и схоластической этикѣ три такъ называемыя, богословскія добродѣтели: вѣра, надежда и любовь *), также представляютъ нравственное достоинство не сами собою, безусловно, а лишь въ зависимости отъ другихъ данныхъ. Не всякая вѣра есть добродѣтель и для богослововъ. Не признается таковою вѣра, или имѣющая для себя предметъ несуществующій, или предметъ недостойный, или недостойно относящаяся къ достойному. Такъ, въ первомъ случаѣ, если кто твердо вѣритъ въ философскій камень, т. е. въ порошокъ, жидкость или газъ, превращающій всѣ металлы въ золото, то такая вѣра, относясь къ предмету несуществующему въ природѣ вещей, почитается не добродѣтелью, а безуміемъ. Во второмъ случаѣ, если кто-либо, не ограничиваясь основательнымъ признаніемъ существованія злой силы—какъ факта, дѣлаетъ эту силу предметомъ вѣры въ смыслѣ довѣрія и преданности, такъ что вступаетъ съ нею въ договоръ, продаетъ ей душу и т. п., то такая вѣра, какъ относящаяся къ предмету, хотя и существующему, но недостойному и зловредному, справедливо почитается за крайнее нравственное паденіе. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, вѣра самихъ бѣсовъ, про которыхъ апостоль говоритъ, что они вѣрують (въ Бога) и трепещуть**), не признается добродѣтелью, потому что, хотя относится къ предмету существующему и абсолютно достойному, но относится къ нему недостойнымъ образомъ (вмѣсто радости—съ ужасомъ, вмѣсто влеченія—съ отвращеніемъ). Итакъ, добродѣтелью можетъ почитаться только та вѣра въ высшее существо, которая относится къ нему достойнымъ образомъ, именно—съ свободнымъ сыновнимъ благочестіемъ. А такая вѣра вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ религіознымъ чув-

*) На основаніи извѣстнаго текста ап. Павла, въ которомъ впрочемъ нѣтъ термина „добродѣтель“.

**) Іак., II, 19.

ствомъ, которое найдено нами, какъ одна изъ трехъ первичныхъ основъ нравственности *)).

Къ тому же, въ сущности, сводится и вторая богословская добродѣтель—надежда. О ней нѣтъ рѣчи, когда кто-нибудь надѣется на свою силу или мудрость, или „на князи и сыны человѣческіи“, или хотя и на Бога, но лишь въ ожиданіи отъ него матеріальныхъ благъ. За добродѣтель считается только надежда, относящаяся къ Богу, какъ источнику истиннаго грядущаго блага; а это есть то же самое основное религиозное чувство, видоизмѣненное представленіемъ о будущемъ и чувствомъ ожиданія.

Наконецъ, и третья и величайшая богословская добродѣтель—любовь—получаетъ это нравственное значеніе лишь въ зависимости отъ данныхъ предметныхъ опредѣленій. Любовь сама по себѣ, или любовь вообще—не есть добродѣтель, иначе были бы добродѣтельны всѣ безразлично существа, такъ какъ всѣ они непременно любятъ и живутъ своею любовью. Но не вмѣняется въ добродѣтель эгоистическая любовь къ себѣ и къ своему, также страстная любовь къ естественнымъ и противоестественнымъ удовольствіямъ, любовь къ напиткамъ, къ псовой охотѣ и конскимъ ристаніямъ.

Il faut en ce bas monde aimer beaucoup de choses—внушаетъ ново-языческій поэтъ. Такая „любовь“ заранѣе отвергнута апостоломъ любви:

Не любите міра, ни всего, что въ мірѣ.

Это есть первый, отрицательный членъ въ заповѣди любви, о которомъ не слѣдуетъ забывать, какъ это обыкновенно дѣлается. Онъ есть не что иное, какъ выраженіе основного принципа аскетизма: охранять себя отъ низшей природы и противодѣйствовать ея захватамъ. Ибо подъ тѣмъ міромъ, который мы не должны любить, апостоль разумѣеть, какъ ясно изъ контекста, никакъ не собраніе нашихъ ближнихъ

*) См. въ статьѣ „Религиозное начало въ нравственности“. (Книжки Недѣля, апрѣль 95).

и не совокупность творенія, возвѣщающаго славу Божію, а именно только темную, бессмысленную основу матеріальной природы, выходящую изъ своего должнаго, пассивнаго и потенціальнаго положенія и незаконно вторгающуюся въ область человѣческаго духа: тутъ же прямо говорится, что міръ есть *похоть плоти*, т. е. стремленіе къ безмѣрной чувственности, *похоть очей*, т.-е. жадность, или корыстолюбіе, и *гордость житейская*, т. е. тщеславіе и властолюбіе.

Къ отрицательному предписанію: *не люби міра*—библейская этика присоединяетъ два положительныя: *люби Бога всѣмъ сердцемъ своимъ* и *люби ближняго какъ самого себя*. Эти двѣ любви правильно различаются между собою, ибо особенностью предметовъ неперемѣнно обусловливается и особенность въ должномъ, нравственномъ отношеніи къ нимъ. Любовь къ ближнимъ опредѣляется жалостью, любовь къ Богу—благоговѣніемъ. Любить ближняго, какъ самого себя, реально значитъ—жалѣть его, какъ самого себя, и любовь къ Богу всѣмъ сердцемъ означаетъ всецѣлую преданность Ему, полное соединеніе своей воли съ Его волей, т.-е. совершенство сыновняго, или религіознаго чувства и отношенія.

Такимъ образомъ, заповѣдь любви не связана съ какою-нибудь отдѣльною добродѣтелью, а есть завершительное выраженіе всѣхъ основныхъ требованій нравственности въ трехъ необходимыхъ сферахъ отношеній: къ низшему, высшему и однородному бытію.

V.

Показавъ, что четыре „кардинальныя“, а равно и три „богословскія“ добродѣтели сводятся такъ или иначе къ указаннымъ нами тремъ первичнымъ основамъ (элементамъ) нравственности, а не представляютъ самостоятельныхъ источниковъ нравственныхъ дѣйствій, я могу предоставить доброй волѣ и сообразительности читателей продолжить такой разборъ въ примѣненіи къ другимъ, такъ называемымъ, добродѣтелямъ. Общепризнаннаго списка ихъ не существу-

еть, и посредствомъ схоластическихъ дистинкцій можно умножать число ихъ неопредѣленно. Лишь въ видѣ нѣкотораго „сверхдолжнаго“ дополненія къ предыдущему я хочу сказать нѣсколько словъ о пяти добродѣтеляхъ, представляющихъ извѣстный интересъ въ томъ или другомъ отношеніи, именно: о *великодушіи, безкорыстіи, щедрости, терпѣннн и правдивости.*

Великодушнымъ мы называемъ человѣка, который находитъ *низшимъ своего достоинства*, или постыднымъ, настаивать на своихъ матеріальныхъ правахъ въ ущербъ другимъ, или связывать свою волю съ *низшими* житейскими интересами (наприм., тщеславіемъ), которыми онъ поэтому безъ труда жертвуетъ ради высшихъ соображеній. Мы называемъ также великодушнымъ того человѣка, который невозмутимо переноситъ житейскія бѣды и напасти потому опять-таки, что считаетъ *постыднымъ* спокойствіе своего духа ставить въ зависимость отъ матеріальныхъ случайностей. Уже подчеркнутыя слова показываютъ, что эта добродѣтель есть лишь особое выраженіе или форма проявленія нашей первой нравственной основы—самоутвержденія человѣческаго духа противъ низшей, матеріальной стороны нашего бытія. Все дѣло здѣсь въ чувствѣ человѣческаго достоинства, томъ самомъ, которое элементарно выражается въ простомъ стыдѣ.

Безкорыстіе есть свобода духа отъ привязанности къ особаго рода матеріальнымъ благамъ, именно къ имущественнымъ. Ясно, значить, что это есть особое выраженіе того же чувства человѣческаго достоинства; соотвѣтственно чему и противоположные этой добродѣтели пороки: скупость и корыстолюбіе—сознаются какъ *постыдные.*

Щедрость по внѣшнимъ проявленіямъ совпадаетъ съ великодушіемъ и безкорыстіемъ, но имѣетъ другую внутреннюю основу — альтруистическую. Добродѣтельно-щедрый человѣкъ есть тотъ, который изъ справедливости или чело-вѣколюбія дѣлится своимъ имуществомъ съ другими (ибо, поскольку онъ дѣлаетъ это изъ тщеславія, или изъ высоко-

мѣрія,—тутъ нѣтъ добродѣтели). Но при этомъ такой человекъ можетъ быть даже до скупости привязанъ къ тому имуществу, которое онъ раздаетъ, и въ такомъ случаѣ его нельзя, строго говоря, назвать безкорыстнымъ: слѣдуетъ только сказать, что въ немъ альтруистическая добродѣтель щедрости побѣждаетъ порокъ корыстолюбія.

Терпѣніе (какъ добродѣтель) есть только страдательная сторона того душевнаго качества, которое въ дѣятельномъ своемъ проявленіи называется великодушіемъ, или духовнымъ мужествомъ. Тутъ почти вся разница исчерпывается субъективными оттѣнками, не допускающими твердыхъ разграниченій. Смотри на одного и того же человека, спокойно переносящаго бѣдствія или мученія, одинъ назоветъ его великодушнымъ, другой—терпѣливымъ, третій—мужественнымъ, четвертый увидитъ здѣсь примѣръ особой добродѣтели—невозмутимости (*ἀταραξία*) и т. д. Споръ о сравнительномъ достоинствѣ этихъ опредѣленій можетъ имѣть только лексическій, а не этический интересъ. Съ другой стороны, единство внѣшнихъ признаковъ можетъ и здѣсь (какъ и въ предыдущемъ случаѣ щедрости) прикрывать существенное различіе этическаго содержанія. Можно терпѣливо переносить физическія и душевныя страданія или вслѣдствіе малой воспріимчивости нервовъ, тупости ума и апатичности темперамента,—и тогда это вовсе не добродѣтель; или вслѣдствіе внутренней силы духа, не уступающаго внѣшнимъ воздѣйствіямъ,—и тогда это есть добродѣтель аскетическая (сводимая къ нашей первой нравственной основѣ); или вслѣдствіе кротости и любви къ ближнему (*caritas*), не желающей воздавать зломъ за зло и обидой за обиду—и въ такомъ случаѣ это есть добродѣтель альтруистическая (сводимая ко второй основѣ: жалости, распространяемой здѣсь даже на врага и обидчика); или, наконецъ, терпѣніе происходитъ изъ покорности высшей волѣ, отъ которой зависитъ все совершающееся,—и тогда это есть добродѣтель піэтистическая или религіозная (сводимая къ третьей основѣ).

Особая разновидность терпѣнія есть качество, которому присвоено по-русски неправильное въ грамматическомъ отношеніи названіе терпимости (*passivum pro activo*). Такъ называется допущеніе чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведетъ къ теоретическимъ и практическимъ заблужденіямъ. И это свойство и отношеніе не есть само по себѣ ни добродѣтель, ни порокъ, а можетъ быть въ различныхъ случаяхъ тѣмъ или другимъ, смотря по предмету (наприм., торжествующее злодѣяніе сильнаго надъ слабымъ не должно быть терпимо, и потому „терпимость“ къ нему не добродѣтельна, а безнравственна), главнымъ же образомъ,—смотря по внутреннимъ мотивамъ, каковыми могутъ быть здѣсь и великодушіе, и малодушіе, и уваженіе къ правамъ другихъ, и пренебреженіе къ ихъ благу, и глубокая увѣренность въ побѣждающей силѣ высшей истины, и равнодушіе къ этой истинѣ *).

VI.

Между производными, или вторичными, добродѣтелями самою важною слѣдуетъ признать правдивость, какъ по ея специально-человѣческому характеру (ибо, въ точномъ смыслѣ, она возможна только для существа словеснаго **), такъ и по ея значенію для общественной нравственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта добродѣтель служила и еще служить поводомъ особыхъ споровъ между моралистами различныхъ направленій.

Слово есть орудіе разума для выраженія того, что есть, что можетъ и что должно быть, т.-е. правды реальной, формальной и идеальной. Обладаніе такимъ орудіемъ принадлежитъ къ высшей природѣ человѣка, а потому, когда онъ злоупотребляетъ имъ, выражая неправду ради низшихъ, матеріальныхъ цѣлей, то онъ совершаетъ нѣчто противное

*) Болѣе подробно объ этомъ см. въ началѣ моей статьи „Споръ о справедливости“ („Вѣстн. Европы“, мартъ 1894 г.).

**) Животныя могутъ быть наивны или хитры, но только человѣкъ — правдивъ, или лживъ.

человѣческому достоинству, нѣчто *постыдное*. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово есть выраженіе человѣческой солидарности, важнѣйшее средство общенія между людьми; такимъ можетъ быть только правдивое слово; поэтому, когда отдѣльный человѣкъ употребляетъ слово для выраженія неправды ради своихъ эгоистическихъ (не индивидуально-эгоистическихъ только, а и собирательно-эгоистическихъ, наприм., семейныхъ, сословныхъ, партійныхъ и т. д.) цѣлей, то онъ нарушаетъ права другихъ (такъ какъ слово есть общее достояніе) и вредитъ общей жизни. Если ложь такимъ образомъ, будучи постыдной для самого лгушаго, вмѣстѣ съ тѣмъ обидна и вредна для обманываемыхъ, то значить требованіе правдивости имѣетъ двоякое нравственное основаніе: во-первыхъ, въ человѣческомъ *достоинствѣ* самого субъекта и, во-вторыхъ, въ *справедливости*, т.-е. въ признаніи права другихъ не быть обманываемыми мною, поскольку я самъ не могу желать, чтобы меня обманывали.

Все это прямо вытекаетъ изъ разума и не заключаетъ въ себѣ ничего сомнительнаго. Но школьная философія, отвлекая требованіе правдивости отъ *ею* нравственныхъ основъ и превращая его въ *особую* добродѣтель, имѣющую въ *своей* *отдѣльности* безусловное значеніе, создаетъ противорѣчія и недоумѣнія, изъ существа дѣла не вытекающія. Если бы, придавъ безусловное значеніе правилу: не лги, какъ недопускающему никакихъ исключеній ни въ какомъ случаѣ,—подъ ложью разумѣли противорѣчіе правдѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. не только правдѣ реальной и формальной, но также и преимущественно правдѣ идеальной или чисто-нравственной (тому, что *должно*), то это было бы совершенно вѣрно и безспорно, ибо ясно, что правда перестаетъ быть правдой, если можетъ быть хоть одинъ случай, въ которомъ позволительно отступить отъ нея. Никакихъ вопросовъ тутъ не могло бы и возникнуть, по крайней мѣрѣ, между людьми, понимающими, что $A=A$ и $2 \times 2 = 4$. Но дѣло въ томъ, что тѣ философы, которые особенно настаиваютъ на правилѣ „не лги“, какъ не могущемъ имѣть

никакого исключенія, впадаютъ сами въ фальшь, произвольно ограничивая значеніе правды (въ каждомъ данномъ случаѣ) одною ея реальною или, точнѣе, фактической стороною, въ отдѣльности взятою. Становясь на эту точку зрѣнія, приходятъ къ такой нелѣпой дилеммѣ (привожу общеупотребительный примѣръ, какъ самый простой и ясный): когда кто-нибудь, не имѣя другихъ средствъ помѣшать убійцѣ, преслѣдующему свою невинную жертву, скроетъ преслѣдуемаго у себя въ домѣ и на вопросъ убійцы, не находится ли здѣсь такой-то, отвѣтитъ отрицательно, а для большаго убѣдительности „отведетъ ему глаза“, указавъ на совѣмъ другое мѣсто, — то одно изъ двухъ: солгавши такимъ образомъ, онъ поступилъ или согласно съ нравственнымъ долгомъ, или противно ему. Въ первомъ случаѣ—оказывается позволительнымъ нарушать нравственную заповѣдь: *не лги*, чѣмъ отнимается у нравственности ея безусловное значеніе и открывается дверь для оправданія всякаго зла; а во второмъ случаѣ,—если этотъ человѣкъ долженъ былъ сказать правду, то выходитъ, что нравственный долгъ правдивости обязывалъ его на дѣлѣ стать рѣшительнымъ пособникомъ убійцы въ его злодѣяніи,—что одинаково противно и разуму, и нравственному чувству. Средины же при такой постановкѣ дѣла не можетъ быть, ибо само собою разумѣется, что отказъ этого человѣка въ отвѣтъ или отвѣтъ уклончивый только подтвердилъ бы предположеніе убійцы и окончательно выдалъ бы ему жертву.

Какъ извѣстно, моралисты такой величины, какъ Кантъ и Фихте, стоятъ за безусловный и формальный характеръ нравственныхъ предписаній, полагаютъ, что и въ подобныхъ обстоятельствахъ ложь была бы непозволительна, что слѣдовательно спрашиваемый обязанъ былъ исполнить долгъ правдивости, не думая о послѣдствіяхъ, которыя (будто бы) не лежатъ на его отвѣтственности. Другіе моралисты, сводящіе всю нравственность къ чувству симпатіи, или къ принципу альтруизма, полагаютъ, что ложь позволительна и даже обязательна въ этомъ и подобныхъ случаяхъ, т.-е.

вообще для спасенія и блага ближнихъ, чѣмъ становятся принципиально подъ то знамя широкой морали, на которомъ, съ восточной стороны, написано „богопремудрственное коварство“, а съ западной, — „ad maiorem Dei gloriam“, при чемъ они предлагаютъ только практической вариантъ: „ad maius proxiimi, bonum“.

Какъ же однако рѣшить вопросъ: долженъ ли былъ тотъ несчастный человекъ солгать или не долженъ? Когда оба члена какой-нибудь дилеммы одинаково приводятъ къ нелѣпостямъ, то, значитъ, въ самой постановкѣ дилеммы есть что-нибудь неладное. Въ настоящемъ вопросѣ это неладное зависитъ отъ двусмысленности слова „ложь (ложный, лгать)“, которое между тѣмъ принимается здѣсь такъ, какъ будто бы оно имѣло только одинъ смыслъ, или какъ-будто бы въ одномъ смыслѣ непременно заключался и другой, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Такимъ образомъ, это главное слово принимается *фальшиво* въ самой основѣ разсужденія, а потому и никакихъ заключеній, кромѣ фальшивыхъ, отсюда произойти не можетъ.

Разберемъ это подробно, и пусть читатель не сѣтуетъ на нѣкоторую педантичность нашего разбора: вѣдь самый вопросъ возникъ лишь въ силу школьнаго педантизма отвлеченныхъ моралистовъ.

По формальному опредѣленію, ложь есть противорѣчіе между чѣмъ-нибудь изъявленіемъ *) о нѣкоторомъ фактѣ и дѣйствительнымъ существованіемъ или способомъ существованія этого факта. Но это формальное понятіе лжи не имѣетъ прямого отношенія къ нравственности. Противорѣчащее дѣйствительности изъявленіе можетъ иногда быть только *ошибочнымъ*, и въ такомъ случаѣ его фактическая ложность ограничивается лишь предметною (или точнѣе, являемою) областью, нисколько не затрогивая нравственной

---

*) Это общее опредѣленіе, очевидно, должно относиться какъ къ утвержденіямъ, такъ и къ отрицаніямъ, а потому я долженъ прибѣгнуть къ мало употребительному слову *изъявленіе*, обнимающему и то и другое. Слова: *сужденіе* и *предложеніе* имѣютъ отгѣнки, неудобные въ настоящемъ случаѣ.

стороны субъекта, т.-е. тутъ вовсе нѣтъ лжи въ нравственномъ смыслѣ: ошибка въ фальшь не ставится. Это бываетъ, напримѣръ, чтобы начать съ крайнихъ случаевъ,—когда человекъ говоритъ небылицу по разсѣянности, или какъ въ известномъ анекдотѣ нѣмецъ, путая англійскія слова съ нѣмецкими утверждалъ, что онъ сдѣлался чашкой чая (I became a cup of tea). Съ предметной стороны, такое утверждение слѣдуетъ безспорно признать ложнымъ въ высочайшей степени, ибо оно противорѣчитъ не только отдѣльному факту дѣйствительности, но и всей природѣ вещей; и однако же, никому не придетъ въ голову искать здѣсь хотя бы самага слабаго присутствія лжи въ нравственномъ смыслѣ. Но помимо ошибокъ языка, то же самое должно сказать и объ ошибкахъ мысли, или заблужденіяхъ.

Многіе люди утверждали словесно и письменно (и теперь утверждаютъ) вещи, столь же ложныя (въ предметномъ смыслѣ), какъ превращеніе человека въ чашку чая, но дѣлали и дѣлаютъ это сознательно,—съ намѣреніемъ сказать именно то, что они говорятъ, и если они при этомъ искренно принимаютъ ложь за истину, то никто не признаетъ ихъ лжецами и не увидитъ въ ихъ заблужденіи ничего безнравственнаго. Итакъ, ни противорѣчіе между словами и дѣйствительностью, ни противорѣчіе между мыслями и дѣйствительностью не составляютъ лжи въ нравственномъ смыслѣ. Не заключается ли она въ противорѣчьи воли съ дѣйствительностью, какъ такую, т. е. въ простомъ намѣреніи солгать? Но такого простого намѣренія вовсе не бываетъ. Люди (по крайней мѣрѣ, такіе, которые подлежатъ нравственной отвѣтственности) гнутъ для чего-нибудь, или изъ-за чего-нибудь: одни—для удовлетворенія своего тщеславія, чтобы чѣмъ-нибудь себя заявить, обратить на себя вниманіе, отличиться, другіе—ради матеріальныхъ расчетовъ, чтобы обмануть кого-нибудь съ пользой для себя. Оба эти рода лжи; изъ коихъ первый называется хвостовствомъ, а второй—мошенничествомъ, подлежатъ нравственному сужденію и осужденію, какъ противныя требованію правдивости,

какъ постыдные для самого лгушаго и какъ обидные и вредные для другихъ. Но, кромѣ лжи тщеславной или хвастовства, и лжи корыстной, или мошенничества, есть болѣе тонкій видъ лжи, не имѣющей прямо низкихъ цѣлей и однако подлежащей нравственному осужденію, какъ обидный для ближняго: именно, ложь изъ презрѣнія къ человѣчеству, начиная отъ житейскаго „меня дома нѣтъ“ и кончая сложными политическими, религіозными и литературными мистификаціями. Въ этой лжи нѣтъ собственно ничего постыднаго въ тѣсномъ смыслѣ слова (разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мистификація не имѣетъ матеріальныхъ цѣлей), но она безнравственна съ точки зрѣнія альтруизма, какъ нарушающая права обманываемыхъ. Самъ мистификаторъ, очевидно, не желалъ бы быть обманутымъ и считалъ бы направленную противъ него мистификацію обиднымъ нарушеніемъ своего человѣческаго права. Слѣдовательно, онъ долженъ уважать такое же право и въ другихъ.

Примѣръ человѣка, отводящаго глаза убійцѣ, чтобъ помѣшать убійству, очевидно, не подходитъ къ первымъ видамъ лжи,—нѣтъ ли возможности отнести его къ послѣднему? Не презирается ли здѣсь человѣчество въ лицѣ убійцы, который все-таки человѣкъ и не долженъ терять всѣхъ человѣческихъ правъ? Но къ этимъ человѣческимъ правамъ никакъ не можетъ причисляться право убійцы на мое пособничество ему въ совершеніи убійства; а именно такое пособничество и *только оно одно* имѣется въ виду при его вопросѣ о мѣстѣ нахождения его жертвы. Совѣсть не позволяетъ намъ создавать завѣдомой фикціи (измышленія), особенно когда дѣло идетъ о жизни человѣка; а чѣмъ же инымъ, какъ не завѣдомою фикціей было бы предположеніе, что убійца при своемъ вопросѣ думаетъ сколько-нибудь объ истинѣ, интересуется знать истину и что слѣдовательно онъ, какъ и всякій другой человѣкъ, *имѣетъ право* на точный отвѣтъ со стороны знающихъ эту истину. Вѣдь на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ. Обращенный ко мнѣ запросъ убійцы вовсе не существуетъ какъ отдѣльный и са-

мостоятельный актъ, выражающій его любознательность насчетъ фактическаго мѣстонахожденія его жертвы: этотъ запросъ есть только нераздѣльный моментъ въ цѣломъ рядѣ поступковъ, составляющихъ въ совокупности покушеніе на убійство, и мой утвердительный отвѣтъ на его запросъ вовсе не былъ бы исполненіемъ общей обязанности говорить правду, а только преступнымъ *пособничествомъ*, благодаря которому покушеніе превратилось бы въ совершеніе убійства.

Если говорить о правдивости, то правдивость прежде всего требуетъ брать всякое дѣло, какъ оно есть, въ его дѣйствительной цѣлости и собственномъ внутреннемъ смыслѣ. Но слова и дѣйствія убійцы въ нашемъ примѣрѣ объединяются и получаютъ свой дѣйствительный смыслъ только отъ его замысла убить этого человѣка; слѣдовательно, только по связи съ этимъ замысломъ можно правдиво оцѣнивать какъ самыя эти слова и дѣйствія, такъ и отношеніе къ нимъ другого лица. Съ этой, единственно правдивой точки зрѣнія, вопросъ убійцы значить только: *помоги мнѣ совершить убійство*, и фактически точный отвѣтъ на него, отвлекаясь отъ дѣйствительнаго смысла вопроса и придавая ему вопреки очевидности какое-то отношеніе къ истинѣ, былъ бы прямо *лживъ*—съ теоретической стороны, а практически означалъ бы только *исполненіе этого преступнаго требованія*; тогда какъ „отводъ глазъ“ былъ бы единственнымъ возможнымъ способомъ *отказа* въ этомъ требованіи,—отказа *нравственно обязательнаго* не только по отношенію къ жертвѣ, которой это спасаетъ жизнь, но и по отношенію къ злодѣю, которому это дастъ время одуматься и отказаться отъ его преступнаго намѣренія. Тѣмъ менѣе можно говорить здѣсь о нарушении права; смѣшивать требованіе преступнаго пособничества съ правомъ слышать истину отъ знающаго было бы ошибкою слишкомъ грубою. Такъ же ошибочно было бы настаивать на томъ, что человѣкъ, въ силу нравственной обязанности помѣшавшій убійству единственнымъ возможнымъ способомъ, все-таки солгалъ и

слѣдовательно поступилъ дурно,—это значило бы смѣшивать два смысла слова „ложь“,—формальный и нравственный,—существенное различіе которыхъ было выше указано.

Для сторонниковъ лже-нравственнаго ригоризма остается еще мнимое убѣжище на почвѣ религиозной: хотя никакое человѣческое право не нарушается моимъ наведеніемъ убійцы на ложный слѣдъ, но не нарушается ли этимъ право божеское? Если существуетъ свыше данная заповѣдь „не лги“, то я безусловно обязанъ ее исполнять, возлагая послѣдствія на волю Божию. Но дѣло въ томъ, что такой отвлеченной заповѣди, запрещающей ложь вообще или въ формальномъ смыслѣ,—вовсе не существуетъ въ словѣ Божіемъ *), тогда какъ заповѣдь жертвовать за ближнихъ самою душою своею,—а не только формальною правильностью своихъ словъ,—несомнѣнно существуетъ и требуетъ исполненія. Нельзя ли однако (съ мистической точки зрѣнія) найти способъ исполнить здѣсь главную заповѣдь любви, избѣгая однако формальной лжи? Развѣ нельзя, выдавши убійцѣ его жертву, обратиться затѣмъ къ Богу съ молитвой, чтобы Онъ какимъ-нибудь чудомъ предотвратилъ убійство? Хотя извѣстны случаи молитвы, производившей желательное дѣйствіе вопреки всѣмъ человѣческимъ вѣроятностямъ,—но это лишь въ безысходной крайности, когда никакихъ естественныхъ средствъ не оставалось. Но требовать отъ Бога чуда, когда самъ можешь простымъ и *безобиднымъ* способомъ предупредить бѣду,—было бы въ высшей степени *нечестиво*. Другое дѣло, если бы послѣднее человѣческое средство было безнравственно, но ссылаться здѣсь на безнравственность формальной лжи, какъ такой, значило бы предполагать именно то, что требуется доказать и чего логически доказать нельзя, ибо это предположеніе основано, какъ мы видѣли, на смѣшеніи понятій.

---

*) Заповѣдь: не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна, т. е. не клевети, не относится къ нашему вопросу, такъ какъ ею запрещается не ложь вообще, а лишь вполне опредѣленный и несомнѣнно безнравственный видъ лжи.

Въ сжатомъ умозаключеніи наша длинная аргументація можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Формально-ложное заявленіе, т.-е. противорѣчащее тому факту, къ которому оно относится, не всегда есть ложь въ нравственномъ смыслѣ, а становится таковою, лишь когда происходитъ изъ дурной воли, намѣренно *злоупотребляющей* словомъ для своихъ цѣлей; дурное же свойство воли состоитъ въ противорѣчїи ея не какому-нибудь факту, а *должному*; должное же, необходимо и вполне опредѣляемое въ трехъ отношенїяхъ — къ тому, что ниже насъ, что подобно намъ и что выше насъ, — сводится къ тремъ требованїямъ: подчиненїя низшей природы духу, уваженїя правъ подобныхъ намъ существъ и всецѣлой преданности Высшему началу міра. Всякое проявленїе нашей воли можетъ быть дурнымъ или безнравственнымъ только при нарушенїи одной изъ этихъ трехъ обязанностей, т.-е. когда воля утверждаетъ или принимаетъ что-нибудь постыдное (въ первомъ отношенїи), или что-нибудь обидное (во второмъ), или что-нибудь нечестивое (въ третьемъ). Но воля человѣка, отводящаго глаза убійцы отъ его жертвы не нарушаетъ ни одной изъ трехъ обязанностей, — въ этой волѣ нѣтъ ничего постыднаго, ничего обиднаго, ничего нечестиваго. Итакъ, здѣсь вовсе нѣтъ лжи въ нравственномъ смыслѣ, вовсе нѣтъ отступленїя отъ какой-нибудь заповѣди, и допуская такой способъ предупрежденїя зла, мы вовсе не допускаемъ какого-нибудь исключенїя изъ нравственнаго правила: на указанныхъ основанїяхъ мы отрицаемъ, чтобы данный случай подходилъ подъ то нравственное правило, которому его вопреки очевидности хотятъ подчинить.

Одна изъ спорящихъ сторонъ утверждаетъ: *такъ какъ* здѣсь есть ложь, то не слѣдовало употреблять этого *дурного* средства, *хотя бы* для спасенїя ближняго. Другая сторона отвѣчаетъ: *хотя* здѣсь была ложь, но *такъ какъ* обязанность спасти чужую жизнь важнѣе обязанности говорить правду, то позволительно было употребить это, хотя и дурное, средство для спасенїя ближняго. Оба эти фальшивыя рѣ-

шенія одинаково устраняются третьимъ, истиннымъ: *такъ какъ здѣсь не было лжи* (въ нравственномъ смыслѣ), то употребленіе этого *невиннаго* средства, какъ необходимаго для предупрежденія убійства, было *безусловно обязательно* *).

VII.

Правдивость, какъ и всѣ прочія „добродѣтели“, не заключаетъ своего нравственного качества въ себѣ самой, а получаетъ его отъ своего согласія съ основными нормами нравственности. Отдѣленная отъ нихъ мнимая правдивость можетъ быть источникомъ лжи, т.-е. ложныхъ оцѣнокъ. Она можетъ останавливаться на требованіи, чтобы наши слова были лишь точнымъ отраженіемъ внѣшней дѣйствительности отдѣльныхъ фактовъ; съ этой точки зрѣнія, священникъ съ полною точностью передающій сказанное ему на исповѣди, удовлетворялъ бы требованію правдивости. Но истинная правдивость требуетъ, чтобы наши слова соотвѣтствовали внутренней *правдѣ* или смыслу даннаго положенія, къ которому наша воля примѣняетъ нравственныя нормы.

Разборъ такъ называемыхъ добродѣтелей показалъ намъ, что всѣ онѣ имѣютъ нравственное значеніе лишь, поскольку опредѣляются тѣми тремя нормами должнаго. А сами эти нормы, хотя онѣ и опираются на соотвѣтствующія имъ первичныя чувства (стыда, жалости и благоговѣнія), какъ на свой *психологическій корень*, однако не имѣютъ здѣсь своего окончательнаго основанія, а развиваются логически изъ понятія *должнаго* или *правды* (въ широкомъ смыслѣ). Правда требу-

---

*) Хотя въ разсмотрѣнномъ вопросѣ Кантъ стоитъ на сторонѣ ригористовъ, но это, въ сущности, несогласно съ его собственнымъ принципомъ, требующимъ, для признанія нравственного достоинства за извѣстнымъ поступкомъ, чтобы этотъ поступокъ могъ быть возведенъ на степень всеобщаго правила. Ясно, что отводя глаза убійцы отъ мѣста нахождения его жертвы, я могу по разуму и по совѣсти утверждать свой способъ дѣйствія какъ всеобщее правило: всѣ и всегда должны скрывать такимъ образомъ отъ убійцы его жертву, и ставя себя самого на мѣсто убійцы, я, въ качествѣ нравственнаго существа, могу только желать, чтобы и мнѣ такимъ же средствомъ помѣшали совершить убійство.

еть, чтобы мы относились къ низшей природѣ—какъ къ низшей, т.-е. подчиняли ее разумнымъ цѣлямъ; если мы, напротивъ, подчиняемся ей, то признаемъ ее не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, а чѣмъ-то высшимъ,—значить, извращаемъ истинный порядокъ вещей, нарушаемъ правду, относимся къ этой низшей сферѣ недолжнымъ или безнравственнымъ образомъ. Точно также правда требуетъ, чтобы мы относились къ подобнымъ себѣ, какъ къ таковымъ, признавали ихъ равноправность съ собою, ставили себя на ихъ мѣсто; если же мы, признавая себя за полноправную личность, видимъ въ другихъ лишь пустыя личины, то, очевидно, мы отступаемъ отъ того, что есть по правдѣ, и наше отношеніе не есть должное. Наконецъ, если мы сознаемъ надъ собою высшее всемірное начало, то правда требуетъ, чтобы мы и относились къ нему, какъ къ высшему, т.-е. съ религиозною преданностью: всякое иное отношеніе будетъ противорѣчить истинному положенію дѣла и слѣдовательно будетъ недолжнымъ.

Такое нравственное сознаніе о правдѣ или о должномъ не могло бы, конечно, возникнуть, если бы въ природѣ человѣка не были уже прежде заложены чувства стыда, жалости и благоговѣнія, непосредственно опредѣляющія правильное его отношеніе къ тремъ основнымъ условіямъ его жизни. Но послѣ того какъ разумъ вывелъ изъ этихъ природныхъ данныхъ ихъ внутреннее этическое содержаніе и постановилъ его, какъ *должное*, оно становится самостоятельнымъ принципомъ нравственной дѣятельности, независимо отъ своихъ психологическихъ основъ*). Можно себѣ представить человѣка, имѣющаго по природѣ лишь очень слабо развитое чувство стыдливости, но убѣдившагося разумно въ своемъ долгѣ противодѣйствовать захватамъ низшей природы и добросовѣстно исполняющаго этотъ долгъ; такой человѣкъ на дѣлѣ окажется въ этой области болѣе нравственнымъ, чѣмъ человѣкъ, по природѣ стыдливый, но

---

*) См. „Критика отвлеч. нач.“, стр. 70.

котораго умъ безоруженъ противъ чувственныхъ искушений, побѣждающихъ его стыдливость. То же самое вѣрно относительно природной жалостливости (на чемъ останавливается Кантъ) и относительно естественнаго религіознаго чувства. Безъ сознанія долга всѣ эти естественныя побужденія къ нравственнымъ дѣйствіямъ непрочны и не имѣютъ рѣшающаго значенія при столкновеніи противоположныхъ мотивовъ.

Но имѣетъ ли безусловно рѣшающую силу отвлеченное сознаніе долгаго или правды? Фактически не имѣетъ. Праведниковъ по долгу, быть можетъ, еще меньше, чѣмъ праведниковъ по естественнымъ склонностямъ. Такимъ образомъ, понятіе *должнаго* оказывается лишеннымъ въ реальномъ смыслѣ признаковъ всеобщности и необходимости. Жизненный интересъ нравственной философіи, равно какъ и формальное требованіе разума, не можетъ помириться съ этимъ фактомъ, и отсюда возникаетъ для разума новая задача: найти такое практическое начало, которое имѣло бы въ самомъ существѣ своемъ силу необходимо опредѣлять человѣческое поведеніе, независимо отъ различія естественныхъ склонностей души, а также и отъ степеней духовнаго развитія,—начало, одинаково свойственное, понятное и дѣйствительное для всѣхъ людей.

Когда разумъ останавливается исключительно или преимущественно на этой сторонѣ дѣла, то добро понимается не какъ безусловно должное, а какъ безусловно *желанное*, или въ смыслѣ *высшаго блага* (*summum bonum*), и вопросъ получаетъ слѣдующій видъ: существуетъ ли и въ чемъ заключается высшее благо, или то единое, чему необходимо подчиняются всѣ прочія блага, какъ безусловному мѣрилу (критерію) *желательности вообще*?

Владиміръ Соловьевъ.

Параллелистическая теорія душевной жизни *).

Психологическія изслѣдованія въ наши дни, при всемъ разнообразіи существующихъ направленій, въ огромномъ большинствѣ характеризуются болѣе или менѣе ясно выраженнымъ стремленіемъ къ оправданію монистическаго взгляда на отношеніе духа и тѣла. Въ этомъ состоитъ очень рѣзкая черта отличія психологіи нынѣшняго столѣтія, особенно во вторую его половину, отъ прежней психологіи. Старая психологія рѣдко отклонялась отъ обычнаго человѣческаго взгляда на связь души съ тѣломъ: для нея они представляютъ два самостоятельные источника явленій, своимъ реальнымъ взаимодействіемъ образующіе нашу жизнь. Въ древности антропологическій дуализмъ проповѣдуется даже открытыми матеріалистами. Наприм., по Демокриту, душа есть нѣкоторое особое, весьма тонкое вещество, распространенное между болѣе грубыми элементами нашего тѣла. Въ новое время дуализмъ матеріальнаго тѣла и безтѣлесной души долго признается за несомнѣнную истину большинствомъ философовъ. Противоположный взглядъ высказывался въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Уже въ XVIII вѣкѣ, даже такой рѣшительный защитникъ крайняго сенсуализма, какъ Кондильякъ, считаетъ еще необходимымъ, для объясненія психической жизни, признать существованіе нематеріальной души. Но именно въ второй

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Психологическаго Общества, 13 мая 1895 года.

половинѣ XVIII столѣтія стремленіе къ единству начала при объясненіи психическихъ и физическихъ явленій, начинается все болѣе овладѣвать умами изслѣдователей. Монизмъ становится теоретическимъ постулатомъ, все яснѣе сознаваемымъ. Къ нему подходятъ съ двухъ концовъ: французы ищутъ объединенія физической и психической жизни на почвѣ материализма; нѣмцы обосновываютъ органическое единство природы и духа изъ принциповъ чистаго идеализма. Въ XIX столѣтіи монистическая точка зрѣнія постепенно торжествуетъ, и теперь ее нельзя не признать господствующею.

Въ современномъ монизмѣ, какъ онъ сказывается въ объясненіяхъ душевной жизни, слѣдуетъ отмѣтить еще важную особенность: она заключается въ стремленіи создать „психологію безъ души“. Отрицаніе души, какъ реальной, самостоятельной субстанціи, составляетъ одно изъ наиболѣе общихъ мѣстъ психологической литературы. Нѣтъ души, какъ самобытнаго начала психическихъ явленій въ отличіе отъ явленій тѣлесныхъ. Дуализмъ нематеріальнаго духа и матеріальнаго тѣла есть гипотеза бесплодная, нелогичная и противорѣчащая всѣмъ показаніямъ опыта. Внутреннее единство и нерасторжимая связь психическаго и физическаго въ насъ есть фактъ, съ каждымъ днемъ все точнѣе устанавливаемый наукою. Неужели ясными данными науки мы пожертвуемъ ради темныхъ и непонятныхъ вѣрованій? Неужели мы будемъ продолжать разсѣкать человѣка на двое наперекоръ всему, чему научаетъ насъ его дѣйствительная природа? Нужно изгнать призракъ души и забыть о немъ,—только тогда психологія выйдетъ изъ туманной метафизической стадіи, и для нея начнется періодъ плодотворнаго научнаго развитія! Подобныя разсужденія приходится встрѣчать довольно часто.

Несостоятельность антропологическаго дуализма была рѣзко выставлена еще у нѣмецкихъ идеалистовъ, но у нихъ она являлась въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Центръ тяжести ихъ міросозерцанія лежалъ въ отрицаніи самобытности

тѣлеснаго начала. Для нихъ всѣ формы дѣйствительности представляютъ акты саморазвитія единого духа, причемъ физическая природа разсматривается лишь какъ низшая ступень духовной дѣятельности. По Шеллингу, матерія—потухшій духъ; въ глазахъ Гегеля, природа есть абсолютная идея, отпавшая отъ самой себя и черезъ это ставшая себѣ внѣшнею. Съ этой точки зрѣнія, первоначальная, истинная дѣйствительность,—то, что можно назвать субстанціальностью,—принадлежитъ духу; все матеріальное есть только его проявленіе, притомъ не отражающее его истинной природы.

Нельзя не замѣтить, что въ современномъ монизмѣ общая постановка проблемы носить противоположный характеръ. Его преобладающая тенденція направлена къ устраненію духовной самобытности, что сказывается уже въ самыхъ поискахъ за „психологіей безъ души“. Вѣдь въ самой этой формулѣ подразумѣвается признаніе, что души нѣтъ, какъ реального *существа*. Такимъ образомъ, то, что предполагается неизбѣжнымъ свойствомъ мельчайшаго атома, считаютъ невозможнымъ приписать даже наиболѣе развитому духу. Атомъ есть все-таки нѣкоторый объектъ, вещь, нѣкоторая реальность, сохраняющая свое единство черезъ все разнообразіе переживаемыхъ ею явленій. Напротивъ, духъ только *явленіе*, и притомъ явленіе, находящееся въ совершенно исключительномъ положеніи между другими явленіями природы. По господствующему теперь ученію, сознаніе со всѣмъ, что его составляетъ, есть только *эпифеноменъ*, только сопровождающее обстоятельство тѣлесныхъ процессовъ, всецѣло обусловленное ими по своему содержанію, но не оказывающее на нихъ самихъ никакого вліянія: это явленіе—безъ дѣйствій и послѣдствій, совсѣмъ лишенное способности быть причиною какихъ-нибудь реальныхъ событій. Получается крайне парадоксальный результатъ: паденіе малѣйшей пылинки оказывается безконечно болѣе могущественнымъ по отношенію къ міру въ его цѣломъ, нежели глубочайшія порожденія мысли или самые возвышенные подвиги нравственнаго

героизма: вѣдь паденіе пылинки вызываетъ въ окружающей средѣ неограниченный рядъ дѣйствій, хотя для насъ и незамѣтныхъ,—напротивъ, мысль своимъ идейнымъ содержаніемъ, воля въ своихъ психическихъ мотивахъ и нравственной цѣнѣ, ничего не производятъ и не мѣняютъ въ природномъ ходѣ. Напримѣръ, „Критика чистаго разума“ Канта, представляется намъ созданіемъ его творческаго генія и громадною работой его ума, но это только намъ *кажется*. На самомъ дѣлѣ, все, что Кантъ написалъ, было порождено внутреннимъ механизмомъ частицъ, составлявшихъ его организмъ, и только имъ однимъ. Одинъ изъ очень талантливыхъ представителей эпифеноменистическаго взгляда — Паульсенъ *) говоритъ: „Современный физиологъ демонстрировалъ бы намъ автора „Критики чистаго разума“, какъ своего рода часовой механизмъ; при такомъ-то расположеніи мозговыхъ клѣтокъ, при такой-то связи ихъ другъ съ другомъ и съ двигательными нервами, такія-то раздраженія, дѣйствующія на сѣтчатую оболочку, на осязательные нервы пальцевъ должны были причинить такія-то вотъ движенія,—принципально не иначе, чѣмъ при пиущемъ автоматѣ, или музыкальномъ ящикѣ. О мысляхъ или о чемъ-нибудь подобномъ при демонстраціи не было бы совсѣмъ и рѣчи. Пусть даже физиологъ знаетъ, что нѣчто такое происходитъ, но для своей демонстраціи онъ не захотѣлъ бы, да и не долженъ былъ бы пользоваться этимъ; мысли столь же мало могутъ двигать пальцами, какъ отклонять луну съ ея пути“. Подобный взглядъ можно обозначить какъ *абсолютной автоматизмъ* въ пониманіи всякой человѣческой дѣятельности.

Откуда же онъ взялся въ современной философіи? Вѣдь такое автоматическое пониманіе во всякомъ случаѣ представляетъ возрѣніе странное, претящее всѣмъ предположеніямъ обыкновеннаго здраваго смысла и практически неудобное. Чѣмъ объяснить его чрезвычайную популярность? Основанія для нея, кажется, прежде всего надо искать въ

---

*) „Введ. въ филос.“ Изданіе Моск. Псих. Общ., стр. 90.

рѣзкой перемѣнѣ отношенія между философiей и наукой, сравнительно съ не очень далекимъ прошлымъ. Какихъ-нибудь шестьдесятъ лѣтъ назадъ философiя хотѣла господствовать надъ наукою и предписывать ей ея законы и выводы, — ничего хорошаго изъ этого не вышло. Теперь возобладало противоположное отношенiе, переходящее, какъ это вообще очень часто бываетъ въ человѣческихъ дѣлахъ, въ другую крайность: философы болѣе всего озабочены тѣмъ, чтобы быть правовѣрнѣе самой правовѣрной науки. Они стараются приобрѣсти снисходительное признанiе научныхъ дѣятелей, съ величайшею готовностью превращая различныя спеціальныя положенiя механики, физики и другихъ частныхъ наукъ въ абсолютныя утвержденiя умозрительной онтологiи. Одному обобщенiю физики принадлежитъ въ этомъ случаѣ особенно выдающееся мѣсто: я говорю о законѣ сохранения энергiи. Изъ этого закона вытекаетъ то важное слѣдствiе, что различныя силы и дѣйствiя физической природы представляютъ лишь видоизмѣненiя процессовъ матеріальнаго движенiя, которые во всемъ своемъ составѣ подчиняются законамъ механики. И вотъ этотъ-то законъ былъ постепенно принятъ за исчерпывающую формулу всякой реальной причинности вообще. Такое признанiе съ неизбѣжною повело къ самымъ рѣшительнымъ выводамъ: обыкновенный взглядъ на отношенiе психическихъ побужденiй къ нашимъ поступкамъ сталъ невозможнымъ; чистый автоматизмъ всего происходящаго на свѣтѣ, замкнутость физического круга явленiй, т.-е. непрерывность физического ряда дѣйствiй, всегда вызываемыхъ только механическими причинами и никакими другими, во всѣхъ существахъ и тваряхъ вселенной, — обратились въ непререкаемыя истины.

Мнѣ уже не разъ приходилось настаивать *) на явной несостоятельности такого необдуманнаго возведенiя механическаго закона, который, по всему своему смыслу, непременно долженъ относиться только къ движенiю тѣлъ съ

*) См. напр., „Положительныя задачи философiи“, ч. II, стр. 173—180.

опредѣленными физическими свойствами, въ чинъ верховной метафизической аксіомы, и здѣсь было бы излишнимъ вновь повторять эти соображенія. Для насъ интересны послѣдствія, къ которымъ влекло такое смѣшеніе физики съ метафизикой. Совершенно понятно, что при такомъ общемъ взглядѣ на дѣйствительность является невольный соблазнъ объяснить отношеніе души и тѣла чисто матеріалистически. И дѣйствительно, къ матеріализму прямо или косвенно примыкають очень многіе изъ современныхъ психологовъ. Однако, философская критика работала не даромъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, чтобы можно было въ матеріализмѣ теперь признать послѣднее слово истины, тѣмъ болѣе для психологіи. Именно въ психологической сферѣ противорѣчія матеріализма оказываются особенно наглядными; и отъ привнесенія исключительно механическаго пониманія причинной связи эти противорѣчія не только не уменьшаются, но значительно возрастають. Ахиллесова пята матеріализма—въ томъ, что сознаніе рѣшительно необъяснимо изъ матеріальныхъ условій: отъ матеріи нельзя перекинуть мость къ какимъ бы то ни было явленіямъ духа. Если реальность принадлежитъ одной матеріи и ея состояніямъ, если единственныя свойства матеріи—протяженность, непроницаемость и движеніе (а въ этихъ утвержденіяхъ точка отпавленія всякаго матеріализма), то и явленіями матеріи могутъ быть только различные виды движеній протяженно-непроницаемыхъ тѣлъ и никакихъ другихъ явленій въ ней происходить не должно. А это значить, что когда возникаетъ даже самое элементарное ощущеніе, мы имѣемъ въ этомъ фактѣ, съ точки зрѣнія матеріализма, нѣкоторый абсолютно непостижимый абсурдъ, и такимъ абсурдомъ должна неизбѣжно представиться вся психическая сфера существованія. Какъ бытіе чисто внѣшнее по всѣмъ своимъ свойствамъ, путемъ только внѣшнихъ передвиженій, можетъ вдругъ стать внутреннимъ,—міромъ нашего сознанія, съ его ощущеніями и чувствами, съ его единымъ, себя знающимъ *я*, съ его мыслями и рѣшеніями воли? Или, взявъ

частный примѣръ: какъ простое перемѣщеніе и переталкиваніе въ себѣ *безцвѣтныхъ* атомовъ (а что атомы по себѣ безцвѣтны, признается еще со временъ Демокрита) превратится въ ощущение того или иного цвѣта? Вѣдь предположить такіе скачки въ жизни вещества означаетъ прямо идти наперекоръ всѣмъ требованіямъ логическаго закона тождества. Коротко говоря, самый фактъ существованія душевныхъ явленій находится въ очевидномъ противорѣчій съ основными посылками матеріалистической доктрины, — можно ли послѣ этого надѣяться въ ней найти сколько-нибудь подходящую почву для психологическихъ объясненій? *)

А къ этому присоединяется слабая сторона матеріализма и въ другомъ отношеніи: вѣдь все наше представленіе о матеріи есть несомнѣнный продуктъ духа, притомъ полученный въ результатъ весьма сложнаго психическаго процесса отвлеченій и обобщеній. Дозволительно ли, безъ дальнѣйшихъ околичностей, то, что въ этомъ процессѣ есть исходная точка и основа (элементарныя психическія состоянія), обращать въ дѣйствіе, а то, что въ немъ есть окончательный результатъ, — въ причину этого дѣйствія? Не достигнемъ ли мы этимъ путемъ лишь извращенія истинныхъ отношеній между понятіями? И не слѣдуетъ ли этого ждать тѣмъ скорѣе, что, какъ было указано сейчасъ, изъ нашего абстрактнаго понятія о веществѣ и его свойствахъ, конкретное содержаніе душевной жизни дѣйствительно логически невыводимо? При современномъ господствѣ феноменистическихъ тенденцій въ философіи, съ этимъ гносеологическимъ соображеніемъ также очень приходится считаться каждому матеріалисту.

Можетъ быть, еще большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что матеріалистическая гипотеза въ концѣ концовъ попадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ самымъ закономъ, ради котораго ее нерѣдко предпочитаютъ всѣмъ другимъ

*) Ср. „Пол. зад. фил.“, ч. I, стр. 131 и далѣе.

взглядамъ на связь души съ тѣломъ: матеріалистическое воззрѣніе на человѣка не мирится съ весьма существенными требованіями закона сохраненія энергіи. Законъ этотъ, утверждающій постоянное равенство суммы потенциальной и кинетической энергіи въ процессахъ природы, имѣеть, какъ я уже указывалъ, строго-физическій смыслъ и обнимаетъ отношеніе различныхъ формъ механической работы. Но именно поэтому возникновеніе явленій сознанія изъ матеріальныхъ движеній представляется совсѣмъ невысказанною вещью: сознаніе не есть движеніе, и его внутренніе признаки далеко не совпадаютъ съ тѣмъ понятіемъ, которое мы можемъ составить о разныхъ видахъ механической работы. Самый рѣшительный матеріалистъ согласится, что между психическими фактами въ ихъ субъективно ощутимой природѣ и отвѣчающими имъ движеніями въ нашемъ мозгу есть извѣстная разница,—что, наприм., наша мысль о безтѣлесномъ духѣ или о безконечности и вызывающія такую мысль движенія въ тѣхъ или иныхъ мозговыхъ центрахъ—не одно и то же. Если вѣрно, что законъ сохраненія энергіи есть окончательная формула всякой причинности, то какъ изъ движенія выйдетъ то, что не есть движеніе, и какъ механическая работа превратится въ нѣчто такое, чего нельзя опредѣлить и выразить, какъ механическую работу? Скажутъ, что психическій міръ въ его субъективныхъ качествахъ есть только эпифеномень... Но эпифеномень, съ точки зрѣнія закона сохраненія энергіи, представляетъ не менѣе невысказанное понятіе: сообразно этому закону, возникновеніе каждаго явленія подразумеваетъ трату физической энергіи, и эта трата не можетъ быть ея уничтоженіемъ; энергія должна оставаться источникомъ механической работы, въ какія бы новыя формы она ни облекалась. Предположимъ ли, наоборотъ, что психическія явленія оказываютъ на физическіе процессы опредѣленное дѣйствіе? Тогда законъ сохраненія энергіи будетъ нарушенъ двояко: механическая работа будетъ и исчезать въ нѣкоторое физическое ничто (психическія состоянія), и

возникать изъ ничего. Такимъ образомъ, при всѣхъ предположеніяхъ, законъ сохраненія энергіи въ материалистической гипотезѣ является ограниченнымъ въ своемъ дѣйствіи, и мы вынуждаемся признать, рядомъ съ нимъ, причинную связь иного типа.

Къ этимъ теоретическимъ противорѣчіямъ матеріализма нужно прибавить невольныя нравственныя затрудненія, которыя возникаютъ сами собою, когда захотимъ усвоить материалистическій взглядъ во всей его послѣдовательности. Поэтому намъ должна быть понятна попытка создать теорію, исправляющую материализмъ въ двухъ весьма существенныхъ пунктахъ. Эта теорія и гораздо рѣшительнѣе, и гораздо безобиднѣе; она строже проводитъ замкнутость нигдѣ не прерываемаго ряда физическихъ явленій, и въ то же время она не обращаетъ духа въ бессильную игрушку чуждыхъ ему силъ и сохраняетъ его самобытность. Я разумѣю такъ называемую, *параллелистическую* теорію, имѣющую столь многихъ сторонниковъ въ наше время, особенно въ Германіи. Основныя ея положенія можно изложить слѣдующимъ образомъ.

Между физическими и психическими явленіями нѣтъ отношеній причинности: явленія сознанія не суть ни дѣйствія, ни причины явленій физическихъ, и, наоборотъ, физическія явленія не могутъ ни породить чего-нибудь въ душевной сферѣ, ни испытать на себѣ ея вліянія. Оба ряда явленій—и физической, и психической—развиваются одновременно, но независимо другъ отъ друга и по своимъ особымъ законамъ. Оттого всякое тѣло—и живое, и мертвое—одинаково есть автоматъ, и всѣ измѣненія въ немъ вызываються механическими причинами; оттого, съ другой стороны, ни одно психическое явленіе не бываетъ слѣдствіемъ матеріальныхъ движеній, но всѣ психическіе факты порождаются другими психическими фактами. Поэтому, далѣе, душевная область не ограничивается человѣческимъ сознаніемъ и сознаніемъ животныхъ; она широко разстилается на весь міръ: нѣтъ ни одного психическаго явленія безъ

сопровождающаго его движенія, и нѣтъ ни одного движенія безъ сопровождающаго его психическаго явленія. Когда, наприм., мы слышимъ какой-нибудь звукъ, — сказать, что его причиною является сотрясеніе воздуха, будетъ не-точнымъ и невѣрнымъ утверженіемъ. Ощущеніе звука есть фактъ психическій, а стало-быть оно не можетъ быть дѣйствіемъ движенія. Но мы не находимъ для даннаго воспріятія звука достаточныхъ основаній и въ развитіи нашего собственнаго сознанія: это воспріятіе приходитъ къ намъ извнѣ. Итакъ, намъ остается предположить, что дѣйствительная причина слышимыхъ нами звуковъ заключается въ тѣхъ психическихъ явленіяхъ, которыя внѣ насъ сопровождаютъ сотрясенія частицъ воздуха *). Чѣмъ же объяснить постоянное сопровожденіе явленій сознанія явленіями движенія при ихъ полной независимости другъ отъ друга? Соотвѣтственность духовнаго и тѣлеснаго коренится въ единствѣ ихъ основы. Тѣло и душа различны не по существу, а только по тѣмъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ мы ихъ рассматриваемъ; это одна и та же вещь, но различно проявленная. Одна и та же дѣйствительность, являясь себѣ, есть духъ, являясь извнѣ другому, обнаруживаетъ себя какъ матеріальное тѣло. Параллелизмъ духовныхъ и тѣлесныхъ явленій можно сблизить съ предустановленною гармоніей Лейбница, съ тою, однако, разницей, что эту гармонію не слѣдуетъ представлять себѣ какъ что-то положенное извнѣ. Фехнеръ говоритъ **): „Если Лейбницъ сравниваетъ душу и тѣло съ двумя часами, которыя согласно идутъ, никогда не отклоняясь другъ отъ друга, хотя и независимо одни отъ другихъ, благодаря совершенному устройству, данному имъ Богомъ,—то мы скорѣе думаемъ, что это одни часы, которые въ своемъ ходѣ самими себѣ являются какъ существо духовное, опредѣляющее себя къ дѣйствию, а для посторон-

---

*) См. Паульсенъ: „Введ. въ фил.“, стр. 81—93; ср. также Вундта System der Philosophie, s. 583, 584.

**) Zend-Avesta, II Th., s. 347. См. также ss. 314, 322, 340, 363.

няго наблюдателя открываютъ картину столкновенія и движенія матеріальныхъ колесъ“.

Такимъ образомъ, полная независимость духовнаго и матеріальнаго ряда явленій и ихъ непремѣнное и постоянное совпаденіе—вотъ тѣ два пункта, которыми опредѣляются внутренній смыслъ и значеніе параллелистической теоріи. Въ ней одинаково обезпечивается и неограниченное господство законовъ физики надъ всѣми явленіями реального міра, и полная самостоятельность духовной области. Именно это дѣлаетъ параллелистическую теорію весьма симпатичною въ глазахъ людей самыхъ различныхъ направленій. Фехнеръ, одинъ изъ наиболѣе горячихъ ея защитниковъ, видитъ ея великое преимущество въ томъ, что она упраздняетъ противоположность спиритуализма и матеріализма, которая такъ часто кажется непримиримою. Параллелистическая теорія, съ одной стороны, матеріалистична, потому что, согласно ея утвержденіямъ, все духовное мѣняется соотвѣтственно измѣненіямъ тѣлеснымъ, въ этомъ смыслѣ вполнѣ отъ нихъ зависитъ и можетъ быть разсматриваемо какъ ихъ функція. Но, съ другой стороны, она совсѣмъ спиритуалистична или идеалистична: сообразно ея предположеніямъ, ничто матеріальное не существуетъ для себя,— оно всегда есть явленіе одного духа другому и въ этомъ отношеніи можетъ быть опредѣлено какъ функція духовнаго *). Далеко не всѣ сторонники параллелизма согласятся съ такимъ превознесеніемъ духовныхъ явленій надъ тѣлесными и съ такимъ признаніемъ сравнительной первоначальности духа предъ тѣломъ; дѣйствительно, это признаніе и не совсѣмъ вяжется съ принципомъ полной взаимной независимости физической и психической областей. Во всякомъ случаѣ, однако, въ параллелистической теоріи соблазняетъ именно возможность не впадать въ какія-нибудь одностороннія толкованія.

Но указанная преимущества параллелистической теоріи

*) Ibid., s. 348.

не позволяют все-таки закрывать глаза на ея недостатки и трудности, которыхъ подымается очень много, если внимательно подумаемъ надъ той концепціей дѣйствительности, которую она намъ внушаетъ. Главное затрудненіе, соединенное съ нею, замѣтить легко, но справиться съ нимъ—задача едва ли разрѣшимая. Въ самомъ дѣлѣ, предполагается, что даны два безконечные ряда явленій, которые совпадаютъ во всѣхъ точкахъ; когда въ одномъ рядѣ явленіе a вызываетъ явленіе b , въ тотъ же самый моментъ въ другомъ рядѣ явленіе α , отвѣчающее явленію a , вызываетъ явленіе β , отвѣчающее b ,—въ совершенной независимости другъ отъ друга, но въ непремѣнной одновременности. Какъ возможны такіе ряды? Очевидно, такая *непремѣнность* совпаденія мыслима лишь при одномъ условіи: при полной внутренней однородности и соотвѣтственности природы звеньевъ въ обоихъ рядахъ: a должно относиться къ b совершенно такъ же, какъ α къ β ; отношенія явленій предшествующихъ къ послѣдующимъ, на всемъ протяженіи рядовъ, должны быть одинаковы по своимъ свойствамъ и тенденціямъ. Именно такъ разрѣшаетъ проблему строгій метафизикъ параллелизма Спиноза. Для него душа — идея тѣла; представленія и состоянія души—идеи отдѣльныхъ движеній, происходящихъ съ нимъ и въ немъ. Другими словами, содержаніе духовнаго порядка явленій состоитъ въ идейномъ изображеніи порядка тѣлеснаго. Отсюда положеніе: „порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь вещей“ *), вытекаетъ съ аналитическою очевидностью.

Не трудно, однако, видѣть, въ чемъ главный недостатокъ этого взгляда. При всей своей внутренней законченности, онъ опирается на предположеніе *фактически невѣрное*. Душевные состоянія не суть *идеи* тѣлесныхъ движеній, а нѣчто весьма отличное отъ такихъ идей, если только слово „идея“ употреблять въ сколько-нибудь опредѣленномъ смыслѣ. Возьмемъ чувство удовольствія или боли, возни-

*) Ethic. par. II, prop. VII.

кающее въ душѣ въ соотвѣтствіе съ безразличнымъ и равнодушнымъ механическимъ процессомъ, происходящимъ въ нашемъ тѣлѣ, — что между ними общаго? И какъ отождествить боль съ дѣйствительной идеей того или иного движенія въ элементахъ нашего тѣла, которую мы можемъ мысленно построить въ результатѣ физиологическаго изслѣдованія надъ происхожденіемъ чувства боли? Чтобъ избѣжать этого очевиднаго затрудненія, Спиноза вынужденъ очень злоупотреблять понятіемъ *смутности* идей. Качественныя отличія нашихъ психическихъ состояній отъ дѣйствительнаго движенія тѣлесныхъ частей онъ объясняетъ тѣмъ, что мы не воспринимаемъ нашего тѣла въ его истинныхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Нашему сознанию даны только собственныя движенія нашего тѣла, какъ уже вызванные результаты внѣшнихъ причинъ, но идеи этихъ причинъ не имѣютъ адекватнаго выраженія въ идеѣ нашего тѣла, т.-е. онѣ не попадаютъ въ наше сознание. Оттого наше воспріятіе своихъ тѣлесныхъ состояній далеко не отличается полнотою и отчетливостію *). Едва ли, однако, такое объясненіе можно признать удовлетворительнымъ: вѣдь все же воспринимать движеніе, неизвѣстно откуда возникшее, или воспринимать нѣчто по всему своему составу отличное отъ всякихъ представленій о движеніи, наприм., радость и горе, любовь и ненависть, остаются со всѣмъ различными вещами. Ссылаться на смутность идей — слишкомъ легкое рѣшеніе задачи: надо было бы прежде всего объяснить эту смутность и ея своеобразную природу и своеобразные результаты въ насъ.

Такимъ образомъ, дѣло стоитъ вовсе не такъ просто. Тождество физическаго и психическаго рядовъ явленій или физической и психической причинности не есть что-нибудь разумѣющееся само собою, — оно требуетъ обоснованія не только своей дѣйствительности, но, прибавлю, и своей принципиальной мыслимости. Противъ догматическаго при-

*) Ibid., prop. XXIV—XXVIII.

знанія этого тождества стоит фактъ глубокаго различія душевныхъ и физическихъ процессовъ,—фактъ, сознание котораго все болѣе охватываетъ психологовъ. Сошлюсь на замѣчательную статью самаго выдающагося защитника параллелистической теории въ наши дни В. Вундта „О психической причинности и о принципѣ психофизическаго параллелизма“ *). Эта статья представляетъ очень обдуманное доказательство той истины, что связь и зависимость психическихъ явленій существеннымъ образомъ отличаются отъ порядка явленій физическихъ, что психическая причинность до противоположности несходна съ причинностью природы. Въ окончательномъ результатѣ специфическія черты психическаго хода въ отлічіе отъ природной причинности Вундтъ приводитъ къ тремъ принципамъ: 1) принципъ чистой актуальности, 2) принципъ творческаго синтеза, 3) принципъ соотносящаго анализа **).

Мнѣ кажется, что въ наиболѣе общемъ и въ то же время возможно полномъ обзорѣ особенныя свойства психической сферы сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. *Качественное разнообразіе душевныхъ явленій.* Душевыя явленія въ своей совокупности не представляютъ однороднаго цѣлаго, отдѣльныя формы котораго образовали бы лишь разныя сочетанія качественно однородныхъ элементовъ, подобно тому, какъ въ физической сферѣ всѣ явленія объясняются изъ сочетаній матеріальныхъ частицъ и ихъ движеній. Каждое явленіе души обладаетъ своимъ особымъ, индивидуальнымъ качествомъ, которое составляетъ его принадлежность, отдѣляющую его отъ всѣхъ другихъ психическихъ состояній. Ощущеній звука нельзя выразить въ терминахъ ощущеній свѣта и ощущеній зрѣнія нельзя перевести на языкъ обонянія. Какъ мы не объяснимъ слѣдующему, что такое свѣтъ, такъ мы не сумѣемъ растолковать человѣку, лишенному способности различать цвѣта, чѣмъ

*) Philosophische Studien, 1894, 10 B., 1 H., S. 1—124.

**) Ibid. S. 100.

желтое отличается отъ краснаго. Точно также ощущенія специфически отличаются отъ представлений, идеи отъ актовъ воли, чувства отъ мыслей; въ свою очередь, каждое чувство въ своей особой субъективной окраскѣ имѣетъ индивидуальную физиономію, которая отдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ чувствъ. Мы можемъ эмпирически прослѣдить послѣдовательное возникновеніе въ насъ различныхъ психическихъ продуктовъ, но мы не въ состояніи геометрически построить этой послѣдовательности изъ какихъ-нибудь однородныхъ простыхъ единицъ. Такихъ единицъ нѣтъ въ жизни сознанія, и поэтому всѣ усилія отыскать ихъ были и будутъ неудачными.

2. *Творческой характеръ психической причинности.* Это свойство вытекаетъ изъ перваго. Какъ я уже указывалъ однажды *), причинная связь подразумѣваетъ отношенія двоякаго рода: „во-первыхъ, явленіе послѣдующее можетъ слагаться изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и явленіе предшествующее, и отличаться отъ него только нѣкоторымъ перераспределеніемъ ихъ, необходимость котораго однако была уже сполна заложена въ предшествующихъ отношеніяхъ между этими элементами. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда въ матеріальной средѣ одна форма движенія съ математическою неизбѣжностью смѣняетъ собою другую“. Такое отношеніе явленій есть *механическая* причинность. „Во-вторыхъ, послѣдующее состояніе можетъ и не быть логически неизбѣжнымъ продолженіемъ состоянія предшествующаго, но выражать нѣкоторое *новое*, качественно различное отъ прежнихъ, раскрытіе потенцій внутренней силы, лежащей въ основѣ данной чреды явленій“. Такая причинность есть *творческая*. Само собою очевидно, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ причинной связи должна принадлежать послѣдовательность психическихъ феноменовъ: вопросъ рѣшается тѣмъ фактомъ, что каждое психическое явленіе имѣетъ свою качественную индивидуальность и въ этомъ отно-

*) „Полож. зад. фил.“, ч. II, стр. 221—222.

шеніи всегда представляет нѣчто *новое*, сравнительно съ тѣмъ, что было въ душѣ раньше. Съ этой точки зрѣнія, душевная жизнь есть непрерывный рядъ новыхъ пріобрѣтеній. Когда она просыпается впервые, сознание начинаетъ наполняться ощущениями, которыя раньше не существовали, потому что не было самой душевной жизни, часть которой они составляютъ.

Ощущенія, умножаясь, вызываютъ въ душѣ другіе, болѣе сложные процессы, и постепенно, рядомъ съ міромъ чувственныхъ ощущений и элементарныхъ эмоцій, вырастаетъ *новый, качественно различный* отъ него міръ высшихъ чувствъ абстрактныхъ понятій, рѣшеній сознательной воли. Подъ творческимъ характеромъ психической причинности я только и разумѣю это постоянно свойственное душевной жизни стремленіе порождать качественно новыя явленія. Именно эту особенность психической области имѣетъ въ виду Вундтъ, когда говоритъ о „творческомъ синтезѣ“ *).

3. *Направляющее воздѣйствіе субъективной оцѣнки на теченіе психическихъ процессовъ.* Въ противоположность безразличной инерціи физическихъ тѣлъ, которыя одинаково стремятся пребывать во всякомъ разѣ возникшемъ состояніи движенія или покоя, въ духовной сферѣ каждое состояніе вызываетъ или положительное или отрицательное отношеніе нашей психической индивидуальности, стремленіе его или удержать и усилить, или удалить и ослабить. Этотъ общій фактъ нашего избирающаго вліянія на ходъ душевныхъ событій одинаково наблюдается на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни, начиная отъ побужденій, исходящихъ изъ чувственныхъ удовольствій и страданій, и кончая сложнѣйшими эмоціями и высшими проявленіями воли въ теоретическихъ и практическихъ дѣйствіяхъ. Оцѣнка движетъ всѣми нашими актами, и внѣшними, и чисто внутренними, хотя ее могутъ диктовать самые разнообразныя принципы: наши предпочтенія могутъ опредѣляться и эгоисти-

---

*) Ueber psych. Causalität etc., S. 112.

ческимъ интересомъ, и внушеніями нравственнаго или эстетическаго чувства, и стремленіемъ къ достовѣрному знанію.

4. Сейчасъ разсмотрѣнное свойство душевныхъ процессовъ ведетъ за собою ихъ дальнѣйшій признакъ: *телеологичность психическихъ актовъ*. Всякая душевная дѣятельность опредѣляется какимъ-нибудь интересомъ,— это значитъ, всякая душевная дѣятельность руководствуется какою-нибудь *цѣлью*. Чувственное наслажденіе и страданіе влекутъ къ дѣйствіямъ, задача которыхъ—въ животномъ самосохраненіи и самоудовлетвореніи данной индивидуальности. Различными эмоціями нравственнаго порядка направляется наше отношеніе къ себѣ и другимъ, порождая себялюбіе и благожелательность, душевную чистоту и порочность. Различіемъ истиннаго и ложнаго, логически сообразнаго и нелѣпаго—опредѣляется нашъ выборъ между идеями и сочетаніе ихъ въ сужденія и умозаключенія и т. д. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ преслѣдуется извѣстная цѣль, въ чемъ бы она въ частности ни полагалась: въ физическомъ благоденствіи, въ торжествѣ личныхъ страстей, въ общемъ благѣ, въ теоретической истинѣ или въ высшей нравственной правдѣ. Цѣли могутъ сознаваться ясно или смутно, вполне пониматься или неопредѣленно чувствоваться; однако, и человекъ, и животное, когда они о чемъ-нибудь стараются и за что-нибудь борются, такъ или иначе представляютъ себѣ, чего они хотятъ.

Таковы признаки, которыми психическая причинность противопоставляется причинности природной или физической. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ признаковъ въ природной причинности нѣтъ, за то въ ней наблюдаются свойства прямо противоположныя. Вмѣсто качественного разнообразія, мы въ ней имѣемъ *качественную однородность* явленій: явленія физической природы представляютъ собою движенія по существу однородныхъ атомовъ. Вмѣсто причинности творческой, въ послѣдовательности явленій природы мы находимъ причинность *механическую*,—по крайней мѣрѣ,

въ сведеніи къ ней всѣхъ причинныхъ отношеній заключается всѣми признанный идеаль физической науки. Въмѣсто направляющихъ воздѣйствій интереса и оцѣнки, въ физической природѣ мы имѣемъ *неограниченное господство закона инерціи*. Наконецъ, вмѣсто подчиненія цѣлямъ, *механическіе процессы природы не знаютъ никакихъ цѣлей*. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о цѣляхъ въ механическомъ процессѣ, взятомъ самомъ по себѣ, явно не имѣетъ никакого смысла. Если мы утверждаемъ существованіе нѣкоторыхъ окончательныхъ цѣлей для механическихъ дѣйствій природы, мы неизбѣжно предполагаемъ нѣчто высшее природы; мы начинаемъ ссылаться на Божественный разумъ, на душу міра, на воплощающуюся въ природѣ идею, т.-е. вносимъ психологическій моментъ въ первоначальный источникъ міровой жизни.

И, наоборотъ, то, что въ частности составляетъ положительное содержаніе физической причинности, въ причинности психической, очевидно, отсутствуетъ. Вундтъ, въ упомянутой выше статьѣ, вѣрно указалъ на важную особенность природной причинности, — на возможность выражать ее въ уравненіяхъ, которыя онъ такъ и называетъ *причинными уравненіями* (Causalgleichung). Въ этихъ уравненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ понятіями массы, скорости, силы, разстоянія и т. п. Но онъ же показываетъ, что такихъ уравненій въ психологической сферѣ построить невозможно, а понятія массы, скорости, разстоянія явно не имѣютъ примѣненія къ психическимъ фактамъ.

Въ виду всего этого, какой общій видъ получаетъ параллелистическая доктрина? Мы имѣемъ два замкнутыхъ въ себѣ, никогда другъ друга не задѣвающихъ и другъ въ друга не переходящихъ, безконечныхъ круга явленій. Явленія того и другаго по существу различны, — начиная хотя бы съ того, что физическія явленія совершаются въ пространствѣ, а душевныя явленія, по общему признанію психологовъ, непротяженны. Съ другой стороны, явленія каждаго круга связаны между собою по своимъ особымъ законамъ и правиламъ, не только не одинаковымъ, но даже противо-

положнымъ. Почему же эти круги совпадаютъ во всѣхъ точкахъ, и могутъ ли они совпадать? Я уже неоднократно высказывалъ мысль, что въ доказательствѣ этой гипотезы мы имѣемъ своего рода квадратуру круга современной философіи. Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ условія задачи: связи между физическими и психическими явленіями нѣтъ никакой, нѣтъ и никакого внутренняго соотвѣтствія между ними. Законы, ими управляющіе, не представляютъ ничего общаго. И тѣмъ не менѣе, каждому данному психическому явленію всегда соотвѣтствуетъ опредѣленное физическое, которое вытекаетъ изъ своего предшествоващаго, какъ психическое изъ своего, по своему особому закону, причемъ этотъ законъ не имѣетъ никакого подобія съ мотивами, опредѣляющими возникновеніе психическаго факта изъ психическихъ причинъ,—и все-таки необходимость возникнуть и для психическаго, и для физическаго явленія совершенно одинакова. И это непрерывно повторяется во всѣхъ точкахъ вселенной. Вездѣ порядокъ психическій развивается такъ, какъ будто совсѣмъ нѣтъ физическаго, физическій порядокъ развивается, какъ будто вовсе нѣтъ психическаго, и тѣмъ не менѣе они, употребляя сравненіе Фехнера, выражаютъ одно и то же содержаніе только разнымъ языкомъ. Почему это непременно такъ? Сошлемся ли мы на тотъ неизвѣстный X, который одинаково лежитъ въ основѣ и психическаго, и физическаго ряда и заставляетъ ихъ, такъ сказать, идти равнымъ шагомъ? Но вѣдь этотъ X для того только и допускается, чтобъ онъ ни во что не вмѣшивался. Вся его роль въ томъ, что онъ, съ одной стороны, всецѣло воплощается въ физическомъ рядѣ, такъ что въ этомъ отношеніи всякія другія воображаемая свойства его не имѣютъ никакого значенія,—съ другой стороны, онъ весь обращается въ психическій рядъ, также нигдѣ не прерванный, т.-е. весь его смыслъ въ томъ, что онъ реализуется въ двухъ *замкнутыхъ* кругахъ, не позволяющихъ никакого посторонняго воздѣйствія ни другъ отъ друга, ни отъ какихъ-нибудь иныхъ манифестацій этого верховнаго X.

Между тѣмъ, вопросъ остается во всей своей значительности: физическій и психическій ряды явленій ничѣмъ реально не привязаны другъ къ другу,—слѣдовательно, между ними существуетъ только *внѣшнее совпаденіе*; откуда же оно берется? Когда рѣчь идетъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ, тогда еще можно сослаться на сложность человѣческой организациі. Такъ, Паульсенъ говоритъ *): „что въ мозгѣ могутъ происходить безконечно болѣе сложныя отправленія, чѣмъ тѣ, которыхъ мы можемъ достигъ нашими машинами, это не поразительно. Съ помощью пятисотъ или тысячи милліоновъ клѣтокъ нашей мозговой коры, сложенныхъ въ свою очередь изъ безчисленныхъ, безконечно сложныхъ и разнообразныхъ молекулъ и соединенныхъ между собою безчисленными проводящими путями, можно вѣдь совершить нѣчто совершенно иное, чѣмъ при помощи пары колесъ и рычаговъ нашихъ машинъ; и если въ дѣйствительности наши физиологи почти совсѣмъ еще не могутъ сдѣлать изъ этого что-нибудь, то для фантазіи все же открывается тутъ обширное поле дѣйствія“. Правда, и этотъ аргументъ едва ли можно считать сильнымъ: вѣдь вопросъ вовсе не въ сложности дѣйствій, а въ ихъ полной соотвѣтственности тенденціямъ психическаго бытія и, прежде всего, въ ихъ цѣлесообразности. Какъ я уже старался подробно показать въ статьѣ „Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго“, именно всеохватывающая, широкая и разнообразная телеологичность актовъ служить для насъ непререкаемымъ признакомъ дѣятельности, порожденной психическими причинами **). Сложность есть

*) «Введ. въ фил.», стр. 91.

***) Въ этой статьѣ («Вопросы Фил. и Псих.», кн. 19, стр. 73—74) общій принципъ телеологической аргументациі формулированъ такъ: „Когда мы видимъ постоянное, сложное и многостороннее совпаденіе, полное идеальнаго смысла, такихъ процессовъ, которые по своей природѣ къ этому смыслу (а стало-быть, и къ непремѣнному совпаденію) вовсе не стремятся и въ немъ не заинтересованы; — оно представляется намъ безусловно *невыролтнымъ* (и въ тѣсномъ, и въ широкомъ значеніи этого слова) безъ направляющей дѣятельности нѣкоторой въ себѣ разумной силы.“

понятіе относительное; рѣшительно всякій продуктъ природы окажется безконечно сложнымъ, если будемъ имѣть въ виду его послѣдніе элементы и ихъ разнообразныя отношенія. И все же въ способѣ дѣйствія наблюдаемыхъ нами вещей мы очень часто не находимъ никакихъ слѣдовъ намѣренія или мысли. Напротивъ, каждое одушевленное существо, въ совокупности своихъ дѣйствій, обнаруживаетъ неограниченно разнообразный рядъ приспособленій себя къ окружающей средѣ въ интересахъ своего индивидуальнаго и родоваго существованія. И мы навѣрное знаемъ, что еслибы мы измѣнили эту среду въ ея отношеніи къ его интересамъ, измѣнилась бы и вся послѣдовательность его дѣйствій, не теряя однако основного характера цѣлесообразности, и такъ продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока это существо сохраняло бы свою жизнь и чувствительность, сколько бы мы ни повторяли опытъ. Разъ мы наблюдаемъ неограниченное разнообразіе дѣйствій, физически весьма различныхъ, но неизмѣнно объединенныхъ принципомъ цѣлесообразности, какъ нѣкоторымъ внутреннимъ опредѣляющимъ закономъ, причемъ измѣнчивость въ дѣйствіяхъ прямо пропорціональна ихъ отношенію къ интересамъ существа, которому эти дѣйствія принадлежать, — мы въ такомъ существѣ подозрѣваемъ душу. И мы дѣлаемъ это тѣмъ увѣреннѣе, чѣмъ разнообразнѣе дѣйствія и чѣмъ яснѣе воплощается въ нихъ тенденція къ опредѣленной цѣли или многимъ цѣлямъ, идеально связаннымъ между собою. Причина этого ясна: телеологичность есть неотмѣнное внутреннее свойство психическаго, но она есть только случайность для механическаго хода вещей. Между тѣмъ случайность тѣмъ загадочнѣе, тѣмъ непонятнѣе, тѣмъ невыносимѣе для мысли, чѣмъ чаще, разнообразнѣе и постояннѣе она повторяется. Но если возьмемъ дѣятельность всѣхъ одушевленныхъ тварей, отъ инфузоріи до человѣка, если къ ихъ реальнымъ дѣйствіямъ прибавимъ то, что они навѣрное могли бы совершить, еслибъ ихъ обстановка въ каждый моментъ ихъ существованія была бы не тою, какая бы-

ла въ дѣйствительности, то мы получимъ случайность въ безконечной степени, т.-е. нѣчто по существу безусловно абсурдное. Какой автоматическій механизмъ или какіе механизмы надо придумать, чтобъ этотъ абсурдъ сдѣлать возможною и вѣроятною вещью? Во всякомъ случаѣ, границы человѣческой фантазіи для этой задачи, несомнѣнно, окажутся слишкомъ тѣсными. Вѣдь никто и никогда еще не могъ—не говорю уже построить, но даже только отвлеченно и схематически сочинить при самыхъ фантастическихъ предположеніяхъ относительно совершенства возможной техники, — такой механизмъ, который, наприм., былъ бы способенъ, съ осмысленностью зауряднаго человѣческаго ума, вести бесѣду о всякомъ вопросѣ, какой мы сами ему поставимъ. Вѣроятно, даже всякая попытка выдумать что-нибудь подобное представится каждому крайне нелѣпою. Почему же то, что совершенно недоступно для человѣческаго остроумія, представляется намъ легкимъ для игры слѣпыхъ силъ природы? Въ самомъ дѣлѣ, мы мало замѣчаемъ, что, даже допустивъ существованіе такихъ гипотетическихъ механизмовъ, для построенія которыхъ наши физиологи „почти совсѣмъ“ еще не могутъ сдѣлать что-нибудь“, — механизмовъ настолько тонкихъ, что они дѣйствительно способны сполна объяснить безконечную цѣлесообразность дѣйствій у людей и животныхъ, мы въ сущности не рѣшили бы вопроса, а только его отодвинули бы и переставили. Передъ нами тотчасъ же всплыла бы проблема: какъ могли возникнуть такіе безконечно утонченные и безконечно остроумные механизмы изъ чисто механическихъ процессовъ природы? Если мы вдумаемся въ эту проблему, мы поймемъ, что она никакъ не легче и не проще той, какую мы предположили уже разрѣшенной. Мы едва ли найдемъ настоящее оружіе противъ невольнаго недоумѣнія: почему механизмы столь хрупкіе, что они для своего сохраненія постоянно нуждаются въ безчисленныхъ рядахъ дѣйствій цѣлесообразныхъ, — стало-быть, находящихся въ явномъ разногласіи съ основными тенденціями механической причин-

ности,—могутъ не только образоваться, но и удержаться въ борьбѣ за существованіе рядомъ съ такими формами, которыя по своимъ свойствамъ и дѣйствіямъ гораздо болѣе отвѣчаютъ внутренней природѣ механическихъ началъ?

Однако, эти соображенія, имѣющія несомнѣнную силу противъ материалистическихъ сторонниковъ всеобщаго автоматизма, оказываются почти излишними по отношенію къ строгимъ защитникамъ параллелистической теоріи. Этимъ послѣднимъ едва ли позволительно много говорить объ утонченности въ устройствѣ тѣла человѣка и животныхъ для объясненія совпаденія между физической и психической причинностью. Вѣдь для нихъ это совпаденіе имѣетъ мѣсто не только въ человѣческихъ и животныхъ тѣлахъ, оно совершается вездѣ, на всемъ протяженіи вселенной, по поводу каждаго самаго элементарнаго движенія малѣйшаго атома. При такомъ взглядѣ уже не приходится настаивать на особыхъ механическихъ условіяхъ, благопріятствующихъ совпаденію. Совпаденіе оказывается универсальнымъ фактомъ, и если оно—только совпаденіе и ничего больше, и если при этомъ оно предполагается между элементами, по существу различными и развивающимися по разнымъ законамъ, то оно представляетъ логическую несообразность, не допускающую никакого дальнѣйшаго оправданія и обоснованія. Не будемъ отдѣлываться общими предвзятыми утвержденіями: взглянемъ прямо на всѣ трудности проблемы, и мы почувствуемъ себя въ самомъ безпомощномъ положеніи. Всѣмъ движеніямъ тѣлъ—большихъ и малыхъ, небесныхъ и земныхъ, всѣмъ ихъ сочетаніямъ и раздѣленіямъ, всѣмъ процессамъ природы, и въ ихъ цѣломъ, и въ ихъ мельчайшихъ частностяхъ,—должны соответствовать психическія явленія... какія?—у насъ объ этомъ нѣтъ даже никакого подобія идеи. Эти явленія ни къ тѣламъ, ни къ ихъ движеніямъ ничѣмъ не привязаны, они зависятъ только другъ отъ друга; у нихъ къ физическому міру нѣтъ никакого реальнаго отношенія,—и все же они отражаютъ его въ себѣ и какъ-то проходятъ съ нимъ одинъ общій путь развитія. *Что тутъ мыслить*

и какъ мыслить? *) Возьмемъ простой примѣръ: солнце посылаетъ лучъ, этотъ лучъ дѣйствуетъ на нашъ зрительный нервъ, зрительный нервъ передаетъ впечатлѣніе мозговымъ центрамъ, и въ насъ возникаетъ свѣтовое ощущеніе. Для параллелистической теоріи не солнце, и не лучъ, и не процессъ въ зрительномъ нервѣ порождаютъ воспріятіе свѣта, а тѣ независимые психическіе акты, которые соотвѣтствуютъ и процессу посыланія луча солнцемъ, и прохожденію луча черезъ огромную эѳирную среду между солнцемъ и землею, и раздраженію зрительнаго нерва. Какіе это акты и по какимъ законамъ они развиваются и слѣдуютъ другъ за другомъ? Чьи наконецъ это акты? Когда при объясненіи даже нашей собственной душевной жизни мы вынуждены прибѣгать къ предположенію духовныхъ процессовъ, лежащихъ за порогомъ сознанія, мы бываемъ въ немаломъ затрудненіи, по какимъ аналогіямъ вообразить себѣ эти процессы. Какъ безконечно труднѣе задача подставить вполнѣ исчерпывающей психическій коррелятъ для всего, что когда-нибудь совершалось и совершается на свѣтѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что дѣло идетъ о коррелятѣ, совсѣмъ исчерпывающемъ: каждому звену физическаго ряда въ частности слѣдуетъ отыскать его частное психическое соотвѣтствіе. И вотъ тутъ надо имѣть въ виду еще одну особенность физической причинности: она, если можно такъ выразиться, носить гораздо болѣе *субстанціальныи* характеръ, нежели психическая причинность. Въ каждомъ физическомъ процессѣ намъ бываютъ даны предметы, тѣла, массы—въ ихъ измѣняющихся отношеніяхъ. Другими словами, въ явленіяхъ физической природы мы всегда имѣемъ нѣкоторый субстратъ, въ которомъ происходятъ

*) Защитники параллелизма обыкновенно вовсе уклоняются отъ всякихъ положительныхъ объясненій относительно внутренняго содержанія и состава психическихъ явленій, отвѣчающихъ физическимъ процессамъ природы въ ея цѣломъ. Выходя за предѣлы человѣческаго и животнаго сознанія, они тотчасъ же подставляютъ, вмѣсто психическаго, физической рядъ фактовъ, на основаніи заранѣе признаннаго тождества между этими рядами. Едва ли нужно говорить, какой очевидный логическій кругъ представляетъ такая замѣна.

различныя движенія и перемѣщенія частей, но который самъ по своему существу остается однимъ и тѣмъ же, постояннымъ и неизмѣннымъ. Этотъ субстратъ мы называемъ веществомъ. Послѣдніе элементы вещества, атомы, могутъ безъ натяжки быть названы субстанціальными единицами матеріальной дѣйствительности. И эти единицы присутствуютъ въ каждомъ явленіи физической природы, — они *составляютъ* эти явленія своими движеніями и перемѣщеніями. Можно поэтому сказать, что въ физическомъ мірѣ *состоянія* неотдѣлимы отъ *субстанцій* и образуются ими: каждое явленіе внѣшней природы есть движеніе *матеріи*, и, наоборотъ, не будь совсѣмъ тѣль, не было бы и движеній, т. е. никакихъ матеріальныхъ состояній.

Между тѣмъ, для психической сферы субстанціальность отрицается самымъ рѣшительнымъ образомъ. Параллелистическая теорія отчасти для того только и изобрѣтена, чтобы совсѣмъ уничтожить послѣдній призракъ душевной субстанціи. Душевное явленіе есть чистое *состояніе*, чистый *актъ* или чистое *событіе* безъ всякаго субстанціального состава и безъ всякаго отношенія къ какимъ-нибудь постояннымъ объектамъ, ихъ переживающимъ. Это свойство душевныхъ явленій Вундтъ называетъ ихъ чистою *актуальностью* *). То, что мы называемъ психическимъ индивидуумомъ или душою есть только совокупность душевныхъ явленій, отнесенныхъ другъ къ другу **). Съ этой точки зрѣнія, коренная пропасть между физическимъ и психическимъ заключается прежде всего въ томъ, что въ физической области *субстанція* и *явленіе* суть понятія соотносительныя, одно безъ другого невозможныя; напротивъ, въ области душевной мы находимъ только одни *абсолютныя явленія*, безъ всякой дѣйствительной подкладки, если не считать такую подкладкою ихъ же самихъ!

Но явленіе есть нѣчто во времени возникающее и во

*) Ueber psych. Causal. etc., s. 101.

**) Ibid. s. 102. Сравн. Паульсенъ. Введ. въ фил., стр. 133, 366.

времени протекающее. Въ своемъ развитіи явленія постоянно измѣняются, слагаясь изъ рядовъ все новыхъ состояній. Посмотримъ же, до чего затрудняется, при такомъ взглядѣ на душевную жизнь, проблема параллелизма, и безъ того неразрѣшимо трудная. Одну и ту же дѣйствительность мы должны сполна построить въ двухъ видахъ: одинъ разъ—изъ абсолютно неизмѣнныхъ субстанціональныхъ единицъ, другой разъ—изъ чистыхъ состояній, которыя не переживаются никѣмъ и которыя ни на одно мгновеніе не сохраняютъ дѣйствительной неизмѣнности. Какъ же изъ столь разнородныхъ матеріаловъ можетъ выйти одно и то же? Вернемся къ прежнему примѣру воспринимаемаго луча свѣта. Съ одной стороны, мы будемъ имѣть движенія на солнцѣ, движенія въ эфирѣ, движенія въ зрительномъ нервѣ; съ другой—мы имѣемъ какія-то неудержимо несущіяся состоянія, которыя не принадлежатъ ни солнцу, ни частицамъ эфира, ни зрительному нерву, поскольку эти послѣдніе суть опредѣленные объекты,—состоянія, которыя въ самомъ строгомъ смыслѣ слова не принадлежатъ *ничему*.

Впрочемъ, по моему глубокому убѣжденію, такое признаніе душевной жизни за *абсолютное явленіе* есть величайшая философская крайность, служащая однимъ изъ самыхъ рельефныхъ примѣровъ той двойной бухгалтеріи, съ которою мы, еще со временъ Канта, привыкли относиться къ внѣшнему опыту, съ одной стороны, и къ внутреннему, съ другой. Какъ я уже неоднократно старался показать *), и какъ, быть можетъ, мнѣ удастся показать еще болѣе подробно въ одномъ изъ моихъ ближайшихъ сообщеній, изгнаніе изъ душевной жизни всякаго субстанціональнаго элемента влечетъ къ несправимымъ психологическимъ противорѣчіямъ и дѣлаетъ невозможнымъ даже простое описаніе психическихъ фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ составѣ. Поэтому я совершенно понялъ бы, еслибъ сторонники параллелизма въ своихъ же интересахъ пошли на нѣкоторыя

*) См. наприм. «Полож. зад. фил.», ч. II, стр. 219, 296—310. Также «Подвижныя ассоціаціи представлений». («Вопр. фил. и псих.», кн. 19) стр. 33—35.

уступки и не пожелали бы неблагоприятно расширять и безъ того глубокую пропасть между физическимъ и психическимъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что чрезъ допущеніе субстанціальныхъ субъектовъ психическихъ явленій мы могли бы до нѣкоторой степени приблизиться (конечно, совершенно гипотетически) къ пониманію неизбѣжности совпаденія физическаго и психическаго ряда явленій, по крайней мѣрѣ, для значительной части природы. Допустимъ, наприм., что физическій атомъ только въ своемъ дѣйствіи на другіе атомы является чѣмъ-то тѣлеснымъ, что самъ въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ бытіи, онъ есть живая монада, психическій центръ, испытывающій нѣкоторыя рудиментарныя душевныя состоянія. Предположимъ далѣе, что эти рудиментарныя состоянія ограничиваются тѣмъ, что онъ имѣетъ нѣкоторое очень смутное самочувствіе своего положенія, а всѣ его стремленія направлены исключительно на то, чтобы имѣть свое особое мѣсто въ общей системѣ дѣйствительности, во-первыхъ, и непрерывно пребывать въ каждомъ изъ возникшихъ въ немъ внутреннихъ состояній, во-вторыхъ. Мнѣ представляется, что, развивая эту гипотетическую картину, мы подошли бы довольно близко къ тому, что извнѣ должно изображаться, какъ непроницаемый, инертный атомъ. Для такихъ монадъ чисто механической способъ дѣйствія былъ бы не только физической, но и психологической необходимостью. И при этомъ нельзя не согласиться, что, хотя мы не можемъ себѣ детально вообразить такую элементарную душевную жизнь монады-атома, мы все же можемъ приблизительно, по нѣкоторымъ аналогіямъ, понять, въ чемъ должно заключаться ея общее содержаніе.

Однако, не трудно замѣтить, что и эти допущенія никакъ не спасутъ параллелистической теоріи въ ея цѣломъ. Ихъ можно, пожалуй, считать удовлетворительными для обоснованія совпаденія между механическимъ ходомъ вещей и тою совсѣмъ гипотетическою душевною жизнью, которую мы придумали для атомовъ. Но изъ нихъ ровно ничего не вы-

текаетъ для объясненія соотвѣтствія физическихъ дѣйствій съ тою единственно несомнѣнною психическою жизнью, которую мы наблюдаемъ въ себѣ и въ существахъ намъ подобныхъ. Слишкомъ ясно, что соотвѣтственность физического и психического ряда въ сейчасъ изложенной гипотезѣ была достигнута, только благодаря крайнему упрощенію предполагаемаго душевнаго содержанія атомовъ. Тамъ же, гдѣ мотивы психического существованія отличаются большею сложностью и развитіемъ, непремѣнное совпаденіе матеріальныхъ и душевныхъ событій вовсе уже не будетъ понятно само по себѣ; наоборотъ, всѣ возраженія, приведенныя недавно противъ обыкновенныхъ представленій о чистомъ автоматизмѣ дѣйствій человѣка и животныхъ, сохранять полную силу и при этой гипотезѣ. Точно также рудиментарная одушевленность атомовъ едва ли лучше объяснить первое возникновеніе нашихъ человѣческихъ душевныхъ состояній, чѣмъ предположенія самаго грубаго матеріализма: отъ темныхъ побужденій атомовъ, всегда остающихся чисто субъективнымъ достояніемъ cadaго изъ нихъ, скачокъ къ разнообразію внутренно единой жизни нашего сознанія такъ же труденъ, какъ и отъ простаго суммированія ихъ внѣшнихъ движеній.

Есть въ изложенной гипотезѣ и другой недостатокъ, можетъ быть, не менѣе важный. Она дѣлаетъ излишнимъ тотъ самый параллелизмъ, для оправданія котораго мы ее придумали. Въмѣсто двухъ абсолютно независимыхъ рядовъ явленій, она скорѣе побуждаетъ признать всего одинъ, въ который и физическіе, и психическіе факты входятъ какъ равноправныя звенья. Станемъ, въ самомъ дѣлѣ, на точку зрѣнія cadaго атомнаго сознанія или самочувствія: мы получимъ, что измѣненія психическихъ состояній вызываются въ атомѣ не по внутреннимъ побужденіямъ, — какъ мы условились, внутренно онъ всегда стремится неопредѣленно долго пребывать въ томъ состояніи, которое въ немъ уже возникло раньше, — они могутъ быть результатомъ только измѣненія его внѣшнихъ отношеній, наприм., его столкновенія съ другимъ ато-

момъ. И съ другой стороны, если мы допустимъ, что атомъ самъ въ себѣ есть психическій центръ, а его тѣлесное бытіе есть только выраженіе его дѣйствій на другіе центры, — не будемъ ли мы вынуждены признать, что происходящія съ нимъ внѣшнія перемѣны (наприм., переходъ отъ покоя къ движенію и обратно) являются воплощеніемъ его психическихъ измѣненій, т.-е. ихъ прямымъ слѣдствіемъ? А тогда какое можно указать основаніе для того, чтобы непременно двоить причинный рядъ? И не исказимъ ли мы собственной гипотезы до полной непонятности, если начнемъ искать въ чредѣ психическихъ состояній каждаго атома двойниковъ и для того, что завѣдомо лежитъ за его предѣлами (наприм., для движенія къ нему сосѣднихъ атомовъ), и, стало быть, никакъ не принадлежитъ къ числу его внутреннихъ состояній?

По этому поводу нельзя не сдѣлать слѣдующаго общаго замѣчанія: если даже будемъ игнорировать всѣ другіе изъясненія параллелистической теоріи, тотъ самый фактъ, что она *двоитъ* причинную связь вещей на два совсѣмъ независимые ряда, навсегда останется источникомъ очень важныхъ недоумѣній. Вѣдь если эти ряды дѣйствительно независимы и не оказываютъ другъ на друга никакого вліянія, если, съ другой стороны, нашему сознанію открыть только рядъ *психическій* (очевидно, намъ только то доступно, что облеклось въ форму ощущеній, представленій, идей, чувствъ и т. д.), то на какомъ основаніи должны мы принять реальность второго, *физическаго* ряда? Вѣдь если мы признаемъ что-нибудь внѣ насъ, то только потому, что оно какъ-нибудь обосновываетъ и объясняетъ происходящее въ насъ, т.-е. связано съ переживаемымъ нами какою-нибудь дѣйствительною связью; а здѣсь заранѣе признается, что физическое на психическое не имѣетъ никакого дѣйствія. Не попадаетъ ли параллелистическая теорія въ то самое положеніе, въ какомъ оказался Мальбраншъ предъ лицомъ философіи Берклея? Мальбраншъ горячо настаивалъ, что никакая матеріальная субстанція не можетъ произвести

впечатлѣнія на духъ, и во имя этого утверждалъ, что все содержаніе душевной жизни почерпается прямо и непосредственно изъ Божества; но это не мѣшало ему, какъ истому картезианцу, не только признавать существованіе матеріальнаго міра, но и тщательно опредѣлять, въ чемъ состоитъ его истинная сущность. Но вотъ явился Берклеи, отправляясь отъ того же убѣжденія въ невозможности для тѣлеснаго воздѣйствовать на духовное, рѣшительно провозгласилъ, что никакой тѣлесной природы нѣтъ; существуетъ только Богъ и духи конечные, въ которыхъ Богъ вызываетъ идеи матеріальныхъ предметовъ; но эти предметы имѣютъ реальность только въ качествѣ идей духа: вещественный міръ—только общая галлюцинація духовныхъ сознаній. Что могъ Мальбраншъ возразить противъ такого заключенія?

Мнѣ, конечно, на это отвѣтятъ: сторонники параллелизма, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе и не думаютъ приписывать психическому и физическому ряду явленій, каждому въ отдѣльности, какую-то абсолютную, метафизическую реальность. Они очень хорошо знаютъ, что и физическія явленія, поскольку они составляютъ достоянія нашего опыта, суть явленія психическія—въ широкомъ значеніи слова. Они только думаютъ, что общіе принципы механической причинности даютъ полное и исчерпывающее объясненіе для всего, что является предметомъ внѣшняго опыта, слѣдовательно, для всѣхъ вещей и существъ, которыя мы можемъ наблюдать извнѣ. А поэтому они увѣрены, что психологическая точка зрѣнія на наблюдаемая событія не можетъ находиться въ противорѣчьи съ механическою, и психическая причинность должна совпадать съ физическою: иначе сказать, законы механики представляютъ вполне удовлетворительный символъ всякихъ причинныхъ связей въ реальномъ мірѣ. При такомъ толкованіи параллелистическая теорія есть воззрѣніе не метафизическое, а скорѣе методологическое.

Однако, такое приниженіе философіи параллелизма до про-

стого методологическаго приѣма, которое иногда практикуется, едва ли дастъ ей болѣе прочное положеніе. Вѣдь во всякомъ случаѣ вѣра въ непрѣмное совпаденіе механическихъ объясненій съ психологическими для всѣхъ сферъ опыта есть нѣчто большее, чѣмъ правило изслѣдованія; она содержитъ нѣкоторое категорическое утвержденіе о самыхъ предметахъ опыта, и притомъ утвержденіе очень общаго и явно философскаго характера. Точно также признаніе законовъ механики и въ частности закона сохранения энергіи за исчерпывающій типъ и символъ всякихъ причинныхъ отношеній въ дѣйствительной жизни заключаетъ въ себѣ претензію на установленіе нѣкоторой основной онтологической истины. Главное слабое мѣсто параллелизма— не въ томъ, защищаетъ ли онъ абсолютное существованіе психической и физической области или видитъ въ нихъ два соподчиненные отдѣла нашего единаго опыта, а въ томъ, что для двухъ родовъ фактовъ, различныхъ и по природѣ, и по направляющимъ ихъ законамъ, онъ предполагаетъ единство и совпаденіе, нисколько не поясняя, откуда оно берется, и даже принципиально лишая себя возможности объяснить его—чрезъ свое отрицаніе какихъ бы то ни было влияній, и прямыхъ и косвенныхъ, между явленіями обоихъ порядковъ. Параллелистическая теорія въ очевидно различномъ ищетъ тождества, но вмѣсто тождества получаетъ непримиримую двойственность.

Итакъ, параллелистическая теорія въ самомъ существѣ своего построенія носитъ неустранимыя логическія противорѣчія. Въ связи съ этимъ находится ея другой недостатокъ: предположенія параллелизма *немыслимы* въ самомъ строгомъ и буквальномъ значеніи этого слова. Несмотря ни на какія напряженія разсудка и фантазіи, мы дѣйствительно не *можемъ* представить себѣ, даже въ самомъ общемъ и схематическомъ видѣ, психическую половину міра съ ея безчисленными душевными состояніями, которыя отражаютъ въ себѣ всѣ процессы природы, идутъ съ ними шагъ въ шагъ, и однако ими не вызываются и ихъ не вызываютъ.

Въ этомъ отношеніи параллелистическая гипотеза остается чистымъ постулатомъ мыслить извѣстнымъ образомъ, безъ малѣйшей реальной возможности выполнить такое требованіе. Слѣдуетъ думать, что указанные недостатки, рано или поздно, должны рѣшить судьбу параллелизма въ философіи: теорія, логически противорѣчивая и немыслимая, не должна имѣть мѣста въ философіи и въ наукѣ.

Что же это значитъ? Если монистическое пониманіе человѣческой природы невозможно ни въ формѣ матеріализма, ни въ формѣ параллелизма, должны ли мы вернуться къ дуализму двухъ противоположныхъ субстанцій? Но развѣ не ясны гнетущія противорѣчія дуалистическаго воззрѣнія? Понятія объ абсолютно нематеріальномъ духѣ и матеріальномъ тѣлѣ находятся въ очевидномъ отношеніи взаимнаго логическаго отрицанія, — какъ надѣяться эти понятія объединить въ представленіи одного внутренне цѣлостнаго существа? Картезіанская школа всей своей исторіей не доказала ли рѣшительной бесплодности подобныхъ попытокъ?

На этотъ вопросъ отвѣчу другимъ: точно ли сущность духа и тѣла такъ противоположны, какъ мы это привыкли думать? Точно ли въ ихъ внутренней природѣ нѣтъ ничего аналогичнаго, что давало бы точку опоры для объясненія ихъ взаимной связи? Не должны ли мы постоянно помнить, что только дѣйствительность духа дана намъ непосредственно, а внутреннее существо матеріальныхъ вещей всегда составляетъ лишь предметъ нашихъ догадокъ, которыя могутъ быть хороши, но могутъ быть и дурны?

Обсужденіе этихъ вопросовъ и другихъ, съ ними связанныхъ, однако уже не входитъ въ задачу сегоднешняго реферата, и безъ того слишкомъ затянувшася. Поэтому я попрошу позволенія перейти къ ихъ разсмотрѣнію когда-нибудь въ другой разъ.

Л. Лопатинъ.

Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея методы и задачи.

Мало можно найти наукъ, которыя такъ быстро двигались бы впередъ, такъ сильно бы развивались, какъ экспериментальная психологія за послѣднія двадцать лѣтъ. Каждый годъ открываются новыя лабораторіи, и ихъ можно теперь насчитать до 39; почти во всѣхъ странахъ, до Румыніи, Болгаріи и Японіи включительно, есть лабораторіи; 6 періодическихъ журналовъ *) посвящены только экспериментальной психологіи. Кромѣ того, во многихъ психіатрическихъ, фізіологическихъ и философскихъ журналахъ помѣщаются работы по психологіи, и ежегодныя психологическія библіографіи заключаютъ въ себѣ каждый годъ около тысячи номеровъ. Все это указываетъ на быстрое развитіе этой науки и на существующую потребность въ научномъ изученіи проявленій сознательной жизни.

Развитіе экспериментальной психологіи повело за собой и измѣненіе ея методовъ и основныхъ задачъ: образовались различныя школы, и именно теперь мы находимся на переходной ступени, когда школа Фехнера и Вундта падаетъ, и на ея мѣсто образуется новая.

Много авторовъ писали объ историческомъ развитіи экспериментальной психологіи, излагали ея методы и задачи, но я не знаю ни одного, который выставилъ бы это дифференцированіе школъ; это-то и побудило меня написать нижеслѣдующую статью, въ

*) Эти 6 журналовъ суть: *Philosophische Studien*, издаваемый Вундтомъ; *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane* (Эббингхаусъ); *Psychologische Arbeiten* (Крепелинъ); *American Journal of Psychology* (Холлъ); *Psychological Review* (Болдвинъ и Кателлъ); *Année Psychologique* (Бони и Бинэ).

которой я постараюсь дать общее понятие о современномъ состояніи экспериментальной психологіи, а также и изложить систематически ея методы—не по объектамъ, къ которымъ они прилагаются (какъ это до сихъ поръ дѣлалось), а по различіямъ въ самихъ методахъ.

I.

Краткій историческій обзоръ и современное состояніе экспериментальной психологіи.

Первые ученые, занимавшіеся экспериментальною психологіей, имѣли главною задачею выставить возможно яснѣе различіе новой психологіи отъ старой, метафизической, а также—доказать, что экспериментальная психологія должна быть поставлена на-ряду съ естественными науками; этимъ и объясняется то пренебреженіе самонаблюденіемъ, которое мы видимъ у Фехнера и у Вундта, а также и стремленіе прилагать къ психическимъ процессамъ математическіе законы и формулы. Понятно, что эти психологи, критикуя спекулятивную психологію, должны были также критиковать и ея методы, основанные исключительно на самонаблюденіи и логическихъ выводахъ изъ его показаній; поэтому они и старались довести самонаблюденіе до минимума, пренебрегали имъ, обращая все свое вниманіе на внѣшнія условія и внѣшнія проявленія. Это пренебреженіе объясняется еще и тѣмъ, что первые психофизики были физиологи, или, какъ Фехнеръ, физики. Отсутствіе внѣшняго контроля въ самонаблюденіи заставляло ихъ смотрѣть на него очень недовѣрчиво; привычка работать или надъ животными, или надъ физическими явленіями вела ихъ къ приложенію тѣхъ же методовъ и въ психологіи; наконецъ, стремленіе видѣть въ психическихъ явленіяхъ настолько же простые и опредѣленные процессы, какъ въ физикѣ и физиологіи, должно было повести къ нѣкоторой автоматичности и однообразію работъ, что мы и видимъ у первыхъ психофизиковъ.

Послѣ того, какъ Е. Г. Веберъ въ 1848 году опубликовалъ свои работы надъ чувствомъ давленія и надъ чувствомъ осязанія, много авторовъ занималось провѣркой и развитіемъ результатовъ его изслѣдованій. Опыты дѣлались автоматически: трогали, наприм., кожу въ двухъ близко лежащихъ точкахъ, и субъектъ долженъ былъ отвѣчать, чувствуетъ ли онъ одно или два при-

косновенія, искали предѣлъ, при которомъ чувствовались двѣ точки; ничего больше у него и не спрашивали: не интересовались узнать, какъ онъ чувствовалъ обѣ точки, были ли онѣ одинаково ясны, были ли это два прикосновенія, или, можетъ быть, боль или холодъ; какъ онъ узнавалъ, что это двѣ точки (или одна), не пользовался ли онъ какими нибудь особенными признаками и т. д.? Всѣмъ этимъ пренебрегали, до всего этого не было дѣла.

Послѣ выхода Психофизики Фехнера (въ 1860 году) положеніе дѣла, можно сказать, ухудшилось. Опыты оставались все такими же автоматическими; стали только еще примѣнять къ ощущеніямъ формулу Гаусса изъ теоріи вѣроятностей; начали прилагать къ изученію ощущеній методъ вѣрныхъ и невѣрныхъ случаевъ: раздраженіе оставалось то же (наприм., прикосновеніе къ двумъ точкамъ кожи на извѣстномъ разстояніи), опытъ повторяли извѣстное число разъ, потомъ дѣлили отвѣты на двѣ группы (вѣрные— 2 точки, невѣрные— 1 точка) и вводили полученныя числа въ извѣстную Гауссову формулу, чтобы вывести изъ нея, чему должно равняться раздраженіе, чтобы получить равное число вѣрныхъ и невѣрныхъ отвѣтовъ (наприм., чему должно равняться разстояніе двухъ точекъ кожи, чтобы изъ 100 прикосновеній субъектъ 50 разъ сказалъ: одна точка и 50 разъ—двѣ точки).

Послѣдователи Фехнера занялись провѣркой приложенія Гауссовой формулы, а также и провѣркой Веберовскаго и Фехнеровскаго законовъ для всѣхъ ощущеній. Подобные однообразные опыты дѣлались не только во времена Фехнера, но даже и теперь въ лабораторіи Вундта и въ нѣкоторыхъ другихъ лабораторіяхъ мы видимъ, что дѣлаются тысячи опытовъ безъ всякаго самонаблюденія, — съ приготовленными заранѣе методами и отвѣтами на вопросы.

Стоитъ обратить вниманіе на эти заранѣе приготовленные отвѣты: одно изъ первыхъ затрудненій, встрѣтившихся въ примѣненіи формулы Гаусса, — то, что эта формула содержитъ только двѣ переменныя: r и f ; слѣдовательно, надо распределить всѣ отвѣты въ двѣ группы; какъ быть? Самый простой для экспериментатора выходъ — это требовать у субъекта только двухъ родовъ отвѣтовъ: *больше* и *меньше*, а отвѣта *равно* не принимать. Какъ ни страненъ этотъ способъ, но онъ встрѣчается даже и въ послѣднее время у психофизика Меркеля и у нѣкоторыхъ другихъ. Однако, чаще всего требуютъ трехъ родовъ отвѣтовъ; субъекту, наприм., говорятъ:

«вы должны мнѣ сказать, *сильнѣе* ли первое ощущеніе второго, *слабѣе* его, или же *равно* ему». Итакъ, хочешь не хочешь, чувствуешь ли опредѣленную разницу или нѣтъ, все равно—подавай одинъ изъ трехъ указанныхъ отвѣтовъ; а иногда даже, чтобы не терять времени, субъектъ не долженъ говорить: онъ бросаетъ только красный (= сильнѣе), синій (= слабѣе) или бѣлый (= равно) жетонъ въ мѣшокъ и больше отъ него ничего не требуется *). Экспериментаторъ распредѣляетъ отвѣты по правилу Фехнера, или Мюллера, или Меркеля между двумя группами r и f и подставляетъ въ формулу Гаусса.

Изъ предыдущаго, я надѣюсь, ясно видно, сколько искусственнаго и гипотетичнаго введено въ подобнаго рода опытахъ.

Можно было бы привести очень много примѣровъ, показывающихъ, что распросы о томъ, что чувствуетъ субъектъ, имѣютъ большое значеніе и что, дѣйствительно, мы имѣемъ право критиковать методы, подобные вышеописаннымъ; но я ограничусь пока лишь однимъ примѣромъ, такъ какъ на важность самонаблюденія я укажу ниже. Примѣръ этотъ относится опять къ ощущеніямъ осязанія; онъ взятъ изъ одного ряда опытовъ, которые я дѣлаю съ однимъ изъ работающихъ въ лабораторіи Вундта. Каждую минуту я трогаю двѣ точки кожи на рукѣ (приблизительно на одномъ и томъ же мѣстѣ) на разстояніи 52 миллиметровъ другъ отъ друга,—субъектъ долженъ сказать все, что онъ чувствуетъ. Вотъ отвѣты послѣ первыхъ десяти опытовъ:

- 1-ый опытъ: 2 прикосновенія, очень близко другъ къ другу, совсѣмъ вплотъ.
- 2-ой » 2 прикосновенія, очень далеко другъ отъ друга и ясно ощущаемыя на разстояніи около пяти сантиметровъ одно отъ другого, совершенно отлично отъ предыдущаго опыта.
- 3-ій » 2 прикосновенія, не настолько яснѣя, ближе, около трехъ сантиметровъ другъ отъ друга.
- 4-ый » 2 прикосновенія, очень близко, но все-таки еще раздѣльныя, около пяти миллиметровъ.
- 5-ый » 2 прикосновенія, довольно далеко другъ отъ друга, около четырехъ сантиметровъ, очень ясно.

*) См., наприм., J. Merkel: *Abhängigkeit zw. Reiz und Empfindung*. IV. Philos. Stud., томъ X.

- 6-ой опытъ: 1 прикосновеніе, продолговатое, но одно; вполнѣ ясно.
- 7-ой » 2 прикосновенія, не очень далеко другъ отъ друга, около одного сантиметра.
- 8-ой » 2 прикосновенія, дальше, около двухъ сантиметровъ, немного болѣзненно.
- 9-ый » 2 прикосновенія, немного дальше, два съ половиною сантиметра другъ отъ друга; слабо.
- 10-ый » сперва одно прикосновеніе, потомъ два, ясно почувствовалъ оба, но совершенно вполоть одно съ другимъ.

Достаточно, я думаю, прочесть предыдущіе отвѣты, въ которыхъ внѣшнія условія, по возможности, были сохранены тѣ же самыя и которыя всѣ относятся къ прикосновенію двухъ точекъ на разстояніи 52 миллиметровъ, чтобъ убѣдиться, насколько разнородны наши ощущенія, даже когда внѣшнія условія одни и тѣ же. Мнѣ кажется, что при такой разнородности духовныхъ процессовъ нельзя и говорить о примѣненіи къ нимъ математическихъ формулъ. Сотни тысячъ опытовъ, начиная съ Вебера и до сихъ поръ, были сдѣланы надъ осязательными ощущеніями, и только одинъ Камереръ *) указываетъ вкратцѣ на ихъ трудность и чрезвычайное разнообразіе отвѣтовъ; остальные же авторы удовольствовались отвѣтами: одно прикосновеніе или два, такъ что изъ прошлаго ряда они вывели бы: 9 отвѣтовъ—2 прикосновенія и 1—одно прикосновеніе, т.-е. 9 вѣрныхъ и одинъ невѣрный; такимъ образомъ они поставили бы вмѣстѣ, въ одинъ рядъ, отвѣты, гдѣ чувствуется два прикосновенія на разстояніи 5 или 4 сантиметровъ, съ отвѣтами, гдѣ два прикосновенія чувствуются вполоть. Не буду больше останавливаться на этомъ примѣрѣ и возвращусь къ моему краткому историческому обзору.

Послѣ работъ Дондерса надъ временами реакцій, опубликованныхъ въ 1868 году, число экспериментальныхъ работъ по психологіи увеличилось; съ одной стороны, психологи занимались проверкой Веберовскаго закона для разныхъ классовъ ощущеній, съ другой стороны, начинаются работы по психометриі. Измѣряютъ всевозможныя времена реакцій: и простыя, и сложныя, при различныхъ условіяхъ, при напряженномъ вниманіи или въ развлечен-

*) *Camerer*: Zeitsch. f. Biologie, 1883.

номъ состояніи, у здоровыхъ и у больныхъ и т. д. И тутъ опять, какъ и въ изученіи ощущеній, самонаблюденіе оставляется совершенно въ сторонѣ,—вниманіе экспериментаторовъ обращено на усовершенствованіе приборовъ и на контролированіе ихъ, и въ этомъ отношеніи дошли, можно сказать, до совершенства: времена реакцій измѣряются съ точностью до тысячной секунды и даже съ еще большей.

Какъ доказательство того, насколько пренебрегали самонаблюденіемъ, достаточно привести тотъ фактъ, что съ 1868 до 1884 года дѣлали безконечное число опытовъ надъ временами реакцій и не замѣчали того, что вниманіе субъекта во время реагированія можетъ быть направлено или на движеніе, которымъ реагируешь, или же на раздраженіе, на которое реагируешь; только Лудвигъ Ланге *) въ 1884 году обратилъ вниманіе на этотъ простой фактъ, который, несомнѣнно, былъ бы замѣченъ въ первое же время, еслибы субъекта спрашивали послѣ каждой реакціи, а не сажали бы его въ другую комнату, гдѣ онъ только и долженъ былъ поднимать палецъ, какъ только услышитъ ударъ молотка (онъ находился въ сношеніи съ экспериментаторомъ исключительно при помощи электрическаго звонка).

Это открытіе Л. Ланге произвело переворотъ въ психометріи: занялись провѣркой этого факта; главное вниманіе было обращено на то, какъ измѣняется время реакціи при различныхъ направленіяхъ вниманія. Несмотря на то, что только самонаблюденіе можетъ намъ указать, какъ и на что обращено вниманіе реагирующаго субъекта, его продолжали отдѣлять отъ экспериментатора, сажали въ отдѣльную полутемную, совершенно тихую комнату, гдѣ онъ въ продолженіе часа только и дѣлалъ, что реагировалъ и послѣ каждой реакціи давалъ одинъ звонокъ, если это была мускульная реакція, и два звонка, если онъ обращалъ вниманіе на раздраженіе.

Явилось много теорій, имѣвшихъ цѣлью объяснить разницу между мускульными и сенсоріальными реакціями, но вопросъ можно считать открытымъ до тѣхъ поръ, пока времена реакцій не будутъ изслѣдованы съ возможно подробнымъ изложеніемъ данныхъ самонаблюденія.

На-ряду съ этими двумя группами изслѣдованій—надъ зако-

*) *Ludwig Lange*. Philosoph. Stud. T. IV.

номъ Вебера и по психометріи — производили довольно много опытовъ надъ разными явленіями въ ощущеніяхъ, надъ чувствомъ времени и т. д., вообще занялись разработкою вопросовъ, вызванныхъ, главнымъ образомъ, теоріями ощущенийъ. Таковы, на прим., работы надъ контрастомъ, надъ послѣдовательными изображеніями и надъ ненормальностями въ зрительныхъ ощущеніяхъ цвѣтовъ, вызванныя теоріями Гельмгольца, Геринга и другихъ; но подобнаго рода работы гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ работы первыхъ двухъ группъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію развитіи экспериментальной психологіи и къ описанію ея современнаго состоянія, мы должны нѣсколько остановиться на развитіи этой психологіи въ различныхъ странахъ.

Большинство опытовъ и работъ, о которыхъ мы говорили выше, были сдѣланы въ Германіи послѣдователями и учениками Фехнера и Вундта; нѣкоторыя изъ нихъ, начиная съ 1883 года *), въ Америкѣ учениками Вундта. При сильномъ развитіи въ Германіи философіи и метафизической психологіи, при стремленіи и привычкѣ нѣмцевъ всюду вводить метафизическія разсужденія, ясно, что и экспериментальная психологія должна была опасаться этого, и отсюда произошла, повидимому, та утрировка во внѣшней сторонѣ опыта и то пренебреженіе самонаблюденіемъ, на которыя мы указали выше.

Во Франціи и Англій дѣло обстояло совершенно иначе; ученія Конта, Юма, Милля, Спенсера, Бэна, Дарвина должны были подготовить почву; экспериментальная психологія не представляла такого контраста съ существовавшими ученіями, какъ это было въ Германіи, да кромѣ того ей нечего было бояться метафизики. Поэтому-то мы и видимъ, что въ этихъ странахъ экспериментальная психологія никогда не пренебрегала самонаблюденіемъ, — наоборотъ, оно ставилось на первый планъ, оставалось главнымъ процессомъ, и экспериментъ служилъ преимущественно для того, чтобы получить возможно одинаковыя условія для самонаблюденія, а также и для того, чтобы создать нѣкоторый контроль надъ этимъ самонаблюденіемъ.

Экспериментальная психологія въ этихъ странахъ была направлена на изученіе высшихъ психическихъ процессовъ, — она не

*) Открытіе первой психологической лабораторіи въ Америкѣ.)

ограничивалась изученіемъ ощущеній и психометріей, какъ въ Германіи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить работы Спенсера, Бэна, Тэна, Гальтона, Селли, Шарко, Рибо, Бинэ и наконецъ, американскаго психолога Джемса. Во Франціи эта школа обратила большое вниманіе на болѣзненные состоянія души, въ Америкѣ она приняла практическое направленіе въ приложеніи къ педагогикѣ.

Итакъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, образуется нѣмецкая школа, представителями которой являются Фехнеръ и Вундтъ, съ другой стороны, англійская и французская школа, современными представителями которой служатъ Гальтонъ, Джемсъ, Рибо и Бинэ. Первая ищетъ точности въ измѣреніи внѣшнихъ процессовъ, идетъ постепенно, изучая мелочи и детали, пренебрегая самонаблюденіемъ; вторая старается затронуть болѣе сложныя явленія, сосредоточиваетъ главное вниманіе на самонаблюденіи и стремится изучать психическіе процессы при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они встрѣчаются въ жизни.

Первые высшіе психическіе процессы, на которые было обращено вниманіе, это—ассоціаціи, представленія и память. Послѣ того какъ Гальтонъ *) и Тэнъ **) опубликовали почти одновременно свои сочиненія, въ которыхъ такъ ясно было указано, насколько различны представленія у разныхъ индивидуумовъ и при различныхъ обстоятельствахъ, во Франціи начались работы въ этомъ направленіи; всѣмъ извѣстны теперь работы Шарко, Рибо и Бинэ надъ психологическими типами. Но въ Германіи эти работы надъ представленіями долго оставались неизвѣстными: такъ, напримѣръ, въ первое мое посѣщеніе Вундтовской лабораторіи въ 1892 году почти никто изъ работавшихъ не зналъ объ этихъ работахъ; прочіе смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ, какъ на изслѣдованія неточныя и ошибочныя; помню, какъ главный ассистентъ Вундта увѣрялъ меня, что всякій долженъ быть въ состояніи ясно себѣ представить зрительно любой предметъ; о самонаблюденіи въ психологическихъ работахъ почти и не говорилось. Но уже черезъ годъ отношеніе къ этимъ работамъ измѣнилось, и тотъ же ассистентъ говорилъ, что онъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что не всякій можетъ себѣ ясно

*) Inquiries into human faculties.

**) De l'intelligence.

представлять зрительно всѣ предметы, и въ нѣкоторыхъ работахъ уже начали признавать значеніе самонаблюденія, хотя и весьма мало. Наконецъ, еще черезъ годъ осталось лишь небольшое количество работающихъ, которые не признавали значенія самонаблюденія: работы Гальтона и другихъ становятся извѣстными, ими интересуются, и можно надѣяться, что въ скоромъ времени подобныя работы будутъ дѣлаться также и въ Лейпцигѣ.

Первая экспериментальная работа надъ памятью была сдѣлана Эббингхаусомъ въ 1884 году; послѣ него много занимались этимъ вопросомъ, и теперь можно считать, что работы надъ памятью въ большемъ ходу; работы надъ провѣркой Веберовскаго закона и надъ психометріей отошли на второй планъ, за то теперь не выходитъ почти ни одного номера психологическихъ журналовъ, гдѣ бы не было работы надъ памятью. Только лабораторія Вундта остается въ этомъ отношеніи позади, — въ ней до сихъ поръ была сдѣлана только одна работа надъ памятью звуковъ, да теперь дѣлаются двѣ: надъ памятью красокъ и надъ памятью ощущеній давленія.

Казалось бы, что послѣ изслѣдованій Гальтона и другихъ надъ представленіями, а также и вслѣдствіе большей сложности процесса памяти сравнительно съ ощущеніями, авторы должны были бы обратить вниманіе на самонаблюденіе. Между тѣмъ мы видимъ, что печатаются работы, гдѣ не встрѣчается данныхъ самонаблюденія, гдѣ намъ даютъ таблицы, которыя можно сказать навѣрное, содержатъ весьма разнородные процессы; авторы не обратили на это вниманія вслѣдствіе отсутствія самонаблюденія. Но число подобныхъ работъ все болѣе и болѣе уменьшается; психологи убѣждаются, что психическіе процессы вовсе не такъ просты, чтобы къ нимъ можно было примѣнять математическія формулы, что надо принимать въ расчетъ много условій, на которыя прежде не обращалось вниманія и которыя невозможно предвидѣть заранѣе, такъ какъ о ихъ существованіи можно узнать только изъ самонаблюденія; и не только въ Америкѣ и во Франціи проникаются подобными убѣжденіями, но даже и въ Германіи молодые психологи переходятъ къ этому направленію.

Теперь, послѣ бѣлаго обзора развитія экспериментальной психологіи, мнѣ легко будетъ очертить современное ея состояніе. ■

Въ настоящее время насчитывается всего 39 психологических лабораторій *), изъ которыхъ 18 въ Америкѣ.

Работы, производящіяся теперь во всѣхъ лабораторіяхъ, можно раздѣлить на двѣ группы: 1) Работы исключительно съ научною цѣлью, для изученія психическихъ процессовъ. 2) Работы имѣющія практическую цѣль. Разберемъ отдѣльно эти двѣ группы:

1. Мы уже указали выше, что очень много современныхъ работъ посвящено памяти, главнымъ образомъ, памяти ощущеній, хотя начинаются работы также и надъ памятью фразъ, гдѣ уже мы имѣемъ дѣло болѣе съ памятью смысла, чѣмъ съ памятью ощущеній **).

Извѣстное число работающихъ занято повтореніемъ, пересмотромъ и пополненіемъ прежнихъ опытовъ надъ ощущеніями и надъ временами реакцій; сюда мы должны отнести работы надъ зрительными ощущеніями, которыми усиленно занимаются уже нѣсколько лѣтъ, съ одной стороны, школа Геринга, съ другой, школа Гельмгольца; нельзя также не упомянуть объ опытахъ надъ ритмомъ и надъ чувствомъ времени. Къ этой же первой группѣ мы отнесемъ и опыты надъ ассоціаціями, представленіями и надъ вліяніемъ разныхъ психическихъ процессовъ, особенно чувствъ, на пульсъ, дыханіе и объемъ руки; подобныхъ опытовъ довольно много производится теперь въ разныхъ лабораторіяхъ; сильно развился методъ изученія разныхъ психическихъ процессовъ помощью вопросниковъ.

2. Ко второй группѣ опытовъ, имѣющихъ практическую цѣль, я отношу всѣ изслѣдованія по индивидуальной психологіи; такъ какъ въ послѣдніе года индивидуальная психологія довольно сильно развилась и такъ какъ мнѣ не извѣстно ни одного систематическаго изложенія этого отдѣла психологіи, то я и останавлиюсь немного дольше на этомъ предметѣ.

*) Leipzig (Wundt), Göttingen (Müller), Berlin (Stumpf), Bonn (Martius), Heidelberg (Kraepelin), Bresslau (Ebbinghaus), München (Lipps), Jena (Ziehen), Wien (Mach), Юрьевъ (Чижъ), Paris (Binet), Lille (Bourdon), Genève (Flournoye), Liège (Delboeuf), Bruxelles (Dwelschauvers), Louvain, Kopenhagen (Höfding), Яссы (Gruber), Софія, Cambrige (Hill), Tokio (Matora); Pensilvania (Hopkins), Columbia (Cattell), Harvard (Münsterberg), Princeton (Baldwin), Clark (Hall), Wisconsin (Jastrow), Cornell (Titchener), Chicago (Strong), Indiana (Bryan), Illinois (Krohn), Stanford (Angell), Washington (Pace), Yale (Ladd), Brown (Delabare), Minnesota (Hough), Nebraska (Wolfe), Michigan (Dewey) и Wellesley (Miss Calcins).

; **) Binet et Henri: «Memoire des phrases». Année Psychologique, 1894.

Индивидуальная психологія имѣетъ главною задачей изученіе индивидуальныхъ различій въ психическихъ процессахъ людей; она распадается на двѣ главныя части: одну — собственно индивидуальную психологію, задача которой состоитъ въ возможно тщательномъ изученіи индивидуальныхъ различій, и другую — *характерологію*, которая имѣетъ задачей установить, нѣтъ ли между психическими процессами такихъ, которые играютъ первостепенную роль, такъ что достаточно изучить у индивидуума только эти психическіе процессы, чтобы быть въ состояніи изъ нихъ заключать и о другихъ психическихъ процессахъ индивидуума, — или, другими словами, указать, какіе психическіе процессы образуютъ основныя черты характера лица. Изъ этихъ двухъ частей вторая очень мало еще была затронута экспериментальною психологіей; авторы, занимавшіеся до сихъ поръ «характерологіей», старались почти исключительно дать классификацію характеровъ, не перебирали всѣхъ психическихъ процессовъ индивидуума и не занимались разборомъ того, какіе изъ этихъ процессовъ надо считать первостепенными и какіе вытекаютъ изъ этихъ первостепенныхъ; мнѣ кажется, что эта отрасль психологіи только тогда встанетъ на твердую научную почву, когда этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ не только въ общей его формѣ, а во всѣхъ деталяхъ, съ доказательствами, основанными на опытахъ и наблюденіяхъ.

Всѣ экспериментальныя работы по индивидуальной психологіи относятся къ первой части ея. Эти работы посвящены изученію индивидуальныхъ разностей у нормальныхъ взрослыхъ людей, у дѣтей и, наконецъ, у ненормальныхъ людей.

Современные психологи все болѣе и болѣе обращаютъ вниманіе на подобнаго рода работы, такъ какъ онѣ могутъ привести къ практическимъ результатамъ въ преобразованіи воспитанія и образованія дѣтей, въ діагнозѣ и лѣченіи душевныхъ болѣзней и, наконецъ, въ криминологіи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ результатовъ, которые получены до сихъ поръ.

При изученіи психическихъ процессовъ у дѣтей и у взрослыхъ получился весьма важный и ясный результатъ, что *индивидуальныя разницы тѣмъ яснѣе и больше, чѣмъ психической процессъ сложнѣе*. Уже въ 1889 году Oehrn *) нашелъ этотъ результатъ для нѣкоторыхъ процессовъ, состоящихъ въ сложеніи, счетѣ буквъ,

*) Oehrn: Individualpsychologie. Diss. Dorpat. 1889.

заучиваніи наизусть рядовъ цифръ и т. д.; но онъ мало придавъ значенія этому выводу и только вскользь указалъ на него. Очень ясно получился этотъ результатъ въ опытахъ, сдѣланныхъ надъ дѣтми Бинэ и мной *); мы нашли, наприм., что при воспроизведеніи линіи данной длины карандашомъ на бумагѣ индивидуальныя разницы больше, когда это воспроизведеніе дѣлается на память, чѣмъ когда ученикъ счерчиваетъ данную линію. Изъ опытовъ надъ памятью геометрическихъ фигуръ выдѣляется отчетливо тотъ результатъ, что чѣмъ фигура сложнѣе, тѣмъ индивидуальныя разницы становятся яснѣе и замѣтнѣе. То же самое получилось еще изъ опытовъ надъ памятью цифръ, словъ и фразъ у дѣтей: индивидуальныя разницы едва замѣтны при памяти цифръ, онѣ яснѣе для памяти словъ и еще болѣе ясны для памяти фразъ; наконецъ, для этой послѣдней индивидуальныя разницы тѣмъ замѣтнѣе и яснѣе, чѣмъ фраза, которую требуется запомнить, длиннѣе. Вообще индивидуальныя разницы гораздо менѣе замѣтны для ощущеній, чѣмъ для памяти и высшихъ психическихъ функцій.

Другой пунктъ индивидуальной психологіи, на который мы обратимъ вниманіе, это—работы надъ утомленіемъ Моссо **); онъ показалъ своими опытами надъ утомленіемъ, что существуетъ два типа индивидуумовъ: одни могутъ работать одинаково до извѣстнаго момента, а потомъ разомъ устаютъ, другіе утомляются постепенно. То же самое найдено еще и для навыка: одни сразу, быстро привыкаютъ къ чему-нибудь, другіе постепенно и т. д. Всѣ эти результаты получены опытнымъ путемъ и, безъ сомнѣнія, будутъ играть важную роль въ педагогикѣ.

Нельзя оставить безъ вниманія и опытовъ надъ ненормальными людьми. Тутъ мы видимъ, съ одной стороны, опыты надъ преступниками, имѣющіе главною задачей установить, въ какихъ психическихъ процессахъ преступники отличаются отъ нормальныхъ людей, и существуетъ ли опредѣленный типъ преступника или же нѣтъ. Съ другой стороны, мы видимъ опыты надъ душевно-больными: эти опыты имѣютъ цѣлью, кромѣ научнаго изслѣдованія, установить, какія ненормальности въ тѣхъ или дру-

*) *Binet et Henri: Mémoire visuelle des enfants. Revue Générale des Sciences, 15 mars 94; Suggestibilité naturelle des enfants. Revue Philosophique, Octobre 94; Mémoire des mots et des phrases. Année Psychologique, 94.*

***) *Mosso: La Fatigue; также Bettman въ Kraepelin's Psychol. Arbeiten. I. 1895.*

гихъ психическихъ процессахъ сопровождають извѣстныя душевныя болѣзни; на основаніи этихъ изслѣдованій можетъ ставиться діагнозъ, а также и назначаться лѣченіе.

Изъ этого общаго и отрывочнаго обзора работъ по индивидуальной психологіи видно, что она имѣетъ болѣе прямое и непосредственное приложеніе на практикѣ, чѣмъ другіе отдѣлы экспериментальной психологіи, въ которыхъ изучаются общія черты психологическихъ процессовъ у всѣхъ людей.

Посмотримъ теперь, на какіе психическіе процессы обращали и обращаютъ теперь вниманіе психологи. Больше всего занимаются индивидуальной психологіей въ Америкѣ: тамъ нѣсколько психологовъ задались цѣлью изслѣдовать психическіе процессы дѣтей со всѣхъ возможныхъ сторонъ, чтобы на основаніи этихъ изслѣдованій преобразовать воспитаніе и образованіе дѣтей *). Подобною же задачей задался и Бинэ въ Парижѣ. До сихъ поръ изслѣдованія американскихъ психологовъ простирались, главнымъ образомъ, на ощущенія и память у дѣтей; только въ послѣднее время начались работы надъ подражаніемъ, утомленіемъ и высшими психическими процессами у дѣтей. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ этихъ послѣднихъ, взятый изъ *Pedagogical Seminary* **): дѣтямъ отъ 6 до 16 лѣтъ читался слѣдующій разсказъ: «Маленькая Дженни получила отъ матери въ подарокъ красивую коробку съ красками; когда мать ея ушла изъ дому, то она, чтобы доставить удовольствіе матери, раскрасила мебель въ салонѣ; когда мать вернулась, она побѣжала къ ней навстрѣчу и съ радостью сказала: «поди, мама, посмотри, какъ я для тебя красиво раскрасила мебель»; мать разсердилась на нее и отняла коробку съ красками. Если бы вы были на мѣстѣ матери, — что бы вы сдѣлали Дженни?»

Опыты эти были сдѣланы надъ 3.000 дѣтей, и оказалось, что болѣе половины изъ нихъ написали, что высѣкли бы Дженни, и притомъ, чѣмъ дѣти моложе, тѣмъ болѣе процентъ такихъ, которыя стояли за розги и тѣмъ наказанія жесточе; у старшихъ являются уже разсужденія. Но поразительнѣе всего, что никто не написалъ угрозъ, которыя такъ часто употребляются всѣми родителями; не есть ли это, можетъ быть, указаніе на ту малую

*) Два педагогическихъ журнала (*Pedagogical Seminary* и *Educational Review*) посвящены подобнаго рода работамъ.

***) *Schallenberger*: *Pedagogical Seminary*, III, стр. 87—97.

важность, которую играютъ для ребенка угрозы? Очевидно, одного подобнаго опыта не достаточно для общихъ заключеній, но онъ наводитъ на много новыхъ мыслей; я указалъ его только какъ примѣръ.

Во Франціи Бинэ менѣе обращаетъ вниманія на изученіе ощущеній у дѣтей, — онъ дѣлаетъ опыты, главнымъ образомъ, надъ памятью линейныхъ протяженій, цифръ, словъ, фразъ, потомъ — надъ наблюдательностью у дѣтей, ихъ способностью схватывать общую мысль изъ болѣе или менѣе длиннаго разсказа, ихъ внушаемостью и т. д.

Изученіе психическихъ процессовъ у преступниковъ производится, главнымъ образомъ, въ Италіи школой Ломброзо, но тамъ почти исключительно ограничивались до сихъ поръ изученіемъ ощущеній. Мы не думаемъ, чтобы главная черта, отличающая преступника отъ нормальнаго человѣка, заключалась въ томъ, что онъ менѣе чувствителенъ къ боли или что онъ представляетъ какія-нибудь ненормальности въ ощущеніяхъ, какъ это говорить Ломброзо; намъ кажется, что было бы гораздо полезнѣе и интереснѣе обратиться къ изученію высшихъ психическихъ процессовъ у преступниковъ.

У душевно-больныхъ главные опыты были произведены надъ продолжительностью психическихъ процессовъ. Мы упомянемъ) опыты Букколы, Бехтерева, Чижа и Крепелина; послѣдній только-что основалъ новый психологическій журналъ *), посвященный почти исключительно психологическимъ изслѣдованіямъ у душевно-больныхъ. Но рядомъ съ этими опытами надо поставить и наблюденія надъ высшими психологическими процессами у душевно-больныхъ, которыя производятся, главнымъ образомъ, во Франціи: сюда относятся работы Рибо надъ болѣзнями воли, памяти, личности и, наконецъ, его теперешняя работа, еще не изданная, надъ болѣзнями чувствъ; работы Шарко, Бинэ и другихъ послѣдователей ихъ; наконецъ, сюда же мы относимъ и опыты съ помощью гипнотизма, о многочисленности которыхъ всѣмъ извѣстно.

Намъ остается еще дать краткій обзоръ опытовъ по индивидуальной психологіи надъ нормальными людьми. Тутъ прежде всего стоятъ опыты надъ ощущеніями у мужчинъ и женщинъ

*) Psychologische Arbeiten. Leipzig, 1895.

разныхъ классовъ, которыми занимались школа Ломброзо, Гальтонъ и нѣкоторые изъ русскихъ невропатологовъ; подобными опытами теперь довольно много занимаются и въ Америкѣ.

Изъ высшихъ процессовъ изучаются и изучались представленія, сны, эстетическое чувство, память и т. д. Этими опытами занимаются, главнымъ образомъ, въ Америкѣ и во Франціи.

Изъ всего предыдущаго мы выводимъ слѣдующія заключенія относительно современнаго состоянія экспериментальной психологіи. Изъ двухъ школъ: одной—нѣмецкой (Фехнеръ, Вундтъ), не признающей самонаблюденія, и другой—англійской и французской, ставящей самонаблюденіе на первый планъ, первая падаетъ и уступаетъ мѣсто второй. Вниманіе психологовъ обращено на изученіе высшихъ психологическихъ процессовъ, особенно памяти, на пересмотръ и пополненіе прежнихъ работъ надъ ощущеніями и психометріей и, наконецъ, на изслѣдованія индивидуальныхъ разностей, съ стремленіемъ къ практическому приложенію результатовъ. Изслѣдованія по индивидуальной психологіи: надъ дѣтьми дѣлаются въ Америкѣ и во Франціи, надъ преступниками—въ Италіи, надъ душевно-больными—во Франціи, Россіи и немного въ Германіи, наконецъ, надъ нормальными людьми—въ Италіи, Америкѣ и Россіи. Общая характеристика современнаго положенія та, что экспериментальная психологія стремится изучать высшіе психическіе процессы, какъ можно больше пользуясь самонаблюденіемъ, и все болѣе и болѣе получаетъ практическое значеніе.

II.

Методы экспериментальной психологіи.

Методы экспериментальной психологіи излагали до сихъ поръ почти исключительно соотвѣтственно изучаемымъ предметамъ: разбирали методы для изученія ощущений, потомъ чувствованій, памяти, продолжительности психическихъ процессовъ и т. д. При такомъ изложеніи главное вниманіе обращали на изучаемый предметъ; поэтому и случалось часто, что одинъ и тотъ же методъ повторялся нѣсколько разъ при изученіи разныхъ психическихъ процессовъ. Мнѣ кажется, что было бы желательно систематизировать методы экспериментальной психологіи, постараться сгруп-

пировать именно ихъ. Я попытаюсь ниже изложить методы экспериментальной психологіи въ систематическомъ порядкѣ; конечно, эта попытка должна имѣть много недостатковъ, и на указанныя группы нельзя смотрѣть какъ на единственно существующія, но, повторяю, подобная задача, во-первыхъ, трудна, а во-вторыхъ, ею до сихъ поръ, мнѣ кажется, никто еще не занимался.

Въ самомъ началѣ изученіе методовъ экспериментальной психологіи распадается на три части:

I. Методы, употребляемые при произведеніи единичныхъ опытовъ и наблюденій. Мы увидимъ ниже, что эти методы можно распредѣлить въ 8 группъ.

II. Такъ какъ для того, чтобы быть въ состояніи дѣлать общіе выводы, нельзя довольствоваться однимъ опытомъ или наблюденіемъ, а требуется собрать ихъ извѣстное число, то спрашивается, какимъ образомъ собираются эти опыты или наблюденія и какъ они группируются?

III. Какія общія условія душевной жизни могутъ вліять на результаты? Тутъ мы увидимъ, что эти общія условія суть: сосредоточенное вниманіе, развлеченіе, привычка, навыкъ, упражненіе, увлеченіе, усталость, внушеніе, предвзятая мысль, знаніе заранѣе предмета, расположеніе духа, сонъ, гипнотизмъ и т. д.

Итакъ, разберемъ въ подробности каждую изъ этихъ частей.

I.

Каждый психологическій опытъ состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: мы имѣемъ, во-первыхъ, внѣшній процессъ, состоящій изъ какого-нибудь раздраженія или же движенія, волевого или рефлекторнаго; во-вторыхъ, процессъ самонаблюденія, гдѣ субъектъ долженъ описать, что онъ чувствуетъ, наблюдаетъ или, наконецъ, что онъ думаетъ. Процессъ самонаблюденія остается почти всегда одинъ и тотъ же, и только экспериментаторъ направляетъ его на тотъ или другой психическій актъ.

Мы старались группировать всѣ опыты по экспериментальной психологіи, опираясь при этомъ или на различіяхъ соотвѣтствующихъ имъ внѣшнихъ процессовъ, или же на задачѣ, которую долженъ исполнить субъектъ.

Итакъ, вотъ группы, которыя мы образовали:

1. Произведенъ одинъ стимулъ *), и субъектъ долженъ сказать, что онъ чувствуетъ или наблюдаетъ.

Къ этой группѣ относятся опыты надъ опредѣленіемъ «порога» ощущеній, состоящіе въ томъ, что производится нѣкоторое раздраженіе и субъектъ долженъ сказать, чувствуетъ ли онъ что-нибудь или нѣтъ; а также опыты надъ опредѣленіемъ силы раздраженія, необходимаго, чтобы вызвать боль,—надъ опредѣленіемъ границъ ощущеній тепла и холода: трогаютъ палочкой различныя точки кожи, и субъектъ долженъ говорить, чувствуетъ ли онъ холодъ, тепло или же просто прикосновеніе.

Опредѣленіе разстоянія двухъ точекъ кожи, необходимаго, чтобы почувствовать два прикосновенія; воспріятіе линій, фигуръ и движеній на кожѣ. Указаніе словами мѣста, гдѣ чувствуется прикосновеніе.

Опыты надъ чувствомъ зрѣнія: изученіе дальнорюкости, зрѣнія периферическими частями сѣтчатки, воспріятія красокъ; оптическіе обманы, въ которыхъ субъектъ долженъ сказать, какъ ему кажутся нѣкоторыя линіи, и т. д.

Анализы соединенія двухъ звуковъ, гдѣ требуется указать, простой ли звукъ слышится, или составной, и изъ какихъ онъ состоитъ. Локалізація звуковъ, гдѣ субъектъ долженъ опредѣлить, откуда, какъ ему кажется, происходитъ звукъ **).

Опредѣленіе самаго малаго промежутка времени между двумя раздраженіями, который необходимъ для того, чтобы ощущенія не сливались.

Продолжительность раздраженія, необходимая для того, чтобы оно вызвало ощущеніе.

Быстрота вращенія круга съ бѣлыми и черными секторами, при которой получается однообразный сѣрый цвѣтъ ***).

Пріятность или непріятность красокъ и ихъ соединеній, фигуръ, звуковъ, музыкальныхъ произведеній и т. п. опыты, гдѣ субъектъ долженъ сказать, пріятенъ ли стимулъ или нѣтъ, и какое онъ производитъ на него впечатлѣніе ****).

*) Мы употребляемъ слово *стимулъ* вмѣсто *раздраженіе*, такъ какъ придаемъ ему болѣе общее значеніе, чѣмъ термину «раздраженіе».

**) *Münsterberg: Psychol. Review. I. „Localisation of sound“.*

***) *Marbe: Philosoph. Stud. IX.*

****) *Gilman: „Tests of musical expressiveness“. Amer. Journ. of Psych. IV, стр. 558.*

Иллюзиі въ фокусничествѣ; субъектъ долженъ, смотря на какой-нибудь фокусъ, сказать все, что онъ наблюдаетъ, думаетъ и т. д.

Во всѣхъ опытахъ, о которыхъ мы говорили раньше, можно измѣрять и силу раздраженія, и его продолжительность, и быстроту, съ которой субъектъ даетъ отвѣтъ,—все это зависитъ отъ вопроса, который изучаетъ экспериментаторъ; въ однихъ случаяхъ главное вниманіе будетъ обращено на время, въ другихъ—на силу раздраженія. Но общее всѣмъ предыдущимъ опытамъ—то, что какой-либо внѣшній процессъ производится экспериментаторомъ, а субъектъ долженъ наблюдать въ себѣ то, что ему указано: чувство ли, вызываемое этимъ внѣшнимъ процессомъ, или ощущеніе и т. д.

2. *Произведены два стимула и ихъ требуется сравнить другъ съ другомъ.*

Въ этой второй группѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми опытами, гдѣ экспериментаторъ производитъ два стимула одновременно или съ нѣкоторымъ промежуткомъ времени, и субъектъ долженъ сравнить эти два стимула по отношенію къ какому-нибудь изъ ихъ качествъ.

Такъ, сюда относятся: опыты надъ едва замѣтною разницей ощущеній,—гдѣ требуется сравнить два ощущенія и затѣмъ сказать, замѣчаешь ли разницу между ними или нѣтъ. Опыты, гдѣ требуется сравнивать сильно различающіяся ощущенія и говорить, во сколько разъ одно больше другого, напримѣръ, сколько разъ данная линія заключается въ другой, и т. д. Опыты надъ чувствомъ времени: здѣсь стимулъ означаетъ нѣкоторый промежутокъ времени; даютъ два промежутка, и требуется ихъ сравнить между собой. Опыты надъ узнаваніемъ вновь стимуловъ, произведенныхъ одинъ послѣ другого черезъ нѣкоторый промежутокъ: наприм., показываютъ краску, потомъ черезъ 30 секундъ краску, мало разнящуюся отъ первой, и требуется сказать, одинаковы ли эти краски или нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ—въ чемъ состоитъ ихъ разница.

Далѣе идутъ: сравненіе пріятности двухъ красокъ, фигуръ, звуковъ, соединеній звуковъ, наконецъ, произведеній искусства *) и т. д.

*) *Fechner: Aesthetik; Wilmer: Philos. Stud. IX; Cohn: Philos. Stud. X.*

Нѣкоторые опыты надъ глазомѣромъ (*couf d'oeil*): наприм., данъ, съ одной стороны, какой-нибудь предметъ (наприм., параллелепипедъ), съ другой стороны, показываютъ отверстіе въ бумагѣ; требуется, посмотрѣвъ на предметъ и на отверстіе, сказать, можетъ ли пройти предметъ черезъ отверстіе, и если да, то какъ *).

Нѣкоторые обманы зрѣнія, гдѣ нужно сравнивать величины двухъ линій или фигуръ.

Сравненіе двухъ сходныхъ предметовъ или фигуръ: субъектъ долженъ указать всѣ сходныя и различныя черты, которыя онъ замѣчаетъ.

Сравненіе двухъ синонимовъ: требуется дать опредѣленіе обоихъ синонимовъ (наприм., дружба и привязанность) и указать, въ чемъ состоитъ ихъ разница.

3. *Найти среди нѣсколькихъ стимуловъ тотъ, который обладаетъ извѣстнымъ опредѣленнымъ свойствомъ.*

Въ этихъ опытахъ экспериментаторъ производитъ нѣкоторое число стимуловъ и говоритъ субъекту, на что онъ долженъ, главнымъ образомъ, обращать вниманіе, чтобъ указать тотъ стимулъ, который обладаетъ извѣстнымъ опредѣленнымъ свойствомъ. Дадимъ нѣсколько примѣровъ: субъекту представляютъ цѣлый рядъ фигуръ или красокъ, и онъ долженъ указать ту, которая ему больше всего нравится, или же ту, которая ему менѣе всего нравится; то же самое приложимо и къ другимъ ощущеніямъ **). Можно обращать вниманіе не на вызываемое ощущеніемъ чувство, а на самое ощущеніе: просить, наприм., субъекта найти въ ряду красокъ ту, которая тождественна съ данной; эту послѣднюю можно показывать въ то время, какъ субъектъ ищетъ въ ряду красокъ ей подобную, или же ее можно показать раньше, такъ чтобы субъекту приходилось ее запоминать ***). Или можно представить субъекту цѣлый рядъ написанныхъ словъ и требовать отъ него, наприм., какъ можно скорѣе прочесть всѣ существительныя и т. д. Или же, наконецъ, сосчитать какъ можно ско-

*) Подобныя опыты были сдѣланы Бинэ и мной въ Парижѣ надъ простыми людьми и фокусниками,—оказалось, что послѣдніе гораздо лучше отвѣчаютъ.

***) *Fechner: Aesthetik; Witmer: Phil. Stud. IX.*

***) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ этимъ методомъ см. *Binet et Henri: „Mémoire visuelle des enfants“.* Rev. Génér. des Sciences. Mars 1894.

рѣе, сколько разъ извѣстная буква (наприм. *a*) заключается въ данномъ отрывкѣ *) и т. д.

Этотъ методъ очень мало примѣнялся до сихъ поръ и мало извѣстенъ, но я думаю, что онъ можетъ дать интересные результаты.

4. *Субъектъ долженъ произвести извѣстное движеніе, или когда онъ хочетъ, или же послѣ какого-нибудь стимула.*

До сихъ поръ мы разсматривали опыты, въ которыхъ экспериментаторъ производитъ какой-нибудь стимулъ (или стимулы), и субъектъ долженъ только говорить, что онъ чувствуетъ, наблюдаетъ или думаетъ; теперь же мы переходимъ къ опытамъ, въ которыхъ субъектъ долженъ исполнить извѣстную задачу, наприм., какъ въ данномъ случаѣ, сдѣлать извѣстное движеніе; роль же экспериментатора сводится къ тому, чтобы, съ одной стороны, указывать, какое движеніе должно быть сдѣлано, и иногда тоже указывать, когда оно должно быть сдѣлано.

Къ этой группѣ относятся опыты надъ мускульнымъ чувствомъ и психометрія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ: субъектъ долженъ сдѣлать извѣстное движеніе, наприм., начертить прямую въ извѣстномъ направленіи, или же извѣстную кривую, или рядъ точекъ и т. д., написать самое маленькое *a* вытянутою рукой, опираясь локтемъ или же опираясь всею рукой; списать какъ можно быстрѣе текстъ на своемъ родномъ языкѣ или на языкѣ, котораго не знаетъ; писать какъ можно скорѣе подъ диктовку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ экспериментаторъ можетъ обращать вниманіе на быстроту движеній, правильность, нажимъ, форму и т. д.

Другой рядъ опытовъ, на который мы укажемъ, это тѣ, въ которыхъ требуется произвести какое-нибудь трудное движеніе, трудное по своей сложности или непривычности (наприм., согнуть мизинецъ, не сгибая другихъ пальцевъ, и т. д.), или трудное потому, что приходится преодолевать значительное сопротивленіе, наприм., когда требуется поднять однимъ пальцемъ гиру **).

До сихъ поръ я описывалъ опыты, гдѣ субъектъ можетъ дѣлать движеніе, когда ему угодно, безъ особеннаго сигнала. Теперь укажемъ на опыты, гдѣ субъектъ долженъ произвести из-

*) *Oehrn*: Individualpsychologie. Diss. Dorpat. 1889.

**) *Mosso*: Опыты надъ утомленіемъ эргографомъ.

вѣстное движеніе какъ можно скорѣе послѣ нѣкотораго стимула, наприм., долженъ поднять палецъ какъ можно скорѣй, какъ только услышитъ ударъ молотка. Условія могутъ быть усложнены и со стороны движенія, которое требуется исполнить, и со стороны стимула, послѣ котораго надо сдѣлать движеніе; такъ, наприм., субъектъ долженъ, какъ только услышитъ ударъ молотка, написать извѣстную букву, слово, или же произнести какое-нибудь слово или рядъ словъ, или остановить какое-нибудь движеніе или, наконецъ, не остановить его, а измѣнить его направленіе *). Можетъ быть усложненіе также и со стороны стимула: можно, наприм., требовать дѣлать движеніе послѣ того, какъ субъектъ пойметъ произнесенное слово, или какъ только почувствуетъ прикосновеніе къ двумъ точкамъ кожи и т. д. Мы не останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ и отсылаемъ къ сочиненіямъ по психологіи, а также къ статьѣ Челпанова въ этомъ журналѣ **).

5. *Произведенъ извѣстный стимулъ, и субъектъ долженъ воспроизвести тотъ же самый стимулъ или же произвести стимулъ, имѣющій какое-нибудь опредѣленное отношеніе къ первому.*

Сюда относятся опыты надъ памятью, въ которыхъ экспериментаторъ производитъ какой-нибудь стимулъ и субъектъ долженъ его воспроизвести: наприм., показываютъ линію, начерченную на бумагѣ, и субъектъ долженъ начертить на бумагѣ линію, равную показанной, а также, наприм., опыты, гдѣ субъектъ долженъ воспроизвести какой-нибудь звукъ или же движеніе, или гдѣ требуется повторить рядъ цифръ, словъ или мыслей, которыя были сказаны или показаны написанными ***).

Опыты надъ быстротой, съ которой субъектъ можетъ запомнить и описать извѣстное число предметовъ; надъ способностью запоминать и схватывать черты лица.

Опыты надъ рисунками на память: требуется, наприм., посмотреть на какой-нибудь предметъ или рисунокъ и потомъ его нарисовать на память.

*) Для большихъ подробностей см. *Binet et Henri*: «Les actions d'arrêt dans les mouvements de la parole». *Revue Philos.* Juin 1894.

**) *Челпановъ*: «Измѣненіе простѣйшихъ умственныхъ актовъ». *Вопросы Фил. и Псих.*, 1891, кн. 9.

***) *Ebbinghaus*: *Gedächtniss*. 1885; *Müller u. Schumann*, „Unt. üb. d. Gedächtniss“. *Zeit. f. Ps. u. Phys. d. Sinn.* VI. *Bigham*: *Memory, Psych. Review.* I.

Опыты надъ быстротой повторенія движеній или словъ: сюда входитъ изученіе подражанія; наприм., экспериментаторъ произносить слово, и субъектъ долженъ его какъ можно скорѣе повторить. Можно требовать отъ субъекта, чтобъ онъ повторилъ слово съ той же интонаціей, съ какой оно было сказано экспериментаторомъ (подражаніе), или же можно его просить повторить слово со своей собственной интонаціей.

Сюда же мы относимъ опыты надъ локализацией осязательныхъ ощущений, въ которыхъ субъектъ долженъ указать пальцемъ мѣсто кожи, гдѣ онъ чувствуетъ ощущение, или же въ темнотѣ долженъ фиксировать зрѣніемъ извѣстную часть своего тѣла (наприм., палець); освѣщая мгновенно, можно провѣрить, дѣйствительно ли онъ это мѣсто фиксировалъ или какое-нибудь другое.

Наконецъ, мы упомянемъ еще опыты надъ ассоціациями, въ которыхъ экспериментаторъ производитъ какой-нибудь стимулъ, а субъектъ долженъ произвести другой, отвѣчающій извѣстнымъ опредѣленнымъ условіямъ; наприм., произносятъ слово,—надо произнести какъ можно скорѣе другое слово, начинающееся на ту же букву, или которое рифмуется съ первымъ, или относящееся къ извѣстной категоріи (существительное, имя животного и т. п.); можно, наконецъ, не давать никакихъ условій и просить субъекта сказать первое слово, которое ему приходитъ на умъ послѣ услышаннаго слова, и въ этомъ случаѣ изучать, не имѣетъ ли сказанное слово чего-нибудь общаго съ услышаннымъ, и т. д. Легко себѣ представить очень много подобныхъ опытовъ.

6. *Субъектъ долженъ распределить извѣстное число стимуловъ въ какомъ-либо опредѣленномъ порядкѣ.*

Приведемъ опять нѣсколько примѣровъ:

Требуется распределить въ извѣстномъ порядкѣ извѣстное число линій, фигуръ, гирь *) и т. д.

Распределить части какой-нибудь фигуры такъ, чтобы фигура эта производила наиболѣе пріятное впечатлѣніе **).

Распределить рядъ красокъ или фигуръ по степени ихъ пріятности ***).

*) *Jastrow: Amer. Journ. of. Psych. IV.*

**) *E. Pierce: Psych. Review. I. „Aesthetics of simple forms, Symmetry“ стр. 483.*

***) *Fechner: Aesthetik.*

Распредѣлить какъ можно скорѣе извѣстное число словъ по алфавиту, или по сходству смысла, или по созвучію.

Распредѣлить извѣстное число фигуръ по ихъ большей или меньшей сложности и т. д.

Подобнаго рода опытами до сихъ поръ занимались мало, да и то только надъ распредѣленіемъ линейныхъ протяженій, гирь и надъ пріятностью красокъ и фигуръ; мы увѣрены, что развитіе ихъ приведетъ къ разрѣшенію многихъ вопросовъ, а главное—это одинъ изъ методовъ, который больше всего приложимъ для изученія индивидуальныхъ разностей.

Эти шесть группъ исчерпываютъ почти всѣ опыты по экспериментальной психологіи; мы приведемъ еще отдѣльно двѣ группы, которыя стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ прежнихъ: одна потому, что она заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, фізіологическіе опыты, гдѣ самонаблюденіе служитъ только для того, чтобъ объяснить измѣненіе въ нѣкоторыхъ фізіологическихъ процессахъ; другая группа заключаетъ въ себѣ не эксперименты, а наблюденія: внѣшняго, опредѣленнаго, установленнаго заранѣе процесса нѣтъ. Разберемъ ихъ отдѣльно.

7. *Рефлекторныя и произвольныя движенія, сопровождающія извѣстные психическіе процессы.*

Сюда относятся опыты, которыхъ теперь такъ много дѣлается *) надъ измѣненіями въ пульсѣ, дыханіи и объемѣ руки подъ вліяніемъ какихъ-нибудь психическихъ процессовъ (ощущеній, чувствъ, интеллектуальной работы).

Изученіе выраженій чувствъ и разныхъ произвольныхъ движеній и т. д.

8. *Самонаблюденіе.*

Здѣсь нѣтъ опредѣленнаго, заранѣе подготовленнаго стимула: экспериментаторъ прямо спрашиваетъ субъекта о разныхъ психическихъ процессахъ.

Сюда относятся, наприм., опросы драматическихъ авторовъ **) о томъ, какъ они работаютъ, какъ находятъ тему, какъ ее разрабатываютъ, что себѣ представляютъ и т. д.; подобныя же изу-

*) *Lehmann: Gefühlsleben. 1892; Тархановъ: „Вліяніе музыки на организмъ“, Сѣвер. Вѣстникъ 1893, а также и Arch. Ital. Biol. 1894; Mosso: La peur; etc. Kiesow: Philos. Stud. XI; Meutz: Philos. Stud. XI. etc. etc.*

**) *Binet et Passy: „Etude psychologique sur les auteurs dramatiques“. Année Psychologique 1894.*

ченія могутъ быть сдѣланы надъ музыкантами, художниками и другими людьми.

Также, наприм., можно спрашивать у субъекта все, что онъ помнитъ послѣ какой-нибудь прогулки: какъ онъ запоминаетъ дома на улицѣ, какъ онъ себѣ представляетъ какой-нибудь предметъ или слово. Наконецъ, сюда же относятся еще распросы о галлюцинаціяхъ, снахъ, видѣніяхъ и т. д.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ субъектъ долженъ отвѣчать на заданные ему вопросы.

Я окончилъ обзоръ методовъ, употребляемыхъ въ экспериментальной психологіи; повторяю еще разъ, что очень возможно, что я пропустилъ какую-нибудь группу, а также что нѣкоторыя изъ предыдущихъ группъ имѣютъ много сходнаго между собой; на это распредѣленіе надо смотрѣть какъ на первую попытку. Вездѣ я старался привести какъ можно больше примѣровъ, во-первыхъ, для того, чтобъ яснѣе показать, что я понимаю подъ той или другой группой, а во-вторыхъ, съ цѣлью указать, какая масса опытовъ можетъ быть сдѣлана во всѣхъ на правленіяхъ. Многіе изъ опытовъ, указанныхъ выше, еще не были никѣмъ продѣланы, хотя иногда они и затрогиваютъ вопросы весьма важные не только въ научномъ отношеніи, но и въ практическомъ; можетъ-быть, этотъ перечень опытовъ подастъ поводъ къ нѣкоторымъ новымъ работамъ по психологіи.

II.

Перейдемъ теперь ко второй части, именно къ вопросу о томъ, какъ собирать и дѣлать выводы изъ опытовъ.

Для того, чтобы быть въ состояніи дѣлать выводы, необходимо произвести извѣстное число опытовъ и полученные результаты сгруппировать и разработать. Мы должны слѣдовательно рассмотреть два вопроса: А) Какъ собирать опыты? В) Какъ группировать ихъ и какимъ образомъ изъ нихъ выводить заключенія? Разберемъ отдѣльно каждый изъ этихъ вопросовъ.

А) Всякій психологическій опытъ представляетъ изъ себя совокупность извѣстнаго числа факторовъ. Одни изъ нихъ находятся въ зависимости отъ экспериментатора или отъ субъекта, другіе же факторы побочные, случайные, которыхъ нельзя предвидѣть

или избѣжать. Задача, которой задается экспериментаторъ, это— изученіе вліянія однихъ факторовъ на другіе или же зависимость однихъ отъ другихъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Предположимъ, что требуется опредѣлить, какой силы должно быть раздраженіе (наприм., нажимъ на кожу), чтобъ оно вызвало ощущеніе. Каждый опытъ состоитъ въ томъ, что экспериментаторъ производитъ извѣстный нажимъ на кожу субъекта и спрашиваетъ его, чувствуетъ ли онъ что-нибудь или нѣтъ. Въ этомъ опытѣ мы имѣемъ, съ одной стороны, силу нажима (которую можемъ измѣнять по желанію), а съ другой, ощущеніе, которое субъектъ долженъ описать; далѣе, условія вниманія: субъектъ долженъ сосредоточить все свое вниманіе на ощущеніи; наконецъ, играютъ значеніе побочные факторы, какъ, на примѣръ, былъ ли передъ тѣмъ сдѣланъ нажимъ или нѣтъ, и если да, то какой силы, какъ онъ былъ почувствованъ, осталось ли воспоминаніе о немъ; что знаетъ субъектъ о производящихся опытахъ, не ожидаетъ ли онъ, можетъ быть, сильнаго нажима или же слабого и т. д.

Дадимъ еще примѣръ. Изучаются простыя времена реакцій на звуки; каждый опытъ состоитъ въ томъ, что субъектъ долженъ поднять указательный палецъ, какъ только услышитъ ударъ молотка; за двѣ секунды до удара молотка предупреждаютъ субъекта, чтобъ онъ могъ подготовиться; измѣряется время, прошедшее между ударомъ молотка и поднятіемъ пальца. Въ этомъ опытѣ мы имѣемъ, съ одной стороны, весь процессъ реакціи, время котораго измѣряютъ, съ другой стороны, направленіе вниманія субъекта, какъ онъ подготовился, дѣлалъ ли онъ раньше реакцію и т. д.

Еще примѣръ: опыты надъ памятью красокъ. Опытъ состоитъ въ томъ, что какую-нибудь краску показываютъ въ продолженіе извѣстнаго времени, черезъ нѣкоторый промежутокъ тоже въ продолженіе извѣстнаго времени заставляютъ смотрѣть на другую, похожую краску, и спрашиваютъ, одинакова ли эта послѣдняя краска съ первой или различна отъ нея, и въ этомъ случаѣ— въ чемъ состоитъ разница? Разберемъ этотъ опытъ: во-первыхъ, внѣшніе факторы, зависящіе отъ экспериментатора, суть: время, въ продолженіе котораго показываютъ обѣ краски, время промежутка и самыя краски; далѣе, мы имѣемъ факторы, не завися-

щіе отъ экспериментатора: какъ смотритъ субъектъ на первую краску, внимательно ли, думаетъ ли что-нибудь въ это время и что именно, имѣлъ ли онъ во время промежутка послѣдовательное изображеніе и какое, думалъ ли о краскѣ во время промежутка, представлялъ ли ее себѣ и какъ, не ожидалъ ли, можетъ быть, увидѣть опредѣленную краску (напримѣръ, темнѣе первой), какъ онъ сравнивалъ вторую краску съ первой, что онъ думалъ при сравненіи и т. д.; наконецъ, побочные факторы, могущіе имѣть вліяніе: были ли произведены раньше опыты или нѣтъ, какіе; какой промежутокъ между предыдущимъ опытомъ и этимъ, какая была въ предыдущемъ опытѣ краска, что по поводу нея субъектъ думалъ; знаетъ ли онъ объ опытахъ, которые дѣлаются, и что именно и т. д.

Я надѣюсь, что эти примѣры показываютъ, насколько сложные процессы у насъ всегда имѣются во всякомъ психологическомъ опытѣ, хотя я и выбралъ одни изъ самыхъ простыхъ опытовъ.

Какъ же дѣлать эти опыты и какъ опредѣлять вліяніе различныхъ факторовъ на результаты? Тутъ, какъ и во всякомъ физическомъ опытѣ, соблюдается правило: чтобъ изучить вліяніе какого-нибудь фактора, надо повторять опыты такъ, чтобы только этотъ факторъ измѣнялся, другіе же всѣ оставались тѣ же. Съ математической точки зрѣнія, это невозможно въ психологическихъ опытахъ, такъ какъ мы не можемъ быть увѣрены, что другіе факторы остаются постоянными; наоборотъ, мы почти всегда должны предполагать, что они измѣняются: наприм., вниманіе не можетъ быть направлено съ одинаковой интенсивностью во всѣхъ опытахъ, съ каждымъ опытомъ получается навыкъ, пріобрѣтается привычка къ наблюденію и т. д. Поэтому-то мы и не можемъ получить въ психологіи вполнѣ точныхъ и опредѣленныхъ цифръ. Дѣло экспериментатора обставить такъ опыты, расположить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы побочные факторы вліяли одинаково на всѣ опыты, такъ чтобы вліянія этихъ факторовъ сглаживались передъ вліяніемъ изучаемаго фактора; конечно, часто это возможно только до извѣстной степени. Поэтому, въ психологическихъ опытахъ и играетъ первостепенную роль разработка подробнаго плана и метода; малѣйшая ошибка и недосмотръ въ расположеніи опытовъ ведутъ за собой неясности и неопредѣленность результатовъ.

Обратимся къ тремъ предыдущимъ примѣрамъ и укажемъ главные употребляемые въ нихъ способы.

Какъ опредѣлить малѣйшій нажимъ, необходимый для того чтобъ онъ почувствовался на извѣстномъ мѣстѣ кожи, — на рукѣ, напримѣръ? Самое естественное—это дѣлать нажимы разныхъ силъ и спрашивать субъекта, чувствуетъ ли онъ или нѣтъ, и если да, то какъ. Съ перваго взгляда кажется, что ничего нѣтъ проще, и такъ и думали первые психофизики; но припомнимъ, какъ много факторовъ входитъ въ этотъ, повидимому, простой опытъ; надо стараться, чтобы всѣ эти факторы вліяли по возможности одинаково во всѣхъ опытахъ. Во-первыхъ, нужно, чтобы субъектъ во все время или ничего не зналъ бы, или зналъ бы все, или же только извѣстную опредѣленную часть изъ того, что дѣлается; не надо располагать опытовъ такъ, чтобы онъ могъ догадаться о томъ, что будетъ дѣлаться, чтобы не было повода къ ожиданію того или другого нажима; а если субъектъ и ожидаетъ чего-нибудь, то нужно спрашивать у него и отмѣчать отдѣльно эти опыты. Необходимо, далѣе, оставлять опредѣленный промежутокъ, всегда тотъ же самый, между двумя послѣдовательными опытами, такъ чтобы субъектъ успѣлъ отдохнуть послѣ каждаго опыта (дѣлать ихъ, напр., каждую минуту, а не такъ, какъ это часто дѣлается, производить какъ можно больше опытовъ спѣшно, каждыя 10 сек.); каждый рядъ опытовъ долженъ состоять изъ того же самага числа опытовъ, долженъ происходить, по возможности, при тѣхъ же условіяхъ; если есть что-нибудь ненормальное, наприм., общая усталость, то это слѣдуетъ отмѣчать.

Далѣе, надо выбрать извѣстное опредѣленное число нажимовъ и такъ располагать ряды опытовъ, чтобы всѣ нажимы приходились одинаковое число разъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ въ рядахъ: наприм., если мы имѣемъ пять нажимовъ: 1, 2, 3, 4, 5, то такъ располагать ряды, чтобы всѣ пять находились одинаковое число разъ на первомъ, на второмъ, на третьемъ и т. д. мѣстѣ въ ряду; такимъ образомъ, при сравненіи отвѣтовъ для этихъ пяти нажимовъ, вліяніе порядка опыта въ ряду будетъ исключено. Весьма трудно избавиться отъ вліянія одного опыта на послѣдующій; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это возможно, въ другихъ же нѣтъ: можно, наприм., расположить опыты такъ, чтобы каждый нажимъ находился одинаковое число разъ послѣ дру-

гихъ, напр., чтобы нажимъ 2 находился одинаковое число разъ послѣ нажимовъ 1, 3, 4, 5, и то же самое продѣлать для другихъ нажимовъ, но это мало помогаетъ; нужно было бы изучить какимъ-нибудь окольнымъ путемъ вліяніе одного опыта на послѣдующій, а въ существованіи этого вліянія нельзя сомнѣваться во многихъ случаяхъ: часто случается, что субъектъ сравниваетъ произведенное ощущеніе съ какимъ-нибудь предыдущимъ; объ этомъ надо разспрашивать и отмѣчать.

Очень употребителенъ методъ минимальныхъ разностей; онъ состоитъ въ томъ, что раздраженіе съ каждымъ опытомъ постепенно увеличиваютъ или же уменьшаютъ. Методъ этотъ представляетъ много недостатковъ, на которые до сихъ поръ мало указывали; мы обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторые: субъекту легко догадаться, какъ производятся опыты,—онъ легко можетъ ожидать какого-нибудь опредѣленнаго ощущенія; извѣстныя раздраженія бываютъ только въ серединѣ рядовъ, другія же только въ концѣ или началѣ, такъ что нельзя сравнивать отвѣтовъ между собой; вниманіе субъекта утомляется, когда ему приходится наблюдать ощущенія, которыя мало разнятся отъ предыдущихъ и т. д.

Наконецъ, субъектъ долженъ стараться сосредоточить все свое вниманіе на опытѣ; поэтому его не надо утомлять, не дѣлать слишкомъ много опытовъ подъ-рядъ, оставлять паузы, во время которыхъ разговаривать съ субъектомъ о постороннихъ вещахъ, и т. д. Во всякомъ случаѣ, послѣ cadaго опыта субъектъ долженъ сказать, былъ ли онъ внимателенъ или нѣтъ, не думалъ ли онъ о чемъ-нибудь постороннемъ, не ожидалъ ли онъ опредѣленнаго ощущенія, не сравнивалъ ли даннаго ощущенія съ предыдущими и съ какими; также слѣдуетъ спрашивать возможно подробнѣе, какъ и что онъ чувствуетъ, увѣренъ ли онъ въ ощущеніи и насколько, не является ли у него какихъ-нибудь побочныхъ представленій (напр., представляеть ли онъ себѣ мѣсто кожи, гдѣ былъ сдѣланъ нажимъ) и т. д. Вообще распросы должны быть сдѣланы возможно подробнѣе и *послѣ cadaго опыта*.

Мы остановились очень долго на предыдущемъ примѣрѣ и сильно настаивали на подробностяхъ, такъ какъ этого обыкновенно не встрѣчаешь не только въ курсахъ психологіи, но даже и при практическихъ занятіяхъ; на это обыкновенно смотрятъ какъ на что-то заранѣе извѣстное и очевидное, и даютъ только самыя общія указанія, изъ которыхъ начинающіе не въ состояніи

себѣ представить всѣхъ трудностей дѣла. Поэтому-то часто и встрѣчается, что цѣлый семестръ или больше теряется зря,—начинающему негдѣ научиться этимъ деталямъ и онъ долженъ до нихъ дойти собственнымъ опытомъ.

Перейдемъ ко второму примѣру: изученіе временъ реакцій на звукъ. Обыкновенно субъекту говорятъ заранѣе, на что онъ долженъ главнымъ образомъ обращать вниманіе,—на движеніе ли, или на ударъ молотка; за 2 секунды приблизительно до удара молотка предупреждаютъ субъекта, чтобъ онъ подготовился. При однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ иногда изучаютъ влияніе направленія вниманія, иногда же стараются опредѣлить влияніе побочныхъ, случайныхъ факторовъ; для этого надо повторять опыты, сохраняя по возможности тѣ же условія. Вліяніе побочныхъ, случайныхъ факторовъ, а также и измѣненія въ интенсивности напряженія вниманія будутъ выражаться въ непостоянствѣ времени реакціи; производятъ большое число опытовъ и берутъ среднюю арифметическую величину изъ временъ реакцій: эта средняя арифметическая будетъ выражать приблизительную величину времени реакціи при данныхъ условіяхъ. Рядомъ съ этой средней арифметической величиной необходимо давать и среднюю варіацію, а также минимальную и максимальную величину: эти три величины указываютъ, насколько одинаково вниманіе субъекта было сосредоточено во всѣхъ опытахъ и насколько велико влияніе побочныхъ факторовъ. Но и этихъ цифръ недостаточно; надо послѣ каждаго опыта спрашивать субъекта о томъ, какъ вниманіе его было сосредоточено, не былъ ли онъ испуганъ ударомъ молотка, такъ какъ ожидалъ его, можетъ быть, позже, или же, наоборотъ, раньше; хорошо ли онъ реагировалъ, не мѣшало ли ему что-нибудь, не замѣчаетъ ли онъ, можетъ быть, какихънибудь побочныхъ вліяній и т. д. Именно подобныя-то данныя самонаблюденія очень мало собирались до сихъ поръ, а они только одни и могутъ намъ объяснить нѣкоторыя измѣненія, встрѣчающіяся такъ часто во временахъ реакцій даже на протяженіи одного и того же ряда опытовъ.

Наконецъ, въ третьемъ примѣрѣ, при изученіи памяти красокъ, мы должны повторить почти то же самое, что сказали въ первомъ, т.-е. если экспериментаторъ хочетъ изучить вліяніе одного какогонибудь фактора, то онъ долженъ измѣнять этотъ факторъ и другіе оставлять тѣми же самыми, а въ случаѣ, если

это невозможно, то, какъ и выше, распредѣлить такъ опыты, чтобы вліяніе этихъ факторовъ было одинаково во всѣхъ опытахъ.

Неужели же требуется во всѣхъ работахъ по психологіи такая масса опытовъ и такія страшныя предосторожности? Все это зависитъ отъ той задачи, которой задается экспериментаторъ; въ тѣхъ случаяхъ (какъ въ предыдущихъ), гдѣ экспериментаторъ ищетъ опредѣленныхъ результатовъ, которые онъ хочетъ выразить въ цифрахъ, а также и въ случаяхъ, гдѣ вліяніе какого-нибудь фактора весьма незначительно и экспериментаторъ старается его опредѣлить, нужно принимать какъ можно болѣе предосторожностей и дѣлать возможно большее число опытовъ. Въ работахъ же, въ которыхъ стараются изучить какой-нибудь психическій процессъ въ его главныхъ чертахъ, гдѣ ищутъ лишь приблизительно, какого рода вліяніе имѣетъ тотъ или другой факторъ, и особенно когда вліяніе изучаемаго фактора гораздо сильнѣе вліянія другихъ, тогда можно довольствоваться и небольшимъ числомъ опытовъ,— все зависитъ отъ ясности результата опыта и отъ желательной степени точности. Во всякомъ случаѣ, какой бы психическій процессъ ни изучался, съ какою бы цѣлью это ни дѣлалось, опытъ только тогда можетъ считаться удовлетворительнымъ и полнымъ, если послѣ него субъектъ говоритъ все, что онъ чувствуетъ и думаетъ. Очень часто при разработкѣ плана экспериментаторъ заранѣе опредѣляетъ, какіе отвѣты можетъ дать субъектъ, и требуетъ отъ субъекта именно одного изъ этихъ отвѣтовъ; этотъ способъ очень опасенъ,—онъ можетъ вовлечь въ массу ошибокъ. Нужно всегда просить субъекта передавать какъ можно подробнѣе все, что онъ только можетъ сказать; при спрашиваніи субъекта надо ставить самые общіе вопросы, не внушать ему того или другого отвѣта, вообще быть какъ можно осторожнѣе; все это кажется очень простымъ и очевиднымъ, но на это очень мало обращается вниманія даже теперь, не говоря уже о прежнихъ работахъ, гдѣ задавались заранѣе подготовленные вопросы и гдѣ о самонаблюденіи не было вовсе и рѣчи.

Многіе экспериментаторы пользуются данными самонаблюденія не послѣ каждаго опыта, а послѣ цѣлаго ряда опытовъ. Я думаю, что непремѣнно слѣдуетъ спрашивать субъекта послѣ каждаго опыта; только въ извѣстныхъ исключительныхъ работахъ, гдѣ самонаблюденіе можетъ имѣть вліяніе на результаты, можно его

брать въ концѣ каждаго ряда опытовъ, но и въ этихъ случаяхъ, по окончаніи главныхъ рядовъ опытовъ, слѣдуетъ дѣлать нѣсколько рядовъ еще, въ которыхъ данныя самонаблюдения слѣдуетъ брать послѣ каждаго опыта. Но, повторяю, это только въ исключительныхъ случаяхъ.

Здѣсь необходимо остановиться немного на характеристикѣ субъектовъ, надъ которыми приходится дѣлать опыты; не говоря уже о томъ, что нужно быть вполне увѣреннымъ въ искренности своихъ субъектовъ, надо помнить, что встрѣчаются субъекты, имѣющіе какую-нибудь предвзятую мысль: наприм., думающіе, что самонаблюденіе ни къ чему не служитъ; другіе строятъ послѣ нѣсколькихъ опытовъ себѣ теорію и вездѣ подводятъ свои наблюдения подъ эту теорію; третьи стараются предугадать мысль экспериментатора, или же стараются отвѣтить «вѣрно», т.-е. не сдѣлать слишкомъ большой ошибки; наконецъ, встрѣчаются и такіе, которые обладаютъ духомъ противорѣчія и вездѣ все критикуютъ. Только очень небольшое число субъектовъ относится вполне безпристрастно и старается приложить все стараніе, чтобы наблюдать все какъ можно точнѣе и лучше; такими слѣдуетъ дорожить, и ихъ наблюдения разсматривать отдѣльно отъ другихъ.

В) Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ группировать опыты и какими правилами пользоваться при ихъ разработкѣ, такъ какъ выше мы уже затрогивали этотъ вопросъ. Укажемъ только, что, съ одной стороны, можно сводить въ одну группу опыты, въ которыхъ внѣшнія условія совершенно одинаковы, съ другой стороны, можно группировать вмѣстѣ опыты, въ которыхъ самонаблюденіе дало одинаковые результаты; изъ первыхъ группъ можно заключать о вліяніи внѣшнихъ условій, изъ вторыхъ—о вліяніи внутреннихъ условій, существованіе которыхъ узнается только помощью самонаблюдения. Всегда, во всѣхъ опытахъ необходимо указывать, насколько результаты, полученные въ рядахъ, постоянны, и подчеркивать, главнымъ образомъ, тѣ результаты, которые болѣе всего постоянны; въ нихъ можно быть болѣе увѣреннымъ, чѣмъ въ другихъ частныхъ, случайныхъ результатахъ. Такъ, наприм., при употребленія метода вопросниковъ, состоящаго въ томъ, что задаютъ извѣстные вопросы относительно какихъ-нибудь психическихъ процессовъ, слѣдуетъ особенно обращать вниманіе на одинаковые отвѣты, полученные отъ лицъ, незнакомыхъ между собой; частные же, единичные отвѣ-

ты нужно классифицировать, разбирать подробно, но не основывать на нихъ общихъ заключеній.

Очень часто въ психологіи примѣняютъ законы теоріи вѣроятностей; въ этихъ случаяхъ не пользуются полученными изъ опытовъ результатами, чтобы выводить прямо изъ нихъ заключенія о вліяніи тѣхъ или другихъ факторовъ, или измѣненіяхъ въ нихъ, а стараются опредѣлить по теоріи вѣроятностей, какія измѣненія будутъ, если такъ-то и такъ-то измѣнить извѣстный факторъ. Дадимъ примѣръ: положимъ, что ищутъ, какой нажимъ слѣдуетъ сдѣлать, чтобы субъектъ его едва почувствовалъ. Одинъ методъ состоитъ въ томъ, что производятъ всевозможные нажимы и ищутъ, такъ сказать, ощупью величину едва замѣтнаго нажима, какъ мы видѣли выше. Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы производить тотъ же самый нажимъ извѣстное число разъ, наприм., 100 разъ, и спрашивать субъекта, чувствуетъ ли онъ его, или нѣтъ; положимъ, что нашли, что 65 разъ онъ почувствовалъ нажимъ, а 35 разъ его не чувствовалъ. Эти числа вводятъ въ Гауссову формулу и изъ нея выводятъ, чему долженъ равняться нажимъ, чтобы субъектъ 50 разъ почувствовалъ и 50 разъ не чувствовалъ. Этотъ методъ надо стараться какъ можно меньше употреблять, — въ немъ много гипотетичнаго и неопредѣленнаго; врядъ ли можно примѣнять Гауссову формулу къ психическимъ процессамъ, которые такъ сильно зависятъ отъ всевозможныхъ случайностей; сверхъ того, этотъ методъ требуетъ всего двухъ родовъ отвѣтовъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

III.

Намъ остается теперь указать вкратцѣ, какія общія условія вліяютъ на психическіе процессы. Можно задаваться задачей изучать вліяніе этихъ общихъ условій на психическіе процессы, или же, сохраняя одни и тѣ же общія условія, изучать самые психическіе процессы.

Среди этихъ общихъ условій первое мѣсто занимаетъ *вниманіе*; оно входитъ въ большей или меньшей степени въ каждый психологическій опытъ. Въ психологіи еще не существуетъ метода контролировать, было ли въ продолженіе цѣлаго ряда опытовъ одинаково сосредоточено вниманіе, — это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ экспериментальной психологіи; теперь мы

можемъ только помощью самонаблюденія узнавать приблизительно, насколько вниманіе было сосредоточено. Рядомъ со вниманіемъ мы должны поставить *развлеченіе* (или *отвлеченіе* вниманія): субъектъ уже не долженъ сосредоточивать вниманія на изучаемомъ психическомъ процессѣ, — его развлекаютъ чѣмъ-нибудь. Существуетъ много способовъ развлечения: напримѣръ, заставляють считать, дѣлать задачи, думать о чемъ-нибудь другомъ, говорить или пѣть и т. д.,—при изученіи каждаго психическаго процесса замѣчается, какъ общее правило, что развлеченіе гораздо больше вліяетъ на результаты, если оно состоитъ въ совершеніи какого-либо психическаго процесса, весьма сходнаго съ изучаемымъ: наприм., при изученіи памяти звуковъ зрительныя ощущенія будутъ имѣть менѣе вліянія, чѣмъ слуховыя, а при изученіи памяти красокъ зрительныя болѣе мѣшаютъ, чѣмъ слуховыя, и т. д.

Если часто производить одинъ и тотъ же развлекающій стимулъ, то онъ подъ конецъ почти перестаетъ дѣйствовать. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ общимъ условіемъ: это—*привычка*. Субъектъ привыкаетъ къ отвлеченію вниманія; эта привычка можетъ оставаться болѣе или менѣе долго у субъекта; о ея существованіи можно заключать по измѣненіямъ въ результатахъ, а также и по самонаблюденію субъекта. Весьма похожи на привычку два другихъ условія: это—*навыкъ* и *упражненіе*; эти условія наступаютъ съ различной быстротой у различныхъ субъектовъ, также и продолжительность ихъ дѣйствія весьма различна. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести *увлеченіе*: подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ то общее воодушевленіе, то общее состояніе интереса, въ которомъ находится иногда субъектъ во время опытовъ, особенно, если они сильно его интересуютъ.

Обратное предыдущему общему условію, это *усталость* и *утомленіе*; степень усталости измѣряется произведенной работой и измѣненіями, которыя происходятъ вслѣдствіе ея въ психическихъ процессахъ.

Далѣе, мы упомянемъ среди общихъ условій: *внушеніе, предвзятую мысль* и *знаніе предмета заранее*,—всѣ три, имѣющія много общихъ чертъ другъ съ другомъ. Наконѣцъ, сюда же входятъ еще *расположеніе духа, сонъ, гипнотизмъ* и нѣкоторыя *искусственныя отравленія*, вліяющія на душевную жизнь и организмъ (напр., алкоголь, опиумъ, гашишъ и т. д.).

Повторяю, что во всѣхъ этихъ случаяхъ можно или изучать психическіе процессы при данныхъ, опредѣленныхъ общихъ условіяхъ, или же можно изучать вліяніе того или другого общаго условія на психическіе процессы.

Я постарался дать общій обзоръ методовъ экспериментальной психологіи; это я могъ сдѣлать только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ подробное изученіе этихъ методовъ заняло бы цѣлый томъ. Въ слѣдующей послѣдней части я укажу вкратцѣ, какія задачи преслѣдуетъ экспериментальная психологія.

III.

Задачи экспериментальной психологіи.

Много писали о задачахъ и цѣляхъ экспериментальной психологіи, и я не буду долго останавливаться на этомъ предметѣ. Экспериментальная психологія имѣетъ своей задачей описать возможно вѣрно психическіе процессы у людей при разныхъ условіяхъ, изучить ихъ зависимость другъ отъ друга, вліяніе однихъ на другіе и, наконецъ, изучить ихъ отношенія къ внѣшнимъ процессамъ.

Въ самомъ началѣ эта задача распадается на нѣсколько частей: 1) можно искать и изслѣдовать тѣ черты въ психическихъ процессахъ, которыя общи всѣмъ людямъ рѣшительно; 2) можно задаваться задачей изучать и разбирать тѣ процессы, которые общи только извѣстнымъ группамъ людей: наприм., дѣтямъ, нормальнымъ людямъ, ненормальнымъ, людямъ извѣстныхъ общественныхъ классовъ; вообще, эти группы могутъ быть болѣе или менѣе обширны; наконецъ 3) можно изучать индивидуальныя особенности въ психическихъ процессахъ отдѣльныхъ людей. Первую группу—изслѣдованій психическихъ процессовъ, общихъ всѣмъ людямъ, можно назвать *общей экспериментальной психологіей*, другіе же два отдѣла—*индивидуальной психологіей*; эти названія понемногу уже начинаютъ употребляться психологами, но пока еще они не вошли въ общее употребленіе.

Въ первое время экспериментальная психологія ограничивалась изученіемъ ощущеній и психометріей, но въ послѣдніе годы она старается затрогивать высшіе психическіе процессы, какъ мы это видѣли раньше. Она должна стремиться къ изученію все болѣе и болѣе сложныхъ психическихъ процессовъ, должна стараться

изучать ихъ такими, какъ они встрѣчаются въ жизни, и какъ можно менѣе вводить искусственныхъ условій.

Во всякой наукѣ существуетъ два способа подвигаться впередъ: во-первыхъ, черезъ изученіе извѣстныхъ общихъ вопросовъ во всѣхъ деталяхъ, развитіе этихъ вопросовъ и количественное опредѣленіе разныхъ отношеній; во-вторыхъ, могутъ затрогиваться новые общіе вопросы, безъ изученія ихъ въ деталяхъ: это, можно сказать, качественное опредѣленіе процессовъ. До сихъ поръ психологи очень много занимались опредѣленіемъ количественныхъ отношеній и разработкой деталей; намъ кажется, что гораздо важнѣе намѣчать и изучать общіе вопросы, не затрогивая особенно деталей, тѣмъ болѣе, что этихъ общихъ, но нетронутыхъ вопросовъ еще такъ много въ экспериментальной психологіи.

О значеніи экспериментальной психологіи я не буду здѣсь говорить, тѣмъ болѣе, что Н. Н. Ланге много говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи («Психологическія Изслѣдованія»). Укажу также и на отчетъ о его диспутѣ, помѣщенный въ этомъ журналѣ (№ 24).

Викторъ Анри.

Психологія въ исторіи.

(Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи).

Мысль о возможности приложенія психологіи къ объясненію исторіи основывается на томъ соображеніи, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ процессъ психологическій. Мысль эта не нова. Она была высказана еще Гербартомъ, который находилъ возможнымъ свести «статическую и механику (= динамику) государства» къ «статикѣ и механикѣ человѣческой души», такъ какъ, по его мнѣнію, «дѣйствующія въ исторіи силы, по происхожденію своему, суть безспорно психологическія силы» ¹⁾. Впослѣдствіи идея эта получила дальнѣйшее развитіе въ исторіософской и социологической литературѣ, являясь то съ метафизическимъ оттенкомъ, какъ у Лацаруса и Штейнталя,—въ формѣ ученія о «народномъ духѣ» (Volksg Geist), то съ позитивнымъ, какъ у Милля и Тэна, изъ которыхъ первый указываетъ на необходимость психологическаго объясненія исторіи изъ законовъ человѣческаго духа ²⁾, а послѣдній прямо объявляетъ исторію «психологической проблемой»—въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ «астрономія есть проблема механическая, а физиологія—химическая» ³⁾. Самъ Тэнъ, впрочемъ, не развилъ этой идеи въ цѣлую теорію и, примѣняя на дѣлѣ психологическую точку зрѣнія въ своихъ историческихъ работахъ, не сдѣлалъ попытки теоретическаго построенія историческаго процесса на психологической основѣ. Вотъ этой послѣдней задачѣ и посвящено вы-

¹⁾ Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. Göttingen, 1878, S. 321.

²⁾ Ibid. 247.

³⁾ Тэнъ. Англійская литература. Спб., 1871. Томъ I, стр. 27. Сравни. Карнеговъ. Основн. вопр. фил. ист., кн. III, гл. I.

шедшее въ прошломъ году сочиненіе извѣстнаго своими работами по социологіи и культурной исторіи ¹⁾ французскаго ученаго Лебона: о «Психологическихъ законахъ развитія народовъ» ²⁾.

Работа Лебона носитъ на себѣ явственные слѣды вліянія Тэна, которымъ подсказаны, по всей вѣроятности, какъ самая тема сочиненія, такъ и его основная точка зрѣнія—психологическая концепція исторіи. Изъ того же источника заимствована, надо думать, и основная идея исторіософской концепціи автора. Это—идея *расы*. Подъ расою Лебонъ разумѣетъ всякую исторически сложившуюся культурно-племенную группу; «раса», «нація», «народъ» — у него синонимы. Каждая «раса» обладаетъ особою, ей только свойственною и отличающею ее отъ всякой другой «расы» структурою, физическою и психическою. Структура эта передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ силу органической наслѣдственности и отличается такою же устойчивостью, какъ и анатомическая структура зоологическаго вида. «Раса» представляетъ собою одновременно и «анатомическій видъ», и «видъ психологическій», причемъ, «подобно анатомическимъ признакамъ, и психологическіе признаки (данной расы) воспроизводятся наслѣдственно, съ правильностью и постоянствомъ» ³⁾; «психологическіе признаки извѣстной расы, поэтому, столь же неподвижны (fixes), какъ и признаки анатомическіе» ⁴⁾. Иначе говоря, «каждая раса обладаетъ столь же постояннымъ складомъ ума, какъ и ея анатомическое строеніе» ⁵⁾. Этотъ «складъ ума», эти «особыя психологическія основы, присущія извѣстному народу (fondemens psychologiques spéciaux à chaque peuple)» и составляютъ то, что авторъ называетъ *душою расы* (l'ame d'une race) ⁶⁾. Раса представляетъ собою, такимъ образомъ, нѣкоторую коллективную психическую единицу, обладающую особою «душою». Внѣшнія проявленія этой «души» составляютъ въ общей сложности то, что мы называемъ культурой или цивилизаціей. «Различные элементы, изъ которыхъ слагается цивилизація, суть внѣшнія

1) L'Homme et les Sociétés, leurs origines et leur histoire, 2 vol.—Les premières civilisations de l'ancien Orient.—Les Civilisations de l'Inde.—La Civilisation des Arabes, etc.

2) Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. Par Gustave le Bon. Paris, Félix Alcan. 1894.

3) Le Bon, p. 12. 4) Le Bon, p. 166. 5) Le Bon, p. 11.

6) О „душѣ расы“: Le Bon, pp. 5, 11, 14, 16, 17, 48, 131, 167.

проявленія души народа, ее создавшаго» ¹⁾. Иначе говоря: «искусства, учрежденія, вѣрованія—все это не что иное, какъ непосредственныя проявленія души расъ (*manifestations directes de l'ame des races*)» ²⁾. «Жизнь народа и всѣ проявленія его цивилизаціи суть лишь простое отраженіе его души,—видимый знакъ невидимой, но тѣмъ не менѣе очень реальной вещи» ³⁾. А слѣдовательно, и вся исторія есть, въ сущности, лишь простое отраженіе этой «невидимой вещи». Вотъ какъ самъ авторъ формулируетъ эту мысль: «Исторія, въ своихъ главныхъ чертахъ, можетъ быть разсматриваема, какъ простой рядъ слѣдствій, вытекающихъ изъ психологическаго склада расъ (*comme le simple exposé des résultats engendrés par la constitution psychologique des races*). Она вытекаетъ изъ послѣдняго, подобно тому какъ дыхательные органы рыбъ вытекаютъ изъ ихъ водной жизни (?). Безъ предварительнаго знакомства съ умственнымъ складомъ извѣстнаго народа, его исторія представляется хаосомъ случайныхъ событій; но разъ намъ извѣстна душа народа, его исторія представляется намъ, наоборотъ, какъ правильное и роковое слѣдствіе его психологическихъ признаковъ (*comme la conséquence régulière et fatale de ses caractères psychologiques*). Во всѣхъ проявленіяхъ жизни націи мы всюду находимъ неподвижную душу расы, ткущую свою собственную судьбу (*l'ame immuable de la race tissant elle-même son propre destin*)» ⁴⁾. «Изъ психологическаго склада расъ вытекаетъ ихъ міросозерцаніе (*conception du monde et de la vie*), слѣдовательно—ихъ поведеніе, слѣдовательно—ихъ исторія» ⁵⁾. «Невидимая въ своей сущности, душа расы очень видима въ своихъ проявленіяхъ, потому что она направляетъ всю эволюцію народа» ⁶⁾.

Такова основная мысль исторіософской концепціи Лебона. Авторъ иллюстрируетъ ее нѣсколькими взятыми изъ исторіи примѣрами, которые—къ слову сказать—у него играютъ и роль доказательствъ. Первый примѣръ—Франція. «Душа расы» съ особенною силою сказывается здѣсь, по мнѣнію автора, въ исторіи учрежденій. Отъ Людовика XIV и до революціонной эпохи, отъ Наполеона и до коммуны, при всѣхъ политическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ, переживаемыхъ Франціей, сущность ея

¹⁾ Le Bon, p. 70. ²⁾ Le Bon, p. 5. ³⁾ Le Bon, p. 167. Сравн. 53, 54.

⁴⁾ Le Bon, p. 54. ⁵⁾ Le Bon, p. 34. ⁶⁾ Le Bon, p. 14.

политическаго строя остается неизмѣнною: это — абсолютизмъ государства, поглощающій личность, исключаящій личную инициативу. И это оттого, что «политическія учрежденія Франціи вытекаютъ изъ души расы», потому что, говоритъ авторъ, «поглощеніе личности государствомъ—именно идеаль нашей расы»¹⁾, а «устойчивость» и «неподвижность» составляютъ, какъ сказано, основное свойство «расовой души». Совсѣмъ инымъ психическимъ складомъ отличается «англійская раса»,—и «въ силу одного только этого обстоятельства»²⁾ исторія англійскихъ учреждений представляетъ собою картину, совершенно отличную отъ предыдущей. Въ противоположность французскому, англійскій общественный строй отличается слабымъ развитіемъ государственнаго вмѣшательства, которое оставляетъ широкій просторъ для личной инициативы. Въ этомъ авторъ видитъ новое доказательство того, что «учрежденія извѣстнаго народа суть выраженіе его души (l'expression de son ame)»³⁾. Далѣе проводится подобная же параллель между общественнымъ развитіемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки и южно-американскихъ республикъ, и контрастъ между историческимъ развитіемъ этихъ двухъ политическихъ міровъ сводится авторомъ опять-таки исключительно къ различію въ психическомъ складѣ обѣихъ «расъ»⁴⁾. Въ послѣднемъ примѣрѣ авторъ видитъ особенно убѣдительное доказательство того, «до какой степени душа извѣстной расы управляетъ ея судьбою, и какъ незначительна та роль, которую играютъ въ этой судьбѣ учрежденія»⁵⁾.

Резюмируя основныя положенія Лебона, сущность его исторіософской концепціи можно кратко формулировать такъ:

Исторія народовъ есть слѣдствіе ихъ психическаго склада или «души»; внѣшнія проявленія этихъ «душъ» и составляютъ, въ общей сложности, то, что мы называемъ исторіей человѣчества. Исторія представляетъ, такимъ образомъ, процессъ, параллельный нѣкоторому другому процессу, заключающемуся въ эволюціи «расовыхъ душъ». Такъ какъ второй процессъ лежитъ въ основѣ перваго и по отношенію къ нему является первичнымъ и основнымъ, а тотъ въ отношеніи къ этому—вторичнымъ и производнымъ, то ясно, что «законами» перваго должны быть «законы», управляющіе послѣднимъ. Другими словами: законовъ исторической эволюціи слѣдуетъ искать въ законахъ эволюціи расовыхъ

1) Le Bon, p. 53—54. 2) Le Bon, p. 57. 3) Le Bon, p. 58. 4) p. 66. 5) p. 58.

душъ. Разсмотрѣнію послѣднихъ и посвящена вторая половина сочиненія Лебона (главы 3—4), которую можно бы озаглавить «соціальной динамикой».

Какъ возникаетъ «расовая», или «коллективная душа» (ame collective)? Путемъ сліянiя разнородныхъ элементовъ. Какъ скоро извѣстная группа индивидуумовъ, въ силу совмѣстной жизни и наслѣдственности, приобрѣла, въ концѣ концовъ, нѣкоторый общій психическій складъ и извѣстную общность идей, чувствъ и интересовъ, это означаетъ, что въ данной группѣ возникла «коллективная душа» ¹⁾. Это, такъ сказать, эмбрионъ коллективной души. Дальнѣйшее развитіе и ростъ ея происходятъ путемъ наслѣдственности. «Душа семьи», «душа гражданской общины», «душа провинціи», «душа націи» — таковы главнѣйшія послѣдовательныя стадіи роста коллективной души ²⁾. «Душа націи» — это высшая форма, до которой дошла въ своемъ развитіи коллективная душа, — и лишь въ недавнее сравнительно время. Распространеніе «общихъ чувствъ, идей, интересовъ и вѣрованій» на цѣлыя народы, возникновеніе у нихъ «общаго психическаго склада» — фактъ сравнительно новѣйшаго времени, и фактъ въ большинствѣ случаевъ далеко еще не завершившійся ³⁾. Главнымъ факторомъ того медленнаго и продолжительнаго процесса, въ результатѣ котораго является вполнѣ сформированная «національная душа», заключается въ наслѣдственности. Это положеніе Лебонъ иллюстрируетъ довольно любопытнымъ наблюденіемъ французскаго экономиста Шессона (Cheysson), который вычислилъ, что, считая по три поколѣнія въ столѣтіе, оказывается, что въ жилахъ каждаго изъ современныхъ французовъ имѣется доля крови, по меньшей мѣрѣ, отъ двадцати милліоновъ французовъ, жившихъ въ 1000 году ⁴⁾. И все-таки, не смотря на это, процессъ амальгамации, необходимый для образованія вполнѣ сформированной «національной души», далеко еще не закончился во Франціи, да и вообще нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, одной лишь Англии; изъ всѣхъ современныхъ націй Европы, по мнѣнію автора (особенно любопытному въ устахъ француза), англичане одни обладаютъ вполнѣ сформировавшейся національной душой, и въ этомъ ихъ сила ⁵⁾. За то есть страны, гдѣ «маленькія общины и провинціи

¹⁾ pp. 13, 16, сравн. 168. ²⁾ pp. 9, 13, 16, 17. ³⁾ p. 13. ⁴⁾ p. 13. ⁵⁾ p. 17.

слишкомъ долго жили независимою жизнью, и каждая изъ нихъ получила столь устойчивую душу, что слияніе послѣдней съ душами сосѣднихъ общинъ и провинцій для образованія одной національной души становится невозможнымъ». Такова, напримеръ, Италія ¹⁾.

«Пріобрѣтеніе извѣстнымъ народомъ прочно сложившейся коллективной души отмѣчаетъ собою апогей его величія» ²⁾. Основное свойство пріобрѣтенной такимъ путемъ «національной души» есть устойчивость, «неподвижность» ³⁾. Вотъ почему, при всѣхъ превратностяхъ исторической судьбы, при всѣхъ возможныхъ революціяхъ и катастрофахъ, переживаемыхъ народомъ, его «душа» остается все та же. «Между делегатомъ комитета общественнаго спасенія и префектомъ имперіи не большая разница: это одинъ и тотъ же человѣкъ, только въ разныхъ костюмахъ—сначала въ блузѣ, потомъ въ расшитомъ мундирѣ» ⁴⁾. Въ силу своей устойчивости, «расовая душа» отличается крайнею неподатливостью на всякаго рода внѣшнія вліянія. Вліяніе «среды—физической и моральной»—на «коллективную душу» почти ничтожно; оно сказывается лишь въ періодъ формировація послѣдней и не имѣетъ никакой силы по отношенію къ расамъ вполне сложившимся ⁵⁾. (Слѣдуетъ припомнить здѣсь, что авторъ считаетъ «большую часть историческихъ расъ Европы въ періодъ формировація».) Во всякомъ случаѣ, измѣненію подвергаются лишь «побочныя психологическія черты» (*caractères accessoires, modifiables*) коллективной души; что касается «основныхъ чертъ», то онѣ неизмѣнны (*caractères fondamentaux, irréductibles et invariables* ⁶⁾).

Такъ какъ исторія, по представленію Лебона, есть не что иное, какъ «отраженіе расовой души», то какъ же возможна, спрашивается, историческая эволюція при «неподвижности» этой «души»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ ученіи автора о роли идей въ исторіи. *Идеи*—вотъ настоящій двигатель исторіи; онѣ—«невидимыя пружины вещей» ⁷⁾. «Самое важное въ исторіи народовъ—то, что наиболѣе глубоко вліяетъ на ихъ судьбу, — это не

¹⁾ р. 18. Авторъ не объясняетъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать эту «невозможность»: условно ли, т.-е. по отношенію къ настоящему моменту только, или же безусловно.

²⁾ р. 16. ³⁾ р. 54. ⁴⁾ Слова Тэна, цитируемая Лебономъ, р. 24.

⁵⁾ *Le Bon*, pp. 45, 50, 65, 169. ⁶⁾ pp. 20, 21, 166. ⁷⁾ р. 157.

революціи, не войны, это — переменны въ основныхъ идеяхъ. Ни одна изъ такихъ переменъ не можетъ произойти безъ того, чтобы не произошла переменна во всѣхъ элементахъ культуры. Истинныя революціи, единственныя опасныя для существованія народа, это — тѣ, которыя затрогиваютъ его мысль» ¹⁾. Дѣло, слѣдовательно, не въ идеяхъ вообще, а въ *основныхъ идеяхъ*, такъ какъ лишь измѣненія въ послѣднихъ неизбѣжнымъ образомъ влекутъ за собой переменны во всѣхъ элементахъ культуры. Что же это за идеи? Въ основаніи всякой цивилизаціи, говоритъ Лебонъ, лежитъ всегда нѣсколько идей ²⁾. Это и есть основныя идеи. «Цивилизаціи суть результатъ нѣсколькихъ основныхъ идей» ³⁾. Основныя идеи, это, по выраженію автора, — «маяки исторіи», «полюсы цивилизаціи» ⁴⁾. Число этихъ *idées directrices de chaque civilisation* всегда очень ограничено ⁵⁾. Такъ, средніе вѣка жили всего двумя идеями — религіозной и феодальной (авторъ находитъ возможнымъ говорить о феодализмѣ, какъ выраженіи *одной* идеи, такъ же, какъ и о католицизмѣ). «Изъ этихъ двухъ (*sic*) идей вышли искусства, литература, все міросозерцаніе (*la conception de la vie tout entière*) среднихъ вѣковъ» ⁶⁾. Зависимость «цивилизаций» отъ лежащихъ въ ея основѣ идей до такой степени непосредственна и сильна, что всякая переменна въ послѣднихъ роковымъ образомъ влечетъ и измѣненія во всѣхъ элементахъ первой; всякая цивилизація «осуждена немедленно преобразиться, какъ только произошла переменна въ (основныхъ) идеяхъ» ⁷⁾. Такъ случилось и съ средневѣковой цивилизаціей. Въ эпоху Возрожденія обѣ руководящія идеи среднихъ вѣковъ начинаютъ мало по малу уступать мѣсто новымъ идеямъ. «Въ Европѣ возрождается забытый идеаль греко-римскаго міра, и тотчасъ же — философія, искусство, литература, все міросозерцаніе начинаютъ преобразовываться». Подобный же процессъ совершается и въ наши дни, когда «старыя религіозныя идеи потеряли свое обаяніе, и уже въ силу одного этого грозятъ полнымъ разрушеніемъ опиравшіяся на эти идеи социальныя учрежденія» ⁸⁾.

Чему же однако, спрашивается, обязаны нѣкоторыя — всегда очень немногочисленныя — идеи тѣмъ, что, въ качествѣ «основныхъ», онѣ получаютъ столь рѣшительное значеніе въ исторіи,

¹⁾ р. 133. ²⁾ р. 120. ³⁾ р. 122. ⁴⁾ р. 136. ⁵⁾ р. 119. ⁶⁾ р. 122. ⁷⁾ р. 122.

⁸⁾ р. 123.

между тѣмъ какъ полнѣйшее ничтожество является удѣломъ всѣхъ остальныхъ (авторъ не высказываетъ этого послѣдняго положенія, но оно съ логическою неизбѣжностью вытекаетъ изъ вышеизложеннаго ученія его объ основныхъ идеяхъ)? Сущность даваемого на этотъ вопросъ Лобономъ отвѣта можно кратко формулировать такъ: если извѣстная идея получила рѣшающее вліяніе на «душу народа», она, въ силу этого самаго, становится въ ряду «идей, управляющихъ его цивилизаціей». Но для того, чтобъ извѣстная идея могла получить рѣшающее вліяніе на «душу народа», необходимо, чтобъ она предварительно «опустилась изъ неподвижныхъ областей мысли въ ту устойчивую и бессознательную область чувствъ, гдѣ вырабатываются мотивы нашихъ дѣйствій»¹⁾. Тогда идея «становится какъ бы частью характера и получаетъ способность вліять на поведеніе»²⁾. «Спустившись въ область бессознательнаго», идея утрачиваетъ одновременно и свою логическую силу и свою логическую хрупкость: «она дѣйствуетъ тогда гораздо болѣе путемъ внушенія, чѣмъ доказательства», но за то становится и неуязвимою для всякаго логическаго оружія. Ея сила тогда не въ логической истинности, а въ психологической интенсивности и органическомъ соединеніи съ «душою народа»³⁾. «Она пріобрѣтаетъ тогда силу всепроникающую и тонкую; она неудержимо распространяется, проникая во всѣ мозги, создавая особую атмосферу». «Подобно всепроникающей тонкой дорожной пыли, она проникаетъ во всѣ понятія и всѣ произведенія эпохи. Идея съ своими логическими слѣдствіями образуетъ тогда часть той плотной глыбы наслѣдственныхъ банальностей (*ce stock compact de banalités héréditaires*), къ которой мы пріобщаемся путемъ воспитанія». Она, эта идея, «восторжествовала и вступила въ область чувства,—и это ставитъ ее надолго внѣ всякой опасности»⁴⁾. Она пріобрѣтаетъ тогда характеръ стихійной силы, и «людямъ не дано остановить ея рокового хода. Ея эволюція должна тогда совершиться до конца»⁵⁾. И «когда она (идея) дошла до извѣстнаго періода своей эволюціи,—нѣтъ болѣе ни разсужденій, ни доказательствъ, которыя были бы въ силахъ одолѣть ее. Для того, чтобы народы могли освободиться изъ-подъ ига идеи, нужны вѣка или насильственные перевороты, иногда—и то и другое вмѣстѣ»⁶⁾,—именно потому, что сила ея

1) р. 121. 2) р. 121. 3) pp. 124—125. 4) р. 125. 5) р. 135. 6) р. 135.

совершенно не зависитъ отъ ея логической цѣнности. «Будутъ ли онѣ, эти идеи, неточны или ложны, это безразлично для ихъ дѣйствія. Исторія показываетъ, что именно наиболѣе химерическія идеи всего сильнѣе фанатизировали людей и играли наиболѣе важную роль». «Изъ всѣхъ факторовъ культурной эволюціи (*développement des civilisations*) иллюзіи оказываются въ числѣ наиболѣе сильныхъ. Иллюзія вызвала на свѣтъ пирамиды и усѣяла въ теченіе пяти тысячелѣтій Египетъ каменными колоссами; иллюзія воздвигла гигантскіе соборы среднихъ вѣковъ»... и т. д. ¹⁾.

Среди «идей, управляющихъ цивилизаціей», особенно выдающаяся роль принадлежитъ религіознымъ идеямъ. «Исторія чело- вѣчества всегда шла параллельно исторіи боговъ» ²⁾, и «самыми важными событіями въ исторіи чело- вѣчества были всегда рожденіе и смерть боговъ» ³⁾: «рожденіе новыхъ боговъ всегда отмѣчало собою зарю новой цивилизаціи, и исчезновеніе ихъ отмѣчало всегда начало ея упадка» ⁴⁾. «Съ новой религіозной идеей раждается и новая цивилизація» ⁵⁾. Особенная сила, присущая религіознымъ идеямъ, заключается въ томъ, что онѣ «производятъ нѣчто въ родѣ постоянной гипнотизаціи, настолько интенсивной, что подъ вліяніемъ ихъ преобразуется весь умственный складъ (народа)» ⁶⁾. «Въ чемъ особенно заключается ихъ неотразимое могущество, такъ это въ томъ, что онѣ составляютъ единственный факторъ, способный моментально сообщить извѣстному народу абсолютное единство интересовъ, чувствъ и мыслей. *Религіозный духъ можетъ замѣнить, такимъ образомъ, однимъ разомъ тѣ медленныя наследственныя накопленія, которыя необходимы для сформированія души извѣстной націи*» ⁷⁾. Значитъ, религіозныя идеи не только обладаютъ общимъ всѣмъ «основнымъ идеямъ» свойствомъ срастаться органически съ «душою расы»,—имъ присуща, сверхъ того, еще особая *творческая сила*: религіозная идея можетъ «ментально», «однимъ разомъ», создать недостающую извѣстному народу «душу» (примѣръ: магометанство и арабы) ⁸⁾.

Этой особенной интенсивностью религіозныхъ идей и ихъ творческою силой и объясняется ихъ огромное значеніе въ исторіи,—и не только въ культурной исторіи, но и въ исторіи по-

¹⁾ р. 149. ²⁾ р. 170. ³⁾ р. 136. ⁴⁾ р. 170. ⁵⁾ р. 136. ⁶⁾ р. 137. ⁷⁾ р. 139. ⁸⁾ р. 140.

литической. «Именно, въ эпохи религіознаго одушевленія (aux éroques de foi) народы, моментально преображенные, совершали тѣ титаническіе подвиги, которымъ удивляется исторія,—основаніе имперій и т. д.» ¹⁾. Относительно роли религіозныхъ идей въ исторіи общественныхъ учрежденій авторъ считаетъ возможнымъ даже утверждать, «что съ самой зари историческихъ временъ всѣ учрежденія политическія и социальныя были основаны на религіозныхъ вѣрованіяхъ» ²⁾. Однимъ словомъ, «вся исторія народовъ—политическая, артистическая, литературная—есть дочь ихъ религіозныхъ вѣрованій» ³⁾. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, оговаривается авторъ,—что «религіозныя вѣрованія, измѣняя характеръ народовъ, и сами претерпѣваютъ измѣненія подъ влияніемъ этого характера» ⁴⁾. Буддизмъ на китайской почвѣ сталь совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ на своей родинѣ; мусульманство монголовъ во многомъ разнится отъ мусульманства арабовъ и т. д.

Итакъ, «характеръ народа и его вѣрованія—вотъ ключи къ его исторіи» ⁵⁾. Другими словами, сущность историческаго процесса, по представленію Лебона, сводится къ взаимодѣйствию двухъ факторовъ: «характера народовъ» и ихъ «вѣрованій». Еслибы авторъ болѣе заботился о послѣдовательности и желалъ оставаться болѣе вѣрнымъ своей же собственной терминологіи, то онъ долженъ былъ бы редактировать свою формулу историческаго процесса нѣсколько иначе, а именно: «взаимодѣйствіе расовой души и (основныхъ) идей».

Теперь возникаетъ вопросъ: откуда же берутся тѣ новыя идеи (включая сюда и религіозныя вѣрованія), которыя, въ качествѣ «основныхъ», играютъ роль двигателей исторической эволюціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—отвѣтъ, какъ увидимъ, далеко не удовлетворительный—находимъ въ ученіи автора о роли личности въ исторіи, или, согласно съ односторонней постановкой у него этого вопроса,—о роли «выдающихся людей». Вотъ вкратцѣ сущность этого ученія. Каждый культурный народъ обладаетъ извѣстною немногочисленною группою людей, выдающихся надъ уровнемъ массы своими талантами, своимъ гениемъ ⁶⁾. Эта *petite élite d'hommes éminents, d'esprits supérieurs* представляетъ собою «истинное воплощеніе способностей расы — *la véritable*

¹⁾ р. 140. ²⁾ р. 137. ³⁾ р. 141. ⁴⁾ р. 141. ⁵⁾ р. 141. ⁶⁾ р. 143.

incarnation des pouvoirs d'une race». Значеніе «выдающихся людей» въ томъ именно и заключается, что «они синтезируютъ всѣ стремленія расы» и «воплощаютъ ея господствующій идеаль» ¹⁾. Будутъ ли это «великіе люди» въ политикѣ, какъ Цезарь, Ришелье,—или «геніальные изобрѣтатели», какъ Галилей, Ньютонъ,—всегда и всюду сущность ихъ роли одна и та же: они «синтезируютъ результаты долгой предшествующей работы» ²⁾, «строятъ зданіе изъ камней, вытесанныхъ другими» ³⁾. Главная роль въ исторіи принадлежитъ, однако, не «геніальнымъ изобрѣтателямъ», а «творцамъ» религіозныхъ идей. «Изобрѣтатели могутъ измѣнить внѣшнюю форму цивилизаціи; фанатики, съ узкимъ умомъ, но энергическимъ характеромъ и могучими страстями, одни могутъ основывать религіи и имперіи и колебать міръ» ⁴⁾. Пусть проповѣдь этихъ людей—чистая химера, миражъ, галлюцинація: «самыя глубокія перемѣны въ мірѣ произведены такими мечтателями и творцами подобныхъ миражей». «Геніальные изобрѣтатели ускоряютъ ходъ цивилизаціи; фанатики и ясновидящіе творятъ исторію» ⁵⁾. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать при этомъ,—оговаривается авторъ,—что, если этимъ людямъ «удалось выполнить свою задачу, то лишь потому, что они бессознательно воплотили и выразили господствующій идеаль своей расы и своего времени» ⁶⁾. Авторъ не считаетъ при этомъ нужнымъ объяснить, какъ совмѣстить эпитетъ *творцовъ* съ отрицаніемъ за ними творческой роли.

Общій выводъ: «Въ концѣ концовъ, идеи,—и слѣдовательно тѣ, кто ихъ воплощаетъ и распространяетъ,—двигаютъ міръ» ⁷⁾.

Такъ какъ всякая «цивилизация», по ученію Лебона, держится своими «основными идеями», то «смерть» этихъ послѣднихъ естественнымъ образомъ влечетъ у него за собой и разрушеніе данной цивилизаціи, которая въ такомъ случаѣ уступаетъ мѣсто другой цивилизаціи, основанной на новыхъ идеяхъ. Съ другой стороны, такъ какъ цивилизація есть лишь «отраженіе расовой души», то послѣдняя неминуемо обречена на гибель, въ случаѣ «смерти» послѣдней. Къ сожалѣнію, мысли автора относительно послѣдняго пункта далеко не отличаются ясностью. Насколько намъ удалось понять, онъ признаетъ два случая «разрушенія расовой души». Во-первыхъ, въ случаѣ если происходитъ скрещи-

¹⁾ р. 143. ²⁾ р. 146. ³⁾ р. 144. ⁴⁾ р. 146. ⁵⁾ р. 147. ⁶⁾ pp. 147—148.

⁷⁾ р. 148.

ваніе между двумя или нѣсколькими расами, то «оно прежде всего разрушаетъ душу этихъ расъ» ¹⁾. «Поэтому, не безъ основанія всѣ народы, достигшіе болѣе или менѣе высокой степени культурнаго развитія, заботливо избѣгали смѣшиваться съ иностранцами» ²⁾. Въ другихъ случаяхъ смерть «расовой души» наступаетъ вслѣдствіе «разложенія психическаго склада расы» ³⁾. Факторомъ такого разложенія является среда. «Когда происходитъ измѣненіе въ условіяхъ среды, элементы психическаго склада (расы), поддерживаемые вліяніемъ первыхъ, начинаютъ подвергаться регрессивнымъ трансформациямъ, которыя, въ свою очередь, приводятъ къ ихъ разрушенію» ⁴⁾. Происходитъ же это въ силу чисто физиологическихъ причинъ. «Мозговая клѣтка, не находя болѣе (вслѣдствіе измѣнившихся условій среды) случая упражняться, перестаетъ функціонировать, и психическія способности, сформировавшіяся въ теченіе вѣковъ, могутъ быстро исчезнуть» ⁵⁾. Этимъ объясняется быстрый упадокъ народовъ, достигшихъ вѣковыми усиліями высокой степени культурнаго развитія: «народъ потерялъ все, когда онъ потерялъ свою душу» ⁶⁾. Таковъ, по представленію Лебона, общій всѣмъ народамъ «механизмъ распаденія цивилизацій» ⁷⁾.

Въ книгѣ Лебона собрана масса интересныхъ и цѣнныхъ наблюденій, мастерски сгруппированныхъ и эффектно формулированныхъ. Въ нихъ много и тонкой наблюдательности, и много вдумчиваго отношенія къ исторической дѣйствительности. Таковы, въ особенности, его наблюденія касательно зависимости культуры и исторіи отъ характера народовъ, относительно значенія психологическихъ факторовъ въ исторіи, роли безсознательнаго въ идеяхъ, и т. д. Другой вопросъ, *какъ* онъ воспользовался этими наблюденіями. Онъ строитъ на нихъ, какъ мы видѣли, цѣлую исторіософскую теорію. Сущность этой теоріи заключается въ сведеніи историческаго процесса къ психологическому на почвѣ «расы»; вся исторія выводится у него изъ «психическаго склада расъ», который онъ называетъ ихъ «душою». Чтобы сдѣлать оцѣнку изложенной теоріи, нѣтъ нужды входить въ детальный разборъ ея; достаточно поставить вопросъ: выдерживаетъ ли она очную ставку съ исторической дѣйствительностью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не займетъ много мѣста, такъ какъ

1) р. 48. 2) р. 48. 3) р. 151. 4) р. 151. 5) р. 152. 6) р. 49. 7) р. 151.

достаточно будетъ остановиться на нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ.

Чтобы провести свою основную идею о «душѣ расы», какъ единственномъ источникѣ всей исторической эволюціи, автору приходится игнорировать индивидуальную оригинальность и совершенно отрицать творческую роль личности въ исторіи, а съ другой стороны,—сводить чуть не къ нулю вліяніе «среды» и «момента» (Лебонъ придерживается тэновской триады: «раса», «среда», «моментъ»). Мы не будемъ доказывать прямо несостоятельности этого положенія: въ короткихъ словахъ этого нельзя сдѣлать, а подробное разсмотрѣніе завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся поэтому указаніемъ на нѣкоторыя изъ слѣдствій, логически вытекающихъ изъ даннаго положенія, и разбивающихся въ то же время объ историческую дѣйствительность.

Такъ какъ, по Лебону, личность вообще лишена творческой роли, и всякій «выдающийся умъ» или «великій человѣкъ» является лишь выразителемъ идей и носителемъ идеаловъ своей «расы», то отсюда слѣдуетъ, что идеи и идеалы, «воплощаемые выдающимися людьми», принадлежащими къ одной и той же «расѣ», должны быть всегда тождественны, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить другъ другу, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не бываетъ. Что касается «момента», то отрицаніе его вліянія разбивается о такія историческія явленія, характеризующія извѣстныя эпохи (а не «расы»), какъ средневѣковой феодализмъ, гуманистическое движеніе конца среднихъ вѣковъ, «просвѣщенный абсолютизмъ» второй половины прошлаго столѣтія и т. д. Къ меньшимъ противорѣчіямъ съ исторической дѣйствительностью приводитъ и отрицаніе вліянія «среды».

Далѣе, въ угоду всеобъемлющему значенію «расовой души» въ исторіи, авторъ до крайности умаляетъ роль учреждений, которыя, по его мнѣнію, «имѣютъ лишь крайне слабое вліяніе на эволюцію цивилизацій; они чаще всего бываютъ слѣдствіями и очень рѣдко—причинами» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣшительнѣе. «Это дѣтская химера, говоритъ онъ, — думать, будто правительства и конституціи играютъ какую-нибудь роль въ судьбѣ извѣстнаго народа» ²⁾. Если бы это было вѣрно, то пришлось бы признать, что, на примѣръ, имперія не оказала ни-

¹⁾ Le Bon, p. 6. ²⁾ p. 68. Сравн. 58.

какого вліянія на судьбу римскаго «народа»,—что роль феодализма въ культурномъ развитіи среднихъ вѣковъ была совершенно ничтожна, и т. д. Авторъ можетъ, конечно, возразить на это съ своей точки зрѣнія, что дѣло не въ учрежденіяхъ феодальныхъ, а въ «феодальной идеѣ». Но съ этимъ, конечно, нельзя согласиться, какъ потому, что исторія ничего не знаетъ о «феодальной идеѣ» помимо феодальныхъ учреждений, такъ и потому, что феодальный строй вліялъ на исторію не столько своими идеями, сколько учрежденіями, не говоря уже о томъ, что основой этихъ послѣднихъ были далеко не однѣ идеи, а быть можетъ, еще болѣе — интересы и матеріальная сила.

Затѣмъ, по Лебону, учрежденія, наравнѣ съ прочими элементами культуры, «вытекаютъ изъ души расы». Попробуемъ приложить это хотя бы къ тѣмъ же феодальнымъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ:—изъ «души» какой это «расы» они «вытекли»?... Продуктъ какой «расовой души» — политическій строй современной Швейцаріи, состоящей изъ нѣсколькихъ «расъ»?... Или взять такой фактъ. Екатерина II вводитъ въ Малороссіи крѣпостное право: по теоріи Лебона, слѣдуетъ признать, что это «учрежденіе» «вытекало изъ души (малороссійской) расы»...

Пойдемъ далѣе. Идеи, религіозныя вѣрованія, все міросозерцаніе, наконецъ,—все это по Лебону «вытекаетъ» изъ того же первоисточника всей исторической эволюціи — «расовой души». Согласно съ этимъ, современную идею прогресса, идею «просвѣщеннаго абсолютизма» прошлаго вѣка, средневѣковыя идеи теократіи и аскетизма и вообще все міросозерцаніе среднихъ вѣковъ,—все это приходится признать продуктомъ той или другой «расы». И христіанство,—эта всемірная, общечеловѣческая религія,—тоже «продуктъ расы»?... Какой же?

Далѣе, утверждая, что вся исторія извѣстнаго народа цѣликомъ вытекаетъ изъ его «души», авторъ, очевидно, забылъ о существованіи такихъ, совершенно случайныхъ по отношенію къ «душѣ» даннаго народа фактовъ ¹⁾, какъ, на примѣръ, иностранное

¹⁾ Читатель пойметъ, въ какомъ смыслѣ мы говоримъ въ данномъ случаѣ о случайныхъ фактахъ; въ исторіи рѣчь можетъ идти, разумѣется, лишь объ относительной случайности, ни мало не исключющей закона причинности. Нашествіе монголовъ, фактъ случайный по отношенію къ характеру русскаго народа, не было случайнымъ по отношенію къ нѣкоторому ряду предшествовавшихъ фактовъ, бывшихъ причиною этого событія.

завоеваніе. Напримѣръ, татарское иго въ Россіи... что, и оно тоже «вытекало изъ души (русской) расы»? А если нѣтъ, то, значитъ, не вся исторія даннаго народа можетъ быть объяснена изъ его «души»,—значитъ, историческая эволюція совершается не по схемѣ Лебона...

Самъ Лебонъ мало заботится о повѣркѣ своей теоріи путемъ приложенія ея къ реальнымъ историческимъ фактамъ; если онъ и обращается время отъ времени къ исторической дѣйствительности, то не столько въ видахъ провѣрки своихъ идей, сколько затѣмъ, чтобы подрубить первую по мѣркѣ послѣднихъ. Мы видѣли, напримѣръ, въ какомъ видѣ представляетъ онъ исторію англійскихъ и французскихъ учреждений, исторію общественнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки и южно-американскихъ республикъ. Развѣ это не чистѣйшая фальсификація исторіи? Развѣ это не подстановка собственныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ измышленій на мѣсто реальной исторической дѣйствительности? Развѣ не все, что угодно, можно доказать подобнымъ образомъ?

Итакъ, теорія Лебона, въ существенныхъ пунктахъ своихъ, не выдерживаетъ исторической повѣрки, какъ не выдерживаетъ и повѣрки логической. Интересно и поучительно наблюдать, какъ авторъ, разъ ступивъ на ложную дорогу, съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ запутывается все болѣе и болѣе, попадая въ концѣ концовъ въ безысходный логическій тупикъ. Такъ, положеніе о всеобъемлющей роли «расовой души» въ исторіи приводитъ автора къ отрицанію личной инициативы. Но отказавъ личности въ творческой роли, ему приходится искать двигающаго начала исторической эволюціи въ другой области. Онъ находитъ это двигающее начало — въ идеяхъ. Отсюда—чрезмѣрное преувеличеніе роли идей въ исторіи: вся исторія у него есть лишь «дочь идей». Сдѣлавъ этотъ *tour de force*, авторъ воображаетъ, что вышелъ изъ затрудненія, между тѣмъ какъ—въ дѣйствительности—только изъ одного затрудненія попалъ въ другое, горшее перваго. Идеи двигаютъ исторію: но кто же идеи-то двигаетъ? «Расовая душа»? Но она «неподвижна». Индивидуальная мысль? Но личность лишена творчества: она только «отражаетъ» данныя въ дѣйствительности идеи и не создаетъ новыхъ. Однако «новыя идеи» откуда-то являются, и именно ихъ появленію обязаны своимъ происхожденіемъ «новыя ци-

визаціи», которыя приходятъ на смѣну старымъ, отжившимъ. Откуда же берутся первыя? гдѣ ихъ источникъ? Допустимъ немислимое съ точки зрѣнія «неподвижности» «расовой души»: пусть источникъ «новыхъ идей»—въ этой послѣдней. Такъ какъ, съ другой стороны, по Лебону, идеи «образуютъ» и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, «создаютъ» «расовую душу», то что же выходитъ? Идеи—продуктъ расовой души, а расовая душа—продуктъ идей?...

Отмѣтимъ еще нѣсколько частныхъ противорѣчій. Въ одной изъ приведенныхъ выше цитатъ авторъ видитъ въ государственномъ абсолютизмѣ французскаго общественнаго строя—продуктъ «души французской расы». Но, вѣдь, по его теоріи слѣдуетъ видѣть подобный же продуктъ той же самой «души» и въ феодальномъ режимѣ средневѣковой Франціи, представляющемъ, какъ извѣстно, противоположный полюсъ относительно государственнаго абсолютизма. Затѣмъ, мы видѣли, что, по Лебону, вполне сложившаяся «расовая душа» совершенно недоступна вліяніямъ среды; а въ другомъ мѣстѣ эта же самая среда оказывается у него факторомъ разложенія «расовой души».

Эти и другія подобныя противорѣчія, на которыхъ нѣтъ нужды долѣе останавливаться,—съ одной стороны, являясь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ложности нѣкоторыхъ изъ основныхъ посылокъ теоріи, свидѣтельствуютъ, съ другой стороны, что во всей этой теоріи и для самого автора остается много невыясненнаго, недодуманнаго. Особенно рельефно выступаетъ эта недодуманность и невыясненность въ идеѣ «расовой души». Въ этой идеѣ—центръ тяжести всей исторіософской концепціи Лебона, въ ней же и самый слабый пунктъ его теоріи. Начать съ того, что ученіемъ о «расовой душѣ» самая раса возводится въ психологическую индивидуальность. Въ этомъ пунктѣ вся теорія наталкивается на тѣ же затрудненія, которыя служатъ камнемъ преткновенія для такъ называемой, «органической теоріи» общества ¹⁾, и авторъ не дѣлаетъ ничего для того, чтобъ устранить эти затрудненія: онъ просто-напросто игнорируетъ ихъ. Главное изъ этихъ затрудне-

¹⁾ Изложеніе и критику «органической теоріи» можно найти въ статьѣ проф. Карѣева: «Общество и Организмъ» («Историко-филос. и социол. этюды». Спб., 1895, стр. 135—161). Также во 2-мъ томѣ его «Осн. вопр. фил. ист.», стр. 69 и далѣе (по 2-му изд.). Тамъ же читатель найдетъ и указанія на литературу предмета.

ній заключается въ отсутствіи у всякаго «общественнаго организма», а слѣдовательно и у «расы», того «общаго чувствилища», commune sensorium, безъ котораго немислимъ индивидуумъ. Выходомъ изъ этого затрудненія, повидимому, служить у Лебона его ученіе о роли *petite élite d'esprits supérieurs*, какъ «выразительницы идей и стремленій своей расы». Но это только кажущійся выходъ изъ затрудненія. Въдь эта *petite élite*, опять-таки, не индивидуальность, а коллективная группа, которой точно также не достааетъ «общаго чувствилища», не говоря уже о томъ, что «идеи и стремленія выдающихся людей», принадлежащихъ къ одной и той же «расѣ», сплошь да рядомъ оказываются діаметрально противоположными; между тѣмъ сущность «расовой души», по опредѣленію автора, заключается именно въ «безусловной общности (*communauté absolue*) интересовъ, чувствъ и мыслей». Къ тому же, и самое это положеніе объ «абсолютной общности интересовъ, чувствъ и мыслей» равносильно, въ сущности, игнорированію исторической дѣйствительности, которая представляетъ намъ «расы» не какъ сплошныя, компактныя массы съ абсолютнымъ единствомъ интересовъ, чувствъ и мыслей, а какъ сложные агрегаты цѣлаго ряда культурно-общественныхъ группъ—часто съ противоположными «интересами, чувствами и мыслями».

Затѣмъ, самое пониманіе авторомъ «расовой души» страдаетъ какою-то двойственностью и противорѣчивостью. «Душа расы» въ одномъ случаѣ опредѣляется какъ «психическій складъ (расы), настолько же опредѣленный и устойчивый, какъ и ея анатомическое строеніе» ¹⁾; въ другомъ случаѣ это уже не «складъ психическій», а «совокупность общихъ традицій, идей, вѣрованій, интересовъ и чувствъ» ²⁾. А это далеко не одно и то же. Въ одномъ случаѣ «расовая душа» является съ характеромъ органическимъ, въ другомъ—это уже явленіе «надорганическаго» порядка. Правда, у Лебона имѣется нѣчто въ родѣ соединительнаго моста между этими противорѣчивыми концепціями «расовой души»—въ идеѣ наслѣдственности. Идеи и чувства, «образующія душу расы», у него передаются путемъ наслѣдственности, и слѣдовательно—какъ наслѣдственныя—являются съ ха-

1) Le Bon, pp. 11, 34, 137, 166 и др.

2) Le Bon, pp. 16, 131 и др.

ракторомъ органическимъ. Но дѣло въ томъ, что авторъ не сдѣлалъ сколько-нибудь серьезной попытки обосновать и развить эту идею. А съ другой стороны, еслибъ онъ и захотѣлъ это сдѣлать, то ему пришлось бы неизбежно столкнуться съ другою стороною своей теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, куда бы ему было дѣвать тогда религиозныя идеи, которыя, по его ученію,—мало того, что передѣлываютъ «душу расы»,—но въ извѣстныхъ случаяхъ даже и *создаютъ* послѣднюю, создаютъ «моментально», «однимъ разомъ»—по его собственному выраженію: ясное дѣло, что здѣсь моментъ наслѣдственности не играетъ никакой роли, и идея является въ этомъ случаѣ въ роли чисто «надорганическаго» фактора. Значитъ, въ самой концепціи «расовой души» у Лебона есть противорѣчіе, не устранимое безъ нарушенія цѣлости его теоріи.

Да и помимо этого, его ученіе о «расовой душѣ» вызываетъ не мало вопросовъ и недоумѣній, на которыя авторъ не даетъ никакого отвѣта. Какимъ образомъ извѣстная идея можетъ стать не содержаніемъ, а частью «расовой души»? Въ какомъ отношеніи находится индивидуальная душа къ коллективной? И какое отношеніе имѣетъ къ этой послѣдней — психическое взаимодействіе личностей, входящихъ въ составъ данной «расы»? Какимъ образомъ функционируетъ эта послѣдняя? Есть ли «расовая душа» нѣчто неразложимое, первичное, или же, напротивъ, нѣчто сложное, производное и, слѣдовательно, подлежащее анализу? Гдѣ граница между «второстепенными и измѣняемыми чертами» «расовой души» и «чертами основными, неизмѣнными»? Въ чемъ собственно заключается отношеніе «расовой души» къ «средѣ» и «моменту»? Въ чемъ заключается и какимъ образомъ происходитъ то взаимодействіе между идеями и «расовой душой», въ которомъ авторъ полагаетъ сущность историческаго процесса? Наконецъ, — и это самое серьезное недоумѣніе, вызываемое ученіемъ Лебона о «расовой душѣ»,—соотвѣтствуетъ ли этому выраженію нѣкоторая реальная сущность, или же на послѣднее слѣдуетъ смотрѣть какъ на простую метафору, какъ на условное сокращенное обозначеніе извѣстной совокупности сложныхъ явленій? Хотя, въ виду не подлежащаго никакому сомнѣнію «позитивизма» автора, нельзя думать, чтобъ онъ понималъ дѣло въ смыслѣ первой части дилеммы, но при всемъ томъ, читая разсужденія

его о томъ, какъ «расовая душа» «раждается», «умираетъ» и дѣйствуетъ въ исторіи, въ общемъ получается впечатлѣніе, какъ будто дѣло идетъ о нѣкоторомъ живомъ индивидуальномъ существѣ, котораго никто не видитъ, но которое, невидимо ни для кого, даетъ о себѣ знать всюду,—которое является, въ сущности, главнымъ, даже единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи: все остальное лишь постольку играетъ историческую роль, поскольку является его «выраженіемъ» или «продуктомъ»... Разумѣется, что въ концѣ концовъ отдѣлываешься отъ такого впечатлѣнія, явно несообразнаго; но все-таки туманъ, нагнанный несообразной фразеологіей, оставляетъ послѣ себя какую-то муть и путаницу понятій, разобраться въ которой могъ бы развѣ только самъ авторъ, да и то при условіи предварительной очистки терминологіи,—устраненія изъ нея всякой неопредѣленности и двусмысленности.

Итакъ, попытка Лебона свести историческій процессъ на процессъ психологическій, въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимаетъ послѣдній,—должна быть признана вполнѣ неудавшейся. Основная ошибка автора въ томъ, что принципъ, годный для объясненія одной стороны исторической эволюціи, онъ вздумалъ возвести во всеобъемлющій принципъ всей исторіи человѣчества: мы разумѣемъ принципъ «расы». Этимъ онъ скомпрометировалъ и свою психологическую точку зрѣнія, которая, при иной постановкѣ вопроса, могла бы дать болѣе плодотворные результаты въ смыслѣ философской концепціи исторіи. Если вообще возможно свести историческій процессъ на процессъ психологическій (а теоретически едва ли можно серьезно возражать противъ такой возможности), то во всякомъ случаѣ не на почвѣ такой сложной коллективной единицы, какъ «раса», или вообще какая бы то ни было культурная группа,—а единственно отправляясь отъ понятія личности, какъ единственно реального историческаго атома и единственной реальной психологической единицы,—и отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ первичныхъ элементовъ историческаго движенія. Такъ какъ закономерность человѣческихъ дѣйствій есть закономерность психологическая, и такъ какъ, съ другой стороны, къ нимъ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, весь историческій процессъ, то ясно, что въ основѣ послѣдняго лежитъ процессъ психологическій, и историческая закономерность есть—опять-таки въ послѣднемъ анализѣ—

закономѣрность психологическая ¹⁾. Поиски за «историческими законами» тогда только могутъ разсчитывать на успѣхъ, когда они будутъ производиться въ этомъ направленіи; а для этого нужно прежде всего, чтобъ исторія и психологія подали другъ другу руки. Вотъ почему работа Лебона, какъ бы скептически ни относились мы къ ея непосредственнымъ результатамъ, — не лишена серьезнаго положительнаго значенія, — именно, какъ попытка вскрыть *психологическую закономѣрность*, лежащую въ основѣ историческаго процесса.

П. Ардашевъ.

---

¹⁾ Профессоръ Н. И. Карѣевъ приводитъ, какъ главный аргументъ противъ возможности сведенія историческаго процесса на психологическій, то соображеніе, что «въ исторической жизни (кромѣ субъективной) есть и объективная сторона, а именно — общественныя формы, учрежденія, системы социальныхъ отношеній между индивидуумами». («Основные вопросы фил. ист.» изд. 2, часть 2, стр. 5). Но вѣдь, по словамъ самого же почтеннаго автора, противъ которыхъ мы ничего не имѣемъ возразить, «все въ исторіи существуетъ чрезъ личность, въ ней и для нея: всѣ виды социальной жизни суть только разныя системы отношеній между личностями»; и далѣе: «какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно въ концѣ концовъ создается, поддерживается, измѣняется совокупностью дѣятельныхъ личностей» (тамъ же, часть 1, стр. 250). Слѣдовательно, и «объективная сторона» исторіи сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ «дѣятельности личностей», закономѣрность которой не можетъ быть иною, какъ закономѣрностью психологической. Въ своей новѣйшей статьѣ объ «Экономическомъ материализмѣ въ исторіи» (въ «Вѣстникѣ Евр.», потомъ въ книгѣ «Историко-фил. и социол. этюды». Спб. 1895) проф. Карѣевъ снова высказывается, хотя и вскользь, противъ возможности психологическаго истолкованія историческаго процесса, выдвигая на этотъ разъ новый аргументъ, заключающійся въ томъ, что человѣкъ не только духовное, но и матеріальное существо, и что «факты, имѣющіе происхожденіе въ матеріальной сторонѣ человѣческаго бытія» нельзя «сводить къ чисто духовной основѣ» («Этюды», стр. 165). Но слабость этого аргумента очевидна (мы не думаемъ, чтобъ и самъ авторъ придавалъ ему особенно серьезное значеніе). Въ самомъ дѣлѣ, «матеріальная сторона человѣческаго бытія», поскольку она заключается въ физиологическихъ отправленіяхъ, само собой понятно, не входитъ въ содержаніе историческаго процесса, а поскольку обнаруживается въ экономическихъ отношеніяхъ, — дѣликомъ сводится на нѣкоторыя системы человѣческихъ поступковъ, т.-е. нѣкоторыхъ фактовъ, подчиненныхъ психологической закономѣрности.

По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго: «О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ».

(Окончаніе.)

---

5. Ученіе о времени, говоритъ мой критикъ (стр. 635—636), составляетъ центральный пунктъ «Критики чистаго разума» и «красною нитью связываетъ всѣ ея части». Если этими словами онъ хочетъ сказать, что взглядъ Канта на познавательные процессы неизбѣжно предполагаетъ ученіе о времени и смѣнѣ, развитое въ крайней его послѣдовательности, или неизбѣжно обусловливается этимъ именно ученіемъ, то это несправедливо.

Ученіе Канта о знаніи, съ своей положительной стороны, состоитъ въ разъясненіи и доказательствѣ безусловнаго значенія въ опытѣ того синтеза, который представляютъ у него категоріи, разсматриваемыя въ качествѣ чистыхъ понятій разсудка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ развитіемъ этой мысли должно было соединиться—и дѣйствительно соединилось—предположеніе, которое состояло въ связи съ выводами «Эстетики». Это предположеніе состояло въ томъ, что матеріаломъ знанія могутъ служить только представляемыя вещи, т.-е. только образы, и каждая наличная комбинація матеріала есть также только нѣчто представляемое, только образъ опредѣленныхъ, пространственныхъ и временныхъ комбинацій. Несомнѣнно, что отъ этого именно свойства матеріала знанія зависитъ, по мнѣнію Канта, возможность творчества каждой комбинаціи активностію сознанія. «Вещамъ самимъ въ себѣ,—говоритъ онъ въ послѣднемъ отдѣлѣ § 26,—ихъ законосообразность необходимо принадлежала бы даже помимо разсудка, который познаетъ ихъ. Но явленія

суть только представленія... И какъ простыя представленія, они не стоятъ ни подъ какимъ закономъ связи, кромѣ того закона, который предписываетъ совокупляющая способность». Но убѣжденіе въ безусловной зависимости матеріала знанія отъ активности сознанія нисколько не предрѣшало вопроса, проходятъ ли эти образы вещей и ихъ комбинацій дѣйствительно послѣдовательно передъ сознаніемъ, т.-е. составляютъ ли они сами дѣйствительный послѣдовательный рядъ образовъ, или только представляются посмѣнными для нашего сознанія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ предрѣшаться ученіемъ «Эстетики» о времени и смѣнѣ, если развить это ученіе до его послѣднихъ, крайнихъ выводовъ; но для полнаго подчиненія матеріала знанія сознанію не было никакой необходимости давать именно тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, котораго требовала эта крайняя послѣдовательность. Образы различныхъ комбинацій, если разсматривать ихъ какъ дѣйствительный послѣдовательный рядъ творческихъ продуктовъ самосознанія, неизбѣжно оказались бы совершенно такимъ же полнымъ и чистымъ произведеніемъ творческой силы самосознанія, какимъ оказались бы они, если бы мы представляли и самый этотъ рядъ за простой субъективный образъ.

Не проводилась ли, по крайней мѣрѣ, фактически въ «Аналитикѣ» Кантомъ эта послѣдняя мысль? Нѣтъ нужды говорить, что ясно и опредѣленно выраженного ученія о времени и смѣнѣ, въ крайней его послѣдовательности, въ «Аналитикѣ» искать не приходится. Выше мы уже видѣли, что тѣ мѣста, которыя г. проф. Введенскій считаетъ прямыми напоминаніями Канта о послѣдовательно развитомъ ученіи его о времени и смѣнѣ, не только какого-либо напоминанія на подобную послѣдовательность этого ученія не содержатъ, но не содержатъ и вообще никакого упоминанія о Кантовомъ ученіи о времени и смѣнѣ. Далѣе, можно признать за фактъ, что въ «Аналитикѣ» не мало находится мѣстъ, которыя, по крайней мѣрѣ, по своему ближайшему буквальному смыслу, прямо противорѣчатъ этому ученію, взятому въ его крайней послѣдовательности. Въ этомъ мы могли убѣдиться уже изъ выдержекъ, приведенныхъ мною выше; и подобныхъ выдержекъ можно привести сколько угодно. Г. проф. Введенскій, повидимому, этого не отрицаетъ; онъ говоритъ (стр. 644), что самъ Кантъ не всегда выдерживалъ свою точку зрѣнія, «что онъ нерѣдко уклонялся

отъ своего взгляда, или же употреблялъ неточныя выраженія и т. п.» (см. также стр. 656 его статьи). Но онъ умаляетъ значеніе этого факта. Эти уклоненія въ его глазахъ представляютъ только промахи случайныя, не имѣющіе никакой важности, «неизбѣжныя при новизнѣ дѣла»; роль этихъ уклоненій представляется ему до того ничтожною, что онъ считаетъ возможнымъ и справедливымъ требовать, чтобы при разборѣ и критикѣ «или исправили ихъ, или же не обращали на нихъ никакого вниманія». По моему мнѣнію, такъ можетъ говорить только чловѣкъ, который вполне благоразумно и предусмотрительно отклоняетъ отъ себя подобныя исправленія и рѣшительно говоритъ, что самъ онъ ихъ дѣлать не станетъ (см. прим. къ стр. 644) *).

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что между непослѣдовательностями, которыя допускаетъ Кантъ, есть не мало и случайныхъ непослѣдовательностей, не имѣющихъ значенія въ цѣлой системѣ—точно такъ же, какъ не мало у него можно

---

*) Можно даже поставить вопросъ, есть ли даже въ самомъ дѣлѣ, по взгляду г. проф. Введенскаго, въ «Критикѣ» какія-либо дѣйствительныя уклоненія отъ должнаго взгляда на время и смѣну. Онъ говоритъ: «самъ Кантъ нерѣдко уклонялся отъ своего взгляда, или же употреблялъ неточныя выраженія» и т. п. Повидимому это или же соединяетъ два различныя факта; а между тѣмъ, по другимъ выраженіямъ г. проф. Введенскаго какъ будто выходитъ, что здѣсь имѣется въ виду одинъ и тотъ же фактъ. Двѣ мысли, которыя здѣсь соединены союзомъ «или же», непосредственно предъ этимъ были выражены слѣдующею одною мыслию: «пусть мнѣ не возражаютъ, что самъ Кантъ не всегда выдерживалъ свою точку зрѣнія, что онъ даже говорилъ о разныхъ процессахъ, совершающихся во времени, приписывая ихъ нашему сознанию, таковы: воспріятіе, воспроизведеніе представленія по частямъ (Reproductio)» и т. п.; на слѣдующей (645) страницѣ сказано относительно названій этихъ именно процессовъ: «всѣ эти названія, сообразно съ его (Канта) ученіемъ, должны обозначать у него не психологическіе процессы, совершающіеся во времени (о нихъ у него не можетъ быть никакой рѣчи), а всего только опредѣленія (Bestimmungen) нашего сознанія во времени»; и при этомъ г. проф. Введенскій разъясняетъ, что «Кантъ имѣлъ полное право употреблять, для краткости, слова, обозначающія временныя процессы». Не сводятся ли такимъ образомъ всѣ уклоненія Канта отъ принадлежащаго ему ученія о времени и смѣнѣ къ простымъ неточностямъ въ терминологіи, на которыя Кантъ въ добавокъ имѣлъ право? Итакъ, какаго же мнѣнія мой критикъ держится на то, что онъ называетъ уклоненіями Канта отъ своего взгляда? Смотритъ ли онъ на нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ на дѣйствительныя непослѣдовательности въ проведеніи взгляда, или какъ на простыя неточности въ терминологіи?

встрѣтить и непослѣдовательностей только мнимыхъ, которыя объясняются неизбѣжными неточностями изложенія. Но всѣмъ этимъ дѣло никакъ не ограничивается.

Послѣ того какъ Кантъ сдѣлалъ выводъ категорій изъ формъ сужденія и такимъ путемъ доказалъ, что эти категоріи суть понятія а priori, онъ обращается къ разъясненію господства этихъ понятій надъ матеріаломъ знанія, т.-е. къ тому вопросу, гдѣ должно было сказаться все вліяніе результатовъ его «Эстетики». И здѣсь исходнымъ пунктомъ становится у него вотъ какая мысль (§ 16): «эмпирическое сознание, которое сопровождается различными представленіями, само по себѣ *разсыяно и безъ отношенія къ тождеству субъекта. Это отношеніе, слѣдовательно, еще не совершается* черезъ то, что я каждое представленіе сопровождаю сознаниемъ, но (совершается лишь) черезъ то, что я одно представленіе *присовокупляю* къ другому и сознаю себѣ ихъ синтезъ». Кантъ говоритъ здѣсь о разсыянности эмпирическаго сознанія. Подъ этою разсыянностію можно понимать только разрозненность образовъ, изъ которыхъ каждый сопровождается сознаниемъ, но при каждомъ въ отдѣльности отсутствуетъ сознание о другихъ и о взаимномъ отношеніи ихъ другъ къ другу. О какомъ-либо единичномъ актѣ эмпирическаго сознанія, если совсѣмъ не имѣть въ виду отношенія его къ другимъ подобнымъ актамъ, которые въ данный моментъ уже не существуютъ, нельзя, конечно, говорить, что сознание въ немъ разсыяно и не имѣетъ отношенія къ тождеству субъекта. Единичный актъ сознанія потому и единиченъ, что все въ немъ соединено въ одномъ образѣ, предстоящемъ единому я. О частныхъ образахъ, соединенныхъ въ какомъ-либо единичномъ актѣ эмпирическаго сознанія, конечно, нельзя сказать, что каждый изъ нихъ, хотя сопровождается сознаниемъ, однако сопровождается такъ, что его сознание не имѣетъ отношенія къ тождеству субъекта этого акта. Сознание, соединенное съ каждою частностью, входящею въ общій образъ единичнаго акта, есть въ строгомъ смыслѣ одно сознание одного субъекта. Дѣло идетъ, очевидно, о смѣнѣ образовъ, возникающихъ и исчезающихъ въ одномъ и томъ же субъектѣ, о послѣдовательномъ теченіи цѣлыхъ комбинацій представленій, изъ которыхъ каждая представляется какъ особый единичный актъ эмпирическаго сознанія. Кантъ вводитъ чистое сознание, которое должно у него объяснять возможность

и необходимость категоріального синтеза, именно въ противоположность этому фактическому, разсѣянному сознанию, въ противоположность образамъ, которые порознь сопровождаются сознаниемъ, но которые для эмпирическаго сознания остаются не соотнесенными еще другъ съ другомъ. Единство чистаго сознания должно обеспечивать способность къ общему синтезу этихъ именно разрозненныхъ образовъ. Ихъ принадлежность къ единому чистому сознанию должна ручаться за участіе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ необходимомъ синтезѣ. «Мысль, что эти данныя въ созерцаніи представленія *всѣ въ совокупности* относятся ко мнѣ, значить тоже, что я соединяю ихъ въ одномъ самознаниі или *могу ихъ, по крайней мѣрѣ, соединить въ немъ*, и хотя она сама не есть еще сознание синтеза представленій, но предполагаетъ возможность послѣдняго; иначе говоря, только черезъ то, что *я могу* понять многообразіе ихъ въ единомъ сознаниі, я называю ихъ *всѣ въ совокупности* моими представленіями; иначе мое «я» было бы *столь же разноцвѣтнымъ* (*würde ich so vielfärbiges verschiedenes Selbst haben*), сколько я имѣю представленій, которыя сознаю». Эти слова стоятъ почти тотчасъ послѣ вышеприведенныхъ словъ о фактической разсѣянности эмпирическаго сознания. Поэтому, если возможность единаго необходимаго синтеза здѣсь противопоставляется *всѣмъ въ совокупности* представленіямъ и возможной безъ него разноцвѣтности субъекта, то въ основаніи этого противоположенія, очевидно, лежитъ та же противоположность между единствомъ «я» и фактическою разрозненностью эмпирическаго сознания. Это вполне ясно и изъ текста рѣчи. Какъ ни случаенъ синтезъ представленій въ каждомъ единичномъ актѣ эмпирическаго сознания, все же онъ неизбежно существуетъ въ немъ. Единичный актъ, сливающий частности содержанія въ единство образа, невозможенъ безъ синтеза. А потому, ни объ одномъ единичномъ актѣ эмпирическаго сознания нельзя сказать, что отнесеніе къ единому «я» частныхъ, въ немъ соединенныхъ, *еще не есть сознание ихъ синтеза*, и нельзя изъ этой именно мысли дѣлать выводъ къ возможной разноцвѣтности субъекта. Все это имѣетъ смыслъ только въ примѣненіи къ ряду созерцаній, смѣняющихся другъ друга и со всѣмъ не соотнесенныхъ другъ съ другомъ въ эмпирическомъ сознаниі.

Само собою понятно, что во всѣхъ этихъ разъясненіяхъ Кан-

та не можетъ идти рѣчи о простомъ представленіи ряда разрозненныхъ образовъ, т.-е. о простомъ воспоминаніи или воспроизведеніи смѣны образовъ, которое считалось бы чистой иллюзіей сознанія и не предполагало бы позади себя дѣйствительной череды образовъ, не связанныхъ въ эмпирическомъ сознаніи. Во имя простого представленія прошлой смѣны, которой на дѣлѣ не было, во имя разсѣянности сознанія, которая фактически не существуетъ, нельзя постулировать чистаго единства сознанія; нельзя этимъ единствомъ объяснять связи въ разрозненныхъ образахъ, когда отрицаютъ дѣйствительное существованіе самой этой разрозненности образовъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ случайными оговорками и не съ сокращеннымъ употребленіемъ терминовъ, которые въ обыкновенной рѣчи означаютъ смѣну и временные процессы, а у Канта употреблялись бы въ смыслѣ простого представленія о смѣнѣ и процессахъ во времени. Здѣсь передъ нами дано исходное предположеніе «Дедукціи», черезъ которое вводится основная мысль «Аналитики», синтезъ трансцендентальнаго сознанія.

6. Въ самомъ изслѣдованіи «Аналитики» со смѣной образовъ въ представленіи Кантъ сталкивается при своемъ ученіи о такъ называемомъ, синтезѣ аппрегенсіи. Это ученіе—не какая-либо частная мысль, которая незамѣтно для самого философа прокрадась въ его изслѣдованіе и стоитъ здѣсь особнякомъ, не затрогивая никакихъ другихъ мыслей. Это ученіе проникаетъ во всѣ существенныя части «Аналитики». Оно входитъ въ «Дедукцію категорій»: здѣсь, съ помощью ученія объ этомъ синтезѣ разъясняется господство категорій надъ матеріаломъ знанія, даннымъ въ пространственно-временныхъ формахъ. Оно послѣдовательно проходитъ черезъ весь трактатъ, въ которомъ излагаются доказательства основоположеній. На синтезѣ аппрегенсіи прямо и непосредственно основывается доказательство основоположенія количества; его столь же прямо и непосредственно предполагаютъ всѣ доказательства аналогій опыта, точно такъ же, какъ и доказательство общаго ихъ принципа. Есть указанія на него даже въ доказательствахъ основоположенія качества, хотя здѣсь онъ и не можетъ играть какой-либо существенной роли.

Кантъ смотритъ на воспріятіе со стороны его содержанія, какъ на явленіе сложное или составное. Его синтезъ аппреген-

си долженъ разъяснять сложный образъ, данный въ наличномъ воспріятіи, собственно со стороны его состава. Кантовы описанія синтеза аппрегенсіи и его значенія для знанія предполагаютъ въ двоякомъ отношеніи смѣну образовъ.

Во-первыхъ, всюду въ «Аналитикѣ» самымъ настоящимъ образомъ Кантъ утверждаетъ, что синтезъ аппрегенсіи самъ есть синтезъ послѣдовательный, что онъ состоитъ въ послѣдовательномъ (часть за частью) усвоеніи элементовъ, которые онъ собираетъ въ единство цѣлаго. «Такъ какъ простое созерцаніе во всѣхъ явленіяхъ,—говоритъ онъ въ доказательствѣ основоположенія количества,—есть или пространство или время, то каждое явленіе въ качествѣ созерцанія есть экстенсивная величина, такъ какъ оно можетъ быть познано только черезъ послѣдовательный синтезъ (отъ одной части къ другой) въ аппрегенсіи». Въ доказательствахъ аналогій опыта также всюду встрѣчается неизбѣжная ссылка на необходимую послѣдовательность въ теченіи аппрегенсіи.

Во-вторыхъ, этотъ синтезъ вполнѣ ясно и рѣшительно ставится какъ неизбѣжное условіе происхожденія воспріятія,—а слѣдовательно, воспріятіе само ставится какъ послѣднее звено преемственного ряда образовъ. Подъ синтезомъ аппрегенсіи,—говоритъ Кантъ, вводя этотъ синтезъ,—«я понимаю составленіе многообразнаго въ эмпирическомъ созерцаніи, *черезъ которое дѣлается возможнымъ* воспріятіе, т.-е. эмпирическое сознаніе его (недалеко отъ начала § 26)». Всѣ явленія,—говоритъ онъ въ доказательствѣ основоположенія количества,—«не иначе могутъ быть аппрегендированы, т.-е. приняты въ эмпирическое сознаніе, какъ черезъ синтезъ многообразнаго, *черезъ который порождается* представленіе опредѣленнаго пространства и времени». Въ доказательствахъ аналогій опыта факты, которые стягиваются этимъ синтезомъ въ единство созерцанія и обусловливаютъ актъ воспріятія, онъ описываетъ прямо въ качествѣ фактовъ, предшествующихъ наличному воспріятію и обусловливающихъ его. При доказательствѣ закона взаимодѣйствія онъ говоритъ: «Такъ, я могу мое воспріятіе сначала направить на мѣсяцъ, а потомъ на землю, или, наоборотъ, сначала на землю, а потомъ на мѣсяцъ, и такъ какъ воспріятіе этихъ предметовъ можетъ слѣдовать другъ за другомъ, то я говорю, что они существуютъ вмѣстѣ». Въ доказательствѣ причинности при извѣстномъ разъясненіи своей мыс-

ли на примѣрѣ плывущаго по теченію корабля постановка объективнаго событія также ясно и рѣшительно объясняется тѣмъ, что «я замѣчаю, что В въ аппрегенсіи можетъ только слѣдовать за А, а А не можетъ слѣдовать за В, но можетъ ему только предшествовать».

Конечно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ описаній, какъ это ясно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ изображеніе череды образовъ невольно у Канта вкрадывались черты, съ какими она представляется съ точки зрѣнія обычнаго эмпирическаго сознанія, гдѣ она превращается въ череду актовъ или состояній сознанія, въ болѣе или менѣе связный эпизодъ изъ жизни эмпирическаго субъекта. Понятно, что такія неточности изложенія были совершенно неизбѣжны. Но должны ли мы въ толкованіи этихъ описаній синтеза аппрегенсіи идти далѣе и вполнѣ послѣдовательно здѣсь провести тотъ взглядъ на смѣну, къ которому должно приводить ученіе о времени въ его крайнихъ примѣненіяхъ?

Въ такомъ случаѣ, весь этотъ послѣдовательный рядъ образовъ долженъ будетъ разсматриваться какъ фактически никогда не существовавшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ признать фактически не существовавшимъ и то отношеніе его къ воспріятію, по которому воспріятіе представляется какъ послѣдній членъ, завершающій этотъ рядъ. Весь рядъ въ его цѣлости долженъ будетъ разсматриваться какъ простое наше представленіе о регрессивномъ (возвратномъ) рядѣ условій налично данаго въ сознаніи воспріятія. А необходимость этого ряда, на которой настаиваетъ Кантъ, должна будетъ толковаться въ томъ смыслѣ, что, при нашемъ стремленіи объяснить себѣ воспріятіе, этотъ рядъ долженъ необходимо, хотя и иллюзорно, представляться сознанію условіемъ его. Давая такое толкованіе Кантову синтезу аппрегенсіи, мы должны прежде всего встрѣтиться съ тѣмъ фактомъ, что на всемъ протяженіи «Аналитики», въ которой этотъ синтезъ играетъ существенную роль, нигдѣ не дѣлается ни одного намека на подобное толкованіе. Это умолчаніе получаетъ особое значеніе въ виду слѣдующаго обстоятельства.

Прошлое непосредственно само, конечно, не можетъ присутствовать въ наличномъ сознаніи: какъ прошлаго, его уже нѣтъ теперь. Оно замѣняется для наличнаго сознанія образомъ вос-

поминанія или воображенія. Кантъ не только вполне ясно понимаетъ это, но и прекрасно выражаетъ эту мысль. Еще въ первомъ изданіи «Критики» онъ ставитъ свой синтезъ аппрегенсіи,—насколько онъ долженъ объяснять составъ наличнаго образа, даннаго въ сознаніи,—въ тѣсную связь съ синтезомъ воспроизводительнаго воображенія. Воспроизводительное воображеніе, по этому взгляду, должно возстановлять и оживлять исчезающіе элементы прошлаго. Такъ получается возможность въ настоящій моментъ соединять прошедшее съ настоящимъ въ единичномъ актѣ. Но этимъ самымъ, конечно, смѣна образовъ, которые проходятъ въ сознаніи и должны составить одно представленіе, по мѣрѣ самаго теченія образовъ должна постепенно превращаться изъ фактическаго теченія образовъ въ простое представленіе смѣны. Если философъ, разъясняющій этотъ процессъ, довелъ себя до яснаго сознанія, что его теорія времени не допускаетъ фактической смѣны образовъ въ сознаніи, то онъ не могъ при своемъ описаніи дѣятельности воспроизводительнаго воображенія не объяснить этого, не могъ не сказать, что онъ ни въ чемъ болѣе не нуждается, кромѣ послѣдняго момента воспроизводительнаго синтеза, и на процессъ образованія этого послѣдняго момента смотритъ какъ на простой регрессивный синтезъ. Кантъ ничего подобнаго не говоритъ. Наоборотъ, во второмъ изданіи «Критики», онъ совсѣмъ не упоминаетъ о дѣятельности воспроизводительнаго воображенія, считая это упоминаніе излишнею психологическою подробностью. Здѣсь остается у него одна аппрегенсіа, которая, конечно, должна представлять собою весь этотъ процессъ. Слѣдовательно, за представителя процесса въ его цѣломъ видѣ онъ беретъ такую его сторону, въ которой на первый планъ и наиболѣе ярко выступаетъ смѣна образовъ, а не представленіе смѣны.

Не случайно, конечно, ссылки на синтезъ аппрегенсіи встрѣчаются въ самыхъ важнѣйшихъ разъясненіяхъ «Аналитики». Понятіе о немъ глубоко входило въ самый строй разсужденій «Аналитики». «Аналитика» имѣетъ своею задачей объяснить знаніе, какъ простой результатъ синтеза мысли. Для философа, который отчетливо сознавалъ бы невозможность смотрѣть на смѣну образовъ, предшествующую воспріятію, какъ на условіе образа, даннаго въ воспріятіи, задача его изслѣдованія должна была бы сводиться къ тому, чтобы разъяснить и рельефно по-

ставить на видъ, что одна чистая мысль *) составляетъ непосредственное условіе синтеза, даннаго въ воспріятіи. Но какъ скоро философъ видитъ въ предшествующей смѣнѣ еще особое условіе воспріятія, сверхъ чистой мысли, тогда *непосредственное* участіе чистой мысли въ порожденіи наличнаго воспріятія въ его глазахъ должно ограничиться простымъ подведеніемъ аппрегендированной смѣны подъ чистыя понятія. Для объясненія знанія *столна* активностію мысли, онъ долженъ въ такомъ случаѣ, сверхъ того, какимъ-либо особымъ косвеннымъ путемъ возвести второе условіе воспріятія — смѣну образовъ, опредѣляющую составъ воспріятія, — къ тому же дѣятелю. Ясно, такимъ образомъ, что для такого философа одна задача распадается на двѣ: 1) доказать недостаточность для порожденія воспріятія одной предшествующей смѣны образовъ безъ непосредственнаго участія чистыхъ понятій и, такимъ образомъ, ввести чистую мысль въ процессъ, порождающій воспріятія, какъ одно изъ условій его, и 2) объяснить зависимость второго условія, самой смѣны, отъ чистой мысли. Кантъ ясно и рѣшительно идетъ этимъ именно путемъ. Эти двѣ задачи и разрѣшаются — одна въ доказательствахъ основоположеній, другая въ «Дедукціи».

При доказательствахъ основоположеній Кантъ предполагаетъ послѣдовательное теченіе образовъ, и притомъ теченіе наиболѣе благоприятное для воспріятія того отношенія въ бытіи, къ которому относится доказываемое основоположеніе; на примѣръ, при отношеніи одновременности предполагается череда воспріятій, при которой А и В постоянно смѣняются другъ друга и т. п. Это теченіе образовъ принимается въ качествѣ уже даннаго продуктивной силой воображенія, синтезъ которой, по Канту, служить условіемъ аппрегенсіи. Самыя доказательства имѣютъ своей ближайшею задачей разяснить, что одного этого теченія представленій въ сознаниіи еще недостаточно для установки того синтеза, который представляетъ воспріятіе. Отсюда выводится необходимость допустить, кромѣ этого теченія представленій, особыя синтетическія понятія, которыми сознаніе руководится при воспріятіи. Кантъ ставитъ съ этою цѣлю на видъ вообще слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, порядокъ теченія образовъ

---

*) При этой «чистой» мысли подразумѣвается, конечно, и продуктивное воображеніе.

въ сознаниі еще не есть сознание порядка въ теченіи ихъ,—для послѣдняго требуется понятіе, объединяющее образы въ сознаниі *). Во-вторыхъ, порядокъ теченія образовъ въ сознаниі, несмотря на всю возможную его опредѣленность, оставляетъ непонятнымъ превращеніе отношенія между простыми образами въ отношеніе между объектами **). Онъ не объясняетъ, въ-третьихъ, превращеніе синтеза аппрегенсіи, который всюду послѣдователенъ, въ другія отношенія во времени ***). Въ *Los. Blätt. aus Kants Nachl.*, 44 ясно ставится на видъ даже процессъ обсуждения, какъ условіе установки объективныхъ отношеній изъ простаго аппрегендируемаго теченія представленій. «Только то, что способно въ душѣ къ устойчивымъ основоположеніямъ,—говоритъ здѣсь Кантъ,—мы называемъ объектомъ. Слѣдовательно, объективному сужденію должно предшествовать обсужденіе. Потому что все другое, что не принимаетъ такихъ основаній, для насъ есть ничто и не можетъ быть воспринято. Ибо воспріятіе требуетъ еще сопряженія по общимъ законамъ». При всѣхъ этихъ разъясненіяхъ, очевидно, предполагается, что при воспріятіи объективныхъ отношеній эмпирическое сознание опредѣляется предшествующимъ наблюденіемъ. Особенно ясно выступаетъ эта мысль, на примѣръ, въ доказательствѣ закона причинности. Не менѣе ясно выступаетъ она, когда (§ 18) Кантъ говоритъ объ опредѣленіи эмпирическаго сознания ранѣе образовавшимися ассоціаціями.

Конечно, можно дѣлать попытки иначе растолковать ту обусловленность воспріятія чередой образовъ, которую предполагаютъ доказательства основоположеній. Можно толковать ее въ смыслѣ не дѣйствительной, а только мнимой обусловленности, которая представляется только сознанию при его регрессивномъ синтезѣ условій воспріятія. Но самъ Кантъ при разъясненіи своихъ доказательствъ совершенно никакихъ поводовъ къ тому не даетъ. И провести вполнѣ послѣдовательно такое толкованіе при точномъ анализѣ доказательствъ мнѣ представляется совершенно

*) Наболѣе ясно эта мысль выступаетъ, если сличить синтезъ рекогниціи въ первомъ изданіи «Критики» съ доказательствомъ основоположенія количества.

**) См. преимущественно доказательства закона причинности и общаго принципа аналогій опыта.

***) См. доказательства закона взаимодѣйствія и субстанціальности.

невозможнымъ. Не только къ такому толкованію не подойдетъ много частныхъ Кантовыхъ мыслей, но самыя доказательства основоположеній потеряютъ свой смыслъ. Если аппрегенсія, въ которой сознается синтезъ продуктивной силы воображенія, есть только иллюзорное, хотя бы и неизбѣжное, представленіе, то и выводъ, который дѣлается подъ предположеніемъ такой иллюзіи, самъ долженъ представлять такую же неизбѣжную иллюзію. Имъ будетъ устанавливаться не дѣйствительный законъ мысли, порождающей воспріятіе, а лишь законъ кажущійся, который представляется закономъ только при иллюзорномъ толкованіи условій воспріятія.

Г. проф. Введенскій, излагая въ своей статьѣ (стр. 654) Кантово доказательство закона причинности, испытываетъ эти неудобства до такой степени, что вся первая половина доказательствъ въ его изложеніи оказывается не содержащей въ себѣ ни одной мысли Кантовой.

Исходнымъ пунктомъ доказательства закона причинности у Канта служитъ мысль, что послѣдовательный порядокъ смѣны опредѣляется синтезомъ (продуктивнаго) воображенія, который возбуждаетъ внутреннее чувство. Эта мысль есть только другое выраженіе для синтеза аппрегенсіи. У г. проф. Введенскаго вмѣсто этой мысли явилась слѣдующая: «для нашего ума неизбѣжно представлять все во времени, т.-е. въ видѣ смѣны событій». Отожествленіе времени и смѣны и здѣсь сослужило г. проф. Введенскому плохую услугу. У него выходитъ, какъ будто бы нашъ умъ можетъ представлять только смѣну. Но Кантъ знаетъ и другіе моді времени: продолженіе и одновременность. Онъ учитъ только, что аппрегенсія, *сознаваніе* многообразнаго при воспріятіи, можетъ происходить лишь въ формѣ смѣны.

Такъ какъ у Канта порядокъ событій предполагается опредѣленнымъ аппрегенсіей, то причинность вводится у него для объясненія не порядка смѣны, а объективности ея. «Я сознаю себѣ только (т.-е. въ синтезѣ аппрегенсіи),—говоритъ онъ,—что мое воображеніе одно ставитъ прежде, другое послѣ, а не то, что въ объектѣ одно состояніе предшествуетъ другому,—другими словами, черезъ простое воспріятіе остается неопредѣленнымъ объективное отношеніе явленій, слѣдующихъ другъ за другомъ». У г. проф. Введенскаго дѣло опять получаетъ совсѣмъ другой видъ. По его изложенію, вопросъ состоитъ въ томъ, почему «мы

сознаемъ не просто беспорядочную смѣну, а опредѣленный порядокъ событій: напримѣръ, мы сознаемъ не только то, что среда и вторникъ смѣняются какъ попало, а еще то, что среда (т.-е. всѣ ея событія) *были послѣ* вторника (т.-е. всѣхъ его событій), а не раньше». Для г. проф. Введенскаго причинность должна устанавливать не объективность событій и, конечно, ихъ порядка, а непосредственно самый порядокъ—въ противоположность сознанию «какъ попало», хотя далѣе (655) онъ говоритъ, что категоріальный синтезъ, взятый всецѣло, придаетъ объективность представленіямъ. У самого Канта въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ его доказательства закона причинности г. проф. Введенскій могъ бы найти слѣдующую мысль, какъ будто намѣренно направленную противъ его толкованія: «мы имѣемъ въ себѣ представленія, которыя можемъ даже и сознать. Но пусть это *сознаніе будетъ сколько угодно распространеннымъ, точнымъ и детальнымъ* (genau und pünctlich), все же они остаются только представленіями, т.-е. внутренними опредѣленіями нашей души въ томъ или другомъ отношеніи во времени. Но какъ мы приходимъ къ тому, чтобы ставить для этихъ представлений объектъ?»

Кантъ доказываетъ невозможность опредѣлить черезъ синтезъ аппрегенсіи время воспринятыхъ явленій тѣмъ, что самое время не воспринимается. Мысль совершенно понятная. По Канту непосредственнымъ критеріемъ дѣйствительности служить ощущение, а пространство и время не могутъ возбуждать ощущений, поэтому дѣйствительность временныхъ отношеній можетъ быть опредѣлена только съ помощью чистыхъ понятій (Kants kl. Schr. Z. L. и M., ed. v. Kirch., Abth. 4, S. 116, 117). Г. проф. Введенскій вмѣсто Кантовой ссылки на невосприемлемость времени говоритъ: «нѣтъ не только самага времени, но даже и представленія времени самага въ себѣ, т.-е. пустого времени, которое было бы раздѣлено какими-либо перегородками на нумерованныя отдѣленія—такъ, чтобы мы могли познавать порядокъ событій, сообразуясь съ нумерами тѣхъ отдѣленій, въ которыя помѣщены событія». Къ чему тутъ фраза, что времени нѣтъ? Есть ли оно гдѣ-нибудь, или нѣтъ, это въ данномъ случаѣ къ дѣлу не относится. И къ чему опять представленіе о пустомъ времени, подѣленномъ на перегородки? Если время только представляется, а не воспринимается, то ни оно само, ни всѣ перегородки не помо-

гутъ, потому что все же для сознанія останется вопросомъ, въ ту ли именно перегородку попалъ предметъ, гдѣ ему быть надлежитъ.

Если передавать Канта, какъ передаетъ здѣсь г. проф. Введенскій, т.-е. не обращая вниманія на то, что говоритъ самъ Кантъ, то, конечно, можно найти у него, что угодно, и не найти того, что дѣйствительно имъ говорилось.

Какъ при доказательствахъ основоположеній предполагается, что аппрегенсія на-ряду съ чистыми понятіями опредѣляетъ эмпирическое сознаніе при воспріятіи, такъ «Дедукція» направлена къ разъясненію зависимости самой аппрегенсіи отъ трансцендентальной апперцепціи. Она заканчивается этимъ разъясненіемъ и такимъ образомъ ставитъ аппрегенсію въ подчиненное отношеніе къ чистой мысли, лежащей въ основаніи всего эмпирическаго сознанія. «Слѣдовательно,—такъ заключаетъ Кантъ свои разъясненія по этому предмету (§ 26),—весь синтезъ (аппрегенсіи), черезъ который дѣлается возможнымъ само воспріятіе, стоитъ подъ категоріями, и такъ какъ опытъ есть познаніе чрезъ совокупленные воспріятія, то категоріи суть условія возможности опыта и имѣютъ значеніе а priori въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ опыта». Самой высшей посылкой въ «Дедукціи» служитъ мысль о трансцендентальномъ единствѣ сознанія. Это единство сознанія, какъ мы уже видѣли, должно было объединять разсѣянные образы эмпирическаго сознанія, т.-е. господствовать надъ смѣной образовъ. Если подчиненность аппрегенсіи требованіямъ чистой мысли въ концѣ концовъ должна была выводиться изъ господства апперцепціи надъ смѣной образовъ эмпирическаго сознанія, то понятно, что подъ аппрегенсіей понималась дѣйствительная смѣна, которая подчинялась господству апперцепціи. Во второмъ изданіи «Критики» Кантъ выводитъ единство *всей* аппрегенсіи изъ законовъ чистой апперцепціи, вводя посредствующую мысль объ единичности представленій пространства и времени. Этимъ представленіямъ должна соотвѣтствовать вся аппрегенсія, а сами эти представленія, въ качествѣ единичныхъ представленій, обнимающихъ всю жизнь сознанія, должны стоять подъ чистой

*) Слич. § 26 съ началомъ § 17 и подстрочнымъ примѣчаніемъ къ нему, которое само указываетъ на § 25, но, очевидно, ошибочно: вмѣсто § 26,—ошибка, которая удивительнымъ образомъ не обратила вниманія, если не ошибаюсь, ни одного изъ новѣйшихъ издателей «Критики».

апперцепціей *). Первое изданіе этою посредствующею мыслию не пользовалось, а потому сопоставленіе между апперцепціей, господствующей именно надъ разсѣяннымъ эмпирическимъ сознаниемъ, и аппрегенсіей здѣсь выражалось еще прямѣе и непосредственнѣе. Здѣсь Кантъ писалъ *): «Первое, что дано намъ, есть явленіе, которое, если оно связано съ сознаниемъ, называется воспріятіемъ... Но такъ какъ каждое явленіе содержитъ многообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ различныя воспріятія встрѣчаются въ душѣ въ разбродъ и порознь (*zerstreut und einzeln*), то необходима ихъ связь, которой они не могутъ имѣть въ самомъ чувствѣ. Есть, слѣдовательно, у насъ дѣятельная способность синтеза того многообразнаго, которую мы называемъ силой воображенія и дѣятельность которой, направленную на воспріятія, я называю аппрегенсіей». Затѣмъ, указавъ на законъ трансцендентальной апперцепціи, какъ на послѣднее основаніе ассоціаціи представленій, онъ говоритъ: «по этому закону явленія должны такъ приходиться въ душу или аппрегендироваться, чтобъ они согласовались съ единствомъ апперцепціи».

Итакъ, Кантову «Аналитику» можно разъяснить только, если предполагаютъ въ ея авторѣ вѣру въ смѣну образовъ въ представленіи.

Въ іюлѣ 1792 года Сигизмундъ Бэкъ послалъ Канту въ рукописи свое извлеченіе изъ «Критики чистаго разума», предназначавшееся для печати, и настоятельно просилъ прочесть въ этомъ извлеченіи изложеніе «Дедукціи» и основоположеній. Канту вслѣдствіе совершенно случайнаго обстоятельства не удалось исполнить просьбу Бэка; но онъ хочетъ разъяснить ему сущность своего собственнаго взгляда на этотъ предметъ. «По моему сужденію, — говоритъ Кантъ въ письмѣ къ Бэку отъ 16 октября 1792 года, — все дѣло заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ въ эмпирическомъ понятіи о *составномъ* составленіе не можетъ быть дано въ созерцаніи и именно представлено въ одномъ сознаниі... при помощи простаго созерцанія и его аппрегенсіи, а только при помощи самодѣятельнаго соединенія многообразнаго, то это соединеніе и функція его должны стоять въ душѣ подъ правилами а priori, составляющими чистую мысль объ объектѣ вообще (чистое разсудочное понятіе), подъ которой

*) Приблизительно въ половинѣ третьяго отдѣла «Дедукціи».

должна стоять аппрегенсія многообразнаго, насколько многообразное составляет *одно* созерцаніе, а также и условіе всякаго возможнаго, опытнаго познанія составнаго,.. т.-е. насколько въ немъ есть синтезъ *), который высказывается въ тѣхъ основоположеніяхъ. По обычному понятію, представленіе составнаго, какъ составнаго, является въ качествѣ даннаго вмѣстѣ съ представленіями многообразнаго, которое аппрегендируется, и оно такимъ образомъ не относится сполна къ самодѣятельности, какъ это, однако, должно быть».

Эти слова Канта, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, изъ нихъ видно, что самъ Кантъ сущность своей «Аналитики» сводитъ къ разъясненію недостаточности простой аппрегенсіи для воспріятія и къ разъясненію зависимости самой аппрегенсіи, какъ условія знанія, отъ правилъ а рiогі. Слѣдовательно, онъ смотритъ на ученіе объ аппрегенсіи, какъ на такой пунктъ, около котораго вращаются существенныя ученія его «Аналитики». Мы видѣли, что на дѣлѣ такъ это и есть, хотя это, къ сожалѣнію, далеко недостаточно понимается многими излагателями Канта. Во-вторыхъ, приведенныя слова Канта интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ Кантъ противопоставляетъ своему мнѣнію о значеніи аппрегенсіи обычное мнѣніе о томъ же. Само собою понятно, что обычное мнѣніе могло разумѣть подъ аппрегендированіемъ только процессъ, представляющій дѣйствительную смѣну образовъ въ сознаніи. Предположимъ же теперъ, что самъ Кантъ смотритъ на дѣло иначе. Предположимъ, что терминъ аппрегенсіи онъ вполнѣ сознательно употребляетъ только въ смыслѣ простаго представленія о смѣнѣ образовъ, въ смыслѣ не дѣйствительнаго, а только нами представляемаго условія воспріятія. Тогда, я полагаю, онъ не могъ бы говорить объ отличіи своего взгляда на значеніе аппрегенсіи отъ обычнаго взгляда на это значеніе такъ, какъ будто бы дѣло идетъ единственно только о различіи значенія, какое придается одному и тому же предмету. А онъ говоритъ здѣсь именно такъ и ни однимъ словомъ не указываетъ на различіе того смысла, который соединяется съ терминомъ «аппрегенсія» — у него и по обычному мнѣнію.

7. Кантъ въ «Аналитикѣ» смѣну образовъ принимаетъ. Въ «Эсте-

*) Слова «т.-е. въ немъ есть синтезъ» въ рукописи вставлены на полѣ.

тикѣ» теорія времени ясно и рѣшительно отрицала смѣну. Можно спросить: какъ возможно было такое яркое противорѣчіе въ мысли философа? Противорѣчія въ этой яркой постановкѣ, въ какой оно теперь рисуется нами, по моему мнѣнію, совсѣмъ не было въ мысли Канта.

Вещи въ себѣ, т.-е. какъ дѣйствительность, независимая отъ насъ, такъ и наша душа со всѣми ея принадлежностями, не подлежатъ ни времени, ни смѣнѣ уже просто потому, что время, чѣмъ бы оно ни было, есть просто форма нашего сознанія, а смѣна возможна только во времени. Явленія, наоборотъ, неизбѣжно подлежатъ времени прямо уже потому, что даны въ нашемъ созерцаніи, форма котораго есть время. Время открываетъ для нихъ возможность и смѣны. Но время, въ которомъ все созерцается, есть время только представляемое; слѣдовательно, смѣна, которой подлежатъ явленія, есть смѣна только въ представляемомъ времени. Все это ясно выражено въ «Эстетикѣ». Но затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшій вопросъ: какова можетъ быть смѣна явленій, данная въ представляемомъ времени? Должна ли она быть простымъ образомъ смѣны образовъ, даннымъ въ представленіи, или она можетъ быть также и дѣйствительной чередой простыхъ образовъ въ представленіи, возникновеніемъ ихъ въ сознаніи и ихъ исчезновеніемъ изъ него? По моему мнѣнію, какъ разъяснено было мною выше, смѣна образовъ въ представленіи, несомнѣнно, должна предполагать дѣйствительное время, какъ скоро признано, что дѣйствительная смѣна нуждается въ дѣйствительномъ времени. Но такъ ли дѣйствительно думалъ Кантъ? Высказалъ ли онъ это въ «Эстетикѣ»?

Противники его взгляда поставили ему возраженіе, которое онъ самъ формулируетъ такъ: смѣна въ представленіи есть, слѣдовательно и время есть *). Въ отвѣтъ на это возраженіе ему предстояло опредѣленно высказаться, какъ именно смотритъ онъ на эту смѣну образовъ въ сознаніи,—дѣйствительно ли онъ признаетъ смѣну образовъ въ представленіи, или признаетъ только существованіе простаго образа смѣны. И онъ рѣшительно говорить, что онъ признаетъ аргументъ сполна, т.-е.

*) Сказать кстати: при передачѣ въ моей предшествующей статьѣ (стр. 252) Кантова изложенія этого возраженія (вѣроятно, вслѣдствіе моего недосмотра въ корректурѣ) ошибочно напечатано «явленіе существуетъ» вмѣсто «измѣненія существуютъ».

считаетъ смѣну образовъ, на которой настаивали противники, за безспорный фактъ и признаетъ законность вывода изъ этого факта. Правда, давая свое согласіе на аргументъ, онъ могъ разумѣть подъ смѣной не то, что разумѣли они. Соглашаясь признать смѣну, онъ могъ имѣть въ виду ту частицу истины, которая заключалась въ ихъ словахъ, т.-е. онъ могъ подразумѣвать, что подъ смѣной представленій, о которой они говорили, они совершенно ошибочно разумѣли дѣйствительную смѣну образовъ, такъ какъ только образъ смѣны единственно можетъ существовать въ сознаниіи и его только они могли имѣть въ виду. Само собою понятно, что въ такомъ случаѣ ему было необходимо,—если онъ не хотѣлъ намѣренно вводить ихъ въ недоразумѣніе и, съ другой стороны, если самъ онъ ясно и вполнѣ сознательно понималъ, что его теорія не мирится съ принятіемъ дѣйствительной смѣны образовъ,—тотчасъ же разъяснить, что, принимая смѣну, онъ принимаетъ не мнимый фактъ, будто образы смѣняются одинъ другой въ нашемъ представленіи, а только дѣйствительный фактъ сознанія—одно простое представленіе смѣны образовъ. Повидимому, онъ именно такъ и поступилъ.

Собственно, онъ считаетъ нужнымъ въ самомъ своемъ объясненіи точнѣе разъяснить только время, которое нужно для признанной имъ смѣны, и настаиваетъ только на томъ, что это время есть лишь форма представленія. И если при этомъ разъясненіи ему приходится послѣ словъ: «мы имѣемъ представленіе о времени»—прибавить фразу: «и о нашихъ опредѣленіяхъ въ немъ», то этимъ еще дѣло нисколько не разъясняется. Изъ этой прибавки слѣдуетъ, что представленія онъ считаетъ нашими опредѣленіями въ *представляемомъ* времени. Но нашъ вопросъ состоитъ собственно въ томъ: признавалъ ли онъ эти опредѣленія наши въ представляемомъ времени смѣнными, или дѣйствительно все дѣло ограничивалось въ его глазахъ простымъ образомъ смѣны? На этотъ вопросъ прибавка, очевидно, не даетъ отвѣта. Однако, къ концу своего объясненія онъ дѣлаетъ примѣчаніе, которое, повидимому, должно было разъяснять противникамъ смыслъ его согласія съ ними и само было достаточно ясно и опредѣленно. Онъ говоритъ въ этомъ примѣчаніи: «Я, правда, могу сказать: мои представленія слѣдуютъ другъ за другомъ; но это значитъ только, что мы сознаемъ ихъ какъ бы въ порядкѣ времени, т.-е. по формѣ внутренняго чувства. Поэтому время не

есть нѣчто само въ себѣ и не есть опредѣленіе, объективно принадлежащее вещамъ». Здѣсь прямо выраженіе «представленія слѣдуютъ другъ за другомъ» признается выраженіемъ, не отвѣчающимъ существу дѣла. Отсюда, повидимому, совершенно ясно, что Кантомъ признается не смѣна образовъ, а простое представленіе о ней. Однако, всмотримся въ дѣло внимательнѣе.

Явленія, по Канту, имѣютъ двѣ стороны. Сами въ себѣ они чистые образы. Но эти образы служатъ явленіемъ вещей. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ возможнымъ говорить, что намъ даны вещи, только не такъ, какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ, а какъ онѣ должны представляться нами подъ условіемъ нашей созерцательной способности. Это ведетъ Канта часто къ сбивчивой терминологіи. Вещи оказываются и въ явленіяхъ, и въ то же время совершенно особыми отъ нихъ. Даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о тѣхъ вещахъ, которыя, по Канту, служатъ условіями нашихъ внѣшнихъ воспріятій, происходящая отсюда сбивчивость терминологіи, какъ это хорошо извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень затрудняетъ пониманіе Кантовой мысли. Но несравненно важнѣе это тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіяхъ самой души и особенно объ ея представленіяхъ. Здѣсь, несомнѣнно, по особенностямъ этихъ случаевъ, запутанность въ терминологіи можетъ легко вести къ запутанности въ пониманіи самыхъ мыслей Канта.

Сама представляющая дѣятельность съ ея функціями необходимо, конечно, должна была признаваться Кантомъ за дѣйствительное опредѣленіе души, какъ вещи въ себѣ самой. Если бы не существовало въ дѣйствительности представленія или представленій, какъ опредѣлений души, то, конечно, не было бы явленій, не существовало бы ничего представляемого или принимаемого за дѣйствительность. Въ самой же трансцендентальной «Эстетикѣ» (§ 8, II) Кантъ называетъ «ставленіе представленія» собственно дѣятельностью души, черезъ которую она аффицируетъ сама себя. Эта функція души самой въ себѣ, подобно всѣмъ другимъ метафизическимъ опредѣленіямъ души, конечно, должна существовать сама внѣ времени, а слѣдовательно внѣ смѣны, но подобно другимъ опредѣленіямъ, она можетъ восприниматься нами, конечно, только подъ формой времени. Такъ, сознание представленія должно оказаться собственно образомъ дѣйствительнаго представленія, какъ опредѣленія души, а сознание череды пред-

ставленій будетъ тогда образомъ неизвѣстной намъ формы существованія этихъ дѣйствительныхъ представленій. Согласно Кантовой терминологіи, мы можемъ сказать о сознанныхъ представленіяхъ и теченіи ихъ, т.-е. объ образахъ дѣйствительныхъ представленій и ихъ неизвѣстныхъ отношеній, что въ нихъ намъ даны эти дѣйствительные акты представляющей дѣятельности, дѣйствительныя проявленія или опредѣленія души, но даны не такъ, какъ существуютъ они на дѣлѣ, а такъ, какъ они нами могутъ созерцаться сообразно особенностямъ нашей способности внутренняго созерцанія. Примемъ во вниманіе при этомъ, что у Канта для обозначенія какъ внѣшняго бытія, такъ и образовъ представленій, такъ, наконецъ, и для обозначенія самихъ представляющихъ актовъ служить одинъ и тотъ же терминъ «представленіе». Въ результатѣ, конечно, должна получиться такая сбивчивая терминологія, которая неизбежно должна была вести къ сбивчивости самой мысли и во всякомъ случаѣ не давала возможности сознавать сбивчивость мысли тамъ, гдѣ она была.

Послѣ этихъ разъясненій обратимся къ занимающему насъ вопросу. Противники Канта указывали на фактъ смѣны представленій. Канту нужно было точно опредѣлить свое отношеніе къ вопросу объ этой смѣнѣ. Съ точки зрѣнія его теоріи, здѣсь для него должны были существовать два вопроса: 1) есть ли смѣна въ представляющихъ актахъ, какъ неизвѣстныхъ намъ опредѣленіяхъ души? 2) есть ли она въ нашихъ образахъ этихъ актовъ? Послѣдовательно съ точки зрѣнія его ученія о времени, эти оба вопроса должны были получить отрицательные отвѣты, но отвѣты различные. Представленія, какъ опредѣленія души, безусловно никакой смѣнѣ не подлежатъ. Сознанныя представленія, какъ образы тѣхъ опредѣленій, не подлежатъ только дѣйствительной смѣнѣ, но они подлежатъ смѣнѣ кажущейся; они не смѣняются, но мы имѣемъ образъ ихъ смѣны. Поэтому о нихъ можно сказать, что они текутъ, въ томъ смыслѣ, что кажутся сознанію смѣняющимися. Но совершенно тотъ же отвѣтъ онъ могъ бы дать, при своей неточной терминологіи, и относительно представленій, какъ опредѣленій души. Объ этихъ опредѣленіяхъ можно было, по его терминологіи, сказать, что они даны для сознанія въ сознанныхъ представленіяхъ, но только даны въ несоотвѣтствующей формѣ, и, наоборотъ, въ томъ же смыслѣ—о сознанныхъ представленіяхъ можно было сказать, что они—явленія

или простая видимость послѣднихъ. Поэтому о представленіяхъ, какъ опредѣленіяхъ души, можно было сказать, что они, правда, на дѣлѣ не измѣняются, но кажутся измѣняющимися, т.-е. можно было имъ самимъ приписать ту кажущуюся смѣну, которая должна принадлежать въ собственномъ смыслѣ только образамъ.

Противники Канта говорили о смѣнѣ, непосредственно данной въ сознаніи, т.-е., съ точки зрѣнія Канта, они говорили о смѣнѣ простыхъ образовъ дѣйствительныхъ актовъ души. Если теперь, соглашаясь съ ними, что смѣна образовъ существуетъ, Кантъ понималъ это согласіе въ смыслѣ согласія на смѣну только кажущуюся, то онъ, если не хотѣлъ вводить въ заблужденіе своихъ противниковъ, долженъ былъ объ этихъ образахъ прямо и опредѣленно сказать, что они дѣйствительной смѣны не имѣютъ. Если же вмѣсто этого онъ сталъ бы разъяснять, что тѣ опредѣленія души, для которыхъ они служатъ образами, не могутъ имѣть дѣйствительной смѣны, то это значило бы, что признанный имъ фактъ смѣны образовъ онъ толкуетъ согласно съ своими противниками.

Въ примѣчаніи къ объясненію Кантъ именно это и дѣлаетъ. Онъ отдаляетъ смѣну отъ представленій, понимаемыхъ не въ смыслѣ простыхъ образовъ, а въ смыслѣ созерцательныхъ актовъ; только выражаетъ онъ свою мысль запутанно, называя эти акты нашими представленіями, но разумѣя подъ ними не образы, а дѣйствительныя представленія души, о которыхъ можно сказать, что они даны въ сознанныхъ нами представленіяхъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ основаній понимать мысль Канта иначе. Онъ говоритъ: «можно сказать, что представленія слѣдуютъ другъ за другомъ, но это значитъ только, что мы сознаемъ ихъ какъ бы во времени». Представленія здѣсь различаются отъ сознанія ихъ. Сознаніе устремлено, по Канту, на душу и ея опредѣленія; оно возбуждается творческою силой воображенія, ставящей и связующей представленія. Это даетъ право думать, что подъ представленіями разумѣются здѣсь дѣйствительныя опредѣленія души. То же еще яснѣе изъ послѣдней половины приведеннаго замѣчанія. Въ ней Кантъ говоритъ о непримѣнимости времени къ вещамъ и ставитъ эту мысль, какъ выводъ изъ предшествующей мысли, что представленія не сами по себѣ существуютъ во времени, а кажутся только для сознанія существующими во времени. Такой выводъ отъ представленія къ вещамъ

понятенъ лишь, если подъ представленіями разумѣются дѣйствительныя опредѣленія души, какъ вещи самой въ себѣ. Кантъ хочетъ сказать, что было бы ошибочно думать, что тѣ опредѣленія души, которыя мы сознаемъ въ видѣ чередующихся представленій, на дѣлѣ существуютъ не въ такой формѣ, въ какой они сознаются; а поэтому, когда говорятъ объ этихъ дѣйствительныхъ опредѣленіяхъ или неизвѣстныхъ намъ актахъ представляющей дѣятельности нашей души, что они слѣдуютъ другъ за другомъ, то это на дѣлѣ можетъ означать не то, что они сами существуютъ во времени, а только то, что они ставятся въ нашемъ сознаніи такъ, какъ бы они существовали во времени. Само собою понятно; что отсюда ровно ничего не слѣдуетъ относительно самыхъ образовъ, въ которыхъ являются передъ сознаніемъ представленія, понимаемая въ смыслѣ дѣйствительныхъ опредѣленій души, но которые сами никакъ не тождественны съ этими представленіями.

Такимъ образомъ, и въ «Эстетикѣ» нѣтъ отрицанія дѣйствительной смѣны образовъ. Наоборотъ, здѣсь Кантъ ясно выражаетъ согласіе признать смѣну образовъ и ограничиваетъ это согласіе такъ, что прозрачность смѣны оказывается относящеюся лишь къ дѣйствительнымъ созерцательнымъ актамъ души. Поэтому естественно возникаетъ мысль, что смѣна образовъ имъ признается. Изъ высказаннаго, мнѣ кажется, достаточно ясно, въ чемъ заключается ошибка Канта.

По моему мнѣнію, вся сущность дѣла состоитъ въ томъ, что для смѣны образовъ въ представленіи онъ считаетъ нужнымъ представляемое, а не дѣйствительное время, а поэтому смѣны образовъ вовсе не отрицаетъ. Онъ призналъ время и пространство совсѣмъ не относящимися *къ вещамъ въ себѣ*, т. е. къ внѣшней для души дѣйствительности, и къ самой душѣ, къ ея дѣйствительнымъ опредѣленіямъ. И онъ думалъ, что этимъ исключается всякая дальнѣйшая нужда въ ихъ дѣйствительномъ существованіи. Для сферы простого представленія, для чистыхъ образовъ, которые только непосредственное сознаніе принимаетъ за дѣйствительность, ему кажутся нужными и время и пространство, только представляемая. Аналогія, въ которой время поставлено было у него съ пространствомъ, подкрѣпляла эту мысль. Если расположеніе внѣшнихъ вещей другъ подлѣ друга, ихъ различныя протяженности требовали только представ-

ляемаго пространства, которое на дѣлѣ есть чистое ничто и которое можно при всей его безконечности помѣстить въ орѣховую скорлупу, то почему же смѣна простыхъ образовъ представленій, которой не соотвѣтствуетъ ровно никакая смѣна въ мірѣ дѣйствительнаго бытія, не могла бы довольствоваться простымъ представленіемъ времени, которое на дѣлѣ также есть чистое ничто и которое также можно вмѣстить въ нѣсколько мгновеній? Акты воспоминанія, которые Кантъ, повидимому, отождествлялъ съ сознаниемъ и которые всегда имѣютъ дѣло только съ простымъ образомъ смѣны, а слѣдовательно, нуждаются только въ представляемомъ времени, также естественно поддерживали въ немъ убѣжденіе, что смѣна образовъ въ сознаниіи нуждается только въ представляемомъ времени.

Само собою понятно, что подобная мысль и сама, очевидно, была ошибочна и могла вести только къ запутанности и сбивчивости въ общей теоріи. Слѣдить за всѣми ея результатами для Кантовой системы здѣсь нѣтъ никакой нужды. Намъ болѣе можетъ интересоваться другой вопросъ. Пусть самъ Кантъ, въ противорѣчіе съ его теоріей времени, признаетъ дѣйствительную смѣну образовъ въ представленіи. Но отчего намъ самимъ его теорію не провести послѣдовательно, не освободить отъ противорѣчій, которыя наслоились въ ней? Мы видѣли, что предположеніе смѣны образовъ въ сознаниіи очень глубоко проникаетъ въ теорію Канта и поэтому его нельзя изгнать изъ нея, радикально не измѣнивъ самой теоріи. Въ передѣлкѣ она никакъ не будетъ уже теоріей дѣйствительнаго Канта, а теоріей лишь Канта воображаемаго. Но не будетъ ли этотъ воображаемый Кантъ Кантомъ идеальнымъ? Я этого не думаю. Мнѣ кажется, этотъ Кантъ будетъ Кантомъ, сведеннымъ къ очевидному абсурду.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро вопросъ о смѣнѣ мы ясно ставимъ, какъ вопросъ о смѣнѣ образовъ, то онъ можетъ получить опредѣленный смыслъ только въ слѣдующей постановкѣ: могли ли налично даннымъ комбинаціямъ образовъ въ представленіи предшествовать другія комбинаціи, уже исчезнувшія изъ представленія?—Пусть мы на основаніи Кантовой теоріи времени рѣшаемъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и говоримъ: ничего не могло предшествовать наличной данной комбинаціи образовъ. Однако, при такой постановкѣ дѣла мы, очевидно, должны въ этой наличной комбинаціи образовъ представлять себѣ

твердый пунктъ, который единственно недоступенъ никакому сомнѣнію. Но это могло бы быть такъ, какъ скоро идетъ рѣчь о какой-нибудь другой, а не о Кантовой точкѣ зрѣнія. Въ Кантовой философіи самое наше отрицаніе прошлаго и смѣны можетъ быть только выводомъ изъ положенія, которое разрушаетъ этотъ твердый пунктъ. Оно должно быть выведено изъ несуществованія дѣйствительнаго времени. Но если изъ этого положенія слѣдуетъ дѣйствительно, что ни одинъ образъ, относимый нашимъ воспоминаніемъ къ прошлому, въ дѣйствительности не представлялся, т.-е. не существовалъ прежде въ представленіи, то изъ него же съ тою же послѣдовательностью будетъ слѣдовать, что ни одинъ образъ, поставленный въ качествѣ настоящаго или наличнаго, не существуетъ въ представленіи или вовсе не представляется теперь нами. Вѣдь настоящее есть такой же модуль времени, какъ прошлое и будущее.

Напрасно мы попытались бы убѣжать отъ этого крайняго скептического вывода, ссылаясь на то основаніе, что, принимая наличное, мы имѣемъ въ виду недѣлимый, не имѣющій никакой продолжительности моментъ, который въ силу этого уже не можетъ назваться временемъ, такъ какъ время всегда мыслится какъ величина экстенсивная. Такимъ соображеніемъ мы не избѣгнемъ сдѣланнаго вывода по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что моментъ, правда, не есть время по ученію Канта, точно такъ же, какъ пунктъ не есть пространство. Но моментъ, по его ученію, будетъ простой границей частей времени, точно такъ же, какъ пунктъ есть простая граница линіи. Слѣдовательно, моментъ времени не имѣетъ никакой реальности, независимой отъ времени, и въ случаѣ отрицанія бытія времени онъ точно такъ же и самъ исчезнетъ изъ бытія вмѣстѣ съ временемъ, какъ пунктъ исчезнетъ вмѣстѣ съ пространствомъ. Во-вторыхъ, если моментъ въ настоящемъ можетъ удержать свое существованіе при уничтоженіи времени, то я спрашиваю, почему все прошлое и будущее не можетъ удержать своего бытія, такъ какъ вѣдь и въ прошломъ, и въ будущемъ съ такимъ же правомъ мы можемъ мыслить моменты, съ какимъ могли бы мыслить ихъ въ настоящемъ. Вся разница между этими моментами, прошедшими и настоящими, будетъ состоять только въ томъ, что они прошлые, а онъ моментъ настоящій. Но вѣдь мы не должны забывать, что мы стоимъ на точкѣ зрѣнія Кантовой философіи и отрицаемъ прошлое не за

то, что оно прошлое, а за то только, что оно требует бытія времени, а времени совершенно въ той же степени требуетъ и настоящее.

Безусловно отрицать прошедшее существованіе образовъ, а съ нимъ и дѣйствительную смѣну ихъ въ представленіи, нельзя на основаніи Кантова ученія о времени, не отрицая въ то же время существованія образовъ вообще въ представленіи, т.-е. не впадая въ безусловный и совершенно невозможный скептицизмъ. Остается придумать смягченную форму отрицанія, при которой за прошлыми образами и смѣной ихъ оставался бы нѣкоторый видъ существованія и которую, слѣдовательно, мы могли бы придать и наличнымъ образамъ, такъ чтобы получилась возможность не отрицать несомнѣнный фактъ существованія самыхъ образовъ въ представленіи.

Эту смягченную форму, съ точки зрѣнія Кантовой философіи, повидимому, найти очень легко. Нужно будетъ, отрицая *дѣйствительное* существованіе прошлыхъ образовъ въ представленіи, признать просто *представляемое* ихъ существованіе въ немъ. Но мы опять не должны забывать, что и отрицаніе дѣйствительнаго существованія прошлыхъ образовъ въ представленіи, въ противоположность ихъ представляемому существованію, въ Кантовой философіи можетъ состояться только вслѣдствіе отрицанія времени и, слѣдовательно, съ равнымъ правомъ и въ томъ же смыслѣ должно будетъ относиться и къ настоящему. А поэтому то же самое и въ томъ же самомъ смыслѣ мы должны будемъ сказать и о наличныхъ, о настоящихъ образахъ. Мы должны будемъ утверждать, что нѣтъ и дѣйствительныхъ наличныхъ образовъ, а есть только представляемое ихъ существованіе въ насъ. Но что же будетъ означать это отсутствіе дѣйствительнаго существованія въ представленіи образовъ какъ прошлыхъ, такъ и настоящихъ, и ихъ только представляемое существованіе? Образъ самъ есть только нѣчто представляемое, и существованіе его въ представленіи есть только существованіе чего-то представляемаго, кажущагося не тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности. Поэтому говорить при этомъ еще о не дѣйствительномъ, а только о представляемомъ существованіи образовъ въ представленіи можно только тогда, когда отрицается самое существованіе ихъ, даже какъ чего-то кажущагося, т.-е. прямо какъ образовъ. Въ существѣ дѣла, это именно и разумѣется, когда говорятъ о пред-

ставляемомъ только, а не дѣйствительномъ существованіи *прошедшихъ* образовъ. Прошлые образы, прямо въ качествѣ прошлыхъ, не могутъ существовать въ наличномъ представленіи и должны здѣсь замѣняться другими, наличными. Образъ воспріятія, наприм., известной книги, ранѣе существовавшій въ моемъ сознаніи, теперь самъ не можетъ существовать въ немъ, а замѣненъ уже воспроизведеннымъ образомъ, который существуетъ налично. Такимъ образомъ, прошлые образы и на самомъ дѣлѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть совершенно никакого существованія, кромѣ существованія ихъ въ прошлое время, къ которому относить ихъ наше воспоминаніе. А поэтому кто отрицаетъ дѣйствительное существованіе въ прошлое время образовъ, которые подразумѣваются при воспроизведенныхъ представленіяхъ, тотъ отрицаетъ, очевидно, безусловно ихъ существованіе. Понятно, что тоже самое придется утверждать намъ и о наличныхъ образахъ. Признавая не дѣйствительное, а только представляемое существованіе наличныхъ образовъ въ представленіи и дѣлая это на томъ же основаніи и въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы слѣдали этс въ отношеніи къ образамъ прошлымъ, мы должны будемъ безусловно отрицать всякое существованіе этихъ наличныхъ образовъ. Какъ самихъ прошлыхъ образовъ безусловно не будетъ существовать въ сознаніи, по этому ученію, такъ какъ они замѣняются для сознанія наличными образами, такъ и наличные образы не должны будутъ совсѣмъ существовать въ сознаніи. Но только замѣняться имъ теперь будетъ уже нечѣмъ. Замѣна возможна была лишь при признаніи существованія наличныхъ образовъ, которое теперь отрицается. Образы, у которыхъ отрицается наличное или настоящее существованіе, т. е. существованіе во времени, превратятся въ вещи сами въ себѣ, которыя, по Канту, правда, существуютъ, но не могутъ быть непосредственно даны въ нашемъ представленіи, именно вслѣдствіе невозможности для нихъ существовать во времени. Но эти вещи въ себѣ, какъ предполагается у Канта, замѣняются для сознанія образами. А поэтому и для образовъ, скрывшихся отъ насъ вслѣдствіе своей безвременности, мы должны будемъ искать новыхъ образовъ, которые также могутъ существовать только какъ наличные или замѣняться наличными, и т. д. въ безконечность. Мнѣ кажется, нельзя Канта винить, что онъ не пошелъ послѣдовательно путемъ, который велъ къ такому невозможному скептицизму.

Прошедшее, конечно, не можетъ быть налично дано въ настоящемъ; слѣдовательно, въ настоящемъ оно не можетъ быть засвидѣтельствовано тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ можемъ мы увѣряться въ томъ, что относится къ настоящему. Прошлое мы дѣйствительно ни видѣть, ни слышать, ни осязать и т. д. не можемъ. Послѣднія основанія достовѣрности его иныя, чѣмъ послѣднія основанія достовѣрности настоящаго. Вопросъ о послѣднихъ основаніяхъ его достовѣрности въ высокой степени интересенъ и, какъ всѣ вопросы о послѣднихъ условіяхъ нашего знанія, относится къ вопросамъ въ высокой степени труднымъ. У многихъ мыслителей еще и доселѣ сохранилась привычка трудности, непобѣдимыя для силы ихъ или для силъ ихъ времени, однимъ какимъ нибудь искуснымъ приемомъ превращать въ трудности неодолимыя. Кто пришелъ указаннымъ путемъ къ мысли, что существованіе прошедшаго недоказуемо, тотъ легко переходитъ и къ болѣе радикальному вопросу, дѣйствительно ли существуетъ это прошедшее. Отрицательный отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ будетъ для него желателенъ уже потому, что онъ даетъ новое основаніе для убѣжденія въ невозможности увѣряться въ его существованіи; само собою понятно, что нельзя познать того, чего никогда не было. Кто имѣетъ охоту всякія трудности превращать въ трудности неодолимыя, тотъ почувствуетъ себя привольно въ вопросѣ о самомъ существованіи прошедшаго и будущаго еще и по другой причинѣ. Несомнѣнно, что мысль о самомъ существованіи прошедшаго и будущаго вызываетъ свои недоумѣнія, которыя отчасти извѣстны были уже и древнимъ элеатамъ. Понятно, что Кантово ученіе о времени, взятое во всей его послѣдовательности, можетъ представляться очень соблазнительнымъ для подобной точки зрѣнія. Опираясь на это ученіе, можно твердо и рѣшительно отрицать самое существованіе прошлаго и будущаго и при этомъ еще ссылаться на авторитетъ великаго имени. Но при этомъ все же не слѣдуетъ забывать двухъ вещей. Во-первыхъ, нужно все же умѣть отличать Кантовскія основанія отъ основаній, которыя не относятся къ Кантову ученію о времени и стоятъ въ противорѣчій со всякимъ другимъ его ученіемъ. Нельзя, проповѣдуя Кантовскую точку зрѣнія, отрицать прошлое и будущее за то, что мы ихъ не видимъ и не осязаемъ. Во-вторыхъ, не нужно забывать, что Кантовская точка зрѣнія, если вполне послѣдовательно про-

вести ее, должна приводить къ такому безусловному скептицизму, который, несомнѣнно, будетъ полнымъ отрицаніемъ и самой Кантовой теоріи знанія.

III.

Въ послѣдней части третьяго отдѣла своей статьи г. проф. Введенскій доказываетъ, что я въ своей книгѣ предполагаю у Канта такой взглядъ на время и смѣну, который Канту не принадлежитъ, и вслѣдствіе того весь мой разборъ Кантова ученія объ истинахъ самоочевидныхъ вовсе не затрагиваетъ дѣйствительнаго ученія Канта. Эту мысль, впрочемъ, мой критикъ никакъ не забываетъ и въ своихъ только что разобранныхъ комментаріяхъ къ «Критикѣ чистаго разума». Въ этихъ комментаріяхъ мнѣніе воображаемаго Канта самымъ тѣснымъ образомъ соединено съ моимъ именемъ. Здѣсь, еще до представленія какихъ-либо уликъ моего преступленія, чуть не на каждой страницѣ въ очень картинныхъ и энергическихъ выраженіяхъ обрисовывалось это преступленіе. То заявлялось, что «г. Каринскій изо всѣхъ силъ будто бы борется съ кѣмъ-то, а Кантъ все-таки остается въ сторонѣ отъ его ударовъ», то говорилось о «полнѣйшемъ искаженіи г. Каринскимъ Кантовскаго ученія о времени», то разъяснялось, какъ г. Каринскому «сразу можно было со всѣми орудіями борьбы забраться въ такую трущобу, откуда совсѣмъ не видно Канта»; то внушалось г. Каринскому, что онъ долженъ склонить свою голову передъ требованіемъ самого Канта относительно пониманія его ученія о времени и измѣненіяхъ; то болѣе снисходительно признавалось не слишкомъ удивительнымъ, что г. «Каринскій, сопоставляя Канта съ эмпиризмомъ и сочувствуя послѣднему..., сбился нѣсколько въ сторону эмпиризма Беркля» и проч. Такимъ образомъ, хотя дѣло шло пока только о томъ, чтобы различить два возможныхъ пониманія Кантовскаго ученія, правильное и ложное, но результаты достигались еще и другіе. Великое преступленіе Каринскаго получало достойное возмездіе уже заранѣе, до разъясненія доказательствъ самаго преступленія, а въ то же время въ мысли читателя устанавливалась довольно прочная ассоціація между фамилією Каринскаго, съ одной стороны, и разнообразными ложными взглядами со всѣми какъ печальными, такъ и смѣшными ихъ послѣдствіями, съ другой; и такимъ образомъ, улики преступленія Каринскаго, кото-

рыя приводились вслѣдъ за этими разъясненіями, должны были находить въ душѣ читателя почву, хорошо подготовленную къ ихъ принятію. Для полемической статьи такая постановка дѣла, конечно, имѣетъ неоспоримыя выгоды.

Г. проф. Введенскій винитъ меня собственно въ усвоеніи Канту того взгляда на время и смѣну, который онъ называетъ «взглядомъ Канта воображаемаго». Изъ предшествующаго видно, что—хотя я не могу согласиться, чтобы Кантъ, написавшій «Критику чистаго разума», держался того взгляда на измѣненіе, который г. проф. Введенскій приписываетъ своему дѣйствительному Канту,—но ни въ какомъ случаѣ также не думаю, чтобы Кантъ признавалъ смѣну дѣйствительныхъ состояній души.

Г. проф. Введенскій отыскиваетъ въ моей книгѣ такія мѣста, гдѣ встрѣчаются фразы вродѣ слѣдующихъ: череда ощущеній, смѣна воспріятій, смѣна представленій,—и подчеркиваетъ ихъ въ качествѣ уликъ моей вины. Мнѣ кажется, въ этомъ не было никакой нужды. Не думаю, чтобы г. проф. Введенскому не было извѣстно, что вообще въ философской литературѣ, а равно и у Канта, на каждомъ шагу можно встрѣтить терминъ «представленіе» не въ значеніи только созерцательнаго акта, но и въ значеніи простого содержанія этого акта, т.-е. въ значеніи представляемаго образа. Не думаю, чтобы ему не было извѣстно также, что фразы, совершенно равнозначительныя выписаннымъ изъ моей книги фразамъ, постоянно встрѣчаются у самого Канта, и ихъ не можетъ избѣжать никакой излагатель Кантовой теоріи, хотя бы онъ отвергалъ всякую смѣну представленій у Канта, понимаемую въ какомъ угодно смыслѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, ему стоило открыть хоть его собственную книгу «Опытъ построенія теоріи матеріи», и на второй же страницѣ онъ нашелъ бы: «существуетъ кое-что несомнѣнное—это именно я, или сознаніе, и его акты или состоянія». Это говорится о видѣніи бумаги, о сознаніи себя видящимъ.

Онъ приписываетъ мнѣ такую характеристику Кантова ученія (стр. 636—637): «Течетъ оно (время) только въ насъ, въ нашемъ сознаніи въ видѣ дѣйствительной смѣны нашихъ душевныхъ состояній, а уже отсюда по разнымъ причинамъ мы переносимъ сами его... на все остальное: вполне правильно... на внѣшнія явленія и даже ошибочнымъ образомъ... на вещи въ себѣ?» Въ § 17 своей книги (стр. 96—100) я рассматривалъ, какъ, съ

точки зрѣнія Кантовой теоріи знанія, можетъ разрѣшиться вопросъ о психологическомъ генезисѣ объективнаго знанія. Здѣсь я указывалъ на два возможныхъ для Канта предположенія относительно исходнаго пункта въ жизни представленія. По обоимъ этимъ предположеніямъ, психическая жизнь должна начинаться съ представленій, которыя здѣсь мнѣ иногда приходилось даже прямо называть «образами» и прямо говорить о содержаніи представленій, о представляемомъ и проч. (см., напр., стр. 106—107). Я доказывалъ несостоятельность обоихъ этихъ предположеній. Въ заключеніе параграфа (стр. 109—110) я упоминаю о третьемъ предположеніи, которое могло бы оказаться состоятельнымъ. Согласно этому предположенію, нужно бы было понимать «подъ представленіями, череда которыхъ должна наблюдаться первоначальнымъ сознаніемъ, не представленія, а самыя ощущенія или внутреннія состоянія самого духа, которыя и созерцаются (духомъ) именно въ качествѣ этихъ состояній». Въ такомъ случаѣ подъ объективностью, которую сознаніе должно придать этимъ представленіямъ, нужно было бы понимать простое противопоставленіе ихъ духомъ себѣ въ качествѣ внѣшняго бытія. Это предположеніе, очевидно, и есть какъ разъ то самое предположеніе, которое я, по мнѣнію г. проф. Введенскаго, усвою Канту. Но, высказавъ это предположеніе, я не разсматриваю его подробно, а прямо устраниваю его, какъ совершенно невозможное съ Кантовой точки зрѣнія. Какимъ же образомъ могло случиться, что относительно того самаго предположенія, которое я нашелъ совершенно невозможнымъ даже для психологическаго генезиса на точкѣ зрѣнія Кантовой философіи, г. проф. Введенскій увѣряетъ, что его именно я усвою самой Кантовой теоріи знанія, самой его гносеологіи? Но довольно объ этомъ. Въ обвиненіи меня г. проф. Введенскимъ существенная и наиболѣе интересная сторона—другая.

Такъ какъ г. проф. Введенскій, очевидно, очень интересуется моимъ взглядомъ на смѣну у Канта, то выше я разъяснилъ этотъ взглядъ. Но онъ самъ знаетъ и въ своей статьѣ прямо высказываетъ, что Кантова ученія о смѣнѣ въ своей книгѣ я не затрогивалъ и даже своего мнѣнія о смыслѣ этого ученія не высказывалъ. Видя главную вину мою въ неправильности нигдѣ не высказаннаго и не разъясненнаго мною взгляда, онъ хочетъ собственно доказать, что весь разборъ мой Кантова ученія объ ис-

тинахъ самоочевидныхъ скрыто предполагаетъ этотъ ошибочный взглядъ на Кантовское ученіе. «Всѣ выстрѣлы г. Каринскаго, — такъ заключаетъ онъ свое разсужденіе объ «основной ошибкѣ всей его (Каринскаго) критики Кантовскихъ воззрѣній», — направлены въ воображаемаго Канта; и никакъ нельзя сдѣлать, чтобъ они попадали и въ дѣйствительнаго» (см. стр. 634 и 660). Въ подтвержденіе этого общаго и очень суроваго приговора онъ во второй половинѣ третьяго отдѣла своей статьи сдѣлалъ разборъ двухъ возраженій моихъ противъ Канта и сверхъ того развиваетъ ту мысль, что я на каждомъ шагу предполагаю у Канта психологическія изслѣдованія. Позволю себѣ остановиться на этихъ двухъ доводахъ.

Противъ Кантова доказательства причинности я, между прочимъ, говорилъ (стр. 95 моей книги): «Я спрашиваю: какъ сознание должно смотрѣть на то предшествующее явленіе, связь съ которымъ должна впервые давать ему право установить объективность перемѣны послѣдующей? Скажемъ ли мы, что оно уже заранѣе должно смотрѣть на него, какъ на объективную перемѣну? Но такъ какъ доказательствомъ (закона причинности) предполагается, что ни одна объективная перемѣна не можетъ быть сознаниемъ установлена иначе, какъ черезъ установку... необходимой связи ея съ перемѣной ей предшествующей, то потребуются предварительная установка этой послѣдней, а для установки ея — установка предшествующей ей и т. д., такъ что въ результатѣ окажется, что ни одно событіе вовсе не можетъ быть установлено безъ установки цѣлаго безконечнаго ряда событій; а это значило бы, конечно, что ни одно событіе вовсе не можетъ быть установлено сознаниемъ въ качествѣ событія объективнаго». Г. проф. Введенскій находитъ (стр. 657 — 658), что это возраженіе мое противъ Кантова доказательства причинности имѣетъ силу лишь при признаніи объективнаго времени. Онъ говоритъ: «Конечно, еслибы по ученію Канта мы должны были проходить *дѣйствительно* прошедшее безконечное время, то среда не получила бы своего опредѣленнаго мѣста въ этомъ ряду; но коль скоро' эту безконечность надо всего только *мыслить* прошедшей, а не осуществлять на дѣлѣ ея теченія, то для опредѣленія мѣста среды уже нѣтъ тѣхъ препятствій, на которыя указываетъ г. Каринскій. Ибо нигдѣ нѣтъ того *безконечнаго* времени, которое надо было бы возвращать назадъ по-

степенно, и имѣя въ своемъ распоряженіи *конечную* человѣческую жизнь».

Признаюсь, я не ожидалъ, что найдется человѣкъ, который сочтетъ возможнымъ въ мысли составить безконечный рядъ объективныхъ событій, предшествовавшихъ въ законосообразномъ порядкѣ извѣстной перемѣнѣ. Такого человѣка, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, я еще не встрѣчалъ. Впрочемъ я и не могъ имѣть дѣла съ такимъ феноменомъ, такъ какъ обязанъ былъ въ своей критикѣ Кантова мнѣнія имѣть дѣло съ Кантомъ. А Кантъ, сколько мнѣ извѣстно, не держался такого мнѣнія. Въ своемъ трактатѣ объ антиноміяхъ Кантъ находитъ регрессъ въ установкѣ причинъ безконечнымъ и именно вслѣдствіе этого признаетъ, что онъ никогда не можетъ быть вполнѣ законченъ въ нашей мысли.

Чтобъ оправдать свою теорію знанія, Кантъ долженъ былъ учить, что чистое самосознаніе съ его категоріями создаетъ порядокъ и связь явленій. Я въ своей книгѣ (какъ то указывалось уже въ первой моей статьѣ) доказывалъ, что это творчество должно быть признано безусловно невозможнымъ, какъ скоро предполагается, что частные законы природы могутъ познаваться только изъ даннаго въ опытѣ распорядка явленій въ пространствѣ и времени, а не могутъ быть выведены а priori безъ всякихъ предварительныхъ свѣдѣній о пространственномъ и временномъ распорядкѣ ихъ—какъ уже данномъ. Чистое самосознаніе не будетъ имѣть тогда никакихъ основаній—дать матеріалу знанія тотъ или другой опредѣленный порядокъ, а поэтому никакого порядка ихъ создано быть имъ не можетъ.

Это возраженіе противъ Кантова ученія должно быть признано *роковымъ* для всей Кантовой философіи. Она должна или перейти въ гегельянизмъ, въ философію, которая признаетъ возможность возсоздать чистою мыслию всю эмпирическую дѣйствительность, или совсѣмъ отказаться отъ такъ называемой, Коперниковской точки зрѣнія, составляющей самую ея сущность, т.-е. отъ мысли, что чувственный міръ сполна зависитъ отъ нашихъ чистыхъ понятій. Г. проф. Введенскій утверждаетъ и объ этомъ моемъ возраженіи, что оно зависитъ отъ перетолкованія мною Кантова ученія о смѣнѣ. Онъ пишетъ (659—660): «если смѣна сознаваемыхъ нами явленій всего только представляется нами, то разумѣется: 1) она, какъ и всякое представленіе, *должна* подчи-

няться тѣмъ условіямъ, безъ выполненія которыхъ не можетъ быть и сознано представленіе о ней; и 2) такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ уже не о подчиненіи объективнаго теченія времени нашимъ понятіямъ, а всего только о подчиненіи содержанія одного *представленія* другому, болѣе общему, то и нѣтъ *логическихъ препятствій* для подчиненія явленій (т.-е. единичныхъ представленій) категоріямъ (т.-е. синтезу самосознанія). Препятствія, указываемыя г. Каринскимъ, теперь уже не существуютъ: вѣдь въ общемъ представленіи никогда не содержатся тѣ частности, которыми отличаются другъ отъ друга подчиненныя случайныя представленія....; а это однако не мѣшаетъ послѣднимъ подчиняться первому».

Разсужденіе, по моему мнѣнію, по-истинѣ изумительное. Развѣ мое возраженіе въ томъ заключается, что представленія не захотятъ подчиняться приказамъ самосознанія? Оно заключается въ томъ, что самосознаніе окажется совсѣмъ не въ состояніи дать какое бы то ни было приказаніе, которое было бы способно быть выполненнымъ. Во имя, напримѣръ, общаго закона причинности чистое самосознаніе можетъ приказывать только: *«причины!»*. Выступайте впередъ. Дѣйствія! Слѣдуйте за ними позади». Но если оно не въ состояніи разъяснить, какія же именно представленія должны считать себя причинами и какія дѣйствіями, т.-е. если оно не можетъ вывести изъ своихъ категорій частныхъ законовъ, то для представленій, какимъ бы послушаніемъ они ни отличались, этотъ общій приказъ окажется лишеннымъ всякаго смысла и слѣдовательно совершенно невозможнымъ. Нѣтъ никакого спора, конечно, что общее представленіе, хотя оно не содержитъ въ себѣ частныхъ представленій, можетъ логически подчинять ихъ себѣ. Однако, оно можетъ это сдѣлать лишь тогда, когда эти частныя представленія уже даны. А если они еще должны быть составлены, то для общаго представленія, прежде чѣмъ подчинять себѣ частныя представленія, необходимо ихъ еще составить. И если предположить, что частныхъ представленій нельзя вывести изъ общаго, то и подчинять общему будетъ нечего, такъ какъ общее не можетъ образовать частное, которое изъ него не можетъ быть выведено. Если образъ А уже представляется постоянно предшествующимъ образу В, то не хитро подчинить это представляемое отношеніе А къ В закону причинной связи. Но иное выйдетъ, если общій законъ причинной свя-

зи самъ долженъ еще впервые образовать это частное отноше-
 ніе. Предположимъ, что изъ этого общаго закона силою чистой
 мысли нельзя вывести, какой комбинаціи отдать предпочтеніе,
 той ли, гдѣ А предшествовало бы В, или той, гдѣ В предше-
 ствовало бы А, или какой-нибудь изъ безчисленныхъ другихъ,
 въ которыхъ А было бы соединено вовсе не съ В, а съ какимъ-
 нибудь С, или D и т. д. Понятно, что основаній для образова-
 нія частныхъ случаевъ, въ которыхъ А предшествовало бы В, не
 будетъ, и слѣдовательно ничего не окажется такого, что общій
 законъ причинной связи могъ бы подчинить себѣ.

Ясно, что если г. проф. Введенскій желаетъ устранить разби-
 раемая имъ мои возраженія противъ Канта, ссылаясь на особое
 пониманіе времени и смѣны, на которое они будто бы опирают-
 ся, то онъ дѣлаетъ это только потому, что не потрудился вни-
 мательно вдуматься въ то, что я говорю.

Съ особою увѣренностію развиваетъ г. проф. Введенскій слѣ-
 дующую мысль: «Кантъ,—говоритъ онъ (652—653), — занять и
 долженъ заниматься не психологическими, а исключительно гно-
 сеологическими изысканіями. А г. Каринскій на каждомъ шагу
 предполагаетъ у Канта изслѣдованіе о генезисѣ представленій и
 другихъ душевныхъ фактовъ». Въ подтвержденіе этой мысли
 г. проф. Введенскій ссылается на то, что у меня въ одномъ
 мѣстѣ (на стр. 70), когда я говорилъ о Кантовомъ доказатель-
 ствѣ основоположенія количества, употребленъ терминъ «Кантово
 описаніе генезиса представленія объ опредѣленномъ пространствѣ
 и времени», и что я даже рѣшаюсь на стр. 86 своей книги сдѣ-
 лать упрекъ Канту въ несовершенствѣ его психологическаго ана-
 лиза. Подобный же недостатокъ, смѣшеніе гносеологической
 задачи съ психологической, онъ видитъ (см. стр. 656—657) и
 во всѣхъ возраженіяхъ моихъ противъ Кантова доказательства
 причинности, за исключеніемъ возраженія, о которомъ говорено
 выше. Въ одномъ мѣстѣ своей статьи мой критикъ доказываетъ
 даже, что я неразборчивъ на средства для того, чтобы отыски-
 вать у Канта психологическія изслѣдованія. Этотъ тяжелый упрекъ
 онъ дѣлаетъ мнѣ, когда говоритъ (стр. 646) о тѣхъ напомина-
 ніяхъ, которыя, по его мнѣнію, Кантъ дѣлаетъ въ §§ 13 и 24
 «Критики» относительно своего пониманія времени и смѣны и ко-
 торыя мною разобраны были выше. Здѣсь онъ разъясняетъ, что
 оба эти напоминанія сдѣланы во 2-мъ изданіи «Критики», въ ко-

торомъ «Дедукція» «подверглась значительной переработкѣ, изложена совсѣмъ заново; но за то при этой переработкѣ у нея осталось и гораздо меньше сходства съ психологическими изслѣдованіями и въ ней уже гораздо рѣже попадаются психологическіе термины, чѣмъ въ 1-мъ изданіи». И въ подсрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту, указывая на 93 стр. моей книги, гдѣ дѣло идетъ о принимаемыхъ Кантомъ процессахъ аппрегенсіи и репродукціи, онъ говоритъ: «Спрашивается, научно ли поступаетъ г. Каринскій въ этомъ случаѣ. Онъ повсюду, даже говоря о «дедукціи» пользуется 2-мъ изданіемъ «Критики» и въ *одномъ лишь* пунктѣ переходитъ къ первому». «По моему,—говоритъ мой строгій критикъ,—это просто-на-просто беззаботность насчетъ убѣдительности своихъ доводовъ. Г. Каринскій понимаетъ время въ духѣ воображаемаго Канта, вслѣдствіе чего онъ повсюду и желаетъ видѣть у Канта взамѣнъ теоріи познанія одни лишь психологическія изслѣдованія; поэтому, онъ при подходящемъ случаѣ и ухватился съ радостію за первую обработку дедукціи, хотя, по отзыву самого Канта, его мысли изложены въ ней менѣе удачно, чѣмъ во второмъ изданіи».

Судя по послѣднему замѣчанію г. проф. Введенскаго, можно думать, что его интересуютъ встрѣчающіеся случаи *беззаботности* авторовъ *насчетъ убѣдительности своихъ доводовъ*. Я готовъ пособить ему въ отыскиваніи этихъ случаевъ и, не отходя даже отъ того пункта, о которомъ у насъ дѣло идетъ теперь, готовъ представить ему нѣсколько примѣровъ беззаботности въ этомъ отношеніи—дѣйствительно замѣчательной.

По словамъ г. проф. Введенскаго, устраненіе физиологическаго (психологическаго) вывода категорій въ § 13 сдѣлано Кантомъ во 2-мъ изданіи «Критики». А на дѣлѣ весь этотъ параграфъ существовалъ уже въ первомъ изданіи и не носилъ только названія «параграфа тринадцатаго». Ужели не сочтетъ проф. Введенскій беззаботностью насчетъ убѣдительности своихъ доводовъ, когда авторъ, который выступаетъ противъ другого автора съ строгими обличеніями въ неправильности пользованія изданіями «Критики», самъ оказывается несвѣдущимъ даже въ добавленіяхъ, которыя Кантомъ были внесены дѣйствительно во 2-е изданіе? А вѣдь и получить-то эти свѣдѣнія никакихъ затрудненій нѣтъ: ихъ можно найти въ каждомъ изданіи «Критики» въ новое время, и даже въ томъ изданіи Адиккеса, на которое ссылается г. проф.

Введенскій при своемъ переводѣ Кантова объясненія изъ его Эстетики.

Г. проф. Введенскій обличаетъ меня, что я *повсюду, даже говоря о дедукціи*, пользуюсь 2-мъ изданіемъ «Критики» и въ одномъ лишь пунктѣ перехожу къ первому. Онъ даже подчеркиваетъ слова въ *одномъ лишь*. А на дѣлѣ въ моей книгѣ можно найти и другія ссылки на первое изданіе, и именно даже при разборѣ Кантовой «Дедукціи»: напримѣръ, четыре ссылки на стр. 180, одну на стр. 186; есть также ссылки и при другихъ случаяхъ, напримѣръ, при разборѣ доказательствъ основоположеній (см. стр. 103 и 125). Ужели это не заслуживающая вниманія беззаботность критика насчетъ убѣдительности своихъ доводовъ?

Г. проф. Введенскій обличаетъ меня, что я съ радостію ухватился за первую обработку «Дедукціи», хотя, по отзыву самого Канта, его мысли изложены въ ней менѣе удачно, чѣмъ во 2-мъ изданіи. Я болѣе расположенъ ссылаться на доводы, чѣмъ на мнѣнія авторитетныхъ писателей. Но г. проф. Введенскій одинъ разъ въ своей статьѣ ссылается на мнѣніе Куно-Фишера, и въ предисловіи, написанномъ имъ къ только-что вышедшему переводу сочиненія Виндельбанда «Философія Канта», онъ признаетъ (стр. II) наилучшимъ сочиненіемъ для обстоятельнаго ознакомленія съ философіей Канта III и IV томы «Исторіи Новой философіи» Куно-Фишера. Не думаю, чтобъ онъ не зналъ, что Куно-Фишеръ даже и доселѣ (см. 3 изданіе его «Исторіи») излагаетъ Кантову «Дедукцію» категорій по первому изданію «Критики». И я не знаю теперь, въ чемъ искать особой заботливости моего критика насчетъ убѣдительности своихъ доводовъ, въ томъ ли, что, полемизируя со мной, онъ обличаетъ меня въ беззаботности за пользованіе первымъ изданіемъ «Критики», въ которомъ, по отзыву самого Канта, мысли его изложены менѣе удачно, чѣмъ во второмъ изданіи, или въ томъ, что, особенно рекомендуя Куно-Фишера, онъ забываетъ указать на подобную *беззаботность* Куно-Фишера.

Во второмъ изданіи «Критики» взглядъ Канта на аппрегенсію и связанную съ нею репродукцію и на значеніе ихъ для теоріи знанія остался совершенно тотъ же, каковъ былъ въ первомъ изданіи, какъ это ясно изъ второй части этой статьи моей, въ которой я пользуюсь при изложеніи Кантова ученія почти исключительно вторымъ изданіемъ «Критики». Въ послѣднемъ нѣтъ

лишь точнаго описанія этихъ процессовъ и особаго указанія на второй изъ этихъ процессовъ, вѣроятно, потому, что Кантъ считаетъ все это психологическою подробностію, излишнею для теоріи знанія, но никакъ не потому, чтобы онъ считалъ высказанные взгляды ошибочными, или чтобы во второмъ изданіи менѣе приписывалъ значенія ссылкамъ на самую аппрегенсію (съ подразумеваемой подъ ней и репродукціей) въ теоріи знанія. Соотвѣтствующія ссылки есть какъ въ передѣланной во второмъ изданіи «Дедукціи» категорій, такъ даже въ небольшихъ дополненіяхъ, сдѣланныхъ въ томъ же изданіи, къ доказательствамъ основоположеній, не говоря уже о томъ, что подобныя ссылки вполне сохраняются въ оставшихся не передѣланными отдѣлахъ «Критики».

Для доказательства перетолкованія мною задачъ «Критики» г. проф. Введенскій ссылается на фразу, однажды употребленную мною при разборѣ Кантова основоположенія количества: «предполагая вѣрность Кантова описанія генесиса представленія объ опредѣленномъ пространствѣ и времени». Но мой критикъ забываетъ указать при этомъ читателю на два факта: 1) Подчеркнутое имъ слово: генесисъ служить здѣсь у меня простымъ сокращеннымъ выраженіемъ слѣдующихъ словъ въ Кантовомъ доказательствѣ: «они (всѣ явленія) не могутъ быть аппрегендированы, т.-е. приняты въ эмпирическое сознаніе иначе, какъ черезъ синтезъ многообразнаго, *черезъ который порождается представленіе опредѣленнаго пространства и времени*». «Я не могу,—говоритъ Кантъ въ поясненіе этой мысли,—представить ни одной линіи, какъ бы она мала ни была, не протянувъ ее въ мысли, т.-е. *не порождая отъ пункта послѣдовательно всѣ части...* Я мыслю себѣ послѣдовательное движеніе впередъ отъ мгновенія къ мгновенію только въ томъ, гдѣ *черезъ всѣ части времени и ихъ совокупленіе порождается наконецъ опредѣленная величина*. 2) Это сокращенное выраженіе имѣетъ у меня значеніе просто условнаго термина, который не играетъ совершенно никакой роли въ самомъ моемъ разборѣ Кантова *доказательства* и можетъ быть понимаемъ читателемъ, какъ ему угодно, т.-е. въ такомъ смыслѣ, какой пожелаетъ читатель придать тѣмъ словамъ Канта, для которыхъ онъ служитъ простымъ сокращеннымъ выраженіемъ. Такъ какъ вопроса о смѣнѣ въ Кантовой философіи я вообще не поднималъ, то повятно, что я и не дѣлалъ попытки опредѣлить

тотъ смыслъ, который долженъ соединяться съ этимъ генесисомъ или порождениемъ, и который не имѣеть никакого значенія для моихъ возраженій противъ Канта.

Но обратимся къ основной мысли этого обвиненія.

Я не только вмѣсто гносеологическихъ не предполагаю всюду у Канта психологическихъ изслѣдованій, но, наоборотъ, прямо ставлю въ упрекъ Канту (стр. 130 моей книги), что онъ «уклоняется отъ сколько-нибудь отчетливыхъ психологическихъ объясненій, и ставлю на видъ (130—131), «какъ опасно доказывать (какъ это дѣлаетъ Кантъ) необходимость, съ гносеологической точки зрѣнія, такихъ предположеній, которыя неразрывно связаны съ опредѣленнымъ психологическимъ взглядомъ, не разъяснивъ для себя возможности развитія психической жизни, соотвѣтствующей этому взгляду». Г. проф. Введенскій смѣшиваетъ двѣ очень различныя вещи. Не психологическія изслѣдованія предполагаю я въ «Критикѣ», а нахожу, что самое гносеологическое изслѣдованіе, какъ оно ведется у Канта при доказательствахъ законовъ причинности и взаимодѣйствія, съ одной стороны, предполагаетъ нѣкоторую психологическую подкладку, не очень доброкачественную въ научномъ отношеніи, съ другой стороны, ведетъ къ постановкѣ психологическихъ законовъ, которыхъ никакъ нельзя провести послѣдовательно въ исторіи жизни представленій.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ въ доказательствѣ закона причинности служить у Канта мысль, что въ нашемъ непосредственномъ сознаніи съ воспріятіемъ объективной перемѣны или событія неизбѣжно соединяется сознаніе его причинной зависимости отъ другой какой-нибудь перемѣны. По мнѣнію Канта, это именно сознаніе и превращаетъ простую перемѣну въ представленіи, которая сама по себѣ не можетъ имѣть объективнаго значенія, въ объективную перемѣну. При доказательствѣ закона взаимодѣйствія исходнымъ пунктомъ доказательства служить у Канта мысль, что фактическимъ условіемъ постановки одновременности предметовъ въ нашемъ непосредственномъ сознаніи служить посмѣнное появленіе двухъ предметовъ въ нашемъ воспріятіи. И Кантъ доказываетъ значеніе категории взаимодѣйствія для воспріятія одновременности предметовъ именно изъ недостаточности этого факческаго условія. Такимъ образомъ, при томъ и другомъ доказательствѣ у Канта берутся воспріятія, въ одномъ случаѣ, объективной перемѣны, въ другомъ,

одновременности предметовъ, опредѣляются фактическія условія, при которыхъ, по его мнѣнію, неизбѣжно совершаются они въ нашемъ сознаниі. И разсмотрѣніе этихъ условій составляетъ существенный моментъ въ доказательствахъ основоположеній. Но само собою понятно, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о психическихъ фактахъ воспріятія и ихъ фактическихъ условіяхъ, нельзя брать ихъ какъ попало, какими покажутся они съ перваго взгляда, а нужно сколько возможно внимательно въ нихъ всмотрѣться, съ возможною точностію опредѣлить входящіе въ нихъ элементы, ничего не опуская изъ виду и не перемѣшивая ихъ одинъ съ другимъ. Иначе, конечно, нельзя будетъ разсчитывать и на научное значеніе результата, который долженъ быть выведенъ подъ предположеніемъ этихъ именно условій.

Вотъ это-то внимательное разсмотрѣніе матеріала, который берется изъ жизни непосредственнаго сознаниа, и возможно точное опредѣленіе элементовъ, входящихъ въ очень сложные психологическіе факты, я и называю психологическимъ анализомъ. И разбирая Кантовы доказательства законовъ причинности и взаимодѣйствія, я нахожу, что у Канта совѣмъ не оказывается надлежащей осмотрительности въ этомъ отношеніи (отчасти вслѣдствіе вліянія предвзятыхъ мыслей), и за это именно я виню его въ крайнемъ несовершенствѣ психологическаго анализа. При разборѣ его доказательства закона причинности я разясняю (см. стр. 118—120 моей книги), что Кантово описаніе воспріятія объективной смѣны въ непосредственномъ сознаниі нужно счесть за очевидную и очень крупную ошибку и что такой же крупной ошибкой нужно счесть (см. стр. 121 моей книги) его описаніе обратныхъ случаевъ, когда за смѣной въ воспріятіи отрицается значеніе объективной смѣны. При этомъ я доказываю также, что при описаніи послѣдняго случая (стр. 122—123) довольно грубо смѣшивается Кантомъ условіе отрицанія объективности смѣны, какъ смѣны, съ условіемъ отрицанія объективности возникновенія и уничтоженія. При разборѣ Кантова доказательства закона взаимодѣйствія я тоже доказываю (стр. 137, 141), что Кантово описаніе фактической стороны при установкѣ одновременности предметовъ въ нашемъ сознаниі совѣмъ не соотвѣтствуетъ ни тому процессу, который дѣйствительно происходитъ въ этомъ случаѣ въ непосредственномъ сознаниі, ни болѣе отдаленнымъ его условіямъ. Я разяснялъ (стр. 156—158) сверхъ

того, что Кантъ при своемъ описаніи фактической стороны воспріятія одновременности предметовъ не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ аналогическихъ случаевъ, когда устанавливается нашимъ сознаниемъ одновременность свойствъ одного и того же предмета. Доказательства основоположеній у Канта предполагаютъ всѣ эти ошибки, а поэтому безъ разъясненія послѣднихъ невозможно разъясненіе несостоятельности самыхъ доказательствъ. Почему же подобныя разъясненія кажутся моему критику несоотвѣтствующими цѣли?

Съ другой стороны, я разъясняю, что Кантово доказательство закона причинности неизбѣжно ведетъ къ слѣдствіямъ, которыя простираются далѣе чисто гносеологической теоріи. Доказывая безусловное господство закона причинности надъ всѣми явленіями, Кантъ старается показать, что сознание не можетъ превратить и никогда не превращаетъ чреду образовъ въ чреду объективныхъ событій, иначе какъ чрезъ установку законсообразной послѣдовательности. Но этимъ самымъ устанавливается безусловный законъ для жизни и исторіи самаго сознанія. И почему же мы не имѣли бы права спросить, съ какими чертами должна представляться исторія жизни самаго сознанія, какъ скоро предполагается, что въ ней господствуетъ этотъ законъ установки объективной чреды представленій? Я въ своей книгѣ задаю между прочимъ этимъ вопросомъ и доказываю (96—100), что такой взглядъ долженъ въ философіи Канта сопровождаться самымъ запутаннымъ представленіемъ объ исходномъ пунктѣ жизни сознанія (131—133) и что при подобной постановкѣ дѣла первоначальное сознаніе ставится въ невозможныя условія для своего развитія. И если это справедливо, то почему бы мы не могли сдѣлать этого упрека Кантовой теоріи знанія?

Г. проф. Введенскій порицаетъ мой упрекъ Канту въ крайнемъ несовершенствѣ психологическаго анализа. Онъ отрицаетъ всякое значеніе возраженій моихъ противъ Кантова доказательства закона причинности. Но онъ не дѣлаетъ даже попытки уяснить себѣ, за что Канту дѣлается этотъ упрекъ и состоятельны ли эти возраженія. Онъ считаетъ достаточнымъ сослаться на то, что у меня ставятся и рѣшаются вопросы психологическаго свойства, а у Канта дѣло должно идти о гносеологіи. Вмѣсто того, чтобы прятаться за термины и запутываться въ терминологіи, ему слѣдовало попытаться точнѣе опредѣлить, дѣй-

ствительно ли свои доказательства причинности и взаимодействія Кантъ основываетъ на тѣхъ самыхъ мысляхъ, которыя я критически разбираю и изъ которыхъ я дѣлаю свои выводы. Можетъ быть, внимательнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, онъ не нашелъ бы, что мои возраженія попадаютъ мимо цѣли.

Но г. проф. Введенскій, повидимому, неясно понимаетъ, что его собственное доказательство причинности, которое онъ выдаетъ за Кантовское и которое въ своей первой половинѣ, какъ мы видѣли, есть извращеніе Кантовскаго, во второй половинѣ представляетъ прямую ссылку какъ разъ на тѣ самыя основанія, которыя разбираются въ моихъ возраженіяхъ Канту. Когда онъ обращается къ разъясненію необходимости пользоваться понятіемъ причинности при воспріятіи смѣны, онъ передаетъ мысль Канта такъ: «разсмотрите потщательнѣе, чѣмъ же отличается среда отъ вторника, и вы увидите, что разница только въ томъ, что совокупность событій, называемая средою, *мыслится* вами какъ такая совокупность, которая не могла бы существовать безъ событій вторника, а совокупность событій, называемая вторникомъ, *мыслится* какъ порождающая событія среды». Ужели г. проф. Введенскій не догадался, что мои возраженія противъ Кантова доказательства причинности прямо направлены противъ этой важнѣйшей мысли доказательствъ. Что значитъ это: «разсмотрите потщательнѣе», какъ не требованіе точнаго анализа психическихъ фактовъ установки объективной смѣны, данной въ сознаніи? И что иное я доказываю, какъ не то, что если разсмотрѣтъ потщательнѣе случаи установки объективной послѣдовательности, то выйдетъ совсѣмъ не то, чего хочетъ Кантъ, и если принять мысль Канта, то выйдутъ только противорѣчія и невозможныя толкованія фактовъ? Какъ же это случилось, что мой критикъ нашелъ, что мои возраженія касаются не тѣхъ изслѣдованій, которыми занятъ его дѣйствительный Кантъ по его собственному изложенію?

И почему это онъ замѣнилъ Кантовъ примѣръ движенія лодки по рѣкѣ событиями среды и вторника? Въ подстрочномъ примѣчаніи въ объясненіе этого факта онъ ссылается на мои слова, что Кантовъ примѣръ свидѣтельствуетъ лишь исключительно объ искусствѣ Канта подбирать благоприятные для него примѣры. Я это дѣйствительно говорилъ, но предварительно очень подробно разъяснилъ, что всѣ случаи установки въ воспріятіи объ-

ективной смѣны въ смыслѣ объективнаго движенія дѣлаются въ нашемъ непосредственномъ сознаниі никакъ не въ силу установленія причинной связи перемѣны съ предшествующей ей перемѣной, а въ силу сознаваемого нами отсутствія извѣстныхъ мускульныхъ ощущеній при сознаваемой смѣнѣ. Если бы мой критикъ упомянулъ въ своей статьѣ объ этихъ моихъ разсужденіяхъ или, по крайней мѣрѣ, попытался взять примѣры изъ той же области, изъ которой беретъ ихъ Кантъ, то онъ, вѣроятно, понялъ бы неудобство относить параграфы моей книги, въ которыхъ дѣлаются эти разъясненія, къ параграфамъ, совсѣмъ не затрогивающимъ мыслей Канта. Можетъ быть, онъ понялъ бы въ такомъ случаѣ и неудобство отвѣчать на мои разъясненія подыскиваніемъ новаго примѣра. Вѣдь дѣло идетъ о доказательствѣ положенія, которому приписывается безусловно всеобщее значеніе, а въ моей книгѣ разъясняется, что цѣлый кругъ примѣровъ стоитъ въ явномъ противорѣчии съ этимъ общимъ положеніемъ. Отвѣчать на подобное возраженіе придумываніемъ новыхъ примѣровъ, казалось бы, можетъ только тотъ, кто считаетъ Кантово дѣло проиграннымъ.

И какъ вьжутся всѣ эти обличенія меня въ замѣнѣ гносеологическихъ Кантовыхъ изслѣдованій психологическими съ вопросомъ о пониманіи смѣны въ Кантовой философіи, къ которому все хочетъ приурочить мой критикъ. Во всякомъ случаѣ, въ самый моментъ постановки нами объективности, смѣна образовъ, которая считается условіемъ этой постановки, сама ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дана въ нашемъ сознаниі; образы, которые смѣняютъ другъ друга, конечно, не могутъ существовать вмѣстѣ. Смѣна образовъ въ моментъ установки объективности можетъ быть дана только въ качествѣ представленія о бывшей смѣнѣ. Смотрѣть ли на это представленіе смѣны образовъ, условливающей актъ воспріятія, какъ на отраженіе дѣйствительной смѣны, происходившей въ представленіи, или какъ на неизбѣжную только иллюзію сознанія, это совершенно безразлично для возраженій моихъ Канту. Кантъ несомнѣнно доказываетъ, — и это выходитъ даже и по изложенію г. проф. Введенскаго, — что мы при установкѣ объективныхъ отношеній въ нашемъ сознаниі необходимо представляемъ себѣ эту постановку связанной съ извѣстными условіями. А я доказываю, что никакой необходимости такъ представлять себѣ эту постановку нѣтъ, что, наоборотъ,

этотъ взглядъ прямо противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла.

Точно то же и относительно исторіи жизни представленія. И не въ одномъ только томъ видѣ, въ какомъ существуетъ она для обыкновеннаго психологическаго изслѣдованія, но даже если понимать ее въ качествѣ простой смѣны образовъ, все равно она должна считаться, съ Кантовой точки зрѣнія, за простой регрессивный синтезъ образовъ, никогда на дѣлѣ не смѣнявшихъ другъ друга, на подобіе регрессивнаго ряда міровыхъ событій, познаваемыхъ наукой и никогда не существовавшихъ, по Канту, внѣ сознанія. Если дѣйствительно, какъ я доказываю въ своей книгѣ, Кантова теорія знанія неизбѣжно предрѣшаетъ законъ исторіи жизни представленія, то какъ бы мы ни понимали эту исторію, развѣ лишаемъ мы права доказывать, что Кантовую теоріей знанія эта исторія предрѣшается въ такомъ смыслѣ, что выходятъ одни только противорѣчія и невозможности? И развѣ мы не имѣемъ права доказывать несостоятельность этой теоріи знанія на томъ основаніи, что она ведетъ къ противорѣчіямъ и невозможностямъ въ наукахъ, которыя она берется объяснить и обосновать. Вѣдь возникновеніе и развитіе каждой индивидуальной жизни представленія во всякомъ случаѣ есть, по крайней мѣрѣ, такой же безспорный эмпирический фактъ, какъ любой фактъ изъ простой жизни природы. И та теорія знанія, которая оказывается совершенно неспособной объяснить наше знаніе этого факта, такъ же безусловно осудила бы самое себя, какъ безусловно осудила бы самое себя теорія знанія, которая оказалась бы бессильной объяснить наше знаніе исторіи явленій природы. Къ чему же тутъ вводить вопросъ о смѣнѣ, который специально въ моей книгѣ не разсматривается и не имѣетъ въ данномъ случаѣ ровно никакого приложенія? Вѣдь я имѣю дѣло въ своей книгѣ не съ софистически-скептической теоріей, которая бы начиналась и оканчивалась безусловнымъ отрицаніемъ всякой смѣны, а съ положительной теоріей знанія, которая устанавливаетъ цѣлую систему безусловно достовѣрныхъ истинъ и которая берется объяснять человѣческое знаніе, человѣческой опытъ.

Г. проф. Введенскій дѣлаетъ мнѣ нѣкоторыя возраженія, и не относящіяся къ его главному обвиненію. Они также любопытны.

На стр. 18—19 моей книги я говорю, что можно убѣждаться

(конечно, не съ безусловною необходимостію) въ истинности аксіомъ строго эмпирическимъ путемъ—черезъ простое наблюденіе частныхъ случаевъ, соотвѣтствующихъ имъ, игнорируя такія особенности этихъ частныхъ случаевъ, которыя, по Канту, должны придавать нашему убѣжденію въ геометрическихъ истинахъ умо-зрительный характеръ. Въ подсрочномъ примѣчаніи къ стр. 644 г. проф. Введенскій говоритъ, что у меня не рѣдко выходитъ, будто бы, по Канту, есть два пространства, и въ доказательство ссылается на эту именно мою мысль. Очевидно, онъ считаетъ эту мысль несоотвѣтствующей Кантову взгляду. Не знаю, почему онъ такъ думаетъ. Кантъ очень часто въ своихъ сочиненіяхъ (смотри, наприм., *Krit. d. r. V. 559—560. Ueb. Entd. I. Abschn. № 2*, а также въ сочиненіи противъ Кестнера и проч.) различаетъ геометрическіе образы, начертанные въ чистомъ созерцаніи (въ воображеніи) и въ созерцаніи эмпирическомъ (наприм., на бумагѣ). Онъ признаетъ, правда, возможность пріобрѣтать умо-зрительное знаніе геометрическихъ истинъ и тогда, когда имѣютъ передъ глазами эмпирической чертежъ; однако, онъ считаетъ необходимымъ условіемъ (см. «Критику») при этомъ, чтобъ обращали вниманіе только на дѣло конструирования понятія и абстрагировали отъ эмпирическихъ особенностей фигуры, которыя не относятся къ ея общему понятію. И еще опредѣленнѣе онъ разъясняетъ въ *Ueb. d. Entd.*, что математикъ полагаетъ въ основаніе всѣхъ своихъ демонстрацій конструкцію чистую, т.-е. созданную силой воображенія, и именно поэтому, какъ бы ни былъ несовершенъ эмпирической образъ, который онъ имѣетъ передъ глазами, строгость доказательства нисколько не страдаетъ. Отсюда ясно, что, съ точки зрѣнія Кантовой теории знанія, вполне возможенъ эмпирической путь выслѣживанія истинности аксіомъ. Пусть, имѣя передъ глазами эмпирическіе образы, мы не обращали бы вниманія на процессъ конструирования фигуры въ созерцаніи чистомъ и не абстрагировали бы отъ несовершенствъ строенія фигуръ, взятыхъ эмпирически. Пусть мы даже только рѣшились бы не руководиться въ своихъ выводахъ тѣми поправками въ строеніи этихъ фигуръ, которыя предлагаетъ воображеніе, съ какою бы неотвязчивою необходимостію онѣ ни навязывались намъ. Пусть мы рѣшились бы констатировать въ своемъ выводѣ лишь то, что прямо встрѣчаемъ на эмпирически данныхъ фигурахъ. Въ такомъ случаѣ нашъ процессъ былъ бы, очевидно,

той самой индукціей, которая неспособна дать выводовъ безусловно всеобщихъ и необходимыхъ, а поэтому нашъ выводъ былъ бы эмпирическимъ, хотя бы дѣло и шло о законахъ созерцанія а priori. Г. проф. Введенскій, очевидно, недостаточно уяснилъ себѣ все это. Но особенно меня поразило разъясненіе г. проф. Введенскимъ того пути, какимъ, по его мнѣнію, я будто бы пришелъ къ усвоенію Канту двухъ пространствъ. «Г. Каринскій, пишетъ онъ, погнался за передачей самыхъ словъ Канта и вездѣ передаетъ слово Anschauung словомъ «созерцаніе». Оно сбиваетъ его мысль въ сторону отъ дѣйствительнаго Канта даже въ ученіи о пространствѣ; когда онъ говоритъ о послѣднемъ, у него нерѣдко выходитъ, будто бы, по Канту, есть два пространства». Какая мысль заключается въ этихъ словахъ, какимъ образомъ изъ точнаго и правильнаго перевода Кантова термина должно было получиться полное искаженіе Кантовой мысли, этого я совершенно не понимаю. Если бы г. проф. Введенскій уже очень былъ заинтересованъ въ удвоеніи пространства, то онъ могъ бы, не вдаваясь въ такія рискованныя соображенія, просто взять во вниманіе два факта: во-первыхъ, тотъ фактъ, что Кантъ ясно и рѣшительно учитъ (Proleg. § 49), что понятіе виѣ насъ означаетъ только существованіе въ пространствѣ, во-вторыхъ, высказанную имъ самимъ мысль, что, по ученію Канта, пространство находится виѣ насъ. На этихъ двухъ фактахъ онъ, несомнѣнно, могъ бы построить болѣе прочный выводъ объ удвоеніи Кантова пространства въ русской литературѣ.

Въ примѣчаніи къ стр. 654 мой критикъ говоритъ: «г. Каринскій увѣренъ (хотя и не доказываетъ этого, а только бранитъ обратный взглядъ именемъ поверхностной философской рефлексіи, см. стр. 104), что въ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ мы имѣемъ дѣло съ живой... реальностію. Вотъ съ точки зрѣнія этого (близкаго къ наивному реализму) взгляда, онъ находитъ у Канта множество затрудненій».

На стр. 104 своей книги я дѣйствительно назвалъ поверхностной философіей взглядъ, противоположный моему взгляду. Но этой характеристикой неправильнаго мнѣнія я никакъ не ограничиваюсь и тотчасъ же затѣмъ, на слѣдующихъ стр. 105—109, доказываю его несостоятельность и такимъ образомъ косвенно оправдываю свой взглядъ, насколько это возможно въ сочиненіи, исключительно посвященномъ разбору чужого (Кантова) мнѣнія. Судя

по приведеннымъ выше образцамъ возраженій г. проф. Введенскаго противъ моихъ доводовъ, я нимало не сомнѣваюсь, что ему ничего не стоило опровергнуть и эти мои доказательства, но все же, мнѣ кажется, ему не слѣдовало говорить такъ, какъ будто бы этихъ доказательствъ вовсе не существовало. Не совсѣмъ понимаю я также и мысль моего критика, когда онъ называетъ мой взглядъ на ощущенія, какъ на живое состояніе духа, близкимъ къ наивному реализму. Подъ «наивнымъ реализмомъ» разумѣется взглядъ, который коренится въ непосредственномъ сознаниі, но въ то же время со всею очевидностію опровергается научнымъ, философскимъ мышленіемъ. Таковъ взглядъ, по которому данные во внѣшнемъ воспріятіи предметы прямо и непосредственно отождествляются съ независимымъ отъ духа бытіемъ. Я ни въ какомъ случаѣ не расположенъ порицать какой-нибудь взглядъ только за близость его къ взгляду непосредственнаго сознанія или ставить въ достоинство какому-нибудь взгляду его противорѣчіе съ непосредственнымъ сознаніемъ. Но не могу не замѣтить, что признаніе ощущеній (внѣшнихъ) за состоянія, непосредственно переживаемыя душою, очень далеко отъ непосредственнаго сознанія, которое смотритъ на нихъ какъ на свойства внѣшнихъ предметовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ взглядѣ совсѣмъ нѣтъ той черты, которая, правда, еще не составляетъ наивнаго реализма, но безъ которой онъ совершенно не мыслимъ. Мнѣ кажется, справедливо было бы признать и то, что при этомъ взглядѣ анализъ постановки объективности идетъ въ извѣстномъ отношеніи далѣе, чѣмъ въ такъ называемой, «критической» философіи. Для нея кореннымъ фактомъ служитъ представленіе, какъ противопоставленіе духомъ себѣ извѣстнаго содержанія. Она ставитъ своею задачей объяснить объективность, съ какой являются эти представленія въ воспріятіи, и ту правильность въ ихъ теченіи, которая дѣлаетъ возможной эту постановку. Взглядъ, который г. проф. Введенскій называетъ близкимъ къ наивному реализму, ставитъ (вмѣстѣ съ эмпиризмомъ) вопросъ объ условіяхъ постановки самаго представленія, объ условіяхъ противопоставленія духу извѣстнаго содержанія и дѣлаетъ (совершенно отличную отъ эмпиризма) попытку,—удачную или неудачную, не мнѣ объ этомъ судить,—разрѣшить этотъ вопросъ. Примѣняя въ отношеніи къ моему взгляду терминъ «наивный реализмъ», г. проф. Введенскій очевидно искалъ только термина наиболѣе сильнаго, наиболѣе

энергичнаго. Для приверженца Кантовой философіи, по моему мнѣнію, всего менѣе основаній именно въ вопросѣ объ ощущеніяхъ свысока относиться къ какимъ бы то ни было взглядамъ. Вниманіе Канта было сосредоточено на формахъ знанія. Въ отношеніи къ матеріалу знанія только вопросъ о возможной подчиненности матеріала формамъ, тѣсно связанный съ вопросомъ о самыхъ формахъ, занималъ его умъ. А поэтому въ ученіи о матеріалѣ знанія его теорія догматична и неопредѣленна въ такой степени, въ какой не страдаютъ этимъ недостаткомъ теоріи даже его предшественниковъ. Въ настоящее время едва ли можетъ уже быть какое сомнѣніе въ томъ, что онъ дѣйствительно признавалъ независимыя для духа вещи причинами ощущеній; наши воспріятія, по его ученію, суть совершенно субъективныя представленія, но все же они суть представленія именно объ этихъ вещахъ. Нѣтъ даже никакой нужды за подтвержденіемъ этого обращаться къ сличеніямъ различныхъ мѣстъ и толкованіямъ «Критики». Слишкомъ ясно и рѣшительно говоритъ объ этомъ самъ Кантъ въ письмѣ къ Бэку отъ 4 дек. 1492 г.: «Подъ принятымъ именемъ Энесидема,—пишетъ онъ,—кто-то предлагалъ еще далѣе идущій скептицизмъ, именно, что мы вовсе не можемъ знать, соотвѣтствуетъ ли нашему представленію что-нибудь другое (въ качествѣ объекта). Это значило бы то же, что спрашивать о томъ, представленіе есть ли представленіе (представляетъ-ли оно что-нибудь). Вѣдь представленіе есть опредѣленіе въ насъ, которое мы относимъ на что-то другое (чего мѣсто оно какъ бы занимаетъ въ насъ)». Приверженцу Кантовой философіи, прежде чѣмъ относиться свысока къ моему взгляду на ощущенія, слѣдовало бы дать отвѣтъ на мои доказательства той мысли, что взглядъ Канта на ощущенія какъ на содержаніе воспріятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на отличіе послѣднихъ отъ простыхъ представленій не имѣетъ и не можетъ имѣть ровно никакой опредѣленности. Ему не слѣдовало забывать также, что возраженія Шопенгауэра противъ ученія Канта о содержаніи внутренняго чувства остаются доселѣ безъ отвѣта (см. мой «Критич. обзоръ послѣд. пер. герм. философіи»), и удовлетворительный отвѣтъ на нихъ съ точки зрѣнія Кантовой теоріи знанія—совершенно невозможенъ.

М. Каринскій.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

Paul Deussen. Allgemeine Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Religionen. 1-er B., 1-te Abth. Allgemeine Einleitung und Philosophie des Veda bis auf die Upanishad's. Leipz. 1894, S. XVI+336.

Rich. Garbe. Die Sâmkhya-Philosophie. Eine Darstellung des indischen Rationalismus nach den Quellen. Leipz. 1894, pp. VIII+347.

Max Müller. Three Lectures on the Vedânta Philosophy. Lond. 1894, pp. VII+173.

Индійская философія съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все большее вниманіе знатоковъ и любителей философіи. Три обстоятельства наиболѣе содѣйствуютъ этому: сравнительно малая ея извѣстность; ея пессимизмъ, соотвѣтствующій общему современному настроенію; и оскуднѣніе въ послѣднее время философской мысли, ищущей вдохновенія не въ свободномъ творчествѣ, а въ памятникахъ прошлаго. Бѣдная еще недавно, литература по индійской философіи въ настоящее время настолько обширна, что можно жаловаться не на недостатокъ, а на трудность выбора соотвѣтствующихъ руководствъ. Эта трудность своеобразна: одни изъ нихъ облечены въ такую броню ученыхъ терминовъ и ссылокъ, что невооруженный санскритомъ умъ отказывается сквозь нее проникнуть; другія, свободныя отъ этой брони, кажутся настолько поверхностными и малосодержательными, что едва вознаграждаютъ за трудъ чтенія. Главная причина этого — въ самомъ характерѣ индійской философіи, глубо-

кой, но не богатой содержаніемъ, и въ такой мѣрѣ подчиняющей содержаніе формѣ, что безъ своеобразныхъ терминовъ и оборотовъ передача этого содержанія частью прямо невозможна, часто возможна лишь для того, кто одинаково у себя дома какъ въ индійской, такъ и въ современной философіи.

Изъ поставленныхъ въ заголовкѣ книгъ отъ общаго типа уклоняется только первая. Она соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ современной учености, общедоступна и богата содержаніемъ. Авторъ не только превосходный санскритологъ, засвидѣтельствовавшій глубокое знаніе санскритскихъ текстовъ въ своихъ *Das System des Vedānta* и *Die Sūtra's des Vedānta*, но и оригинальный мыслитель, занявшій своими *Die Elemente der Metaphysik* довольно видное мѣсто въ современной нѣмецкой философіи. За руководительное правило въ настоящей книгѣ принять имъ взглядъ, что всякая вообще философія есть метафизика, «не посколькѣ она (трансцендентно) выходитъ за предѣлы опыта, но посколькѣ она (имманентно) чрезъ него проникаетъ, чтобы постигнуть самое зерно, тогда какъ физическія науки остаются при скорлупѣ» (р. 5). И всякій историкъ философіи долженъ быть прежде всего философомъ, такъ какъ, если нельзя не согласиться съ Аристотелемъ, что для надлежащаго обсужденія истины необходимо быть не стороною, а судьей, то не менѣе вѣрно и то, что истиннымъ судьей можетъ быть лишь тотъ, кто по личному опыту знакомъ съ процессами (р. 32). Философское міровоззрѣніе автора навѣяно индійской философіей. Основной принципъ ея — всеединство — отразилось въ историческомъ міропониманіи Дейссена стремленіемъ постигнуть всю вообще философскую жизнь въ ея совокупномъ единствѣ. Авторъ не проводитъ рѣзкой грани ни между философіей и религіей, ни между философіей Востока и Запада, ни между древней и новой философіей. Его трудъ обнимаетъ въ стройномъ изложеніи по возможности все цѣнное, завѣщанное философской мысли всѣми культурными народами во всѣ времена. Ничего подобнаго общія руководства по философіи до сихъ поръ не давали, если не считать за цѣнное сухую номенклатуру и хронологію, разбавленныя отрывочными свѣдѣніями. Для Дейссена въ философіи нѣтъ ничего отрывочнаго. Она настолько едина, что «если бы въ дѣйствительности (что ничуть не невѣроятно) на другихъ планетахъ нашей солнечной системы или же, быть можетъ, безчисленныхъ планетахъ

другихъ солнечныхъ системъ... существовалъ человѣческой или человѣкоподобный родъ, который бы создалъ культуру и какъ ея высшій цвѣтъ—философію, то мы могли бы принять съ весьма большою правдоподобностью, что эта философія другихъ міровъ въ существенныхъ фазахъ развитія и результатахъ обнаружила бы значительное согласіе съ философіей нашей планеты. За это говоритъ не только основательное предположеніе, что и тамъ, какъ здѣсь, стояли бы лицомъ къ лицу одна и та же природа вещей и одинъ и тотъ же познающій ее и мыслящій умъ, но до нѣкоторой степени и эмпирическія данныя, такъ какъ мы уже здѣсь на землѣ встрѣчаемъ два параллельныхъ философскихъ развитія, индійское и западно-азиатско-европейское, которыя другъ отъ друга такъ независимы, какъ будто принадлежатъ различнымъ планетамъ, и однако въ методахъ и результатахъ выказываютъ удивительное согласіе» (р. 7).

Настоящій выпускъ содержитъ введеніе и философію Вѣдъ до Упанишадъ. Метода автора—генетическая, повсюду выслѣживающая исторію мысли и прежде всего самой главной—идеи всеединства. Если не считать нѣсколько праздныхъ разглагольствованій (наприм., о философіи на другихъ планетахъ, къ которой Дейссенъ возвращается неоднократно) и кое-какихъ слишкомъ смѣлыхъ утверждений (наприм., объ отношеніи греческой культуры къ христіанскому ученію), то обработка можетъ быть названа вполне удовлетворительной. Изъ санскритскихъ текстовъ умѣло выбраны наиболѣе характерныя мѣста и приведены въ прекрасномъ переводѣ автора. Вниманію лицъ, мало знакомыхъ съ индійскою древностью, среди многого другого нельзя не рекомендовать въ особенности пѣсню пьянаго Индры (р. 99—100), гимнъ къ лягушкамъ (рр. 101—102) и главное—знаменитый гимнъ о мірозданіи (рр. 119—127), воспроизведенный Дейссеномъ въ двухъ переводахъ, буквальномъ и стихотворномъ, и снабженный обстоятельнымъ комментариемъ. Кто пытался переводить этотъ гимнъ съ санскрита (въ подлинникѣ онъ помѣщенъ, между прочимъ, въ извѣстныхъ хрестоматіяхъ Шлейхера и Бэтлингга) и знакомъ съ нимъ изъ другихъ переводовъ, вполне оцѣнитъ переводъ и комментарий Дейссена. Въ общемъ, его работа—одно изъ наиболѣе цѣнныхъ явленій въ философской литературѣ послѣдняго времени.

Книга Гарбе можетъ служить типомъ работъ, защищающихся

отъ любопытства читателей броней тяжеловѣсной учености. Изложеніе пестритъ всевозможными санскритскими терминами и самыми разнообразными ссылками на индійскіе тексты и новѣйшія изслѣдованія. И хотя авторъ, «чтобы найти для своей работы читателей внѣ тѣснаго круга индологовъ, по мѣрѣ возможности, отнесъ матеріаль доказательствъ и филологическія объясненія въ примѣчанія подъ текстомъ»,—но отъ этого дѣло не много выигрываетъ. Броня учености надѣта на книгу не безъ задней мысли, чисто практической. Авторъ «не желалъ настоящей работой сдѣлать излишними опубликованныя имъ пять лѣтъ назадъ переводы текстовъ Санкья. Поэтому, кто хочетъ во всѣхъ частностяхъ прослѣдить вопросы, къ постановкѣ которыхъ повели въ Индіи философскія ученія Санкья, долженъ быть отосланъ къ этимъ переводамъ». Въ этихъ «вопросахъ», несомнѣнно, главный интересъ; но и не задаваясь ими, книгу прочесть можно, если запастись значительнымъ терпѣніемъ и читать понемногу и со свѣжими силами. Вознаградитъ ли это чтеніе потраченный на него трудъ? Едва ли. Знакомые съ исторіей философіи не найдутъ ничего новаго; незнакомые же усмотрятъ въ разсужденіяхъ индійскаго философа наивныя и притомъ скучныя разсужденія, такъ какъ глубокой смыслъ ихъ раскрывается только въ свѣтѣ историческихъ аналогій. Отъ этихъ аналогій намѣренно воздерживается авторъ. По его мнѣнію, «всего болѣе въ интересахъ дѣла простое, объективное изложеніе ученія Санкья», и потому онъ «не входилъ въ ихъ критику и не старался оживить свое изложеніе сравненіями съ подобными же ученіями европейской философіи». Изложеніе дѣйствительно вышло объективнымъ, но за то и безжизненнымъ.

Лекціи Макса Мюллера предназначены для широкаго круга читателей; онѣ не отпугиваютъ сухой ученостью, но за то и не богаты содержаніемъ. Книгу безъ ущерба можно было бы сократить, по крайней мѣрѣ, вчетверо, и то осталось бы довольно мѣста для краснорѣчія. Изъ трехъ лекцій, которыя она содержитъ, двѣ первыя посвящены изложенію философіи Вѣданты, а послѣдняя—«сходству и различію между индійской и европейской философіей». Наиболѣе интересна послѣдняя лекція, а въ ней особаго вниманія заслуживаютъ сопоставленія ученія Вѣданты о словѣ и мудрости съ библійскимъ ученіемъ о Мудрости и Логосѣ.

А. Гиляровъ.

W. R. Scott. A simple History of Ancient Philosophy. Lond., 1894, pp. IX+91.

Авторъ задался цѣлью придти на помощь начинающимъ изученіе философіи. Лица эти, по его мнѣнію, находятся въ печальномъ положеніи, такъ какъ для пониманія философскихъ ученій необходимо знакомство съ исторіей философіи, а всѣ руководства по исторіи философіи переполнены терминами, смыслъ которыхъ становится понятнымъ только изъ философскихъ ученій. Чтобъ избѣжать такой «неприятной дилеммы», авторъ задумалъ написать исторію философіи, которая содержала бы термины не въ текстѣ, а въ приложеніи. Разумѣется, попытка оказалась совершенно безплодной. Между мыслью и словомъ существуетъ такое тѣсное взаимодѣйствіе, что всякое осмысленное слово выражаетъ мысль, а всякая мысль выражается въ словѣ. Поэтому абстрактные термины невозможно адекватно передать никакими конкретными понятіями; безъ философской терминологіи невозможна философія, а потому и исторія философіи. Можно ли, на примѣръ, излагать ученіе Сократа, не говоря объ «опредѣленіяхъ» и «наведеніи», ученіе Платона, не говоря объ «идеяхъ», ученіе Аристотеля, не говоря о «силлогизмахъ», «матеріи», «формѣ» и т. д.? Всѣми этими терминами авторъ и пользуется въ своемъ изложеніи, и оно для начинающихъ ничуть не болѣе доступно, чѣмъ въ любомъ другомъ руководствѣ. Убѣдиться можно на всякой страницѣ, «гдѣ откроется». На примѣръ, стр. 38, ученіе Платона объ идеяхъ: «Разумомъ переносимся мы въ міръ идей, изъ которыхъ каждая вѣчно едина, неизмѣнна; каждая—прототипъ и причина многихъ измѣнчивыхъ особей (въ мірѣ чувственномъ), соединяемыхъ нами въ общій классъ, обязанный своими немногими постоянными чертами вѣчному архетипу, отражающему его изъ горняго міра» и т. д. Такой языкъ никто не назоветъ общедоступнымъ. «Недостатки своего изложенія» авторъ «пытался пополнить рядомъ диаграммъ, символически группирующихъ нѣкоторые абстрактные принципы». Диаграммы эти помѣщены въ концѣ книги и сопровождаются объясненіями. Самому автору онѣ, быть можетъ, помогали при составленіи книги, но читателю, въ особенности начинающему, едва ли окажутъ сколько-нибудь значительную помощь, тѣмъ болѣе, что и съ внѣшней стороны исполнены дурно.

А. Гиляровъ.

G. K. Uphues. Psychologie des Erkennens vom empirischen Standpunkte. Erster Band. Leipzig, 1893, SS. VIII+318.

Эта книга является во многихъ отношеніяхъ заслуживающею самаго серьезнаго вниманія. Интересъ предмета, замѣчательное мастерство въ обработкѣ поднимаемыхъ вопросовъ и обширная эрудиція автора дѣлаютъ разсматриваемый трудъ весьма цѣннымъ для всякаго, занимающагося гносеологіей.

Задачей своей работы авторъ ставитъ—дать «теорію сознанія и воспріятія и попытаться на основѣ ея объяснить происхожденіе міропредставленія обычнаго сознанія» (стр. III). Основную свою точку зрѣнія онъ обозначаетъ, указывая на согласіе свое съ *Рилемъ*, причѣмъ замѣчаетъ, что это согласіе не помѣшало ему быть вполне независимымъ въ выводахъ. Относительно отдѣльныхъ и частныхъ результатовъ своей работы онъ увѣренъ, что они покоятся на основаніяхъ достаточно объективныхъ, чтобы быть удобопріемлемыми даже для людей, не раздѣляющихъ его основной точки зрѣнія (стр. III—IV).

Книга открывается обширнымъ *введеніемъ* (стр. 1—125), въ которомъ обсуждаются вопросы объ отношеніи психологіи къ остальнымъ философскимъ дисциплинамъ (стр. 1—13), о происхожденіи понятія души въ греческой философіи (стр. 22—46), о составѣ нашего обычнаго міропредставленія (стр. 56—83) и, наконецъ, устанавливается понятіе и опредѣляется методъ психологіи познанія (стр. 99—117). Главныя мысли этого введенія состоятъ въ томъ, что психологія, какъ психологія познанія, воли, чувства и воображенія, есть основоположительная (*grundlegende*) философская дисциплина и, какъ таковая, должна разрабатываться безъ всякихъ метафизическихъ предположеній; ея методъ—по преимуществу аналитическій (стр. 10, 12, 102, 112, 114).

За введеніемъ слѣдуетъ трактатъ *о сознаніи вообще* (стр. 126—156). Здѣсь прежде всего устанавливается двойное значеніе слова «сознаніе». Авторъ находитъ, что «сознательность (*Bewusstheit*)» надо отличать отъ «сознанія (*Bewusstsein*)» въ собственномъ смыслѣ, хотя не только въ обыденномъ мышленіи, но и въ психологическихъ изслѣдованіяхъ это различеніе обыкновенно не соблюдается. «Сознательность» есть родовой признакъ всѣхъ вообще явленій сознанія (стр. 127, сравни стр. 136). Не всякое сознаніе есть сознаніе опредѣленнаго содержанія, относимаго къ предмету, — иначе не могло бы быть рѣчи о сознаніи чувствованій.

Поэтому необходимо отличать «сознание предмета (Gegenstandsbe-wusstsein)» отъ «сознания состоянія (Zustandsbewusstsein)». И вотъ, «сознательность» и есть общій признакъ обоихъ этихъ видовъ сознанія. Тотъ смыслъ, какой мы можемъ, такимъ образомъ, соединить съ понятіемъ «Bewusstheit», и образуетъ *первое значеніе слова «сознаніе»*, а сознаніе предмета и состоянія—второе (стр. 127, 136, срав. стр. 294). Во *второмъ значеніи* слово «сознаніе» употребляется также, когда мы говоримъ о «собственномъ» и «чужомъ» сознаніи. Подъ собственнымъ сознаніемъ, по словамъ автора, мы разумѣемъ какъ настоящія явленія сознанія, познаваемые при помощи рефлексіи, такъ и прошедшія, — воспроизводимыя нами въ воспоминаніи (стр. 128). Съ чужимъ сознаніемъ мы знакомимся чрезъ умозаключеніе по аналогіи. Но — замѣчаетъ при этомъ авторъ — «ни заключеніе по аналогіи, при помощи котораго мы узнаемъ о чужомъ сознаніи, ни самое различеніе собственного и чужого сознанія еще не предполагаютъ допущенія тѣлъ» (ibid.). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ сущность и роды «предметнаго сознанія» (Gegenstandsbe-wusstsein). Сюда онъ относитъ воспріятія, представленія и сужденія, которыя всѣ характеризуются именно «отношеніемъ къ предмету», причемъ подъ предметомъ разумѣется «нѣчто отличное отъ фактовъ сознанія» (стр. 141). Предметное сознаніе относится, какъ видъ къ роду, къ сознанію въ первомъ значеніи этого слова (стр. 144). Если мы будемъ различать виды разсматриваемаго сознанія по его предметамъ, то получимъ два главныхъ вида: сознаніе *имманентныхъ* и сознаніе *трансцендентныхъ* предметовъ. «*Просто имманентными*, говоритъ авторъ, мы называемъ явленія нашего собственного сознанія. *Имманентными въ извѣстномъ отношеніи* называемъ прошедшія явленія собственного сознанія и явленія чужого сознанія, — первыя потому, что они для нашего сознанія *были* просто имманентными, а послѣднія потому, что они для чужаго сознанія или *суть*, или *были* просто имманентными. *Просто трансцендентнымъ* называемъ мы то, что не есть явленіе сознанія и такимъ образомъ не принадлежитъ ни нашему, ни чужому сознанію. *Трансцендентнымъ въ извѣстномъ отношеніи* мы называемъ также прошедшія явленія нашего собственного сознанія и явленія чужого сознанія, поскольку они не принадлежатъ къ просто имманентному. Такимъ образомъ, имманентное въ извѣстномъ отношеніи — трансцендентно въ другомъ отношеніи» (стр. 150—151).

Слѣдующій трактатъ посвященъ *воспріятію* (стр. 157 — 185), подъ которымъ авторъ разумѣетъ, согласно обыденному словопотребленію, «представленіе о присутствіи трансцендентнаго въ въ первоначальномъ ощущеніи» (стр. 157). То обстоятельство, что воспріятіе направляется на трансцендентныя предметы, еще не значитъ, что эти предметы существуютъ (стр. 164). Различая два рода знанія: *ассоціативное*, состоящее изъ представленій, и знаніе, получаемое путемъ *сужденій*, мы должны въ воспріятіи признать необходимое предположеніе того и другого знанія (стр. 169—170).

Дальнѣйшій отдѣлъ—о *происхожденіи нашего міропредставленія*—является самою важною частью книги. Здѣсь сначала опредѣляется генезисъ представленій о *вещи, индивидуальности* и о *сохраненіи вещью тождества съ собою* (стр. 186—207). Самое первоначальное представленіе о вещи, по мнѣнію автора, создается на основѣ *осязательнаго* воспріятія, но впослѣдствіи оно ассоціируется съ воспріятіями и другихъ чувствъ (стр. 186—188). Принципомъ индивидуальности является существованіе вещи въ извѣстномъ мѣстѣ, не занимаемомъ одновременно другою вещью. Только индивидуализированное можетъ быть тождественнымъ съ самимъ собою (стр. 192 и слѣд.). Сохранять тождество съ собою могутъ только вещи. Предметы, не составляющіе вещей, могутъ пребывать тождественными, только будучи связаны съ вещами. Очень интересны здѣсь разсужденія автора о томъ, какъ въ насъ вырабатывается увѣренность, что воспринимаемые нами въ данный моментъ предметы тождественны съ воспринимавшимися ранѣе, что они оставались тождественными и въ промежуткѣ времени между этими воспріятіями, и какъ мы убѣждаемся въ томъ, что другіе люди воспринимаютъ тѣ же предметы, которые воспринимаемъ мы (стр. 194 и слѣд.).—Затѣмъ авторъ опредѣляетъ происхожденіе представленій о *протяженіи, мстѣ, движеніи* (стр. 208—219). Далѣе, онъ разсматриваетъ теоріи объ *отношеніи воспріятія къ предмету* (стр. 220—231) и указываетъ психологическую сущность *обобщенія, отвлеченія и рефлексіи*, какъ познавательныхъ приемовъ (стр. 232—247).

Въ приложеніи къ книгѣ Urhues'a данъ очеркъ теоріи сознанія и воспріятія у Платона и Аристотеля (стр. 248—289). Заслуживаетъ упоминанія образцово составленный, обстоятельный «*Sach- und Namen-Register*», весьма облегчающій всякаго рода справки и сопоставленія въ книгѣ.

П. Тихомировъ.

Ch. Adam. La philosophie en France (première moitié du XIX-e siècle). Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris. 1894. pp. 444. 7 fr. 50.

Первая половина XIX вѣка представляетъ въ исторіи французской философіи чрезвычайно интересный періодъ, на которомъ сказалось могучее вліяніе великой революціи и который совмѣстилъ въ себѣ самыя разнородныя направленія философской мысли: въ течение этого небольшого промежутка времени можно наблюдать всѣ три контовскія стадіи развитія мысли. Если панегиристы стараго порядка, вродѣ Бональда и де-Мэстра, проповѣдуя всеобщую реставрацію и возвращеніе къ отвергнутымъ идеаламъ авторитета и католицизма, стоятъ на теологической ступени, то такіе мыслители, какъ Мэнъ де-Биранъ, Ройэ-Колляръ, Кузень и Жюфруа, несомнѣнно, занимаютъ метафизическую позицію; а съ другой стороны, сенсимонисты и, конечно, самъ Кантъ являются глубоко убѣжденными позитивистами. Характеристикѣ этихъ основныхъ воззрѣній, въ лицѣ ихъ важнѣйшихъ представителей, и посвящаетъ Аданъ свою книгу. Она состоитъ изъ ряда небольшихъ очерковъ, которые, не вдаваясь въ детали и подробности, излагаютъ какъ внѣшнюю жизнь, такъ и системы различныхъ философовъ данной эпохи, трактуемой авторомъ—какъ нѣчто цѣльное и законченное. Все то, что сообщаетъ Аданъ, не отличается новизной: онъ не прибавляетъ ни одного новаго штриха къ давно извѣстнымъ портретамъ тѣхъ дѣятелей французской мысли, которые такъ значительно повліяли на философію XIX столѣтія. Въ его освѣщеніи ихъ теорій нѣтъ оригинальности, и его анализъ не проникаетъ глубоко въ сущность философскаго ученія, хотя и даетъ о немъ вполне достаточное понятіе. Въ живомъ и популярномъ разказѣ Адана главную роль играетъ не критическое отношеніе къ идеямъ занимающихъ его писателей, а ясная передача этихъ идей, поскольку онѣ составляютъ сущность той или другой системы; наоборотъ, тамъ, гдѣ авторъ останавливается на критикѣ какого-либо міровоззрѣнія, онъ скользитъ по поверхности и часто беретъ подъ свою защиту то, что ни въ какомъ оправданіи не нуждается: такъ, напримѣръ, онъ считаетъ нужнымъ извинять Ампера въ томъ, что этотъ симпатичный мыслитель видѣлъ въ цивилизаціи только развитіе силъ и способностей человѣка, только средство, ведущее къ прогрессу наукъ, къ гражданской свободѣ, къ независимости народовъ;

Аданъ спѣшитъ успокоить читателя увѣреніемъ, что на ряду съ этими мыслями въ [письмахъ Ампера находятся «les exhortations et les effusions les plus religieuses, sur les sacrements qu'il vient de recevoir, sur la fête de Pâques qu'il se prépare à célébrer»... (стр. 187).

Отдѣльные очерки въ книгѣ Адана объединены между собою той руководящей идеей, что всѣ направленія французской философіи изучаемаго періода сводятся къ тремъ школамъ. Во главѣ первой изъ нихъ стоятъ до нѣкоторой степени ведущіе свое происхожденіе отъ Шатобриана философы реакціи. Они, полемизируя съ просвѣтительными теоріями XVIII вѣка, или совсѣмъ унижаютъ разумъ передъ вѣрой, или, какъ Бональдъ, признаютъ его даромъ Бога,—даромъ, который имѣетъ своей конечною цѣлью убѣдить людей въ необходимости религіи и который поэтому, скованный своей миссіей, не можетъ быть свободнымъ достояніемъ человѣческаго духа; они, въ противоположность декларации правъ, говорятъ исключительно объ установленіи обязанностей человѣка, многочисленныхъ обязанностей по отношенію къ Богу и свѣтской власти и подавляютъ личность гнетомъ деспотическаго авторитета. Другая школа родственна по стремленіямъ г-жѣ Сталь, которая впервые своей тосковавшей душой обратилась къ мистической глубинѣ германской мысли, туда, гдѣ «религія была философской, а философія религіозной» (Аданъ, стр. 23); эта школа Мэнъ де-Бирана, Ампера, Ройэ-Колляра, Кузена, Жуфруа отвергла сенсуализмъ Локка и Кондильяка и, занимаясь человѣкомъ, какъ индивидуумомъ, создала психологію, которая колеблется между идеализмомъ и эмпиризмомъ. Эти мыслители, въ особенности эклектики, были еще слишкомъ метафизики, чтобы выработать серьезную науку о душѣ, а съ другой стороны, они уже настолько порвали свои связи съ онтологіей, что не могли продумать до конца стройной и цѣльной метафизической системы. Мэнъ де-Биранъ послѣ глубокаго анализа своего собственнаго внутренняго міра, своихъ ощущеній, послѣ внушеннаго Лейбницемъ проникновенія въ область безсознательнаго, почувствовалъ вдругъ, что этотъ анализъ не далъ ему счастья и что такое самоисслѣдованіе даже безнравственно, какъ безнравственно интересоваться болѣзнью, не сочувствуя больному. Мэнъ де-Биранъ вышелъ изъ своей души, но не къ другимъ людямъ, а къ Богу, и средоточіемъ его философіи, вы-

лившейся прямо изъ сердца, сдѣлалась мораль. Амперъ строить свое ученіе на основахъ химіи и естествознанія; онъ только гипотезируетъ Бога, душу, міровую субстанцію, но онъ же обнаруживаетъ тенденцію перекинуть мостъ между кантовскими нуменами и феноменами. Ройэ-Колляръ, презрительно отзываясь о прежней «psychogonie», видя въ воспріятіи спасеніе отъ солипсизма, а своими понятіями Бога и причинности показываетъ, какъ онъ далекъ еще отъ критической философіи. Кузенъ, избравъ историческій путь, который можетъ привести только къ относительному, тѣмъ не менѣе ищетъ абсолютнаго, и догматикъ успѣшно борется въ немъ съ историкомъ философіи. Жюффруа, которому религія не дала покоя и мира, обратился къ философіи, но хотя онъ, довольствуясь релятивной истиной и защищая въ психологіи методъ физическихъ наукъ, имѣлъ подъ собою твердую почву, однако, онъ лишь указалъ правильную дорогу, а самъ не далеко зашелъ по ней. Эти мыслители-электики въ сферѣ общественныхъ вопросовъ или отличались полнымъ индифферентизмомъ, или, подобно Кузену, оппортунистически приспособлялись къ обстоятельствамъ. Отчасти въ видѣ реакціи противъ нихъ, отчасти продолжая и развивая идеи XVIII столѣтія, возникла, наконецъ, третья школа, школа позитивистовъ, ближайшимъ родоначальникомъ которой можно считать Сенъ-Симона. Позитивисты въ центрѣ міра поставили человѣка, главнымъ образомъ, страдающаго и обиженнаго человѣка, и въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда имѣли въ виду людское благо, реальное, земное счастье. Бодрые и энергичные, они не впадали въ пессимизмъ и, твердо вѣруя въ грядущій золотой вѣкъ, призывали всѣхъ къ дѣятельности и труду. Они хотѣли постигнуть законы, управляющіе соціальной жизнью, хотѣли пересоздать общество на новыхъ началахъ. Отказавшись отъ абсолютныхъ истинъ, они стремились къ такому знанію, которое отвѣчало бы на всѣ существенные запросы человѣка. Сенъ-Симонъ, Пьеръ Леру, Жанъ Рейно проповѣдовали всеобщую солидарность и любовь человѣка къ человѣку; они желали дать удовлетвореніе не только разуму, но и чувству, и вотъ почему подъ ихъ знамена сошлось такъ много послѣдователей. Они провозгласили религію человѣчества и построили такой храмъ, гдѣ человѣкъ въ одно и то же время былъ и божествомъ, и колѣнопреклоненнымъ, молящимся существомъ. Позитивисты, отдавая должное плоти, слили въ своей

религіи матеріальное съ духовнымъ,—въ религіи, которая не грозитъ наказаніями и не сулитъ наградъ, которой надо служить безкорыстно и чисто. Надѣясь, что когда-нибудь природа сдѣлается колоссальнымъ рабомъ человѣка, они покамѣстъ хотѣли сдѣлать трудъ привлекательнымъ и, какъ Фурье, плѣняли себя и другихъ радужными грезами. Девизомъ Конта, его предшественниковъ и его прозелитовъ было: любовь, какъ принципъ человѣческаго существованія, порядокъ, какъ его основаніе, и прогрессъ, какъ его цѣль.

Эти три школы и представлены въ книгѣ Адана. Несмотря на ея указанная слабости, мы рекомендуемъ ее читателю, какъ достаточно полную и рельефную картину французской мысли въ первой половинѣ истекающаго столѣтія.

Ю. А.

Вильгельмъ Вундтъ, профессоръ при университетѣ въ Лейпцигѣ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія: «W. Wundt. Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele» д-ра П. Я. Розенбаха. Съ 45 рисунками. Спб. 1894. Цѣна 5 рублей.

Нельзя не порадоваться появленію 2-го изданія «Лекцій Вундта о душѣ человѣка и животныхъ» на русскомъ языкѣ *). Изъ существующихъ въ настоящее время популярныхъ руководствъ по психологіи это—лучшее. Ясность и простота изложенія соединены здѣсь съ серьезною научностью содержанія.

Все сочиненіе распадается на 30 лекцій. Первая лекція составляетъ введеніе и заключаетъ въ себѣ краткій историческій очеркъ развитія психологіи и общія замѣчанія о ея задачахъ и методахъ.

Психологія должна быть опытною наукою. Опытъ долженъ давать кирпичи, а мышленіе—служить цементомъ, связывающимъ ихъ. Успѣхъ науки психологіи зависитъ отъ расширенія опыта и открытія вспомогательныхъ средствъ для мышленія. Особенно важнымъ вспомогательнымъ средствомъ является, по ученію Вундта, экспериментъ. Благодаря эксперименту, думаетъ Вундтъ, становится возможнымъ самонаблюденіе во время теченія психиче-

---

*) Отношеніе этого изданія къ первому изданію лекцій Вундта «О душѣ человѣка и животныхъ» отмѣчено въ общихъ чертахъ въ „Вопрос. фил. и псих.“ № 21, стр. 144—6.

скихъ процессовъ *). Такой высокій взглядъ Вундта на экспериментъ совершенно понятенъ. Вундтъ первый устроилъ институтъ экспериментальной психологіи и питаетъ къ экспериментальной психологіи особенное расположеніе. Но этотъ взглядъ грѣшитъ противъ истины. Если непосредственное наблюденіе надъ душевными явленіями во время ихъ теченія невозможно вообще, то и экспериментъ ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ случаѣ.

Въ лекціяхъ 2—8 излагается ученіе объ ощущеніяхъ, какъ элементахъ представленій. Эти лекціи написаны весьма хорошо. Все, что въ настоящее время извѣстно относительно общихъ условій, силы и качества ощущеній и что въ то же время можетъ быть понятно и интересно для читателя-неспециалиста, изложено здѣсь въ высшей степени послѣдовательно и ясно. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этихъ лекціяхъ принципіальная мысль, что сила и качество ощущеній опредѣляются закономъ относительности. «Вездѣ,—говоритъ Вундтъ,—гдѣ происходитъ количественная оцѣнка ощущеній со стороны ихъ интенсивности или качества, мы измѣряемъ отдѣльное ощущеніе въ его отношеніи къ другимъ ощущеніямъ того же рода» **). Можно пожалѣть лишь о томъ, что Вундтъ не сдѣлалъ необходимыхъ выводовъ изъ этой совершенно вѣрной мысли. Если намъ извѣстна только относительная сила ощущеній, а абсолютной силы мы не знаемъ, то едва замѣтная разница не можетъ быть единицею силы, и возрастаніе силы ощущеній не можетъ быть приравниваемо къ возрастанію величинъ ариѳметической прогрессіи: стало быть, Фехнеровская математическая формулировка Веберовскаго закона не вѣрна, и объ измѣреніи абсолютной силы ощущеній посредствомъ едва замѣтныхъ разницъ не можетъ быть и рѣчи ***). Вундтъ не дѣлаетъ этихъ выводовъ, находясь, очевидно, подъ влияніемъ воззрѣній своего учителя—Фехнера.

Лекціи 8—13 разъясняютъ образованіе пространственныхъ представленій. Вундтъ стоитъ на эмпирической точкѣ зрѣнія и развиваетъ теорію сложныхъ мѣстныхъ знаковъ. При этомъ онъ совершенно справедливо говоритъ, что первенствующая и руково-

*) 14 стр. въ нѣмец. подлинникѣ и стр. 13 въ рус. переводѣ.

**) 126—7 стр. въ нѣмец. подлинникѣ; ср. стр. 117 въ рус. переводѣ.

***) Подробное раскрытіе этихъ мыслей находится въ Христ. чтеніи, за мартъ—апрѣль, въ статьѣ „Психо-физическія изслѣдованія и ихъ значеніе для психологіи“.

дящая роль въ дѣлѣ образованія пространственныхъ представленій принадлежитъ не осязанію, а зрѣнію.

Въ 14—15 лекціяхъ разсматриваются чувствованія и хотѣнія.

Съ 16 по 22 лекцію идетъ разсужденіе о связи между представленіями. Это разсужденіе обнимаетъ собою ученія: о сознаніи, его развитіи и объемѣ, о продолжительности отдѣльныхъ психическихъ процессовъ, объ ассоціативныхъ и апперцептивныхъ соединеніяхъ представленій и о ненормальныхъ состояніяхъ души: о душевныхъ расстройствахъ, сновидѣніяхъ и гипнотизмѣ. Разсматриваемыя лекціи—самыя интересныя во всей книгѣ. Читатель, незнакомый съ экспериментально-психологическими изслѣдованіями, можетъ составить на основаніи этихъ лекцій отчетливое понятіе объ измѣреніи объема сознанія, о происхожденіи психометрическихъ изслѣдованій, о способахъ ихъ производства и т. д. Онъ увидитъ также, какая тѣсная связь существуетъ между гипнотическими состояніями, сновидѣніями и душевною жизнію во время бодрствованія и какъ, слѣдовательно, важно знаніе психологіи для лицъ, интересующихся гипнотизмомъ.

23—24 лекціи посвящены психологіи животныхъ. Здѣсь говорится о задачахъ и методахъ этой психологіи и высказывается общій взглядъ на душевную жизнь животныхъ. Психологія животныхъ должна основываться на психологіи человѣка. Но отсюда не слѣдуетъ, что нужно приписывать животнымъ все, что мы находимъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Большинство дѣйствій животныхъ основываются не на размышленіи, а на процессахъ воспроизведенія по законамъ ассоціаціи.

Въ 25—29 лекціяхъ содержится ученіе о чувствованіяхъ, афектахъ, выразительныхъ движеніяхъ, инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, о волѣ и свободѣ. Эти лекціи заключаютъ въ себѣ много интересныхъ и правильныхъ мыслей. Преимущественнаго вниманія заслуживаютъ лекціи о происхожденіи инстинктовъ и произвольныхъ дѣйствій.

Въ послѣдней, 30 лекціи Вундтъ высказываетъ свой взглядъ на безсмертіе души, на отношеніе душевныхъ процессовъ къ тѣлеснымъ и на сущность души. Нельзя сказать, чтобы проводимый имъ взглядъ былъ насквозь прозраченъ и отличался законченностью. Но одно ясно, что Вундтъ—противникъ матеріализма. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—говоритъ онъ,—что психическое можетъ быть дѣйствительно объясняемо лишь психическимъ, по-

добно тому, какъ движеніе можетъ быть производимо лишь отъ другого движенія *).

Переведена книга неудовлетворительно. О недостаткахъ перевода можно судить по рецензіямъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за февраль, стр. 456—8 и въ Церков. Вѣстникъ № 12 за настоящій годъ. Издана книга чисто и на хорошей бумагѣ, но цѣна ея (5 рублей за 29 печатныхъ листовъ) слишкомъ высока.

В. С.

L'année psychologique, publiée par Mm. H. Beaunis et A. Binet. Paris, 1895.

Какъ извѣстно, въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ, существуетъ психологическая лабораторія, которой завѣдуютъ физиологъ Бони и А. Бинэ. Въ нынѣшнемъ году они выпустили выше названное сочиненіе, которое, съ одной стороны, является сборникомъ изслѣдованій, произведенныхъ именно въ этой лабораторіи или вообще участниками ея, а съ другой,—представляетъ обзоръ трудовъ по психологіи (почти исключительно экспериментальной) за самое послѣднее время.

Въ предисловіи Бони дѣлаетъ краткій историческій очеркъ физиологической психологіи и приходитъ къ тому обычному среди физиологовъ (на нашъ взглядъ, одностороннему) заключенію, что психологія съ того времени только и стала наукой, когда прибѣгла къ экспериментальному методу.

Изъ оригинальныхъ работъ укажемъ прежде всего на работы Бинэ и Анри: «Память на слова и память на фразы». Изслѣдованія эти интересны какъ въ отношеніи достигнутыхъ ими результатовъ, такъ и по методу. Они производились въ школѣ надъ дѣтьми. На первый взглядъ такого рода изслѣдованія могли бы показаться сомнительными, такъ какъ эксперименты надъ дѣтьми должны были бы давать крайне недостовѣрные результаты; но экспериментаторы устранили всѣ тѣ причины, которыя могли дѣлать эксперименты недостовѣрными. Оказывается между прочимъ, что «память на слова, т.-е. память повторенія словъ тотчасъ послѣ того, какъ они услышаны, возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастомъ». «Число словъ, которыя мы *сохраняемъ* въ нашей памяти, равно трети или половинѣ словъ, которыя мы можемъ повторить *непосредственно* послѣ того, какъ мы ихъ

*) 481 стр. въ нѣмецк. оригиналѣ и 452 стр. въ русск. переводѣ.

услышали. Нужно, конечно, различать непосредственную память повторенія отъ памяти сохраненія». Далѣе, авторы изслѣдовали также *ошибки памяти*, которыя они раздѣляютъ на двѣ группы: ошибки вслѣдствіе *опущенія* (par omission) и ошибки вслѣдствіе *воображенія*. Ошибки вслѣдствіе опущенія состоятъ въ томъ, что мы забываемъ одно или нѣсколько словъ, которыя мы желали бы удержать въ памяти. Ошибки воображенія состоятъ въ безсознательной подстановкѣ другихъ словъ вмѣсто тѣхъ, которыя мы должны помнить. «Ошибки вслѣдствіе воображенія встрѣчаются у учениковъ вчетверо рѣже, чѣмъ ошибки вслѣдствіе забвенія». Наконецъ, изслѣдователи констатировали «существованіе совершенно особенной умственной операци, не объяснимой ни смежностью, ни сходствомъ», а именно—произвольное возникновеніе словъ, которыя ни съ чѣмъ не связаны. Въ изслѣдованіи «памяти на фразы» получились слѣдующіе результаты: «Число словъ, остающихся въ памяти послѣ того, какъ услышана одна или нѣсколько фразъ, находится въ опредѣленномъ отношеніи къ возрасту ребенка». «Въ памяти на фразы или ряды фразъ, слова, которыя играютъ самую главную роль въ разсказѣ, сохраняются лучше всего». Изъ этого изслѣдователи дѣлаютъ выводъ, что, по всей вѣроятности, «вниманіе не остается въ однообразномъ состояніи дѣятельности; оно возбуждается болѣе сильно въ одни моменты, менѣе сильно—въ другіе».

Далѣе слѣдуетъ «Психологическій этюдъ о драматическихъ писателяхъ». Авторы его, Бинэ и Пасси, поставили себѣ цѣлью изучить процессъ «творческаго воображенія» посредствомъ разспрашиванія самихъ художниковъ относительно процесса ихъ творчества. Они разспрашивали Сарду, А. Дюма, Додэ, Коппэ и др. Матеріалъ, ими собранный, хотя и очень интересенъ, но пока его слишкомъ мало для того, чтобы можно было рѣшить вопросъ относительно «художественнаго творчества».

Интересныя свѣдѣнія о состояніи психологіи въ Америкѣ мы получаемъ изъ статьи Делабарра «Психологическія лабораторіи въ Америкѣ». Сообщаются подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ лабораторій, о распредѣленіи курсовъ психологіи, о трудахъ преподавателей и т. п.

Что особенно цѣнно въ разбираемой нами книгѣ, это—краткое изложеніе почти всѣхъ важнѣйшихъ изслѣдованій въ психологіи за 1894 г. и перечень сочиненій по психологіи, вы-

шедшихъ въ 1893—94 году, перечень очень полный. Только намъ кажется, что составитель его безъ всякаго основанія заглавія книгъ и статей нѣмецкихъ, англійскихъ и итальянскихъ приводитъ на французскомъ языкѣ, а не въ подлинникѣ.

Мы предполагаемъ, что *Année psychologique* для каждаго, интересующагося специальными вопросами психологіи, можетъ быть очень полезной справочной книгой.

Г. Челпановъ.

Рибо. Современная германская психологія. Переводъ Л. Ройзмана. Спб. 1895. (Приложение къ журналу «Научное Обозрѣніе»).

Редакція журнала «Научное Обозрѣніе», по ея собственному заявленію, сочла умѣстнымъ издать переводъ книги Рибо «въ виду замѣтнаго возрожденія у насъ разныхъ отживающихъ метафизическихъ и супранатуральныхъ ученій». Очевидно, книга эта редакціей предназначается въ качествѣ противоядія противъ указанныхъ ученій. Очевидно также, что редакція въ выборѣ этой книги для указанной цѣли руководилась названіемъ «опытная школа», стоящимъ въ заголовкѣ книги, ибо иначе редакторъ «Научнаго Обозрѣнія», г. Филипповъ, докторъ философіи, не упустилъ бы изъ виду того обстоятельства, что въ предлагаемой имъ книгѣ излагаются ученія Гербарта, Лотце, Фехнера и Вундта, которые, кромѣ того, что были психологами «опытной школы», въ то же время были одними изъ самыхъ выдающихся метафизиковъ среди германскихъ философовъ текущаго столѣтія. Слѣдовательно, редакція сдѣлала не совсѣмъ удачный выборъ книги для борьбы съ метафизикой, потому что читатель, наприм., знакомясь съ психологическими теоріями Лотце, Фехнера и Вундта и зная, что они въ то же время были метафизиками, пожалуй, можетъ придти къ мысли, что владѣть въ совершенствѣ естественно-научными познаніями вовсе не значитъ непременно отрицать метафизику.

Редакція сдѣлала также неудачный выборъ, предложивъ переводъ этой книги переводчику, очевидно, мало опытному въ психологіи и переводившему по большей части механически, вслѣдствіе чего книга изобилуетъ ошибками и неточностями, которыя дѣлаютъ ее мало пригодной для обыкновеннаго читателя. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ.

Стр. 8: «бессознательно» вмѣсто «неосновательно» (sans raison). Notion (нѣмецкое Vorstellung) переводчикъ вездѣ переводитъ посредствомъ «понятіе» вмѣсто «представленіе». Это является вообще очень серьезнымъ извращеніемъ, въ особенности же на стр. 107 въ передачѣ заглавія книги Штумфа «Ursprung der Raumvorstellung».—Какъ понять (стр. 69) выраженіе: «Душа въ состояніи образовать пространственныя идеи и согласна на это»? или что такое (стр. 70) «экспериментальное устройство, которое допускаетъ координацію зрительныхъ ощущеній»? Какъ понять такое выраженіе: «понятіе о положеніи внѣшнихъ объектовъ возможно не путемъ *улавливанія*, а путемъ новаго *воспроизведенія* пространства»? Это совсѣмъ не отвѣчаетъ идеѣ Лотце (so kann es nicht auf dem Wege der Auffassung, sondern auf der Wiedererzeugung der Räumlichkeit). Стр. 75: «Чувствительный органъ» вмѣсто «чувствующій органъ»? Тамъ же: «въ виду ассоціаціи» вмѣсто «въ силу ассоціаціи» (en vertue d'une association). Стр. 76: «разомъ воспринятія» вмѣсто «одновременно воспринимаемыя»; а это имѣетъ особенное значеніе въ теоріи Лотце. Тамъ же: «невѣдомо для насъ» вмѣсто «безъ нашего вѣдома» (т.-е. бессознательно). Тамъ же: «Усвоивъ его теорію», вмѣсто *принявъ*, въ смыслѣ «признавъ» (ayant adopté). Тамъ же: «возрождающимся» вмѣсто «вновь появляющимся (reparaître)». Стр. 112: «Заключеній, которыя составляютъ наши *протяженныя детерминаціи* объектовъ» вмѣсто: «наши опредѣленія объектовъ по отношенію къ протяженности».

Чтеніе книги затрудняется злоупотребленіемъ иностранными терминами безъ всякой надобности, но съ полнымъ затемнѣніемъ смысла. Такъ, стр. 69: «Недостатокъ *композиціи*» вмѣсто «изложенія»; стр. 71: «Варирующее» вмѣсто «измѣняющееся». Слово «детерминація» переводчикъ постоянно употребляетъ вмѣсто «опредѣленіе». Стр. 75: «Аксессуарныя состоянія» вмѣсто «побочныя состоянія» (у Лотце это имѣетъ особенный смыслъ).

Непріятное впечатлѣніе производятъ выраженія, несвойственныя русскому языку: стр. 89: «Разсужденіе, *хрупкость* котораго бросается въ глаза»; стр. 70: «*Оборонить*», вмѣсто «предостеречь себя (se garantir)». Стр. 107: «Не скупю разсыпаетъ критику». Стр. 8: «Нервная сплошность». Стр. 86: «Теоріи, *размыщенные* въ два разряда» вмѣсто «раздѣленныя на двѣ группы». Стр. 81: «На этотъ-то менѣ извѣстный *участокъ* борьбы я призыву вниманіе читателя».

Стр. 72: «*Это* не представляетъ серьезнаго улучшенія, *что мы* же не заставляемъ отрываться отъ предметовъ объективнаго изображенія» (по-франц. *c'est... que*).

Опечатки, встрѣчающіяся у автора прямо поразительны; наприм., стр. 89: «Этотъ-то рядъ, поскольку онъвозможенъ въ обратномъ порядкѣ (на самое движеніе) штейнбухъ намъ и внушаетъ пространство». Пусть читатель потрудится понять, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Иногда опечатки затрудняютъ пониманіе читателя, не подозревающаго, что онъ имѣетъ дѣло съ опечатками; стр. 103: «Способность замѣчать прочныя формы» вмѣсто «простыя формы»; стр. 110: Научныя «секціи» вмѣсто «лекціи». Стр. 8: «Первымъ состояніемъ» вмѣсто «нервнымъ состояніемъ».

Вообще книга отпечатана крайне неопратно, опечатокъ безконечное множество; онѣ встрѣчаются почти на каждой страницѣ.

Намъ кажется, что популяризовать науку такъ, какъ это дѣлаетъ редакція «Научнаго Обзоренія», нельзя. Серьезное научное сочиненіе въ неудовлетворительномъ переводѣ никогда не привлечетъ читателей. Мы уже не говоримъ о томъ, что книга Рибо сама собственно нуждается въ обширныхъ дополненіяхъ, потому что въ самое послѣднее время въ германской психологіи выдвинуты проблемы, о которыхъ въ книгѣ Рибо совсѣмъ не упоминается.

Г. Челпановъ.

Книги и брошюры, полученныя редакціей.

Виндельбандъ. Философія Канта (Изъ «Исторіи новой философіи» Виндельбанда). Перевела съ нѣмец. Надежда Платонова. Спб., 1895. 202 стр.

Евграфовъ, К. О важнѣйшихъ причинахъ душевныхъ болѣзней. Публичная лекція, прочитанная 22 апр. 93 г. въ пользу Лермонтовской бібліотеки въ Пензѣ. Изд. Лермонт. Обществ. бібліотеки. Пенза, 1895. 54 стр.

Козубскій. Указатель къ I—XXI выпускамъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». Тифлисъ. 1895. 177 стр.

Памяти отца современной педагогіи **Яна Амоса Коменскаго.** По поводу 302 годовщины его рожденія. № 2. Спб., 1895. 120 стр. Ц. 50 коп.

Д-ръ Эмиль Крепелинъ, проф. психіатріи въ Гейдельбергѣ. Общественно-трудовой трудъ. Перев. Э. Остерлова. Тифлисъ. 1895, 28 стр.

Международная Библиотека. Изд. Бейленсона и Юровскаго. Одесса, 1895. Цѣна 15 к. за выпускъ.—№ 27. *Проф. Меркель.* Сила и право.—№ 28. *Адольфъ Гауцфельдтъ.* Основы литературной критики.—№ 29. По *А. Лебону.* Государственный строй Франціи.—№ 30. *Л. Флейшнеръ.* Исторія народного образованія въ Англіи.

Общедоступная Библиотека. Изданіе *Г. М. Пекаторосъ.* Одесса, 1894—1895. Серія I—Природа. По 25 к. за выпускъ. № 1. Физическая географія. Составлено подъ ред. *Г. М. Пекаторосъ.* 160 стр.—№ 2. Міръ животныхъ. Составлено подъ ред. *Г. М. Пекаторосъ.* 176 стр. № 3. Явленія въ атмосферѣ (метеорологія). Состав. подъ ред. *Г. М. Пекаторосъ.* 192 стр.—№ 4. Законы вселенной. Соч. *Э. Амига* (пер. съ франц.). 173 стр.

Орнатскій, Ѳ. С. Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа *И. Христа.* *С. Г. Келлога.* Переводъ съ англійскаго. Изд. второе, исправленное и дополненное. Кіевъ, 1894. Ц. 1 р. 75 к. XI+290 стр.

Отчетъ городского попечительства о бѣдныхъ Арбатскаго участка съ 18 дек. 94 г. по 1 марта 95 г. М., 1895 г. 68 стр.

Отчетъ Орловскаго комитета народныхъ чтеній за 1893—94 г. Орель, 1895.

Годовой отчетъ по русской Публичной Библиотекѣ въ г. Юрьевѣ. Съ 1 янв. 1894 г. по 1 янв. 1895. Юрьевъ, 1895.

Полезная Библиотека, изд. *П. П. Сойкина.* *В. Битнеръ.* Чудеса гипнотизма (съ 6 рис.). Спб., 1894 г. 266 стр. Ц. 50 к.

Тридцать четвертый отчетъ Комитета состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ *Ея И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Общества Любителей Художествъ.* М., 1895. 93 стр.

Русская Библиотека. Изд. Бейленсона и Юровскаго. Одесса, 1895.—№ 1. *Проф. И. И. Янгуль.* Изъ психологіи народовъ. Ц. 20 к.—№ 2. *Проф. Н. И. Стороженко.* Ц. 15 к.—№ 3. *Проф. Н. И. Каръевъ.* Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Ц. 20 к.

Самборскій, Н. Р. Живая библиографія послѣднихъ ста лѣтъ.

Книга о книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ на русскомъ языкѣ и наиболѣе (sic) расходящихся въ Россіи. Часть I. Космологія. Одесса, 1895. 67 стр. Ц. 40 к.

Tchisch, Wladimir. La loi fondamentale de la vie. Discours prononcé en séance solennelle le 12 décembre 1894, à l'occasion de la célébration de l'anniversaire de la fondation de l'Université de Jourieff (Dorpat). Traduit du russe. Jourieff (Dorpat). 1895 p., 37.

Max. Falk. Versuche über die Raumschätzung mit Hülfe von Armbewegungen. Dorpat, 1890 (Dissertation). 57 s.

Флеровъ, К. Ѡ., лѣкарь. О патогенномъ дѣйствиі микроорганизмовъ Фридендера и Френкеля. Бактеріологическое изслѣдованіе. (Диссертация на степень доктора медицины). М., 1895. 92 стр.

Циглеръ, Т., проф. Страсбургскаго унив. Что такое нравственность? Перев. со 2 нѣмец. изд. А. Острогорскаго. Спб., 1895. 101 стр. Ц. 50 к.

Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Перев. съ нѣмец. подъ ред. І. Юровскаго. Изд. «Международной Библиотеки». Одесса, 1895 г. 116 стр. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Психологическое Общество.

СХХХІ. Отчетъ о засѣданіи 11-го марта 1895 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 30 м. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. В. Адольфа, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, В. Е. Гиацинтова, Н. М. Горбова, Г. Н. Дурдуфи, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, Л. И. Поливанова, Н. П. Постовскаго, Ѳ. А. Смирнова, В. И. Танѣева, А. А. Токарскаго и Е. А. Шмидта, и членовъ-соревнователей: А. В. Дроздова, Л. Ф. Маклаковой, Ѳ. Д. Селивачева и С. Г. Шахъ-Назарова, члена-корреспондента А. Ѳ. Гартвига и стороннихъ посѣтителей.

Предсѣдатель доложилъ, что на юбилейномъ засѣданіи 4-го марта имъ была получена поздравительная телеграмма отъ д. ч. Общества Н. Н. Баженова изъ Петербурга.

Доложено письмо Педагогическаго Совѣта Глуховскаго Учительскаго Института съ просьбой издавать переводы лучшихъ сочиненій или оригинальныя сочиненія по педагогической психологіи, которыя могли бы войти въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ въ качествѣ пособій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Предложенъ въ члены-соревнователи Александръ Александровичъ Алябѣевъ—Н. Я. Гротомъ и П. А. Каленовымъ.

Членъ-корреспондентъ А. Ѳ. Гартвигъ прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ: «О необходимости созданія новаго типа науки». Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе слѣдующія лица: В. И. Танѣевъ, А. А.

Токарскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Я. Гротъ, О. А. Смирновъ, П. А. Каленовъ, Н. В. Бугаевъ, В. Н. Ивановскій и Л. М. Лопатинъ.
Засѣданіе закрыто въ 11 ч. вечера.

СXXXII. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 15-го апрѣля 1895 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 45 м. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, Г. Н. Дурдуфи, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Л. М. Лопатина, Л. И. Поливанова, Н. П. Постовскаго, В. П. Сербскаго и А. А. Токарскаго, гг. членовъ-соревнователей: кн. Д. П. Львова и С. Г. Шахъ-Назарова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Произведена баллотировка въ члены-соревнователи А. А. Алябьева. Былъ избранъ единогласно.

Доложено заключеніе комиссіи по присужденію преміи Д. А. Столыпина относительно сочиненія, представленнаго на премію подъ девизомъ «*In necessariis unitas. Per aspera ad astra*». Согласно заключенію комиссіи, сочиненіе это не можетъ быть удостоено преміи Д. А. Столыпина—ни въ цѣломъ ея объемѣ, ни въ какой-либо части.

Общество утвердило постановленіе комиссіи *).

Назначено, какъ новый срокъ для подачи сочиненій на премію, учрежденную Д. А. Столыпинымъ,—1-е января 1900 г.

Постановлено: проценты съ капитала преміи употреблять на объявленія въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, а остальное причислить къ капиталу преміи.

Происходили пренія по реферату Н. Я. Грота «Устои нравственной жизни», прочитанному имъ въ публичномъ засѣданіи Общества 4-го марта. Въ преніяхъ приняли участіе П. А. Каленовъ, А. А. Токарскій, Л. М. Лопатинъ, Н. В. Бугаевъ и Н. А. Звѣревъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 30 м. вечера.

---

*) Конвертъ съ фамиліей автора былъ въ засѣданіи сожженъ.

Условія для соисканія второй преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпнымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24 мая 1891 г., на основаніи доклада комиссіи по присужденіи преміи Д. А. Столыпина за лучшее сочиненіе по философіи наукъ, постановлено было, между прочимъ: 1) Присудить половину означенной преміи за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Положительная философія и единство науки» съ девизомъ «*Εν καὶ πολλὰ*», авторомъ котораго оказался (по вскрытіи конверта) почетный членъ Общества Б. Н. Чичеринъ. 2) Выразить Д. А. Столыпину глубокую признательность Общества за основанную имъ премію на тему по философіи наукъ. 3) Просить пожертвователя, не согласится ли онъ на оставшуюся сумму въ 1.000 р. предложить новую тему на премію за сочиненіе о философіи Ог. Конта; въ случаѣ же несогласія на это Д. А. Столыпина, назначить трехгодичный срокъ для соисканія преміи на ту же тему.

Такъ какъ въ 1891 г. отъ нынѣ умершаго Д. А. Столыпина получено было на имя Психологическаго Общества заявленіе о томъ, что измѣненія заданной имъ темы на соисканіе преміи онъ не желаетъ, то, во исполненіе постановленія Общества отъ 21 мая 1891 г. и выраженной жертвователемъ воли, былъ назначенъ для соисканія остающейся Столыпинской преміи новый срокъ—**1-го января 1895 года.**

Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 15 апрѣля 1895 г. комиссія по присужденію преміи Д. А. Столыпина, избранная въ годичномъ засѣданіи 24-го января 1895 года изъ пяти членовъ Общества: Н. Я. Грота, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго и Н. А. Умова, доложила свое заключеніе относительно единственнаго поданнаго на премію сочиненія, подъ девизомъ «*In necessariis unitas. Per aspera ad astra*»; согласно этому заключенію, сочиненіе не можетъ быть признано достойнымъ ни полной преміи, ни части ея. Психологическое Общество утвердило постановленіе комиссіи.

Въ виду этого, **Московское Психологическое Общество** вновь назначаетъ премію въ 1.000 рублей за лучшее сочиненіе на прежнюю тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coincidence spontanée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)“. См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Для полнаго разрѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III тт. «Курса» (Ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философій. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала социологіи.—Очерки философій и науки.—Міровой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва. 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій—1-е января 1900 года. Присужденіе прѣміи особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1900 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, прѣмія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе прѣміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамилія и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафій представленныхъ сочиненій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества.

Продолжается подписка на 1895 годъ (6-й годъ изданія) НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ вышедшихъ за текущій годъ нумерахъ „Русской Школы“ (январь—апрѣль помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи; 1) Обзоръ дѣятельности С.-Пб. Комитета грамотности за тридцать три года его существованія. И. А. Горчанова; 2) Изъ пережитаго (Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ). Д. Д. Семенова; 3) Полгода изъ жизни воскресной школы. Х. Д. Алчевской; 4) Провинціальный пансіонъ полвѣка тому назадъ. Проф. Н. П. Вагнера; 5) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. Д. Д. Лобанова; 6) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 года. И. П. Бѣлоконнаго. 7) Педагогическія мечты Я. А. Каменскаго и педагогическая дѣятельность въ Европѣ и въ Америкѣ наканунѣ XX вѣка. П. Г. Минуева; 8) Дополнительные школы въ Германіи. К. К. Сентъ-Илера; 9) Коммерческое образованіе въ Австріи. А. Я. Острогорскаго; 10) Организация низшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Германіи, преимущественно въ Пруссіи. Д. Бирюкова; 11) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. М.; 12) Нѣкоторыя необходимыя условія обязательности или всеобщности начальнаго образованія народа. А. М. Тютрюмова; 13) О мѣрахъ предохраненія дѣтей отъ заразныхъ болѣзней въ мѣстахъ общественныхъ игръ и учрежденій. Д-ра В. Ф. Янубовича; 14) Инфекціонные страхи. И. И. Радечнаго; 15) Нервность и отношеніе къ ней эмоціи и воли въ условіяхъ школьной жизни. А. С. Виреніуса; 16) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. П. Ф. Каптерева; 17) Педагогическія письма. (Письмо третье). Письменные работы и устное преподаваніе. И. Ф. Анненскаго; 18) Настоятельный вопросъ учебной практики въ нашихъ гимназіяхъ. Проф. Ю. А. Кулановскаго; 19) Нужны ли учебники Закона Божія въ начальныхъ школахъ? Ав. Ф. Соколова; 20) Обученіе чтенію. А. И. Анастасіева; 21) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. В. Л. Розенберга.

Кромѣ того въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“, помѣщено слишкомъ 30 рецензій, въ отдѣлѣ Педагогическая хроника ежемѣсячная Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; Хроника профессиональнаго образованія. В. В. Бирюновича; Отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ Грамотности, о засѣданіяхъ С.-Пб. Родительскаго кружка и т. д.

Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ пересылкою **ШЕСТЬ** рублей 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою **СЕМЬ** рублей; съ пересылкою за границу **ДЕВЯТЬ** рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лигѣзка, 1, гимназія Гуревича) и въ отдѣленіяхъ конторы—въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“.

За 1891, 1892, 1893 и 1894 года имѣется еще небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Апрѣльская книжка „Русской Школы“ вышла 10-го мая.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Независимое отъ христіанства научно-философское знаніе не только не даетъ животворнаго положительнаго міросозерпанія, но въ конечномъ результатѣ приходитъ къ саморазложенію, къ отрицанію возможности всякаго знанія. Искусство процвѣтаетъ до тѣхъ поръ, пока тверда вѣра въ высшіе религиозно-нравственные идеалы. Заботы о матеріальномъ благосостояніи при оскуднѣніи вѣры влекутъ за собою только нестроенія. Таковы основные взгляды покойнаго архіепископа.

527. Неврологическій Вѣстникъ. Органъ Общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Подъ редакціей профессора В. М. Бехтерева. Томъ I, выпуски 1—3; Казань. Тип. универ. 250 экз.

Отдѣльные статьи изъ этого изданія приведены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ „Ежегодника“. Очень сочувственные отзывы о первомъ выпускѣ дали Я. Колубовскій, „Вопр. филос.“, кн. 18, отд. II, стр. 92сс.; Э (льпе), „Нов. Вр.“ № 6170 (4-го мая); „Рус. Мысль“ 5, 239сс. Краткій отзывъ Б. В. въ „Книж. Вѣс.“ 4, 133с.

528. Нечаевъ, А. Пиръ. Философская поэма любви. Опытъ поэтического изложенія Платона. Изданіе журнала «Пантеонъ Литературы». Спб. Тип. Муллеръ и Богельманъ. 13 стр. 500 экз. 15 коп.

Вольное изложеніе въ стихахъ размѣромъ „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“, едва ли подходящимъ къ данному сюжету.

Сочувственно отзывается Л. Л. въ „Книж. Вѣс.“ 10, 288сс.

529. Нечай, П. Галлюцинаціи и практическое ихъ значеніе въ душевной жизни человѣка. Вступительная лекція въ университетѣ св. Владиміра 23-го февраля 1893 г. «Унив. изв.» 10, 1—23.

Составлено на основаніи довольно обширной литературы. Несмотря на значительное число изслѣдованій о галлюцинаціяхъ, этотъ научный вопросъ, привлекая до сихъ поръ къ себѣ вниманіе ученыхъ, продолжаетъ обогащаться все новыми открытіями. Галлюцинаціи имѣютъ рѣшительное значеніе въ душевной жизни отдѣльнаго человѣка, а также и въ развитіи духовнаго міра цѣлаго общества; остатки ихъ пагубныхъ вліяній знаменательно отражаются въ исторіи человѣчества.

Никаноръ, архіеп. См. А. Крыловъ, Невзоровъ.

Николаевъ, П. См. Ладвинскій.

Николаевъ, Ю. (Ю Н. Говоруха-Отрокъ). См. Аврелинъ, Виноградовъ, Волконскій, Волинскій, Грингмутъ, Гусевъ, Достоевскій, Кусковъ, Милоковъ, Розановъ, Н. Н. Страховъ, Тихомировъ, Л. Толстой, Тэнъ, Слонимскій, Е. Соловьевъ.

Николай Кузанскій. См. Любимовъ.

530. Никольскій, Вл. Объ индивидуальности по матеріалу изъ теоретической и практической медицины, съ введеніемъ къ изученію индивидуальности. Варшава. Тип. Варшавскаго учеб. окр.

Первоначально въ „Варш. унив. изв.“ 1892, VIII; 1893, I—IV. Работа чисто медицинскаго характера. Выясняется значеніе индивидуальности больного при лѣченіи болѣзней.

По мнѣнію А. Погожева, „Мед. Об.“ № 14, 181, задачу свою авторъ выполнилъ не совсѣмъ удачно.

Никольскій, Вл. См. Коменскій.

531. (Никольскій и Байлей). Чувство обонянія у женщинъ. „Нов.Вр.“ прил. къ № 6341 (23-го октября). Перепечатано въ «Од. Новост.» № 2771 (29 октября).

Сообщены наблюденія названныхъ американскихъ изслѣдователей. См. также В. Швецовъ.

532. Никонъ, А. А. Монтекъе, его жизнь и учено-литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Монтекъе, гравированнымъ Геданомъ. Спб. Тип. товар. „Общественная Польза“. 79 стр. 8100 экз. 25 коп. [Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова.] Довольно сухо написанный компилятивный очеркъ.

533. (Нитче). Болѣзнь Фридриха Нитче. Замѣтка Н. «Рус. Вѣд.» №108. Посѣщеніе Нитче сотрудникомъ «Фигаро».—«Кн. Нед.» 10, 230с. (Изъ иностранныхъ изданій). О Нитче по поводу предстоящаго изданія его сочиненій—I. „Рус. Вѣд.“ № 280 (корреспонденція изъ Берлина).

Нитче, Фр. См. Астафьевъ, Бичалець, Булгаковъ, Гротъ, Лопатинъ, Лз, Наблюдатель, Оболенскій, Протопоповъ, Скриба, Тихомировъ, Чуйко, Штейнъ.

Новиковъ, С. См. Глаголевъ.

Нордау, М. См. Венгерова, Ивановъ, Михайловскій, Чечоттъ.

Нозль. См. Ипатовъ.

Нравственность. См. Право.

534. Нордау, Максъ. Вырожденіе (Entartung). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1894. Тип. П. Соѣкина. XL+544 столбцовъ 4.100 экз. Ц. 1 руб. 50 коп.

Картины, нарисованныя авторомъ, на первый взглядъ кажутся крайне безотрадными. Въ цивилизованномъ мірѣ господствуетъ сумеречное настроеніе, которое выражается, между прочимъ, въ странныхъ эстетическихъ теоріяхъ. Всѣ эти новыя теченія: реализмъ или натурализмъ, декадентство, неомистицизмъ и разные его виды—признаки вырожденія и истеріи, вполнѣ совпадающіе съ симптомами этихъ болѣзней, выясненными и установленными наукою. Вызываются же вырожденіе и истерія органическимъ истощеніемъ, постигшимъ народы вслѣдствіе громаднхъ запросовъ на ихъ дѣятельность и вслѣдствіе сильнаго развитія большихъ городовъ. Эстетическія школы, возникшія за послѣдніе годы, указываютъ намъ путь не впередъ, въ будущее, а назадъ, въ прошлое. Ихъ слово—не восторженное предсказаніе, а бессмысленный лепетъ и болтовня душевно-разстроенаго. Такова основная точка зрѣнія Нордау, съ которой онъ и разсматриваетъ подробно разныя теченія въ литературѣ и искусствѣ. Къ мистическимъ теченіямъ авторъ относитъ прерафаэлизмъ въ Англіи (живопись), символизмъ во Франціи и толстовщину (поэзія), вагнеріанство (музыка) и каррикатурныя формы мистицизма въ лицѣ Пеладана, Метерлинка и др. Умственные особенности, характеризующія Л. Толстого, представляютъ собою не что иное, какъ хорошо извѣстные и проч-

но установленные признаки вырожденія высшего порядка. Мистическое настроеніе, по мнѣнію автора, характеризуется расплывчатымъ или безсвязнымъ мышленіемъ, произвольной ассоціаціей идей, навязчивыми представленіями, эротическою возбуждаемостью и религиозною мечтательностью. Наряду съ мистицизмомъ въ настоящее время распространены эготизмъ, подъ которымъ Нордау разумѣетъ болѣзнь, выражающуюся въ томъ, что больной видитъ все въ превратномъ свѣтѣ, не понимаетъ окружающаго его міра и не умѣетъ найтись въ немъ. Къ эготистамъ Нордау относитъ: парнасцевъ и демонистовъ (Бодлэръ и др.), декадентовъ и эстетиковъ (Гюисмансъ и др.), Ибсена и Ницше. Третьей формы вырожденія, реализма или натурализма, Нордау касается лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ она находится уже въ полномъ упадкѣ на своей родинѣ. Въ заключеніе однако авторъ открываетъ передъ читателемъ не такіе мрачные горизонты. Народы,—пророчитъ онъ,—оправятся отъ истеріи. Слабые, выродившіеся субъекты погибнутъ, сильные приспособятся къ успѣхамъ цивилизаціи. Чтобъ ускорить процессъ выздоровленія современной интеллигенціи, слѣдуетъ составлять нѣчто въ родѣ обществъ нравственнаго оздоровленія.—Книга Нордау свидѣтельствуетъ о его несомнѣнномъ талантѣ, хотя во многихъ характеристикахъ онъ впадаетъ въ шаржъ. Нордау—пылкій поклонникъ Ломброзо, которому онъ и посвящаетъ свою книгу. Русскій переводъ вполне удовлетворителенъ.

Подлиннику посвящаетъ фельетонъ Л. Е. Оболенскій: Обо всемъ. Вырождается ли человѣчество? (По поводу новой книги Макса Нордау). „Од. Лист.“ № 293. Книга Нордау граничитъ или съ наивнымъ легкомысліемъ, или съ сознательнымъ шарлатанствомъ. Опасенія за вырожденіе человѣчества имѣютъ источникомъ преувеличенныя требованія отъ настоящаго и снисходительное или невѣжественное отношеніе къ злу и ужасамъ прошлаго.

Стремленіе упятать все талантливое въ сумасшедшій домъ отмѣчаетъ А—тъ. Геній на судѣ психіатра. „Нов. Вр.“ № 6380 (1-го декабря). Самъ Нордау страдаетъ цензуроманіей, и присутствіе этого недуга у самого врача, раздающаго патенты на нормальность, даетъ право сказать ему: „врачу, изцѣлся самъ!“

Не безъ остроумія осмѣиваетъ Нордау подъ видомъ мнимаго Клякса Ерундау В. Буренинъ: Критическіе очерки. „Нов. Вр.“ № 6389 (10-го декабря).

Поправку къ Нордау, упрекающему Л. Толстого въ томъ, что онъ собственными художественными произведеніями не оправдываетъ своихъ теорій любви, дѣлаетъ Н. Лѣсковъ: Разказы кстати. Невыносимый благодѣтель. (Толстовскій типъ и прототипъ). „Рус. Жизнь“ № 340. Онъ указываетъ прототипъ невыносимаго благодѣтеля въ „Прологѣ“.

535. Нордау, Максъ. Вырожденіе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Генкена. Съ предисловіемъ В. Авсѣенка. Изд. книгопр. Ф. Югансона. Кіевъ 1894. Тип. И. Чоколова. XIII+450 стр. 3.050 экз. Ц. 3 руб. (въ двухъ выпускахъ).

Первоначально, за исключеніемъ статей о декадентахъ, эстетикахъ и Ницше, помѣщалось небольшими частями въ „Спб. Вѣд.“ (см. слѣдующій №). Это изданіе представляетъ не переводъ, а изложеніе, иногда нѣсколько вольное, подлинника. Нерѣдко г. Генкенъ прибѣгаетъ къ довольно смѣшнымъ

выраженіямъ, какъ, наприм., „душевно-больной порывъ“, „ночи проводить въ своемъ ярко освѣщенномъ владѣніи“ и т. п.

Сочувственно отзывается о книгѣ и о переводѣ М. К—чь въ „Сынѣ От.“ № 311. Очень сочувственный отзывъ о первомъ выпускѣ въ „Спб. Вѣд.“ № 310. Достоинства перевода: продуманная передача оригинально блестящихъ эпитетовъ, литературность языка.

536. Нордау, Максъ. Вырожденіе. „С.-Петербур. Вѣд.“, №№ 193, 195, 197—200, 202, 203, 206, 208, 209, 210, 214, 216, 217, 219, 221, 222, 224—233, 236—240, 242—245, 248, 249, 251—254, 256, 257, 259, 261, 263, 264, 266, 268, 269, 271, 274—276, 278, 281, 282, 284, 285, 287—290, 292, 294—300, 303, 305, 306, 310, 313, 314, 316, 317, 321—328, 330—333, 335—345, 349, 351, 352, 354, 355.

Сочувственно цитируютъ „Моск. Вѣд.“ № 205 (Дневникъ печати). Взгляды Нордау на Л. Н. Толстого излагаетъ Н***. Отголоски. „Свѣтъ“, №№ 194, 198, 199. „Кн. Нед.“ 10, 226—230 (Изъ иностранныхъ изданій). Л. Тихомировъ (Лѣтопись печати. Конецъ вѣка. „Русск. Об.“ 9, 368—381) пользуется книгой Нордау, чтобы разразиться филиппикой противъ прогресса. См. выше подъ № 536.

537. Нравственное движеніе на Западѣ. „Нед.“ № 5, 153—156. Забѣтка объ обществахъ этической культуры. См. также Колубовскій.

538. Обнинскій, П. Н. Изъ области современной этики. „Рус. Бог.“ 11, 60—73.

Разсужденія по поводу статьи Л. Н. Толстого „Недѣланіе“ и отчасти по поводу забѣтки Вл. С. Соловьева: „Личная нравственность и общее дѣло“ (Помощь голодающимъ, научно-литературный сборникъ. М. 1892). Проповѣдь этихъ авторовъ, по мнѣнію г. Обнинскаго, внушена стремленіями, въ чистотѣ, благородствѣ и возвышенности которыхъ невозможно сомнѣваться, но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ интересахъ общественной этики, и слѣдовательно важно не то, что хотѣли сказать эти авторы, а то, какъ пойметъ ихъ слова публика. Нравственная физіономія той безчисленной аудиторіи, которая толпится вокругъ проповѣдниковъ, далеко не привлекательна, и при такихъ условіяхъ проповѣдь Толстого и Соловьева можетъ дать самые нежелательные результаты.

539. Обнинскій, П. Contagion morale и холерные беспорядки. „Жур-гражд. и угол. права“ № 1, 1—14.

Эта забѣтка на злобу дня навѣяна, очевидно, „Законами подражанія“ Тарда. По мнѣнію автора, нравственная зараза—одинъ изъ факторовъ закона подражанія. Холерные беспорядки грозны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ и почти непорочны въ своемъ существѣ. Эти слова особенно любопытны въ устахъ бывшаго прокурора.—По поводу этой статьи см. Михайловскій.

540. Оболенскій, Л. Е. Біологи о женскомъ вопросѣ. „Рус. Мысль“ 2, 61—78.

Послѣ краткаго очерка современнаго положенія вопроса на Западѣ авторъ изъ числа біологовъ, занимавшихся женскимъ вопросомъ, останавливается на Уоллесѣ и его статьѣ въ Fortnightly Review. Подборъ, по мнѣнію г. Оболенскаго,

будеть тѣмъ ближе къ наиболѣе правильному критерию, чѣмъ больше неразумный инстинктъ и слѣпое влеченіе будутъ вытѣсняться въ чловѣчествѣ—если и не чистымъ разумомъ, то хотя бы чувствованіями высшаго типа.

541. Оболенскій, Л. Е. Вопросъ о преступленіяхъ на послѣднемъ антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. „Нов.“ № 155.

Авторъ не сочувствуетъ школѣ Ломброзо.

542. Оболенскій, Л. Е. Въ чемъ спасеніе? (Космополисъ. Романъ Бурже). „Книжки Нед.“ 6, 154—182.

Разобравъ „иллюстрированный трактатъ“ Бурже о морали, авторъ приходитъ къ выводу, что спасеніе заключается въ мирѣ между мыслью и чувствомъ.

543. Оболенскій, Л. Е. Ковалевская и Башкирцева. (Страничка изъ женской жизни высшаго типа). „Книжки Недѣли“ 2, 148—167.

Психологическій анализъ двухъ богато одаренныхъ индивидуальностей.

544. Оболенскій, Л. Е. Левъ Толстой и Фридрихъ Ницше, какъ антитипы. (По поводу сочиненія Felix Schroeder: Le Tolstoïsme. Paris.) „Нов.“ № 312.

Современная европейская мораль имѣетъ два полюса—эгоистическій и альтруистическій, при чемъ Ницше видитъ только одинъ, а Толстой—только другой полюсъ, и оба приходятъ въ ужасъ. Указывая на курьезы въ книгѣ Шредера, авторъ однако довольно благоприятно отзывается о ней.

545. Оболенскій, Л. Е. Личное совершенствованіе и измѣненія общественныхъ формъ. (По поводу новой книги Тарда: Les transformations du droit. Paris). „Рус. Мысль“ 7, 74—96.

Въ дѣлѣ улучшенія общественной среды нельзя начать съ общества, не начавъ съ личности. Общественныя формы, хотя и имѣютъ своими носителями личности, но въ совокупности личностей, называемой обществомъ, онѣ образуютъ какъ бы особую общую всѣмъ тканьъ.

По поводу той же книги Тарда см. фельетонъ г. Оболенскаго: Обо всемъ. „Одес. Лист.“ № 93.

546. Оболенскій, Л. Е. Мораль и общественность. (По поводу философіи Фридриха Ницше). „Од. Лист.“ № 190.

Для иллюстраціи парадоксальности взглядовъ Ницше авторъ пользуется данными изъ статьи Haussay въ майской книжкѣ „Rev. philos.“

547. Оболенскій, Л. Е. Новая псевдонаука. (La foule criminelle, essai de psychologie collective par Scipio Sighele. Traduit de l'italien. Paris 1892). „Рус. Мысль“ 11, 122—142.

Новая псевдонаука не что иное, какъ „отрывка“ старой социологической теоріи, видѣвшей въ обществѣ организмъ и переносившей на общество біологическіе законы. Коллективной психологіи нѣтъ, потому что въ обществѣ нѣтъ *единоа* чувствилища, *единоа* мозга. Новая наука ведетъ лишь къ путаницѣ понятій.

548. Оболенскій, Л. Е. Новое сочиненіе Спенсера. (Principles of Ethics). „Нов.“ № 277.

Авторъ не согласенъ со взглядами Спенсера, но признаетъ ихъ значеніе для нашихъ благотворителей.

549. Оболенскій, Л. Е. Обо всемъ. (Борьба съ пессимизмомъ въ Европѣ). „Од. Лист.“ № 125.

О лекціи Роменса, книгѣ Пелиссье и пр.

550. Оболенскій, Л. Е. Обо всемъ. (Будьте веселы). „Од. Лист.“ № 114.

О вліяніи настроенія духа на зараженіе прилипчивыми болѣзнями.

551. Оболенскій, Л. Е. Обо всемъ. Временное раздумье. „Од. Лист.“ № 206.

Объ умственныхъ интересахъ нашего времени. Упоминается про послѣднее сочиненіе Спенсера.

552. Оболенскій, Л. Е. Обо всемъ. (Посвящается женщинамъ). „Од. Лист.“ № 336.

Фельетонъ посвященъ „ухаживанію“, но этотъ вопросъ авторъ пытается поставить на философскую почву.

553. Оболенскій, Л. Е. Обо всемъ. (Человѣческія странности и капризы). „Од. Лист.“ № 130.

О спермиѣ, брону-секаровской эмульсіи и о мнѣніи нѣкогого Карре, что строитво желѣзныхъ дорогъ увеличиваетъ чи сло клѣтокъ у людей.

554. (Оболенскій, Л. Е.) Его портретъ. „Петербург. Жизнь“ № 24, стр. 267, вновь повторенъ въ № 52. Свѣдѣнія о немъ по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности: П. В. Б. „Вс. Иллюстр.“ № 1295, стр. 353—355 (тамъ же и портретъ на стр. 350); „Од. Лист.“ № 281; „Рус. Жизнь“ № 291; „Нов.“ № 300. По поводу его юбилея Л. Самаринъ, „Колосъ“ 11, 208сс.

Оболенскій, Л. Е. См. Данвиль, Дюрингъ, Нордау, Вл. Соловьевъ, Тихомировъ, Толстой, Фогтъ, Шарпъ, Эльпе.

555. Овсяннико-Куликовскій, Д. Психологія художественнаго процесса. „Сѣв. Вѣс.“ 11, 243—262; 12, 151—171.

Сложныя движенія мысли и чувства, осуществляющіяся въ искусствѣ, авторъ сводитъ къ простѣйшимъ процессамъ психической жизни, связаннымъ съ языкомъ. Затѣмъ онъ пытается выяснитъ генезисъ искусства изъ этихъ процессовъ. Излагая психологію языка, авторъ основывается на трудѣ Потебни: Мысль и языкъ. Та энергія, которая нѣкогда тратилась на самую рѣчь, направляется на иную дѣятельность, и рѣчь низводится на ступень матеріала или орудія этой дѣятельности. Грамматическія категоріи сами по себѣ перестаютъ быть осмысленными и художественными и, ставъ чисто формальными, только скользятъ по поверхности сознанія, не отнимая у него ни времени, ни энергіи.

На статью обращаютъ вниманіе „Книжки Недѣли“ 12, 271—275 (Изъ русскихъ изданій).

556. Овенъ, Робертъ. Объ образованіи человѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Переводъ съ англійскаго. Изд. 3-е (полное) И. Билибина. Москва. Тип. тов. „И. Н. Кушнеревъ и К^о“. 180 стр. 2.000 экз.

Первое изданіе этой книги вышло еще въ 1865 г., но имя автора, вѣроятно, по цензурнымъ соображеніямъ, не выставлено на обложкѣ; кромѣ того въ немъ есть пропуски, вызванные тѣми же соображеніями. Въ новомъ изданіи приложены краткія свѣдѣнія объ Овенѣ. Трудъ Овена, какъ извѣстно, не психологическій трактатъ, какъ можно было бы судить по первому заглавію, а разсужденіе о наилучшемъ устройствѣ общества, на основаніи собственныхъ опытовъ автора.

Огневъ, А. См. Арсеньевъ, кн. Волконскій.

Одоевскій, В. Ѳ. См. Михневичъ.

557. Озе, Яковъ, проф. Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лотце. „Ученыя Зап. Юрьев. универ.“ № 2—4, стр. 1—96, въ приложеніи (еще не окончено).

Во введеніи авторъ различаетъ троякаго рода методы обработки исторіи философіи: описательно-излагающій, сравнительный и умозрительный. Всѣ эти методы онъ старается приложить къ изученію избраннаго имъ философа. Подъ понятіе проективизма г. Озе подводитъ всѣ некритическія міровоззрѣнія, въ которыхъ состоянія и образы дѣятельности сознанія выносятся наружу и слухаются въ мірѣ независимыхъ отъ субъекта предметовъ. Исходя изъ наивнаго проективизма, познаніе переходитъ къ идеалистическому, а потомъ къ физическому проективизму, чтобы, преодолевъ эти міровоззрѣнія, открыть себѣ доступъ къ критико-персоналистической метафизикѣ, которая признаетъ наше я единственною истинною субстанціею. Для установленія и различенія этихъ стадій развитія познающаго духа Лотце доставляетъ богатый матеріалъ. Разрозненныя и несоединимыя на первый взглядъ составныя части философіи Лотце, благодаря идеѣ методическаго преодоленія проективизма въ цѣляхъ построенія персоналистической метафизики, получаютъ единство и связь.—Надъ всѣмъ изслѣдованіемъ г. Озе вѣетъ духъ покойнаго Тейхмюллера.

558. Олесницкій, Акимъ. Слово объ истинномъ и ложномъ злу непротивленіи. (По поводу превратнаго толкованія на Матѣ. 5, 39, въ ученіи графа Л. Толстого). (Изъ журнала „Труды Киевск. дух. академіи“ 1892 г.). Киевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 16 стр. (безъ заглавнаго листа и обложки).

Съ церковной каѳедры авторъ называетъ гр. Толстого врагомъ-человѣкомъ, учителемъ невѣрія. Заповѣдь непротивленія злу онъ поставилъ въ своемъ ученіи на первый планъ, будто бы, потому, что ему надо усыпить нашу бдительность, связать наши уста и руки, чтобы вѣрнѣе расзвѣять свои плевелы на православной отечественной нивѣ.

559. (Олифантъ, Л.) Изъ области ложнаго мистицизма. Лаврентій Олифантъ. (Статья Л. Тихомирова). „Моск. Вѣд.“ № 279.

Психологически интересный очеркъ изъ исторіи человѣческихъ заблужденій (по статьѣ въ *Revue des Deux Mondes*). На основаніи той же статьи см. замѣтку въ „Кн. Нед.“ 11, 276—281 (Изъ иностранныхъ изданій), а также въ „Вѣст. ин. лит.“ 11, 313—320 и въ „Мірѣ Бож.“ 11, 189—192 (замѣтка Э. Большой талантъ).

560. Ордынский, А. Нѣсколько словъ о графологіи. „Ребусъ“ № 23, стр. 232с.; № 24, стр. 245с.

Авторъ увѣренъ въ значительной пользѣ, которую могло бы принести искусство узнавать характеръ по почерку.

561. Орловъ, М. А. За границей. Значеніе общественныхъ инстинктовъ въ борьбѣ за существованіе. „Трудъ“ 7, 214сс.

По статьѣ Госсе въ Rev. philos.

562. Орловъ М. А. За границей. Изъ области таинственнаго. „Трудъ“ 10, 233сс.

По поводу статьи Дю-Преля въ Zukunft.

563. Орловъ, М. А. За границей. О жестокости и жалости у женщинъ. „Трудъ“ 6, 471сс.

По статьѣ М. Ферреро въ The Monist.

564. Орловъ, М. А. За границей. Передача психическаго разстройства отъ человѣка къ животному. „Трудъ“ 6, 699—701.

По статьѣ Фере въ Revue de l'hypnotisme.

565. Орловъ, М. А. За границей. Способность видѣть черезъ пространство. „Трудъ“ 7, 218с.

О статьѣ К. Дю-Преля въ Zukunft.

566. Орловъ, М. А. За границей. Ученіе о темпераментахъ съ биологической точки зрѣнія. „Трудъ“ 9, 706—708.

По поводу статьи А. Фулье въ Revue des deux Mondes 15-го іюля.

567. Орловъ, М. А. За границей. Феноменальные вычислители и попытка проникнуть въ ихъ секреты. „Трудъ“ 8, 467сс.

По поводу статьи Шарко и Бине объ Иноди и Діаманди (Rev. philos. іюнь) и Бине и Анри въ Rev. Scientif.

568. Орловъ, М. А. За границей. Цвѣтовой слухъ и другія сочетанія ощущеній. „Трудъ“ 6, 701—703.

По статьѣ Грубера въ Rev. Scientif.

569. Орловъ, М. А. За границей. Четвертое измѣреніе пространства по Стеду. „Трудъ“ 7, 219сс.

По статьѣ въ Review of Reviews.

570. Орловъ, М. А. За границей. Что думаютъ о насъ животныя. „Трудъ“ 7, 216сс.

По статьѣ Кюниссе-Карно: L'opinion des oiseaux въ журналѣ La Nature.

571. Орловъ, М. А. За границей. Эстетическія чувства животныхъ. „Трудъ“ 6, 696—699.

572. Орловъ, М. А. За границей. „Трудъ“ 5, 465сс.

По поводу статьи Дельбефа въ Revue de l'hypnotisme.

573. Орловъ, М. А. За границей. „Трудъ“ 5, 463с.

О Максъ Штирнерѣ по статьѣ Хорна въ Zukunft.

574. Орловъ, М. А. За границей. „Трудъ“ 5, 467—471.

Излагается статья Селли въ Fortnightly Review о снѣ.

Орловъ, М. А. См. Люисъ, Пикте, Ферреро, Филипповъ, Я.

575. Оршанскій, И. Г. Позитивизмъ и континизмъ. „Зап. Харьк. Унив.“, кн. 2, отд. неоф., стр. 85—116; кн. 4, стр. 151—250.

Изложивъ вкратцѣ „Курсъ позитивной философіи“, исключая отдѣлъ о социологіи, авторъ переходитъ къ критикѣ основныхъ началъ контовской философіи и останавливается прежде всего на взглядахъ Милля, Спенсера, Лесевича и Грота. Находя, что до сихъ поръ мало еще сдѣлано философскою критикою для анализа основныхъ началъ позитивизма, г. Оршанскій пытается пополнить этотъ пробѣлъ, при чемъ классификація наукъ и законъ развитія разсматриваются лишь въ общихъ чертахъ, идея же единства метода и законовъ космоса развивается съ большею обстоятельностью. Контовская философія проникнута духомъ аналитическимъ по отношенію къ элементамъ, эволюционнымъ началомъ въ отношеніи ряда наукъ и, наконецъ, принципомъ единства и системы въ отношеніи къ цѣлому. Логика, отвергаемая и сознательно попираемая Контомъ, мститъ за себя. По мѣрѣ того, какъ въ воображеніи Конта зрѣлъ и крѣпчалъ идеалъ будущаго общества, построеннаго на деспотизмѣ, въ его духовномъ царствѣ происходило подобное же превращеніе. Его философія изъ федеративной системы методовъ и законовъ, построенныхъ на общемъ началѣ позитивнаго духа, обратилась въ деспотію, въ которой всѣ методы и законы подчинены призраку социальной философіи.

576. О с и п о в ъ, Н. О. Памяти Николая Ивановича Лобачевского. „Нов. Вр.“ № 6339 (21-го октября).

Философская сторона почти не затронута.

577. О - с к і й, А. Преступность, ея проявленія и причины. „Міръ Бож.“ 1, 233—236.

Заключительный выводъ замѣтки сводится къ тому, что преступленіе есть явленіе социальное, а не проявленіе злой воли человѣка.

578. Острогорскій, А. Н. Самоубійства, какъ психологическая проблема. Изъ этюдовъ о самоубійствахъ — по преимуществу въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. „Пед. Сбор.“ 1, 19—49; 2, 137—163; 7, 1—32; 8, 89—123; 10, 291—315.

Первая серія этюдовъ. Въ результатъ своихъ изслѣдованій авторъ признаетъ резоннымъ совѣтъ Бріеръ-де-Буамона воздерживаться отъ какихъ-либо обобщеній въ вопросѣ о самоубійствахъ. Въ статьѣ приводится очень много случаевъ самоубійствъ, но почти всегда остается неизвѣстнымъ, откуда авторъ почерпнулъ приводимые факты.

Статью реферировуетъ Ф. В., „Образ.“ 7—8, 6—14.

579. Острогорскій, А. Учить или воспитывать? „Образов.“ 2, 126—138; 3, 193—202.

Задачи школы, ея отношеніе къ семьѣ, переутомленіе, классицизмъ и т. д. по книгѣ Циглера „Die Fragen der Schulreform“.

580. О. Т. В. Объ основныхъ идеяхъ нашего вѣка. (Маленькая замѣтка о великомъ вопросѣ). „Рус. Мысль“ 1, 57—63.

Современная научная мысль стремится доказать, что роль идеальныхъ факторовъ въ исторіи возрастаетъ и двигается къ преобладанію. Для опредѣленія

ходящихъ философскихъ терминовъ авторъ останавливается на книгѣ E u s k e n : Die Grundbegriffe der Gegenwart. Возрожденіе динамическаго идеализма составляетъ характерную черту времени, признакъ начинающагося торжества науки и гуманности.

581. О. Т. В. О пессимизмѣ въ современной литературѣ. „Русская Мысль“ 3, 55—59.

По поводу книги G. Pellissier: Essais de littérature contemporaine, авторъ высказываетъ нѣсколько интересныхъ мыслей въ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Наши защитники самодовлѣющаго искусства соединяютъ эту защиту съ борьбою противъ позитивизма и либерализма. Но гораздо больше правды въ утвержденіи тѣхъ сторонниковъ метафизики, которые признавали ее могучимъ двигателемъ политической свободы.

Объ этой статьѣ А. П. Я—ій: Наблюденія и замѣтки. „Колосъ“ 4, 181—184, а также В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист.“ № 91.

582. О. Т. В. Изъ литературныхъ наблюденій. „Рус. Мысль“ 6, 68—73.

О новой школѣ поэтовъ-символистовъ и о походѣ г. Вольнскаго противъ критики шестидесятыхъ годовъ.

583. Отчеты о засѣданіяхъ общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Имп. Московскомъ университетѣ. Годъ 3-й. Засѣданія: публичное 25-го октября 1892 г., закрытыя: 20-го ноября, 4-го декабря и 18-го декабря 1892 года. Москва. Тип. Мамонтова. 90 стр. 500 экз.

Сообщенія имѣютъ специальный интересъ.

584. Отчеты о засѣданіяхъ общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Засѣданіе 22-го января 1893 г. М. Тип. Мамонтова. 20 стр. 500 экз.

Нѣкоторый интересъ для психолога имѣютъ сообщенія А. А. Корнилова „Къ вопросу объ афазіи“ и А. А. Токарскаго „О насильственныхъ внушеніяхъ“.

585. Отчеты о засѣданіяхъ общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Имп. Московскомъ университетѣ. Засѣданіе 19-го февраля 1893. Москва. Тип. А. Мамонтова. 22 стр. 500 экз.

586. Отчеты о засѣданіяхъ общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Имп. Московскомъ университетѣ. Засѣданіе 5-го марта 1893 года. Москва. Тип. А. Мамонтова. 23 стр. 500 экз.

587. Отчеты о засѣданіяхъ общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Имп. Московскомъ университетѣ. Годъ 3 й. Засѣданіе 19-го марта 1893 г. Москва. Тип. А. Мамонтова. 18+35 стр. и 2 таблицы. 500 экз.

Сообщенія интересны для специалистовъ.

588. О х о р о в и ч ъ, Ю. Въ погоню за новою истиной. „Ребусъ“ № 34, стр. 325сс.; № 35, стр. 337сс.; № 36, стр. 345с.; № 37, стр. 353сс.; № 39, стр. 370—373; № 40, стр. 382сс.

Изъ Kuryer Warszawski № 155 и слѣд. По поводу мѣдиумическихъ опытовъ съ Евзапией Паладино.

589. Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Перевель съ итальянскаго и издалъ д-ръ Лейненбергъ. Одесса. Тип. „Одесскаго Листка“. 84 стр. 1500 экз. 50 коп.

Довольно поверхностная популярная брошюра, въ которой въ трехъ большихъ главахъ излагаются причины, симптомы и лѣченіе нервныхъ страданій у дѣтей.

Недостатки книги указаны въ „Сѣв. Вѣст.“ 7, 52с. См. также Х. И. „Од. Лист.“ № 107.

590. (Паладино, Евзапія.) Итальянка-медіумъ. Статья В. С. Р. „Нов. Вр.“ № 6106, прибав. (27-го февраля).

Сообщеніе о медіумическихъ сеансахъ, надѣлавшихъ много шуму. Съ портретомъ Паладино и съ изображеніемъ одного изъ сеансовъ. — См. также Аксаковъ, Булгаковъ, Вагнеръ, Дю-Прель, Охоровичъ, Рише, Эльпе.

591. (Паладино.) Отчетъ о сеансахъ съ Евзапіей Паладино въ Миланѣ въ 1892 г. „Ребусъ“ № 1, 2—5; № 2, 17—19; № 3, 29—32; № 4, 41—43. Изъ миланской газеты L'Italia del Popolo.

592. (Память.) Примѣры необычайной памяти. „Прав. Вѣс.“ № 224.

593. Панаевъ, Ипполитъ. Свѣтъ жизни. Неотразимые факты и мысли. Въ двухъ частяхъ. Спб. Тип. Стасюлевича. 295 стр. 1 р. 50 коп. Девизъ: Къ рациональному міровоззрѣнію.

Это — заключительный трудъ, завершающій собою цѣлый рядъ книгъ автора, изданныхъ подъ однимъ и тѣмъ же девизомъ. Подъ влияніемъ философіи Якоби, отчасти Фихте, г. Панаевъ облюбовалъ нѣсколько философскихъ положеній (они сгруппированы на стр. 24сс.) въ духѣ этихъ философовъ и, читая разныя сочиненія по философіи, выписывалъ то, что, на его взглядъ, подтверждаетъ излюбленные принципы. Такимъ образомъ труды автора, быть можетъ, и внушены симпатичными цѣлями, но отличаются почти сплошь компилятивнымъ характеромъ. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ онъ компилируетъ не только Якоби, Фихте, Навиля, Льюиса и др., но и самого себя и вдается въ подробности личной жизни, которыя нельзя не назвать излишними въ философскомъ трудѣ.

Краткій отзывъ въ „Книж. Вѣс.“ 6, 221с.

594. Паперна, Г. International Journal of Ethics. Томъ II, № 2—4. «Вопр. филос.» отд. II, кн. 16, стр. 82—85.

Рефератъ статьи Александра.

595. Парацельсъ, Теофрастъ. Замѣтки по случаю четырехсотлѣтія со дня его рожденія въ „Сѣв. Вѣс.“ 12, 104с., „Сын. От.“ № 333, „Прав. Вѣс.“ № 271.

Парацельсъ. См. Васильевъ, Любимовъ, Ширяевъ.

596. (де-Парвиль, Анри). Мгновенный гипнозъ подъ впечатлѣніемъ вѣшнихъ раздраженій. „Прав. Вѣс.“ № 260.

Изъ научныхъ писемъ Анри де-Парвиля въ Journal des Débats.

597. (Паульсенъ). Paulsen, Fr. System der Ethik.

Замѣтка въ „Мір. Бож.“ 1, 244 изъ Deut. Rundschau.

Паульсенъ. См. Алексѣй Введенскій, Гохэгеръ.

598. Пашковъ, І. И. Силы природы по наблюденіямъ І. И. Пашкова. Изданіе второе. М. Тип. І. Пашкова. 40 стр. 1.200 экз.

Авторъ хочетъ повѣдать міру свои открытія о томъ, что пустоты нѣтъ и не можетъ быть, что по утрамъ лѣтомъ бываетъ роса, что испаренія самова-ра осѣдаютъ на стеклахъ комнаты и т. п. При этомъ буквы А. П. М. П. имѣютъ для г. Пашкова, повидимому, какой-то мистическій смыслъ, хотя онъ и объясняетъ, что они означаютъ „Абсолютную пустоту между планет-наго пространства“. Для вящей убѣдительности на обложкѣ хорошо изданной брошюры изображенъ шаръ, освѣщенный солнцемъ въ атмосферномъ про-странствѣ, и тотъ же шаръ, только освѣщенный въ безвоздушномъ про-странствѣ. Справедливость требуетъ прибавить, что великія открытія автора изла-гаются нерѣдко очень безграмотно.

Нѣсколко насмѣшливая рецензія А. Ш. „Рус. Об.“ 5, 387сс.

599. Педагогъ. Къ вопросу объ эстетическомъ образованіи. Письмо къ издателю. „Моск. Вѣд.“ № 138.

Пробѣлъ въ эстетическомъ образованіи гимназій могутъ пополнить, запас-шись лучшими художественными изданіями.

600. Пекаторосъ, Г. Эмиль Золя и его философія. (По поводу ро-мана „Докторъ Паскаль“). „Нов. Тел.“ № 5907 (28-го сентября).

Авторъ приписываетъ ученіе о наслѣдственности, вложенное въ уста Па-скаля, самому Золя и находитъ его попытку рѣшить вопросъ о наслѣдствен-ности не имѣющей цѣны.

601. (Пелиссъе.) Pellissier, M. Essais de littérature contemporaine. Par. Отчетъ З. Венгеровой). „Вѣс. Евр.“ 4, 859сс.

Пелиссъе, Ж. См. Гольцевъ, Оболенскій, О. Т. В.

602. (Перэ). Perez, V. Le caractère de l'enfant à l'homme.

Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 215 изъ Rev. crit. Слабыя стороны труда, отдавая справедливость легкости и простотѣ изложенія, указываетъ В. Ива-новскій. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 17, отд. II, стр. 76—79.

603. Перонне, Ш. Роль чувствъ въ воспитаніи и образованіи дѣтей. „Вѣс. Восп.“ № 6, стр. 153—178.

Апология нагляднаго метода обученія. Брошюра д-ра Peronné (Du rôle des sens dans l'instruction et l'éducation des enfants. Les musées scolaires et la méthode intuitive à l'école primaire. Conférence) вышла въ 1892 г.

604. Перфильевъ, М. Физиологія и психологія привычекъ. „Вѣс. Восп.“ № 6, стр. 65—104.

Въ статьѣ довольно обстоятельно разсматривается вопросъ о привычкахъ, ихъ классификація и значеніе въ жизни. Привычки слагаются чуть не съ пер-выхъ дней существованія ребенка.

605. Песковскій, М. Л. К. Д. Ушинскій, его жизнь и педагогиче-ская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ К. Ушинскаго, гра-вированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб. Тип. Эрлиха. 25 к. 80 стр. 8100 экз. [Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павленкова].

Этотъ тепло написанный очеркъ представляетъ большой интересъ для всякаго, кому дороги судьбы родной науки и мысли. Тѣмъ не менѣ едва ли можно согласиться съ авторомъ, что нѣкоторыя произведенія Ушинскаго имѣютъ міровое значеніе.

Очень сочувственные отзывы: В. А. „Рус. Вѣд.“ № 175; Вл. Мч. „Нов.“ № 203. Сочувственно отзывается, хотя и указываетъ пробѣлы, Л. Гарскій, „Рус. Шк.“ II, 189—192.

606. Песталоцци, Генрихъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Томъ I. Лингардъ и Гертруда. Части I и II. Переводъ съ нѣмецкаго В. Смирнова. Съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. (Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). Москва. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. LX+443 стр. 1.200 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Это симпатичное и прекрасно исполненное изданіе составляетъ только одно изъ звеньевъ широко задуманной педагогической бібліотеки, куда предполагается включить также педагогическія сочиненія Канта и Гербарта. Переводу „Лингарда и Гертруды“ предшествуетъ хорошо написанный очеркъ жизни и дѣятельности Песталоцци.

607. Песталоцци. Исповѣдь. Переводъ К. Воскресенскаго. Изд. К. Сихмана. Рига. Тип. А. Гротуса. 2+216 стр. 3.000 экз.

Подъ общимъ заглавіемъ исповѣди въ книгу вошли автобіографическія мѣста изъ Schwanengesang и писемъ къ Геснеру, а также полный переводъ сочиненія „Meine Lebensschicksale“. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно.

Песталоцци. См. Абрамовъ.

608. Петербуржецъ. Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6383 (4-го декабря).

По поводу ненапечатаннаго отзыва объ одномъ изъ сочиненій по логикѣ, представленныхъ въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія для соисканія премии Петра Великаго. Факты, сообщаемые г. Петербуржемъ счелъ необходимымъ опровергнуть одинъ изъ членовъ комиссіи, разсматривавшей представленныя сочиненія, особымъ письмомъ въ редакцію, помѣщеннымъ въ „Нов. Вр.“ № 6398 (19-го декабря).

609. Петербуржецъ. Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6164 (28-го апрѣля).

Случай съ мандариномъ Кукси-Пао, свидѣтельствующій о неудобствахъ занятія гипнотизмомъ. Вѣроятно, читателю преподносится одна изъ газетныхъ утокъ.

Петербургжецъ. См. Аврелинъ, Сигеле, Шперкъ.

610. (Пиктэ). Изъ области науки. Статья Н. С. „Рус. Вѣд.“ № 333.

По поводу опытовъ Пиктэ надъ жизнью въ низкихъ температурахъ (*Archives des sciences physiques et naturelles*, октябрь). По мысли Пиктэ, жизнь есть одна изъ силъ природы, получающаяся въ результатѣ превращенія или преобразования другихъ природныхъ силъ, производимаго, при наличности извѣстнаго комплекса физико-химическихъ условій, специальными жизненными организмами. Результаты изслѣдованій Пиктэ приводятъ, по мнѣнію автора, къ реставраціи стараго термина „жизненная сила“.

Объ этихъ же опытахъ см. также замѣтки въ „Прав. Вѣс.“ №№ 241 и 259, и М. А. Орловъ: За границей. „Трудъ“ 12, 685—690.

611. (Пиктэ, Р.) Исповѣдь физика. Статья С. Н. С. „Нов. Вр.“ № 6135 (28-го марта). Перепечатано въ „Ребусъ“ № 24, стр. 244с.

Воля, съ точки зрѣнія экспериментальной физики, оказывается потенціаломъ души. Современная наука, допустившая сначала понятіе вѣсогого вещества, потомъ понятіе эиера, затѣмъ потенціального движенія, принуждена допустить еще одну силу—силу души. Свою исповѣдь знаменитый физикъ читаетъ у г-жи Аданъ.

612. Пименова, Э. Гипнотизмъ въ исторіи. „Міръ Бож.“ 8, 158—187.

Очеркъ патологическихъ проявленій гипнотическаго внушенія въ исторіи человѣчества. Компильтивная статья.

613. Пименова, Э. Сомнамбулизмъ и гипнотизмъ. „Міръ Бож.“ 6, 36—54; 7, 117—134.

Популярный очеркъ.

Пироговъ, Н. И. См. Добросмысловъ, Малисъ, Пясковскій.

614. (Пирсонъ). Pearson. The causes of pessimism. Fortnightly Review, октябрь.

Сочувственный отчетъ даетъ Е. Г. въ „Рус. Обзор.“ 12, 982сс.

Писаревъ. См. Е. Соловьевъ.

615. Платоновъ, И. П. И. Ковалевскій. По поводу исполнившагося десятилѣтія издаваемаго имъ „Архива психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи“. „Южный Край“ № 4123 (3-го января).

Съ портретомъ.

616. Платонъ. Выпускъ первый: Апологія Сократа. Введение, переводъ и примѣчанія А. Л. Якимаха. Спб. Тип. Либермана. 58 стр. 2.100 экз. 40 коп. [Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями].

Изданіе рассчитано не только на учащихся, но и на людей, стремящихся пополнить свое самообразование.

617. Платонъ. Выпускъ 4-й. Эвтифронъ. Введение, переводъ и примѣчанія А. Л. Якимаха. Спб. Тип. Либермана. 42 стр. 2.090 экз. Ц. 30 коп. [Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями].

Изданіе для школьнаго обихода и для самообразованія.

Платонъ. См. Бенаръ, Ивановъ, Нечаевъ.

618. Плискій, Н. О клептоманіи (врожденной наклонности къ воровству). Изслѣдованіе. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. Тип. Сойкина 46 стр.

Авторъ сѣтуетъ на то, что вопросъ о клептоманіи совершенно заброшенъ у психіатровъ. Желая освѣтить этотъ темный вопросъ, онъ собираетъ нѣкоторые болѣе или менѣе любопытные факты, относящіеся къ области клептоманіи, и пытается сдѣлать даже нѣсколько выводовъ. Факты пересыпаны разсужденіями, не совсѣмъ подходящими къ дѣлу. Вообще же авторъ слишкомъ смѣлъ, называя тоненькую книжку изслѣдованіемъ.

По мнѣнію, „Жур. гражд. и угол. пр.“ № 2, 82 с. книжка лишена всякаго научнаго значенія.

619. Пл (отник о) въ, М. Успѣхи критики и общая теорія искусства. „Волж. Вѣст.“ № 218 и 219.

Указавъ на все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ философіи искусства, авторъ излагаетъ лекцію Лафита о „Фаустѣ“ (Rev. Occid. 1891, № 6), которая, отличаясь оригинальностью и широтою мысли, отвѣчаетъ на многіе вопросы, возникающіе и въ русской литературѣ.

Плотниковъ, М. См. Волянскій, Чернышевскій.

Плутархъ. См. Елпидинскій.

Погожевъ, А. См. Никольскій.

Подморъ, Ф. См. Герней.

620. Покровскій, А. Очерки православно-христіанскаго нравоученія. Курсъ VIII класса гимназій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Самара. Тип. Новикова и Ильянова. II+127+III стр. 75 коп. 1.200 экз.

Книга представляетъ по большей части извлеченіе изъ сочиненія того же автора, предназначеннаго для духовныхъ семинарій: „Православно-христіанское нравственное богословіе“. Кромѣ русскихъ пособій авторъ пользовался сочиненіями еп. Маргенсена и Вутке. Имѣя въ виду дать пособіе для учениковъ послѣдняго класса гимназій, онъ излагаетъ самыя элементарныя положенія христіанской этики.

621. Покровскій, М. М. Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля. М. Тип. унив. IV+121 стр. 600 экз. (изданіе Московскаго университета). 80 коп.

Въ первомъ и второмъ этюдахъ разсматривается отношеніе памфлета Критіи къ Политіи, во второмъ и третьемъ Политія сопоставляется съ Политикою Аристотеля. Политія и Политика, по мнѣнію г. Покровскаго, находятся въ полномъ взаимномъ соотвѣтствіи какъ по частнымъ, такъ и по общимъ вопросамъ. Разница между ними заключается, можетъ быть, только въ томъ, что многіе изъ основныхъ пунктовъ ученія Аристотеля подчеркнуты и формулированы въ Политіи не такъ энергично и опредѣленно, какъ въ Политикѣ. Въ частности же, что касается второй части Политіи, то она написана совершенно тѣмъ же языкомъ, какимъ написаны несомнѣнно подлинныя сочиненія Аристотеля. Содержаніемъ она совпадаетъ съ соотвѣтствующими главами Политики и по тенденціи, и по плану.

Безвѣтный отзывъ въ „Книж. Вѣст.“ 10, 288.

Поланъ. См. Ивановскій, Козловъ.

622. Полетаевъ, Н. Объ основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи. Спб. 1890. Тип. Катавскаго. 430 стр.

Этотъ солидный трудъ остался какъ-то незамѣченнымъ въ русской печати. Представивъ ученія метафизиковъ (главнымъ образомъ, Гегеля), индетерминистовъ (между прочимъ, гг. Вульфферта и Спасовича), полудетерминистовъ (между прочимъ, Таганцева, Дробиша, Сергѣевского, Неклюдова, Канта, Фейербаха, Будзинскаго, Фулье) и детерминистовъ (между прочимъ, Локка, Юма, Гегдинга, Грота, Гоббса, Кистяковскаго, Ковалевскаго, Мюнстерберга, Спенсера, Рибо), авторъ подробно излагаетъ психологическое ученіе о волѣ, такъ какъ,

по его мнѣнію, необходимо представить результаты изученія воли съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія для сравненія этихъ результатовъ съ положеніями, выставляемыми этическимъ ученіемъ о волѣ. Обстоятельно разсмотрѣвъ вопросъ о волѣ, авторъ приходитъ къ рѣшительному отрицанію ея свободы.

Безвѣтный отзывъ въ „Русск. Мысли“ 4, 187.

623. (Поли м о р ф и з м ъ). О полиморфизмѣ, какъ общемъ свойствѣ матеріи. „Прав. Вѣст.“ № 265 и 266.

Статья по философіи химіи. Полиморфизмъ—свойство определенныхъ химическихъ соединеній въ твердомъ состояніи давать нѣсколько видоизмѣненій.

624. Полумордвиновъ, Д. В., д-ръ. Рефераты работъ по нервной физиологіи. „Неврол. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 181—193.

Отчетъ о русскихъ и иностранныхъ работахъ.

625. Поповъ, И. Тертуліанъ. (Опытъ литературной характеристики). „Бог. Вѣст.“ 11, 197—220; 12, 432—446.

На основаніи подлинныхъ сочиненій Тертуліана. Реалистическія наклонности и страстность Тертуліана были причиною разнаго рода крайностей, отклоненій отъ церковной доктрины и логическихъ промаховъ. Но изъ того же источника вытекли и свѣтлыя стороны въ характерѣ Тертуліана: ненависть къ ереси, нравственная строгость, здравые методы толкованія Писанія, ясное пониманіе общественныхъ отношеній и причинъ гоненія на христіанъ.

Поповъ, Л. К. См. Эльпе.

626. Португаловъ, В. Научныя замѣтки. Жестокіе нравы. „Русск. Жизнь“ № 160.

О проявленіяхъ жестокости.

Португаловъ. См. Булгаковъ.

627. Посадскій, Я. Къ столѣтнему юбилею Лобачевского. „Каз. Тел.“ №№ 1, 4.

Статья біографическаго характера.

Потебня, А. См. Овсянко-Куликовскій.

628. (Право и нравственность). Отношеніе между правомъ и нравственностію. Статья * * *. „Вѣр. и Раз.“, № 15, отд. церк., стр. 122—145; № 16, стр. 228—250.

Мораль и право отличаются другъ отъ друга какъ способомъ защиты, такъ и приемами оцѣнки нашихъ отношеній. Мораль, выражаясь въ формѣ одобренія или порицанія общественнаго мнѣнія, опирается главнымъ образомъ на оцѣнку побужденій, вызывающихъ поступки, а право опирается на оцѣнку самихъ поступковъ. При настоящемъ состояніи рода человѣческаго нѣтъ благоприятныхъ условій для достиженія гармоніи между правомъ и нравственностію, между волей юридической и волей нравственной. Несмотря на это, они одинаково необходимы для блага человечества.—Статья, по своей основательности, заслуживаетъ вниманія. Остается только совершенною загадкой, почему она попала въ отдѣлъ церковный.

Православный. См. Н. Вагнеръ.

629. (Прейеръ). Начало духовнаго развитія ребенка. Статья А. Л. „Образ.“ 11, 293—305; 12, 370—379.

Изложеніе новаго труда Прейера „Die geistige Entwicklung in der ersten Kindheit“.

Прейеръ. См. Ланге.

Преображенскій, А. См. Келтуяла.

Преображенскій, В. П. См. Бичалець, Лопатинъ, Наблюдатель, Чуйко.

630. Преображенскій, П. А., протоіерей. Некрологъ Ш. „Моск. Вѣд.“ № 151. „Нов.“ № 156. Довольно обстоятельный некрологъ въ „Моск. Церк. Вѣд.“ № 27, стр. 365—368.—Памяти редактора „Православнаго Обзорнія“ протоіерея Петра Алексѣевича Преображенскаго. Тамъ же № 159. Здѣсь же помѣщена и рѣчь Алексѣя И. Введенскаго (напечатана также въ „Бог. Вѣст.“ 7, 150—154, „Моск. Церковн. Вѣд.“ № 25, стр. 336сс., и въ „Душеп. Чт.“ 7, 488—493). См. также „Моск. Церк. Вѣд.“ № 24, стр. 317—321. Статьи изъ послѣдней газеты вышли отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: Памяти протоіерея Петра Алексѣевича Преображенскаго. Москва. Тип. Снегиревой 29 стр.

См. Корсунскій.

631. Преображенскій, Ѡ. П. Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель-моралистъ. Критическій очеркъ. М. Тип. Сытина. 47 стр. 720 экзempl. 10 коп.

Разсмотрѣвъ нравственныя воззрѣнія Л. Н. Толстого и ихъ основанія и сдѣлавъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу его психологіи, метафизики и этики, авторъ приходитъ къ такому заключенію: „Мораль безъ нравственной личности и нравственнаго идеала, какъ единственной цѣли нравственной дѣятельности, своеобразное смѣшеніе нравственныхъ задачъ съ социологическими мечтаніями, странная смѣсь аскетизма, утилитаризма и эвдемонизма, счастье вмѣсто добра, матеріальное довольство вмѣсто нравственнаго совершенства, внѣшніе рецепты вмѣсто заповѣдей личнаго совершенства и спасенія, бессмысленный конецъ человѣческой исторіи и нравственнаго процесса,—вотъ основныя черты того нравственнаго ученія, которое предлагается намъ подъ видомъ христіанской морали. Умъ, отказавшійся отъ христіанской догматики и замѣнившій ее самымъ непослѣдовательнымъ пантеизмомъ, потерпѣлъ роковую неудачу. Онъ не только породилъ удивительную смѣсь непримиримыхъ противорѣчій, психологическихъ и метафизическихъ нелѣпицъ, но и сдѣлалъ все, чтобы выработанная имъ мораль не имѣла успѣха и долговѣчности“.

Престарѣлый библіографъ. См. Брандтъ.

632. (Преступленія). Мотивы преступленій. „Прав. Вѣстн.“ № 95 и 96. Любопытная статья о значеніи мотивовъ въ практикѣ уголовного судопроизводства.

633. Призраки и видѣнія. (Изъ міра тайнъ). „Петерб. Лист.“ №№ 313, 316, 324 (уже подъ заглавіемъ: Прижизненные призраки и видѣнія), 329. Безъ малѣйшихъ признаковъ критики рассказываются разнаго рода случаи

изъ области телепатіи, ясновидѣнія и т. п., частію на основаніи извѣстнаго сборника Майерса, Гернея и Подмора.

634. Прозоровъ, Л. Провинціальная печать. „Сѣв. Вѣст.“ 12, 28—33.
О статьяхъ въ казанскихъ газетахъ по поводу юбилея Лобачевского.

Прозоровъ, Л. См. Вл. Соловьевъ, Толстой.

635. Прокофьева, М. Картинки парижской жизни. (Изъ записной книжки туристки). „Рус. Бог.“ 5, 52—81.

Къ „Ежегоднику“ имѣеть отношеніе гл. III (Въ теософскомъ салонѣ) и IV (Сеансъ угадыванія мыслей и бесѣда съ Шарлемъ Рише).

636. Протоколы засѣданій общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ за 1892 годъ. Спб. Тип. Стасюлевича. 51 стр. 300 экз.

Сообщенія, о которыхъ напечатаны отчеты въ этихъ протоколахъ, имѣють интересъ лишь для психіатровъ и невропатологовъ.

Протопоповъ. См. Боборыкинъ, Волынской, Говоровъ, Каблицъ, Толстой и Чернышевскій.

637. Протопоповъ, М. Письма о литературѣ. „Русск. Мысль“ 2, 127—133.

Довольно безцеремонная выходка противъ „Вопросовъ философіи“ по поводу статей о Ницше. Въ сущности, какъ думаетъ г. Протопоповъ, ученіе Ницше не содержитъ въ себѣ ничего новаго для русскаго читателя.

638. (Психіатрія). Къ исторіи психіатріи въ Россіи. „Прав. Вѣстн.“ №№ 92 и 93.

639. Психологическая лабораторія въ Сорбоннѣ. „Міръ Бож.“ 4, 228сс.

640. Психологія моды. „Спб. Вѣд.“ № 102. Подпись: Ventrovato.

Это громкое названіе носить газетная передовая статья. Современная мода, по мнѣнію автора, служитъ выраженіемъ нашей нравственной распушенности, халатности и умственного неряшества.

641. Психометрія. „Нов. Вр.“, прилож. къ № 6174 (8-го мая). Перепечатано въ „Каз. Тел.“ № 33 подъ заглавіемъ: Душевная чувствительность.

Эта новая наука не имѣеть ничего общаго съ психометріей Вундта и его учениковъ. Основателями новой психометріи являются американскіе доктора Бучананъ и Дентонъ. Психометріей они называютъ тонкую душевную чувствительность черезъ посредство тѣлеснаго прикосновенія, благодаря которой можно отличить, наприм., взять ли волосъ отъ живого или отъ мертваго человѣка. Какъ кажется, новая наука принадлежитъ къ области фантазіи.

Пуанкаре. См. Гауссъ.

642. Публицистическія замѣтки. Статья А. Ф. „Рус. Жизнь“ № 258.

Авторъ считаетъ философію вредной для нормальнаго общественнаго развитія. Здѣсь достается и „Вопросамъ философіи“, и „Сѣв. Вѣстнику“, и редакціоннымъ московскимъ органамъ. Обновленіе общества, основанное на единомъ истинномъ пониманіи философскихъ и религиозныхъ идей, по мнѣнію

фельетониста,—явный абсурдъ. Всѣ свои силы надо направить на непосредственную борьбу съ общественнымъ зломъ и неправдою.

643. П у р и ц ъ, К. Н., д-ръ. Ученіе о наследственности. (Біологическій очеркъ). Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 38 стр. 200 экз. 30 коп.

Оттискъ изъ „Журнала Русскаго общества охраненія народнаго здравія“ 1892, 9—12. Авторъ кратко, толково и вполне доступно излагаетъ современные взгляды на наследственность. Организмы,—говоритъ онъ,—имѣютъ въ цѣломъ рядъ поколѣній сходственные признаки и особенности не потому, что обладаютъ какими-либо специфическими свойствами, обусловливающими передачу этихъ признаковъ изъ одного поколѣнія въ другое, а просто потому, что различныя поколѣнія одного индивидуума развиваются изъ одного и того же зародышеваго вещества. Поколѣнія эти, подобно частямъ одного цѣлаго, должны быть не только сходственны между собой, но и прямо тождественны. Поэтому насъ скорѣе должно поражать не существованіе сходственныхъ признаковъ у предковъ, а наоборотъ—отсутствіе у нихъ полного тождества.

П у ш к и н ъ. См. Аверкіевъ.

644. П ы п и н ъ, А. Н. Изъ исторіи панславизма. „Вѣстн. Европы“ 9, 267—313.

Роль Костомарова и Ив. Аксакова въ панславистическомъ движеніи (по новѣйшимъ даннымъ) въ связи съ теченіемъ общественной мысли сороковыхъ годовъ.

645. П ы л ь е в ъ, М. И. Духовидцы и видѣнія историческихъ лицъ. «Трудъ», 12, 663—676.

Разказы о разныхъ необычайныхъ явленіяхъ, заимствованные изъ мемуаровъ русскихъ дѣятелей.

646. П ы с ь к о в с к і й, Н. Я., д-ръ. Пироговъ, какъ психологъ, философъ и богословъ. «Вопросы филос.» кн. 16, отд. I, стр. 1—24.

Въ области психологіи Пироговъ—спиритуалистъ, въ философіи—монистъ, въ области религіи онъ чувствуетъ потребность идеала высоко-недостижимаго, превосмогающаго всякую дѣйствительность. Матеріаломъ для статьи послужила извѣстная автобіографія Пирогова.

647. Р (а д л о в ъ), В. Гирнгаймъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 757с.

648. Р (а д л о в ъ), Э. Гланвилль. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 818.

649. Р (а д л о в ъ), Э. Гоббсъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 2сс.

650. Р а д л о в ъ, Э. Гольбахъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 127сс.

651. Р а д л о в ъ, Э. Гэйлинксъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 95с.

652. Радловъ, Э. Догматизмъ. «Энцикл. слов.» Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 844.

653. Радловъ, Э. Дедукція. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 276с.

654. Радловъ, Э. Деизмъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 290сс.

655. Радловъ, Э. Демокритъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 371с.

656. Р(адловъ), Э. Диогенъ изъ Аполлоніи; Диогенъ Лаэртійскій, Диогенъ изъ Синопа. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 751.

657. Радловъ, Э. Доказательства. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 877с.

658. Радловъ, Э. Донатизмъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 14с.

659. Радловъ, Э. Очерки изъ исторіи скептицизма. Иеронимъ Гирнгаймъ. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 69—90.

Статья распадается на двѣ части: въ первой обрисованы культурныя условія, въ которыхъ находилась Чехія въ XVII в.; во второй излагаются воззрѣнія Гирнгайма по его сочиненію *De typho generis humani*. Гирнгаймъ не представляетъ собою момента исторической важности въ скепсисѣ, но сочиненіе его можетъ служить примѣромъ типичной формы скепсиса, вытекающаго изъ религіи, а также важно, какъ источникъ для характеристики состоянія науки и религіи въ Чехіи въ XVII в.

Радловъ, Э. См. Бершадскій, Александръ Введенскій, Снегиревъ и Шмидтъ.

Радугинъ, Вл. См. Дюрингъ.

660. Рейнгардтъ, Н. В. Н. И. Лобачевскій и его геометрія. „Волж. Вѣст.“ № 271.

Довольно обстоятельная статья, выясняющая значеніе Лобачевскаго въ геометріи.

661. (Религіи). Конгрессъ религій въ Чикаго. „Нов. Вр.“ № 6319 (1-го октября).

Отчетъ слишкомъ кратокъ. Гораздо подробнѣе отчетъ въ „Вѣст. ин. лит.“ II, 302—309. См. также „Новь“ № 24, стр. 753с. съ очень любопытными снимками-Релльсъ. См. Я.

662. (Ренанъ). Какъ писалъ Ренанъ? „Рус. Вѣд.“ № 109.

Любопытныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ Figaro.

Ренанъ, Э. См. Алексѣй Введенскій, Муретовъ, Слонимскій и Чуйко-Ренувье. См. Алексѣй Введенскій.

663. Рибо, Т. О различныхъ формахъ характера. Переводъ В. П. подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А(лекса)ндра И. Введенскаго. „Образ.“ I, 19—44.

Статья Рибо помѣщена въ *Rev. Philos.* 1892, II и реферирована Н. А.

А бри к о с о в ы м ъ въ кн. 17 „Вопросовъ философіи“, отд. II, стр. 65—70. Заключительный выводъ Рибо тогь, что подлинныя характеры не мѣняются. Классификація характеровъ Рибо едва ли можетъ быть отнесена къ очень удачнымъ.

664. (Р и б о). Ribot, Th., проф. Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ съ французскаго подь ред. д-ра В. Аболенскаго. Изд. книгопр. В. Губинскаго. Спб. 1894. Тип. А. Трунова. 224 стр. 2.400 экз. Ц. 80 коп.

Сочиненіе Рибо о болѣзняхъ памяти переводится уже во второй разъ на русскій языкъ (въ первый разъ оно вышло въ 1881 г. въ переводѣ д-ра Черемшанскаго). По мнѣнію Рибо, память составляетъ общую функцію нервной системы. Основаніемъ ея служить свойство элементовъ—сохранять полученное измѣненіе и входитъ въ ассоціаціи между собою. Чтобы отличить эти ассоціаціи отъ прирожденныхъ или анатомическихъ, Рибо называетъ ихъ динамическими. Сохраненіе состояній обезпечивается Читаніемъ, которое постоянно укрѣпляетъ ихъ. Воспроизведеніе же состояній, повидимому, зависитъ преимущественно отъ кровообращенія. Сохраненіе и воспроизведеніе составляютъ два основныя свойства памяти, которыя вводятъ ее въ рядъ жизненныхъ условий. Третье и послѣднее свойство памяти, сознаніе, представляетъ не что иное, какъ дополненіе или совершенствованіе памяти. Психическая память является только высшей и наиболѣе сложной формой памяти вообще. Сочувственно отзывается «Нов. Вр.» № 6291 (5-го сентября).

665. Р и ш е, Шарль. Геніальность и помѣшательство. Переводъ І. Юровскаго. (Международная бібліотека, № 7). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. Тип. Исаковича. 32 стр. Ц. 15 коп.

Рише беретъ подъ свою защиту Ломброзо. По его мнѣнію, онъ никогда не ставилъ на одну линію генія и помѣшаннаго. Въ теоріи Ломброзо, на первый взглядъ столь противорѣчащей здравому смыслу, нѣтъ въ сущности ничего неестественнаго. Геніальные люди, а также и обладавшіе даромъ вдохновенной изобрѣтательности, не были людьми вполне уравновѣшенными въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову медики и фізіологи. Безукоризненное умственное равновѣсіе въ общемъ несовмѣстимо съ оригинальностью и вдохновеніемъ генія. Когда мы говоримъ, что такой-то геніаленъ, то этимъ мы выражаемъ только то, что онъ обладаетъ спеціальной психической организаціей, отличной отъ обычной организаціи. Геніальный человѣкъ представляетъ исключеніе, аномалію. Въ этомъ отношеніи его надо поставить рядомъ съ умалишеннымъ; но умалишенный стоитъ ниже остальнаго человѣчества, а геніальный человѣкъ—выше его.

Р и б о. См. Козловъ.

Р и м а н ѣ. См. Гауссъ.

666. Р и ш е, Ш. Миланскіе опыты. „Реб.“ № 16, стр. 165с.; № 17, стр. 176с.; № 19, стр. 193сс.; № 20, стр. 204с.; № 22, стр. 213с.; № 22, стр. 221с.

Изъ Annales des sciences psychiques № 1. По поводу извѣстныхъ опытовъ съ Евзапией Паладино. Ни разу опытъ не могъ быть произведенъ совершенно безупречнымъ образомъ. Всегда послѣ опыта оставалось хотя бы самое слабое

сомнѣніе, и когда присутствующіе старались устранить это сомнѣніе посредствомъ тщательнаго контроля, опытъ не удался, такъ что, по мѣрѣ того, какъ условія опыта становились строже, результаты становились посредственнѣе. Какъ ни чудовищны однако факты, происходящіе въ присутствіи Евазпій, довольно трудно приписать ихъ сознательному или бессознательному обману. Однако формальнаго доказательства, что это не обманъ или не иллюзія, еще не дано.

667. Рише, Ш. Проповѣдь воздержанія и умѣренности. „Колосья“ 6, 107—121.

По поводу „Первой ступени“ Л. Н. Толстого.

Рише. См. Беллами, Прокофьева, Розенбахъ, Эльпе и Ясинскій.

668. Розановъ, В. О монархіи. (Размышленія по поводу панамскихъ дѣлъ). „Рус. Об.“ 2, 682—700.

Монархія—это форма отношеній, завѣщанная изъ Евангелія; тамъ ея прообразы, ея символы; она—выраженіе нравственнаго міропорядка на землѣ, какъ республика есть выраженіе физическаго міропорядка. Республика—общественная форма античнаго міра, монархія—новыхъ временъ.

Разсужденія г. Розанова пришлись по вкусу М. Ю ж н о м у: Литературно-критическій фельетонъ. По поводу панамскихъ дѣлъ. „Гражд.“ № 55.

669. Розановъ, В. О трехъ принципахъ человѣческой дѣятельности. „Рус. Об.“ 3, 106—121; 4, 593—610.

Право, нравственность и политика образуютъ какъ бы идеальную оболочку физической дѣятельности человѣка. Въ противоположность праву, только формальному, только внѣшнему, нравственность есть принципъ исключительно внутренній, чисто субъективный. Мимходомъ авторъ развиваетъ понятіе потенціи, нѣсколько напоминающее Шеллинга. Новому человѣку тѣсно жить въ государствѣ. Церковь—вотъ единственная форма, которая можетъ соответствовать новому содержанію.

670. Розановъ, В. Памяти Осипа Ивановича Каблица. „Рус. Об.“ 11, 513—518.

Въ сочиненіяхъ Каблица авторъ видитъ несвязный, поверхностный лепетъ, но за то тепло отзывается о покойномъ народникѣ, какъ о человѣкѣ.

671. Розановъ, В. Сумерки просвѣщенія. „Рус. Вѣс.“ 1, 29—54; 2, 60—86; 3, 15—36; 6, 109—135.

Статья представляетъ критику современной системы воспитанія и обученія: Авторъ приходитъ къ рѣшительному отричанію твердо установившихся началъ педагогики. Всѣ въ Европѣ чувствуютъ странную безжизненность возрастающихъ поколѣній. Въ нихъ нѣтъ ядра, изъ котораго растеть всякое духовное дарованіе. Причину такого положенія вещей авторъ видитъ въ томъ, что воспитаніе находится въ рукахъ государства, интересы котораго не связаны съ истинною сущностью воспитанія. Переходъ воспитанія изъ ложа семьи и церкви къ государству не безъ причины совпалъ съ началомъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка: это была эпоха, когда вообще европейское человѣчество, какъ бы утомленное христіанствомъ, стало медленно сходить съ основъ его, чтобы переступить на новыя, языческія.—Попутно затронуты важныя вопросы

философіи исторіи (напр., вопросъ о культурѣ). Культурно-созидательную роль авторъ приписываетъ только церковно-приходскимъ школамъ.

Ю. Николаевъ (Литературныя замѣтки. Нѣчто о русской культурности. „Моск. Вѣд.“ № 48) вторитъ разсужденіямъ г. Розанова. Русская интеллигентная масса безкультурна. На степень культурной массы ее могло бы возвысить только преданіе (!), которое дѣлаетъ культурнымъ нашъ народъ, не смотря на его темноту, и котораго нѣтъ у нашей интеллигенціи, находящейся въ состояніи культурнаго одичанія.

Д. Иловайскій, задѣтый несовѣмъ благопріятнымъ отзывомъ объ его учебникахъ, совѣтуетъ (О нѣкоторыхъ явленіяхъ столичной печати, „Моск. Вѣд.“ № 61) г. Розанову, прежде чѣмъ писать о немъ, хорошенько проштудировать его учебники.

Но особенно оригинально къ статьѣ г. Розанова относится В. л. Заточниковъ: Замѣтки на поляхъ и размышленія между строкъ. „Гражд.“ № 171, 186 и 188. По его мнѣнію, въ языкѣ г. Розанова есть что-то физиологически чарующее. Однако г. Заточниковъ не во всемъ соглашается съ авторомъ „Сумерекъ“. Культуру образуетъ гармонія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ данной социальной единицы. По справедливому замѣчанію г. Заточникова, статья оставляетъ такое впечатлѣніе, что пусть ужъ лучше не будетъ никакой школы, никакого образованія, чѣмъ такая школа и образованіе, какими обладаетъ современное человѣчество. Впрочемъ, идеаль самого г. Заточникова еще уже: цѣль воспитывающей школы, по его мнѣнію, заключается въ усвоеніи православнаго богослуженія.

Ироническій отзывъ въ „Рус. Мысли“ 7, 341с. Много теоретическаго интереса въ трудѣ г. Розанова находитъ В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист.“ № 162. По мнѣнію „Странн.“ 9, 175—180 (обзоръ журналовъ), статьи г. Розанова очень любопытны, оригинальны и нерѣдко выражаютъ горькую правду.

672. Розановъ, В. Три главные принципа образованія. (По поводу замѣчаній Д. И. Иловайскаго). „Рус. Об.“ 5, 35—49.

Нѣсколько презрительныхъ словъ по адресу г. Розанова (см. выше) даютъ ему поводъ для цѣлой статьи. Онъ ссылается на недостатки изложенія, которыми страдаетъ его статья „Сумерки просвѣщенія“, и старается устранить могущія возникнуть недоразумѣнія. Во всѣхъ борющихся системахъ воспитанія нарушены три принципа образованія: принципъ индивидуальности, цѣлости и единства типа. Принципъ индивидуальности требуетъ, чтобы какъ въ образумомъ, такъ и въ образующемъ была по возможности сохранена индивидуальность. Принципъ цѣлости требуетъ, чтобы всякое входящее въ душу впечатлѣніе не прерывалось до тѣхъ поръ другими впечатлѣніями, пока оно не окончило своего взаимодѣйствія съ нею. Наконецъ, принципъ единства типа состоитъ въ требованіи, чтобы всѣ образующія впечатлѣнія, падающія на данную душу, были непременно одного типа. Отвѣчая на упреки г. Иловайскаго, авторъ увѣряетъ, что имъ руководитъ любовь къ просвѣщенію въ его высшихъ формахъ. Но просвѣщеніе принадлежитъ къ тѣмъ утонченнымъ, трудно осуществимымъ въ исторіи вѣщамъ, которыя, будучи чрезвычайно высоки въ своихъ правильныхъ проявленіяхъ, при нарушеніи этой правильности являются съ чертами отвратительными, а не только безразличными.

Розановъ, В. В. См. Аристотель, Шперкъ.

673. Розановъ, С. Г., св.ящ. Къ характеристикѣ современнаго религіознаго движенія; религіозно-философскіе принципы П. Е. Астафьева. Рефератъ въ Обществѣ люб. дух. просв. 20 окт.

Отчетъ о засѣданіи „Моск. Вѣд.“ № 297.

674. Розенбахъ, П. Гипнотизмъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 726—734.

675. Розенбахъ, П. Гринингеръ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 725с.

676. Розенбахъ, П. Душевные болѣзни. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 283—293.

677. Розенбахъ, П. Я. Очеркъ научнаго значенія Шарко. „Рус. Бог.“ 9, 1—15.

Популярно, но основательно написанная статья, выясняющая научное значеніе Шарко.

678. Розенбахъ, П. Я. Современный мистицизмъ. Критическій очеркъ. Спб. Тип. Стасюлевича. 1891. 52 стр. 1.000 экз. Отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстн. клин. и судебной психіатріи и невропат.“, годъ IX, вып. I.

Авторъ считаетъ неудобнымъ совершенно игнорировать ту новую «экспериментальную» психологію, которую съ нѣкотораго времени культивируютъ разныя общества психическихъ изслѣдованій. Поэтому онъ подвергаетъ критикѣ основы этой психологіи и приходитъ къ тому выводу, что онѣ оказываютъ частію фиктивными, частію непригодными для научныхъ цѣлей. Тѣ изъ занимающихъ мистическую психологію явленій, которыя отличаются реальностію, не должны и не могутъ быть игнорируемы, и они дѣйствительно не были оставлены безъ вниманія; но какъ только рядъ такихъ явленій подвергается точному научному изслѣдованію и лишается магическаго ореола, онъ сейчасъ же теряетъ мистическій интересъ и считается уже несущественнымъ для прониканія въ истинную природу человѣческой души.

Работа г. Розенбаха напечатана и по-французски въ Rev. philos. 1892.

Съ брошюрой знакомитъ В. Ивановскій, „Вопр. филос. и псих.“ 17, отд. II, стр. 80сс. Г. Розенбаху отвѣчалъ Ш. Рише въ Annales des sciences psychiques (1892, № 5), и этотъ отвѣтъ переведенъ въ „Ребусъ“ № 2, стр. 23сс.; № 3, стр. 36сс.

679. Розенбахъ, П. Я. Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ. Публичная лекція. Спб. Тип. Стасюлевича. 40 стр. 625 экз. 60 коп.

По странному болѣзненному уклоненію отъ нормы въ субстратѣ душевной дѣятельности можетъ совершенно отсутствовать та струна ея, колебанія которой лежатъ въ основѣ нравственнаго чувства, а мыслительные процессы совершаются такъ же, какъ у здороваго человѣка. Механизмъ, благодаря которому пріобрѣтается такой дефектъ мозга, до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ. Но среди условій, благоприятствующихъ его появленію, самую выдающую роль играютъ наследственныя и индивидуальныя вліянія душевныхъ болѣзней и алкоголизма.

Отчетъ объ этой лекціи въ „Рус. Ж.“ № 53, „Нов.“ № 56. Отчетъ изъ

„Рус. Ж.“ перепечатанъ въ „Образованіи“ 2, 113с. Краткій рефератъ о книгѣ даетъ Б. И. Воротынскій въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. 1, стр. 236.

680. (Розье). Ребенокъ, загнипнотизированный попугаемъ. Замѣтка Э. „Мір. Бож.“ 9, 195с.

На основаніи сообщенія г. Розье въ *Rev. Scientif.*

681. (Роисъ). Roysce, Josiah. The spirit of modern philosophy. Boston 1892.

Рец. по „Lit. Centralbl.“ въ *Мір. Бож.* 10, 218.

Роменсъ. См. В. Вагнеръ, Оболенскій.

682. Россолимо, Г. Къ физиологіи музыкальнаго таланта. (Читано въ сотомъ публичномъ засѣданіи Московскаго психологическаго общества 21-го февраля 1893 г.) „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 35—59. Отдѣльно М. Тип. Кушнера. 27 стр. 200 экз.

Указавъ на особенный интересъ, который представляютъ для научной психологіи специальныя душевныя способности, въ томъ числѣ и музыкальная, авторъ останавливается на разстройствахъ этой послѣдней (амузіи) и на основаніи ихъ пытается опредѣлить анатомическій центръ ея. Этотъ органъ музыкальной способности расположенъ недалеко отъ третьей лобной извилины лѣваго полушарія головного мозга. Это совершенно самостоятельный, какъ по строенію, такъ и по физиологическимъ отправленіямъ, аппаратъ. Въ виду его способности къ высокой степени функціональнаго развитія, онъ представляетъ у человѣка богатое средство къ выраженію душевныхъ состояній, не нуждаясь въ поддержкѣ со стороны другихъ мозговыхъ способностей. Всякую талантливость авторъ считаетъ неразлучной съ большей или меньшей степенью психической неуравновѣшенности.

Отчетъ о статьѣ г. Россолимо даетъ И. Святскій. „Колосъ“ 11, 185—190 (научная хроника). Съ ожесточеніемъ нападаетъ на г. Россолимо неизвѣстный авторъ передовой статьи „Нов. Вр.“ № 6390 (11-го декабря): „Психологія безъ души“. Только психологія, игнорирующая душу и ея могущественное вліяніе на тѣло, можетъ проповѣдывать такое готтентотское ученіе, позорящее человѣческій разумъ и оскорбляющее высшія человѣческія чувства. Статью г. Россолимо реферировуетъ Б. И. Воротынскій въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. 3, стр. 181с.

683. Роте, А. И., д-ръ. Исторія психіатріи въ Россіи и Польшѣ. Изд. журнала „Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи“ Харьковъ. Тип. Зильберберга. 140 стр. Первоначально въ „Архивъ“ т. XXI № 1, стр. 49—109; № 2, стр. 102—138; № 3, стр. 116—130.

Въ этой серьезной работѣ собрано много любопытнаго матеріала.

Рубакинъ, Н. См. Мантегацца.

Рунце. См. Алексѣй Введенскій.

Руссо. См. Фестеръ.

684. Рыжковъ, Н. Новѣйшія работы объ Эпиктетѣ. (*E. M. Schranka. Der Stoiker Epictet und seine Philosophie. 1885. — Ad. Bonhöffer. Epictet und Stoa. 1890. — W. Luthke. Die Erkenntniss der Stoiker. 1890.*) „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 98—102.

Изъ названныхъ авторовъ г. Рыжковъ сочувственно останавливается только на Бонгефферѣ.

С а б а т ѣ е. См. Н. С.

685. Сабинина, М. В. Давидъ Юмъ, его жизнь и философская дѣятельность. Биографическій очеркъ. Съ портретомъ Юма, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб. 25 коп. Тип. Штейна. 8100 экз. 79 стр. [Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библіотека Ф. Павленкова.]

Несмотря на пристрастіе автора къ яркимъ краскамъ и нерѣдко къ слишкомъ гиперболическому тону изложенія, внутренняя душевная борьба, которую пережилъ Юмъ, остается для читателя не совсѣмъ ясной и мотивированной. Много говорится о томъ, что философъ часто подвергался гоненіямъ, но читателю въ большинствѣ случаевъ приходится вѣрить автору на слово. Философской дѣятельности Юма отведено очень немного мѣста, такъ что едва ли можно считать выясненнымъ истинное значеніе англійскаго скептика. Встрѣчаются у автора и очень рискованныя мнѣнія: такъ, напр., значеніе Юма онъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что его отрицаніе вызвало „великія догматическія утвержденія“ Канта (67). Вопреки общепринятому мнѣнію, авторъ считаетъ Юма плохимъ психологомъ.

Сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли“ 7, 390с. См. также В. Ивановскій.

686. Савкевичъ, М. Ученіе Сократа о благѣ и эвдемонизмъ. „Вѣр. и Раз.“ № 18, отд. филос., стр. 258—282.

Ученіе Сократа не имѣло ничего общаго съ эвдемонизмомъ; въ своей системѣ онъ является представителемъ интеллектуальной морали.

Саломонъ, А. См. Тихомировъ.

Самаринъ, Л. См. Ковалевскій и Оболенскій.

Самаринъ, Ю. См. Вл. Соловьевъ.

687. Свѣтловъ, П., свящ. Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ 1892. Тип. губернская. Первоначально „Вѣр. и Раз.“ 1892, № 21, 371—398; № 23, 463—484.

По собственному признанію автора, его статья, не претендуя на увеличеніе и безъ того большого числа существующихъ теорій или воззрѣній новымъ положительнымъ рѣшеніемъ вопроса, посвящается, въ видѣ опыта, методологической сторонѣ вопроса, обходимой другими изслѣдованіями. Она представляетъ образчикъ того, въ какомъ направленіи и какимъ образомъ долженъ рѣшаться вопросъ о психической жизни животныхъ. Начинаясь изложеніемъ библейскаго воззрѣнія на отношеніе между человѣкомъ и животнымъ, статья даетъ изложеніе научно-философскихъ воззрѣній съ критическою оцѣнкою ихъ и въ концѣ всего возвращается къ началу—къ библейскому воззрѣнію, предвидя и намѣчая въ немъ послѣдній результатъ изслѣдованій вопроса, поставленныхъ въ надлежащія методологическія условія. Существенное отличіе человѣка отъ животнаго, скрывающее въ себѣ всѣ другія отличія, заключается въ религіозной способности человѣка.

Сочувственно отзывается П. К. въ „Богосл. библіогр. листкѣ“ (приложеніе къ „Руков. для сел. пастырей“), май—іюнь, стр. 185—188.

Разбору брошюры посвящена критическая замѣтка П. П. Соколова: Къ

вопросу о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ („Богосл. Вѣстн.“ 3, 597—611). По мнѣнію автора, брошюра свящ. Свѣтлова не можетъ заполнить никакого пробѣла ни въ наукѣ вообще, ни даже въ русской наукѣ. На эту критику г. Свѣтловъ отвѣчаетъ антикритикой: Образчикъ плохой услуги православной апологетики и чистой наукѣ въ ст. П. Соколова: „Къ вопросу и пр.“ (Кіевъ. Тип. Корчакъ-Новицкаго. 35 стр. Ц. 40 коп.). Отвѣтъ не лишень крѣпкихъ словъ. По мнѣнію свящ. Свѣтлова, въ статьѣ г. Соколова нѣтъ мысли, связности и содержанія, отвѣчающаго заглавію. Послѣ всякаго рода уличеній въ незнаніи, недобросовѣстности и т. п., свящ. Свѣтловъ совершенно неожиданно для читателя заканчиваетъ свой отвѣтъ словами, что статья г. Соколова не заслуживаетъ отвѣта.

688. Свѣчинъ, Ѡ. А. Исповѣдь бывшей душевно-больной. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 19, отд. I, стр. 94—121. Также отдѣльно: Тула. Тип. Губернскаго правленія. 27 стр.

Исповѣди предпослано большое предисловіе г. Свѣчина, который по обстоятельствамъ своей жизни очень часто сталкивался съ душевно-больными. Самый дневникъ душевно-больной представляетъ интересъ, хотя издатель, можетъ-быть, придаетъ ему гораздо больше значенія, чѣмъ онъ заслуживаетъ.

689. Свѣтловскій, В. Вопросы питанія. „Вѣс. Евр.“ 10, 455—485. Затронуты нравственная сторона вопроса и взгляды Л. Толстого.

690. Святскій, Ив. Научная хроника. Естественный подборъ въ области развитія нравственныхъ идеаловъ. „Колосья“ 3, 162—165.

691. Святскій, Ив. Научная хроника. Итальянскій позитивистъ о преступности толпы. „Колосья“ 2, 158—164.

По поводу книги Сигеле „Folla delinquente“, вышедшей и по-французски.

692. Святскій, Ив. Научная хроника. Международный конгрессъ по криминальной антропологии въ Брюсселѣ. „Колосья“ 3, 157—162.

693. Святскій, Ив. Научная хроника. Профессоръ Шарко объ исцѣленіяхъ върою. „Колосья“ 1, 176—182.

694. Святскій, Ив. Научная хроника. Роль гипнотическаго внушенія въ искусствѣ. „Колосья“ 2, 154—158.

По поводу книги Суріо (P. Souriau. La suggestion dans l'art. Paris).

695. Святскій, Ив. Научная хроника. Что такое геній? „Колосья“ 4, 172с.

По поводу брошюры Brentano „Das Genie“ 1892 г.

Святскій, И. См. Ивановскій, Россолимо.

Селли. См. Алексѣй Введенскій.

696. Селли, Дж. Значеніе психологии для воспитанія. Рефератъ. „Пед. Сбор.“ 2, 230—236.

Реферируемая статья Селли помѣщена въ американскомъ Educational Review.

697. Селли, Дж. Просьба сообщать наблюденія по психологии ребенка. „Рус. Вѣд.“ № 139.

698. Селли, Джемсъ. Пессимизмъ, исторія и критика. Переводъ

со 2-го англійскаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ Вал. Яковенко. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Тип. Эрлиха. XXIV+334 стр. 3100 экз. 1 руб. 50 коп.

Пессимизмъ, какъ научный, такъ и спекулятивный, можно считать ученіемъ бездоказательнымъ и невѣрнымъ. Усилія доказать, что человѣческая жизнь всегда представляетъ и должна представлять излишекъ страданій, разсматриваемыя при свѣтѣ спокойной критики, оказываются вполнѣ несостоятельными. Напротивъ, безпристрастное разсмотрѣніе фактовъ жизни и данныхъ науки заставляеть насъ вѣрить, что счастье, понимаемое въ рациональномъ смыслѣ, доступно нѣкоторой части человѣчества. Человѣчскій прогрессъ, какъ бы медленно онъ ни совершался, весьма значительно расширяеть и повышаетъ въ качественномъ отношеніи счастье каждаго отдѣльнаго человѣка и увеличиваетъ число тѣхъ, для кого оно становится доступнымъ. И если даже существующій порядокъ вещей и самая человѣческая жизнь ограничены во времени, то для практическихъ цѣлей это обстоятельство имѣеть слишкомъ отдаленное значеніе и потому не можетъ вліять на цѣнность, придаваемую нами прогрессу. Такой взглядъ составляетъ средину между крайностями — пессимизмомъ и оптимизмомъ. Селли называетъ его меліоризмомъ, подъ которымъ онъ понимаетъ вѣру въ нашу способность увеличивать сумму положительнаго блага. Признавая возможность счастья и способность за каждымъ индивидомъ сознательно работать на пользу всеобщаго человѣческаго блага, меліоризмъ внушаетъ людямъ практическую вѣру достаточно сильную, чтобы вдохновить ихъ горячими и настойчивыми стремленіями.—Селли даетъ анализъ какъ пессимизма, такъ и оптимизма, а также краткій историческій очеркъ этихъ ученій. Переводу предпослано небольшое предисловіе переводчика о значеніи труда Селли.

По мнѣнію А. Скабичевскаго (Литературная хроника. „Нов.“ № 178), недостатки книги Селли сторичею выкупаются блестящимъ философскимъ и психологическимъ анализомъ идей Шопенгауэра и Гартмана. Сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли“ 7, 305с. Довольно обстоятельно знакомитъ съ книгою „Рус. Бог.“ 7, 61—66. Сочувственно отзывается „Набл.“ 8, 14сс. Не лишены интереса замѣчанія, которыя дѣлаеть А-тъ: Въ поискахъ за правдой. Пессимизмъ. „Нов. Вр.“ № 6288 (31-го августа). Краткій отзывъ въ „Кн. Вѣс.“ 6, 216.

699. (Селли). Sully. The human mind. London 1892.

Сочувственная замѣтка Е. Челпанова въ „Вопр. филос.“ отд. II, кн. 16, стр. 88с. Не менѣе сочувственно отзывается и В. Ф. Чижъ въ „Вѣст. клин. и суд. психіатр.“, годъ X, вып. I, стр. 290—296.

Селли. См. Орловъ.

700. Сементковскій, Р. Модная теорія. „Вопросы филос.“ кн. 17, отд. I, стр. 81—112.

Русское общество прошло черезъ цѣлый рядъ модныхъ теорій, которыя однако мало подвинули его впередъ, такъ какъ одна теорія по большей части разрушала другую. Одна изъ такихъ модныхъ теорій—эволюціонизмъ Спенсера. На повѣрку это ученіе оказывается не только не новымъ, но даже, вопреки мнѣнію большинства его послѣдователей, далеко не передовымъ.

Оно—плодъ поэтическаго творчества.—Ближайшимъ поводомъ для статьи послужило появленіе въ русскомъ переводѣ книги Коллинса.

На обвиненіе г. Сементковскимъ русскаго общества въ умственной незрѣлости обращаетъ вниманіе Н. В. М. въ статьѣ: Г. Сементковскій о русскомъ обществѣ. „Рус. Бог.“ 6, 27—34. Изложеніе идей Спенсера у г. Сементковскаго до такой степени неясно и сбивчиво, что оно мыслимо только при знакомствѣ съ теоріей Спенсера изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. На обвиненія критика г. Сементковскій возражаетъ въ письмѣ къ редактору („Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 110—113).

Сементковскій, Р. См. Алексѣй Введенскій, Нордау.

701. Сенека, Люцій Анней. Избранныя письма къ Люцілю. (L. Annaei Senecae ad Lucilium epistulae morales). Переводъ съ латинскаго П. Краснова. (Дешевая бібліотека № 250). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 258+II стр., 7000 экз. Ц. 30 коп. Для любителей напечатано изящное изданіе въ количествѣ 300 экз. Ц. 60 коп.

Переводу предпослано нѣсколько словъ объ авторѣ. Переведены письма 1—8, 12, 17, 18, 23, 28, 30—32, 36, 41, 44, 50, 51, 54, 56, 61, 63—65, 67, 70, 72, 74, 77, 78, 80, 84, 88, 91, 93, 96, 98, 99, 101—103, 105—107, 112, 119, 123. Переводъ сдѣланъ гладко и сопровождается небольшими примѣчаніями.

См. Л. Толстой.

702. Сенека, Л. Анней. О благодѣяніяхъ (De beneficiis). Къ Эбуцію Либералію. Переводъ *.*. „Вѣр. и Раз.“, отд. филос., 1889: № 22, 454—474; № 24, 554—562; 1890: № 2, 85—108; № 5, 236—248; № 7, 313—326; № 9, 382—408; № 15, 110—134; № 17, 206—224; № 20, 330—340; № 21, 383—390; № 24, 523—538; 1891: № 16, 169—186; № 20, 356—364; 1892: № 3, 113—120; № 13, 27—38; 1893: № 10, 471—478; № 12, 568—576.

Переводу предпослано небольшое введеніе, и кромѣ того онъ сопровождается краткими примѣчаніями. Сочиненіе мало интересно въ философскомъ отношеніи.

Сентъ-Илеръ. См. Коменскій.

703. Сербскій, В. П. Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 122—140; кн. 20, стр. 68—93.

Общія психологическія построенія Мейнерта носятъ на себѣ довольно ясно выраженный метафизическій оттѣнокъ. Если они до сихъ поръ оставались неизвѣстными философамъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что взгляды Мейнерта тѣсно связаны съ его специальными изслѣдованіями. Закономѣрная обусловленность человѣческихъ дѣйствій, являясь залогомъ непрерывнаго совершенствованія, служитъ утѣшеніемъ для людскаго сердца. Въ ряду слѣдующихъ за нами поколѣній законъ развитія неизбежно повлечетъ за собою и усовершенствованіе душевной организаціи. Дѣятельность развитого мозга проявится въ неудержимомъ стремленіи къ плодотворной умственной дѣятельности, въ ненасытной жаднѣ знанія. Чѣмъ больше естественнаучныя истины будутъ входить въ плоть и кровь человѣка, тѣмъ больше будетъ прогрессировать его свобода.

Отчетъ о рефератѣ въ „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 156—159.

704. Сергѣевскій, Н. Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ. „Жур. гражд. и угол. права“ № 4, 1—24.

Въ сокращеніи эта актовая рѣчь въ Спб. университетѣ помѣщена въ „Отчетъ“ университета за 1892 г. Обзоръ направлений въ ученіяхъ о наказаніи, между прочимъ и ученія Ломброзо,—съ цѣлю защиты собственныхъ взглядовъ автора, высказанныхъ въ его работахъ по исторіи права.

705. Серединскій, Тар., прот. Обзорѣніе религій, существовавшихъ и существующихъ въ родѣ человѣческомъ отъ начала міра до настоящихъ дней. Рига. Тип. Блэнкенштейна. 318+VIII стр. 510 экз. Ц. 2 руб.

При чтеніи этого довольно обширнаго обзорѣнія читателю невольно приходится въ голову мысль, что авторъ предпринялъ свой трудъ не въ видахъ уясненія истины, а съ цѣлю возвеличенія православія надъ другими религіями, коснѣющими въ заблужденіяхъ. По полнотѣ трудъ автора заслуживаетъ вниманія.

706. Сигеле, С. Преступная толпа (La foule criminelle). Опытъ коллективной психологіи. Переводъ съ французскаго дополненаго авторомъ изданія. Изд. Н. Тютчева. Новгородъ. Тип. А. Федорова. II+153+6 стр., 2.000 экз. Ц. 60 коп.

Это изданіе сдѣлано съ большею тщательностію и полнотою, чѣмъ изданіе г. Павленкова. Тогда какъ въ петербургскомъ изданіи выпущены почти всѣ цитаты, въ изданіи г. Тютчева эти цитаты не только сохранены, но и прибавленъ еще алфавитный указатель приводимыхъ авторовъ.

Сочувственный отзывъ въ «Сар. Дневн.» № 202.

707. Сигеле, С. Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. Перевелъ съ французскаго А. П. Аванасевъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Тип. Ю. Эрлиха. IV+116 стр. 3.100 экз. 30 к.

Коллективная психологія, по мнѣнію Сигеле, занимаетъ сферу, совершенно отличную отъ области социологіи; она имѣетъ права гражданства тамъ, гдѣ социологія вовсе не имѣетъ мѣста, и ея законы управляютъ тѣмъ, надъ чѣмъ социологическіе законы потеряли свою власть. Толпа, какъ разнородный и неорганический агрегатъ, должна быть предметомъ коллективной психологіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что интенсивность душевнаго движенія возрастаетъ прямо пропорціонально числу лицъ, раздѣляющихъ это движеніе въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Но численность и сама по себѣ является источникомъ новыхъ душевныхъ движеній. Численность даетъ всѣмъ своимъ единицамъ чувство ихъ внезапнаго и необычайнаго могущества. Изъ другихъ факторовъ, вліяющихъ на преступленія толпы, авторъ разсматриваетъ внушеніе, нравственное опьяненіе и настроеніе толпы. Какъ для коллективнаго, такъ и для индивидуальнаго преступленія мотивъ, по которому оно совершается, является однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, которыми измѣряется степень личной отвѣтственности. Существовая въ нѣсколькихъ индивидахъ еще до возбужденія толпы и распространяясь понемногу на всѣхъ, раньше даже, чѣмъ внушеніе достигаетъ наибольшей степени, мотивъ является ощущеніемъ, которое съ большей справедливостію

можно приписать каждой отдѣльной личности, и въ которомъ отъ нея можно потребовать почти полного отчета.

Сигеле. См. Михайловскій, Оболенскій, Святскій.

708. Сигеле, Сципио. Психологія преступной толпы. „Пед. Сбор.“ 8, 157—175.

Сигеле отводитъ внушенію слишкомъ большую роль не только въ жизни отдѣльнаго человѣка, но и въ жизни массы. Каждая идея, каждое чувство человѣка есть, такъ сказать, рефлексъ внѣшняго импульса, который онъ испытываетъ. Человѣкъ не двигается, не дѣйствуетъ, не думаетъ иначе, какъ подъ вліяніемъ внушенія, которое можетъ исходить отъ вида какого-нибудь предмета (!), отъ слышаннаго слова или звука, отъ какого-нибудь внѣшняго движенія.—Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ эта статья вошла въ составъ отдѣльно изданнаго труда Сигеле, о которомъ рѣчь была выше.

Мысли Сигеле сочувственно излагаетъ Петербуржецъ: Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6298 (10-го сентября).

709. Сикорскій, И. А., проф. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевъ. 46 стр. 500 экз. Оттискъ изъ „Унив. Изв.“, апр.

Сообщаются крайне любопытныя данныя о религиозномъ движеніи, охватившемъ нѣсколько сель Васильковскаго уѣзда. Въ окрестномъ населеніи движеніе это извѣстно подъ именемъ малеванщины, такъ какъ родоначальникомъ его является психически больной мѣщанинъ Малеваный. Малеванцы (иначе ихъ называютъ трясунами и духовиками) продали большую часть имущества, отказываются отъ работы и находятся въ особенномъ ненормально-веселомъ настроеніи духа, въ ожиданіи кончины міра. Почти всѣ они отличаются разстроеннымъ здоровьемъ, упадкомъ общаго питанія, страдаютъ судорогами и истерическими припадками и въ безпримѣрныхъ размѣрахъ подвержены галлюцинаціямъ обонанія. Самъ Малеваный сдѣлался предметомъ богочитанія, и съ его словъ поклонниками записано даже евангеліе. Движеніе возникло подъ несомнѣннымъ вліяніемъ штунды.

На брошюру, въ виду громаднаго интереса ея фактическаго содержанія, обратила особенное вниманіе русская пресса. См. Психопатическая эпидемія, „Рус. Вѣд.“ № 109 и 111 (перепечатано въ „Каз. Тел.“ № 16, 19 и 20); В. Ш (вещовъ). Изъ научной области, „Сынъ От.“ № 109; отчасти Э л ь п е: Научныя письма. Напрасныя претензіи спиритизма. „Нов. Вр.“ № 6164 (29-го апрѣля). См. также „Моск. Вѣд.“ № 152 (дневникъ печати) по поводу рецензій Б. Грейденберга во „Врач.“ № 20, стр. 591с. Статью реферировать Б. И. Ворогынскій въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. 1, стр. 236сс., и К. Толстой въ „Вѣст. общ. гігіены“ 7, 22—28 (въ хроникѣ), а на основаніи послѣдняго реферата составлена статья въ „Рус. Жизн.“ № 208 и 211 подъ заглавіемъ: Психопатическая эпидемія въ Кіевской губ. По поводу нея см. передовыя статьи „Рус. Жизни“ (№ 219 и 220) подъ заглавіемъ: Знаменательное явленіе. См. также Алелековъ, Н. Михайловскій.

Съ проф. Сикорскимъ не согласенъ г. Алелековъ („Мед. Обоз.“ № 13, 83—87), по мнѣнію котораго въ религиозномъ движеніи, называемомъ малеванщиной, нельзя видѣть психопатической эпидеміи. Кромѣ того онъ не со-

чувствуетъ мѣропріятімъ охранительнаго характера, къ которымъ склоняется г. Сикорскій. Отзывъ г. Алелекова вызвалъ отвѣтъ со стороны проф. Сикорскаго (тамъ же № 19, 673—676), гдѣ онъ упрекаетъ рецензента въ грубыхъ ошибкахъ и нарушеніи „основъ этики и литературной критики“. На это, въ свою очередь, отвѣчалъ г. Алелековъ (тамъ же, стр. 676—680).

По мнѣнію І. С.: Духовный взглядъ на малеванщину и кликушество, „Душеп. Чт.“ 8, 589—595, малеванцевъ могутъ исцѣлить не доктора, а только православная церковь. Простымъ отчетомъ ограничивается „Вѣст. клинич. и суд. психіатр.“ годъ X, вып. I, стр. 308—311.

Совершенно расходится съ д-ромъ Сикорскимъ въ объясненіи причинъ возникновенія малеванщины Н. О. Лобачевскій: Новая секта. „Нов. Вр.“ № 6295 (7-го сентября). По его мнѣнію, сводить возникновеніе новыхъ сектъ на причины чисто физическія или психопатологическія—довольно грубый и при томъ устарѣвшій приемъ объясненія религіозныхъ движеній.

Сочувственныя статьи брошюрѣ проф. Сикорскаго посвящаютъ К. См—кій: Малеванщина въ освѣщеніи психіатрическихъ изслѣдованій. „Кіевл.“ № 107, и А. Эртель: Психопатическая эпидемія, „Кіевск. Слово“ № 1906 и 1908 (6-го и 8-го мая). По мнѣнію же „Сар. Дневн.“ № 90 (Коллективныя психическія разстройства), г. Сикорскій началъ за здравіе, а свель за упокой.

Сикорскій, И. А. См. П. Ивановъ.

710. Символика чиселъ. „Прав. Вѣс.“ № 258.

Собраны любопытныя данныя о символическомъ значеніи чиселъ у разныхъ народовъ.

711. Симондсъ, Джонъ Аддингтонъ († 1893). Культура: ея значеніе и примѣненіе. „Сѣв. Вѣс.“ II, 95—105.

Статья заимствована изъ сборника статей автора „In the key of blue“. Признаки настоящей культуры—либеральность и широкая терпимость, которыя однако не исключаютъ требованія стойко бороться за свои убѣжденія.

Симонъ, Ж. См. Л. Толстой.

712. Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. „Міръ Бож.“ I, I—43; 2, I—33.

Популярный очеркъ.

713. Скабичевскій, А. Начало и развитіе русской критики. Николай Алексѣевич Полевой. „Міръ Бож.“ 10, 19—45.

Затронуты также философскія теченія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

714. Скворцовъ, И. Записки по педагогикѣ примѣнительно къ программѣ педагогики въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ. Часть 1-я. Общая педагогика. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Тип. А. Катанскаго и К^о. XIII+184 стр. 3.600 экз. Ц. 1 руб.

Это весьма распространенное пособіе по общей педагогикѣ содержитъ, по образцу другихъ такихъ же педагогикъ, элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи и логики, въ примѣненіи, гдѣ возможно, къ воспитанію.

Скабичевскій, А. См. кн. Волконскій, Говоровъ, Каблицъ и Селли.

715. Скворцовъ, И. П., проф. Въ чемъ сила жизни и всей природы?

„Стран.“ 6—7, 244—262, а также 3, стр. 477сс. (краткій отчетъ въ обзорѣ журналовъ).

Не въ борьбѣ, не въ соперничествѣ, а въ согласіи, въ содѣйствіи—сила и залогъ существованія всей природы и всей жизни. Но въ дѣйствительности мы однако видимъ, что борьба среди людей все болѣе и болѣе усложняется, ей придаютъ научныя основы и возводятъ ее на высоту всеобщаго неотвратимаго явленія. Изъ борьбы теперь создали своего рода культъ.

Эта лекція вышла въ 1892 г. въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Скворцовъ, И. П., проф. См. Эльпе № 920.

716. (Сковорода). обстоятельный отчетъ о лекціи г-жи Ефименко объ украинскомъ философѣ въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ № 304, выдержка въ „Рус. Жиз.“ № 322.

717. Скриба, П. Современные литературные мотивы. (Символисты, декаденты). „Рус. Жизнь“ № 17.

По поводу статьи Н. К. Михайловскаго „Литература и жизнь“ („Русская Мысль“ 1) о декадентахъ и статей Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и П. Е. Астафьева въ „Вопросахъ филос.“ о Ницше.

Скриба, П. См. Аврелинъ.

Сланскій, В. П. См. Дорофеевъ.

718. (Слезы). Психологія и философія слезъ. «Міръ Бож.» 5, 191с. Перепечатано изъ «Нов. Тел.».

719. Слешинскій, И. Логическая машина Джевонса. (Отд. оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“). Одесса. Тип. «Центральная». 11 стр. 250 экз.

Это сообщеніе читано въ засѣданіи математическаго отдѣленія новоросійскаго общ. естеств. 24 сентября. Авторъ только знакомитъ съ логической машиной, не подвергая оцѣнкѣ ни мысли о ней, ни ея исполненія.

720. Сліозбергъ, Г. Б. О классическомъ и позитивномъ направленіяхъ въ наукѣ уголовного права. Изложеніе доклада и преній по поводу его въ Юридическомъ обществѣ при Спб. университетѣ. „Жур. гражд. и угол. права“ № 2, 4—28 (протоколы въ приложеніи).

721. Слонимскій, Л. Наши теоретики народничества. (I. Каблицъ (Юзовъ). Основы народничества, ч. II.—В. В. Наши направленія). „Вѣстн. Евр.“ 11, 323—337.

Авторъ хочетъ не полемизировать, а только подвести итоги недавнимъ спорамъ. Почерпая свои свѣдѣнія и идеи изъ доходящаго до насъ иностраннаго научно-литературнаго матеріала, народники пытались выработать по этимъ даннымъ систему воззрѣній, примѣнимыхъ къ русской жизни; а такъ какъ социальная литература Запада полна идей борьбы противъ либеральной буржуазіи во имя интересовъ рабочаго класса, то та же идейная борьба опредѣляетъ содержаніе и характеръ воззрѣній и нашихъ народниковъ.

По поводу этой статьи обычную ноту тянетъ Ю. Николаевъ. Литературно-критическія замѣтки. Либерализмъ и народничество. «Моск. Вѣд.» № 318.

722. Слонимскій, Л. Э. Философскія драмы Ренана. „Вѣс. Евр.“ 1, 353—372.

Статья не столько философскаго, сколько историко-литературнаго содержания.

Слонимскій, Л. См. Бернаръ-Лавернь, Гумпловичъ, Жоли, Тардъ, Хрулевъ.

723. Слоущъ, Н. Д. Мнемотехника или искусство укрѣплять память. Практическое руководство усвоивать легко и быстро и удерживать навсегда въ памяти числа, названія, серіи словъ, стихотворенія, иностранные языки, логарифмы, бухгалтерію, даты, карты, шахматы и др. Составлено по новѣйшимъ иностраннымъ руководствамъ. Изд. 3-е дополненное. Одесса. Типогр. «Одес. Нов.». 36 стр. 1.000 экз. 35 коп.

По собственнымъ словамъ автора, это—первое „переложеніе“ мнемотехники на русскій языкъ. Нечего прибавлять, что жиденькое „переложеніе“ не можетъ исполнить и десятой части тѣхъ обѣщаній, которыми авторъ старается прельстить читателя.

По мнѣнію „Рус. Мысли“, II, 518с., книжка г. Слоуща можетъ вызвать лишь рядъ улыбокъ читателя, а мѣстами и сплошной смѣхъ.

724. Случевскій, В. К. Достоевскій и внушеніе. „Книжки Недѣли“ 1, 24—56; 2, 26—51.

Если новы не явленія внушенія, а лишь научная эксплуатація ихъ, то у Достоевскаго, какъ тонкаго психолога, должны быть данныя для характеристики явленія внушенія. Дѣйствительно, онъ задолго до образованія существующаго нынѣ научнаго направленія о внушеніи подмѣтилъ и изобразилъ такія событія жизни, которыя относятся къ области безсознательнаго и не могутъ быть объяснены одними только мотивами дѣйствія.—Авторъ принадлежитъ къ числу рьяныхъ поклонниковъ гипнотизма.

Со статьей г. Случевскаго обстоятельно знакомить Из. Ал-скій: Услуги гипнотизма, „Кіевлян.“ № 82 и 83, ожидающій отъ гипнотизма всякихъ благъ. Очень интересно находить статью г. Случевскаго В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе, „Од. Лист.“ № 33.

725. Случевскій, В. К. Толпа и ея психологія. „Книжки Недѣли“ 4, 5—38; 5, 5—23.

Указаны характеристическіе признаки психологіи толпы, а также вліяніе, которое толпа имѣетъ на человѣка и отдѣльный человѣкъ на нее. Вторая половина статьи носить чисто юридическій характеръ.—См. Михайловскій.

726. (Слѣпой). Психическій міръ слѣпого. „Прав. Вѣст.“ № 189 (перепечатано въ „Сборникъ“, приложеніи къ общепедагогической газетѣ „Школьное Обозрѣніе“ за 1893. Спб. 1894 г. Тип. Трунова. Стр. 153—156).

Небольшая замѣтка отчасти на основаніи статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Слѣпецъ“.

727. Смайльсъ, С. Долгъ. (Нравственныя обязанности человѣка). Переводъ С. Майковой. Второе исправленное изданіе книгопродавца Губинскаго. Спб. Тип. Тиханова. IV+424 стр. 1 р. 50 к.

Хотя этическія положенія автора весьма просты и немногочисленны, но

они иллюстрируются большим количеством фактовъ. Это несомнѣнное достоинство всѣхъ трудовъ Смайльса способствовало ихъ распространенію и среди русскихъ читателей.

Сочувственный отзывъ въ „Сбор. Нивы“ 5, 226.

728. Смирновъ, А. И., проф. Физиологическія и психологическія основанія эстетики. А. Задача и метода эстетики. «Неврол. Вѣст.» т. I, вып. I, стр. 99—124; вып. 2, стр. 197—232; вып. 3, стр. 127—168 (статья еще не окончена).

Задача эстетики состоитъ въ томъ, чтобы свести всѣ разнообразныя эффекты красоты къ нѣкоторому однообразію. Обзоръ исторіи эстетики показываетъ, что она постепенно, хотя и медленно, освобождалась отъ господства метафизики. Отличительный признакъ изящныхъ объектовъ слѣдуетъ искать въ особенностяхъ тѣхъ волненій, которыя вызываются ими.

Вслѣдъ за общей частью авторъ довольно обстоятельно останавливается на физиологическихъ и психологическихъ основаніяхъ теоріи музыки. Онъ разсматриваетъ музыкальные тоны и простѣйшіе законы ихъ сочетаній. Причины, почему одни звуки и ихъ сочетанія пріятны, а другіе—нѣтъ, заключаются въ структурѣ слухового органа и въ общихъ свойствахъ нервнаго процесса. Переходя къ эстетическому дѣйствию музыки, ея происхожденію и связи съ душевными волненіями, авторъ подробно останавливается на теоріи происхожденія музыки Спенсера.

Смитъ, Адамъ. См. Яковенко.

729. Снегиревъ, В. А. Систематическій курсъ чтеній по психологіи. Съ портретомъ автора. Харьковъ. Тип. Дарре. XXV+700 стр. 4 р. 50 к.

Авторъ, покойный профессоръ казанской духовной академіи († 1889 г.), оставилъ послѣ себя нѣсколько работъ, свидѣтельствующихъ о его несомнѣнномъ философскомъ дарованіи. Обширный курсъ чтеній по психологіи, изданный его братомъ, частію подготовленъ къ печати самимъ авторомъ, частію же редактированъ издателемъ. Чтобы намѣтить направление, котораго держится авторъ, достаточно указать на его опредѣленіе психологіи: психологія—наука о душевныхъ явленіяхъ, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, въ ихъ отношеніи къ физиологическимъ состояніямъ организма и въ ихъ основѣ или послѣдней причинѣ. Каждый изъ этихъ моментовъ одинаково необходимъ въ составѣ науки о душѣ и требуетъ одинаковаго отъ нея вниманія. Слѣдуя своему опредѣленію, авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о субстанціальности душевнаго начала, рѣшая этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что эта чисто-метафизическая глава входитъ какимъ-то клиномъ во все изложеніе проф. Снегирева. Не служить ли она данью со стороны покойнаго философа своей средѣ? Различая простѣйшіе факторы психической жизни отъ простѣйшихъ психическихъ дѣятельностей, авторъ къ первымъ относитъ ощущенія, волненія, стремленія и ихъ идеи, а ко вторымъ—сознаніе-различеніе, ассоцірованіе, воспроизведеніе, вниманіе и память. Разсмотрѣвъ эти факторы и дѣятельности, г. Снегиревъ подробно говоритъ о тѣхъ сложныхъ явленіяхъ, которыя образуются изъ нихъ, а именно объ умѣ, сердцѣ и волѣ.—Первоначально курсъ, въ видѣ отдѣльныхъ статей, помѣщался въ журналѣ „Вѣра и Раз.“ 1890—1892 гг. Отдѣльному изданію

предпосланъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности автора, а также его портретъ. Въ изданіи попадаются грубые промахи. Напримѣръ, на стр. 118 авторъ извѣстнаго сочиненія *Psychologische Analysen* Горвичъ названъ Гартвигомъ.

Сочувственно отзывается «Сынъ От.» 1892, № 341. Довольно сочувственно отзывается (Э. Л. Радловъ) въ „Журн. мин. нар. просв.“ 5, 287с. Съ трудомъ г. Снегирева знакомить „Рус. Мысль“ 10, 465с. По отзыву В. Ивановскаго, книга заслуживаетъ вниманія и по богатству матеріала, и по солидности взглядовъ автора. Но внѣшняя сторона изданія слаба.

Соболевъ, М. См. Янжуль.

730. Соболевъ, Н. Непознаваемое и единое, (По поводу философскихъ трактатовъ г. Е. де-Роберти). «Нов». № 218.

Если авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки въ трудахъ г. де-Роберти, то не съ цѣлью умалить ихъ достоинство. Вопросы философіи у него поставлены и серьезнѣе, и вѣрнѣе, чѣмъ, напр., въ философскомъ органѣ, издаваемомъ „московскими духовидцами и прорипателями“.

Отвѣтомъ на эту статью служить статья г. де-Роберти подъ тѣмъ же заглавіемъ („Нов.“ № 240), гдѣ даются разъясненія по вопросамъ о законѣ трехъ типовъ метафизики, о теории непознаваемого, объ относительности человѣческаго знанія, о законѣ тождества противоположностей и др.

731. Соколовъ, П. Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи. „Вѣр. и Раз.“ № 20, отд. фил., стр. 351—382; № 21, стр. 406—428; № 23, стр. 490—520.

Послѣ обширнаго введенія, въ которомъ излагается положеніе догмата Св. Троицы у отцевъ и учителей церкви, авторъ подробно передаетъ ученіе о Св. Троицѣ у Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Соколовъ, П. П. См. Brentano, Münsterbergъ, Свѣтловъ.

732. Сократъ и Иисусъ Христосъ. Переводъ съ нѣмецкаго прот. А. Ковальническаго. Изд. 2-е, книгопродавца Тузова. Спб. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 47 стр. 3.000 экз. 20 коп.

Параллель, имѣющая въ виду назиданіе вѣрующихъ, но не претендующая на ученую строгость изслѣдованія.

Сократъ. См. Ксенофонтъ, Савкевичъ, Сиповскій.

733. (Соллье). Къ вопросу о психологіи идиота. Статья Бр—скаго. „Вѣс. Восп.“ № 5, стр. 70—99.

Авторъ пользуется преимущественно книгой Sollier: *Psychologie de l'idiot*. Однако онъ ограничивается только нѣкоторыми сторонами вопроса.

734. Соловьевъ, А. Е. Отрицаетъ ли Левъ Толстой семью и бракъ? (По поводу „Крейцеровой сонаты“). Пенза. Тип. губ. правленія. 16 стр. 1.000 экз. 20 коп.

По мнѣнію автора, Л. Н. Толстой въ принципѣ не отрицаетъ ни семьи, ни брака и даже не находитъ возможнымъ водворять на землѣ цѣломудріе; бракъ и семья отрицаются маньякомъ Позднышевымъ, и имъ же проповѣдуется идея о блаженствѣ человѣчества въ состояніи невинности. Но отрицаніе Позднышевымъ брака, основаннаго на эгоизмѣ, какъ противоположности брака христіанскаго, ведетъ лишь къ утвержденію этого послѣдняго.

Самый ход повѣсти показываетъ, что Л. Н. Толстой написалъ ее именно съ этою цѣлю: если брачное сожитіе и семья, основанныя на эгоизмѣ, — явленіе не естественное, то, очевидно, необходимо искать для семьи другой основы. Подтвержденіе такого взгляда гр. Толстого на бракъ авторъ находитъ и въ „Послѣсловіи“ къ „Крейцеровой сонатѣ“.

Соловьевъ, В. См. Льежуа.

735. (Соловьевъ, Вл. С.). Бесѣда Вл. Соловьева въ Парижѣ о дѣйствительныхъ основаніяхъ франко-русскаго соглашенія. „Нов. Вр.“ № 6396 (17-го декабря).

Отчетъ о бесѣдѣ въ залѣ Cercle du Luxembourg заимствованъ изъ „Nord“. О той же бесѣдѣ отчетъ напечатанъ также и въ „Univers“. По поводу появившихся во французскихъ и русскихъ газетахъ сообщеній о бесѣдѣ Вл. С. Соловьевъ прислалъ въ „Нов. Вр.“ № 6400 (21-го декабря) письмо въ редакцію съ заявленіемъ, что подлинный текстъ бесѣды будетъ помѣщенъ въ марсельскомъ изданіи Le Vingtième Siècle, а затѣмъ выйдетъ отдѣльною брошюрой.

736. Соловьевъ, Вл. Вопросъ о самочинномъ умствованіи. „Вѣс. Евр.“ 1892, 12, 863—868.

По поводу брошюры г. Тихомирова: Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи, М. 1892. На статью г. Соловьева г. Тихомировъ отвѣчалъ замѣткою: Мой отвѣтъ г. Владиміру Соловьеву, «Русск. Об.» 1, 368—370 (первоначально «Моск. Вѣд.» 1892, № 356, подъ заглавіемъ: Два слова по поводу г. Владиміра Соловьева). Противъ г. Соловьева ополчились духовныя изданія. См. напр. Гр. Георгіевскій въ „Моск. Церк. Вѣд.“ № 3, стр. 37—41, а также П. В., тамъ же № 12, стр. 161—164 и № 18, стр. 237с. Въ послѣднихъ двухъ замѣткахъ авторъ пытается уронить въ глазахъ читателя полемическіе приемы г. Соловьева.

737. Соловьевъ, Вл. Гермесъ Трисмегистъ. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 537с.

738. С(оловьевъ), Вл. Гетчесонъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 605с.

739. С(оловьевъ), Вл. Гилозоизмъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 672с.

740. Соловьевъ, Вл. Гностицизмъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 950сс.

741. С(оловьевъ), Вл. Гомѳомеріи. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 151.

742. С(оловьевъ), Вл. Горгій. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 217с.

743. Соловьевъ, Вл. Гуго Викторинецъ. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 856с.

744. Соловьевъ, Вл. Н. Я. Данилевскій. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 77—80.

745. Соловьевъ, Вл. Демонъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 374—377.

746. Соловьевъ, Вл. Дунсъ Скоттъ. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 240—244.

747. Соловьевъ, Вл. Дѣйствительность. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 324сс.

748. Соловьевъ, Вл. Изъ вопросовъ культуры. Историческій сфинксъ. „Вѣс. Евр.“ 6, 780—789.

Сфинксомъ съ женскимъ лицомъ и звѣриными когтями является „православие“, какъ его понимаютъ идеологи славянофильства и патриоты-истребители. Если дѣйствительно русское вѣроисповѣдное начало въ своемъ историческомъ явленіи содержитъ два противоположные элемента, то, по мнѣнію автора, для нашего національнаго самосознанія возникаетъ настоятельный вопросъ, какой изъ этихъ элементовъ отличается существеннымъ характеромъ и какой случайнымъ.

На противоположной, узко-националистической точкѣ зрѣнія стоитъ И. С. Дурново: Г. Соловьевъ въ роли польскаго патриота. (Восьмое письмо изъ Петербурга). „Моск. Вѣд.“ № 169; затѣмъ: Нѣчто о либеральномъ слабосилии. (Девятое письмо изъ Петербурга). Тамъ же № 178. По его мнѣнію, г. Соловьевъ смѣшалъ область морали съ областью права и упустилъ изъ виду элементъ принужденія, присущій всѣмъ правовымъ и общественнымъ отношеніямъ.

Крайне недоволенъ статью г. Соловьева и Д. Иловайскій: Антинаціоналистическія и лжехристіанскія теоріи. Тамъ же № 157. Онъ безъ церемоніи совѣтуетъ г. Соловьеву самому поучиться, прежде чѣмъ поучать другихъ, и даже не прочь заподозрить его въ „ненормальности мышленія“.

По поводу вылазокъ гг. Иловайскаго и Дурново см. Л. Прозоровъ. Провинціальная печать. „Сѣв. Вѣс.“ 8, 35—39.

На коротенькую замѣтку г. Соловьева считаетъ необходимымъ отвѣтить Л. Тихомировъ цѣлою статьей: Къ вопросу о терпимости (лѣтопись печати). „Рус. Об.“ 7, 369—384. Принципъ терпимости самъ по себѣ — принципъ высокій и полезный, но его нужно правильно понимать. Можно быть терпимымъ и все-таки показывать „звѣринные“ когти.

Этой же полемикѣ посвящена статья Л. Е. Оболенскаго: Умственные шатанія. (По поводу полемики между Вл. Соловьевымъ и Львомъ Тихомировымъ). „Книжки Нед.“ 9, 184—207.

749. Соловьевъ, Вл. Изъ вопросовъ культуры. Ю. Э. Самаринъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Э. Раденъ. „Вѣс. Евр.“ 5, 363—371.

Прогрессъ человѣчества прямо опредѣляется степенью подчиненія ему внѣшней природы, а это подчиненіе зависитъ отъ силы его духовной самодѣятельности. При самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ русскій народъ доказалъ свою способность къ такой самодѣятельности. Четверть вѣка тому назадъ для русскаго народа, получившаго гражданскую полноправность, повидимому, наступила пора духовнаго возрожденія при дѣятельномъ руководствѣ болѣе культурнаго класса. Но вмѣсто того въ нашей малообразованной средѣ появились и возобладали чуждые русскому народному духу и христіанской вѣрѣ

инстинкты насильничества и безправнаго уравнильства. См. „Рус. Мысль“ 6, 289 (библиогр.).

750. Соловьевъ, Вл. Смысль любви. „Вопросы филос.“ кн. 14, отд. I, стр. 97—107; кн. 15, стр. 161—172; кн. 16, стр. 115—128; кн. 17, стр. 130—147 (статья еще не окончена).

Коренной смыслъ любви состоитъ въ признаніи за другимъ существомъ безусловнаго значенія. Но въ своемъ эмпирическомъ бытіи это существо безусловнаго значенія не имѣетъ. Слѣдовательно, безусловное значеніе можно утверждать за нимъ лишь върою. Истинная любовь имѣетъ мистическую основу и отличается двустороннимъ характеромъ: мы любимъ, во-первыхъ, то идеальное существо, которое должны ввести въ нашъ идеальный міръ, и, во-вторыхъ, то природное человѣческое существо, которое даетъ живой личный матеріалъ для воплощенія этого идеала.

751. (Соловьевъ, Вл. С.) Его портретъ. „Петербургская Жизнь“ № 17, стр. 195.

Соловьевъ, Влад. См. Астафьевъ, А. Бѣляевъ, Алексѣй Введенскій № 109, Герней, Диминскій, Каблиць, Обнинскій.

752. Соловьевъ, Вс. Что такое „доктрина теософическаго общества“. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 41—68.

Въ дополненіе къ своимъ разоблаченіямъ основательницы теософическаго общества авторъ знакомитъ съ ученіемъ этого послѣдняго. Религія теософическаго общества представляетъ изъ себя полную противорѣчій смѣсь пантеизма, матеріализма и многобожія. Но въ практической дѣятельности общества его доктрина, по мнѣнію автора, все болѣе и болѣе отстаетъ на второй планъ. Оно съ каждымъ годомъ все громче и громче объявляетъ себя всемірною проповѣдью буддизма и врагомъ христіанства.

Сочувственно ссылается на статью г. Соловьева Л. Тихомировъ: Лѣтопись печати. Полемика по поводу г-жи Блаватской. „Рус. Обзор.“ 7, 385—388.

753. Соловьевъ, Вс. Современная жрица Изиды. Мое знакомство съ Е. П. Блаватской и „Теософическимъ обществомъ“. (Эпизодъ „fin de siècle“). „Рус. Вѣс.“ 1892, 2—5, 9—12. Отдѣльно съ приложеніемъ отвѣта на брошюру „г-жи Игрекъ“ и новыхъ документовъ. Спб. Тип. „Обществ. Пользы“. 370 стр. 1000 экз. 1 р. 50 коп.

Очень интересныя разоблаченія замѣчательной авантюристки. Послѣднія статьи затрогиваютъ даже самыя щекотливыя стороны личной жизни Блаватской. Какъ ни старается авторъ увѣрить, что онъ рано замѣтилъ всю неосновательность теософической доктрины и оставался въ рядахъ общества только съ цѣлю вывѣдать то, что не доступно профану, читатель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что г. Соловьевъ былъ довольно долго увлеченъ ученіемъ теософовъ. Между прочимъ, г. Соловьевъ даетъ въ извлеченіи отчетъ комиссіи, назначенной „Обществомъ для психическихъ изслѣдованій“ съ цѣлю выяснить „феномены“ Блаватской.

Разоблаченія вызвали цѣлый рядъ „писемъ въ редакцію“ „Нов. Вр.“: В. Желиховской въ № 6087 (2-го февраля) о фантастичности разоблаченій

г. Вс. Соловьева и объ ея отвѣтъ, Вс. Соловьева въ № 6089, съ опроверженіемъ г-жи Желиховской, Ф. Берга въ № 6090, о причинахъ отказа напечатать отвѣтъ г-жи Желиховской въ „Рус. Вѣс.“, и В. П. Желиховской, тамъ же, о подлинности писемъ г. Вс. Соловьева, имѣющихся въ ея распоряженіи.

Отголосокъ этой полемики въ „Нов.“ № 49, отдѣлъ «Что говорятъ». См. также В. Михневичъ: Между небомъ и землею. (По поводу споровъ о Блаватской). «Нов.» № 105. На сторону г-жи Желиховской не безъ основанія становится Э. Д.: Е. П. Блаватская и Вс. С. Соловьевъ. „Моск. Вѣд.“ № 126. Замѣтка написана по поводу брошюры г-жи Желиховской.

На сторону г. Соловьева становятся: С. Э—ль. „Гражд.“ № 127; Л. Тихомировъ. Изъ газетъ и журналовъ. Poleмика по поводу г-жи Блаватской. „Рус. Об.“ 7, 385—388.

Не одобряетъ тенденцій г. Соловьева В. Чуйко. Журнальное обозрѣніе. „Одес. Лист.“ №№ 107 и 142. Довольно обстоятельную замѣтку посвящаетъ Блаватской „Сѣв. Вѣстн.“ 9, 57—64. Книга Вс. Соловьева написана вульгарно, грубо, цинично, безъ того душевнаго благородства, которое необходимо при изобличеніи чужого обмана, но тѣмъ не менѣе въ ней много правды.

Итоги спора подводитъ Н. въ «Рус. Вѣс.» II, 343—348. Онъ стоитъ на сторонѣ г. Соловьева и указываетъ на отголоски, которые встрѣтила книга г. Соловьева за границей. •

См. также Желиховская.

754. Соловьевъ, Е. А.—Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб. Тип. Эрлиха. 160 стр. 8100 экз. 25 к. [Жизнь замѣательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова].

Біографія написана не безъ увлеченія и читается съ интересомъ. По мнѣнію автора, въ критическихъ статьяхъ Писарева развита очень любопытная и поучительная основа философско-исторической системы. Проповѣдуя экономію силъ и эмансипацію личности, Писаревъ является представителемъ той философско-исторической школы, которая не хочетъ объединять эволюцію общества съ эволюціей природы и выдвигаетъ счастье и развитіе личности, какъ критерій прогресса.

Признавая талантъ у Писарева, старается свести его значеніе не только къ нулю, но даже къ отрицательной величинѣ Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Запоздалая апологія. „Моск. Вѣд.“ № 332. Краткій отзывъ Н. А. въ „Сар. Дневн.“ № 266.

755. Соловьевъ, Евг. Принципъ экономіи общественныхъ силъ. „Путь—дорога“. Научно-лит. сборникъ. Спб. Стр. 186—216.

Особенностью нашего времени является непроеводительная трата силъ. Въ виду этого особенно важно выдвинуть значеніе принципа экономіи силъ для общественной жизни. Авторъ обращается къ утопіямъ и государственнымъ романамъ (Платонъ, Моръ, Кампанелла, Фурье и Беллами), чтобы прослѣдить примѣненіе этого принципа въ теоретическихъ построеніяхъ. Авторъ, впрочемъ, хорошо сознаетъ, что это не единственный принципъ, на основаніи котораго можно цѣлесообразно устроить человѣческое существованіе.

756. Соловьевъ, Т. Теорія волевыхъ представлений. Отношеніе ея къ спеціаціи и элевациі органическаго міра. Спб. 1892. Тип. Лебедева II+II+404+табл. 2 руб.

Представленіе есть нервно-молекулярное колебаніе, которое непременно стремится перейти вовнѣ, сопровождаясь часто мускульными сокращеніями, хотя бы и незамѣтными. Это относится какъ къ чувствительнымъ, такъ и къ двигательнымъ представленіямъ, причѣмъ первыя вызываютъ вторыя и такимъ образомъ реализуются въ нихъ, иногда же просто стремятся принять форму воспріятія. Это стремленіе каждаго представленія перейти вовнѣ и есть его волевой характеръ. Для проявленія собственно волевыхъ представлений требуется отсутствіе ихъ борьбы, какъ препятствія для реализаціи одного изъ нихъ. Силы, законы и принципы, выставляемые механическою теоріею въ качествѣ основныхъ дѣателей въ ходѣ развитія организмовъ, не могутъ на самомъ дѣлѣ объяснить этого развитія. Для этого необходимо допустить дѣйствіе иныхъ, присущихъ самому организму, силъ и законовъ. Такую силу авторъ находитъ въ волевомъ представленіи, которое вліяетъ на всѣ уклоненія въ развитіи организмовъ. Но это не какое-нибудь развитое представленіе, существующее прежде опыта.

Отзывъ въ «Набл.» (2, 26—29) ставитъ книгу Т. Соловьева выше произведеній его соименика. Въ ней „нѣтъ владиміро-соловьевскаго, да и вообще никакого мистицизма, обскурантизма и папизма“. Вообще этотъ журналъ чуть не въ каждой своей книжкѣ старается задѣть г. Вл. Соловьева. По мнѣнію рецензента „Жур. мин. нар. просв.“ то 570с., несмотря на нѣкоторый интересъ, представляемый книгою, ее нельзя рекомендовать для чтенія, потому что она годится лишь какъ матеріалъ для новой обработки.

757. Соломоновскій, И. Отношеніе языка къ мысли. Исслѣдованіе. (Отд. оттискъ изъ „Филологическихъ записокъ“ за 1892, вып. I—III.) Воронежъ. Тип. В. Исаева. 81 стр., 300 экз.

Вотъ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ своей интересной работѣ: мышленіе есть дѣятельность, совершенно отличная отъ познаванія. Познаваніе соотвѣтствуетъ акту принятія пищи, а мышленіе—процессу пережевыванія ея у жвачныхъ животныхъ. Языкъ относится къ мысли, какъ письменность къ устной рѣчи. Мышленіе, какъ дѣятельность отвлеченія и обобщенія, становится возможнымъ для человѣка лишь подъ условіемъ аналитическаго языка; при употребленіи же синтетическаго языка оно безусловно невозможно. Но языкъ аналитическій, представляя для мысли значительныя удобства, тѣмъ самымъ вовлекаетъ ее въ великія опасности. Замѣчаемая въ немъ тенденція къ экономіи и бережливости угрожаетъ лишити мысль достаточной ясности и опредѣленности и затрудняетъ индивидуальное творчество ума. Синтетическимъ авторъ называетъ по преимуществу языкъ животныхъ.

Статья реферирована В. Я. въ „Пед. Сб.“ 4, 468—472.

Сорель. См. Ивановскій.

758. (Спенсеръ). Доходы одного философа. „Колосья“ 3, 223с. Сколько Спенсеръ выручилъ за свои сочиненія.

759. (Спенсеръ). Spencer, Herbert. Principles of Ethics, vol. I. Слегка знакомитъ съ этимъ трудомъ П. Мокиевскій, „Вопр. фил. и

псих.“ кн. 17, отд. II, стр. 79с. Замѣтка о выходѣ 2-го тома въ „Рус. Вѣд.“ № 139.

Спенсеръ. См. Гохэггеръ, Коллинсъ, Оболенскій, Сементковскій, Филиповъ № 843, Хохряковъ.

760. Спиноза, Б. Трактатъ объ усовершенствованіи разума. (De intellectus emendatione). Переводъ съ латинскаго Г. Полинковскаго. Съ приложеніемъ главы изъ Исторіи новой философіи Куно Фишера. Одесса. Тип. Фесенко. XX+62 стр. 500 экз. 75 коп.

Переводъ статьи Куно Фишера довольно тяжелый, а еще тяжелѣе переводъ самаго „Трактата“. Открываемъ первую попавшуюся страницу и читаемъ фразу: „онъ познаетъ вещи не столь подъ формой продолжаемости, сколь подъ нѣкоторымъ образомъ внѣшности“ (стр. 60). Очень сочувственно встрѣчаетъ переводъ Я. С.: По поводу одной книги. „Од. Лист.“ № 215.

Спиноза. См. Вормсъ, Гротъ и Шперкъ.

761. (Спиритизмъ). Бесѣды о спиритизмѣ. Статья И. М—ва. „Нов.“ № 307.

Бесѣда репортера съ редакторомъ журнала „Ребусъ“, г. Прибытковымъ, по поводу Евзапіи Паладино.

762. (Спиритизмъ). Опасное движеніе мысли. „Нов. Вр.“ № 6102 (23-го февраля). Перепечатано также въ „Ребусъ“ № 12, стр. 127с.

Рѣчь идетъ объ оккультизмѣ и спиритизмѣ. Никакой ссылкой на „высшую истину“ нельзя оправдывать распространенія въ обществѣ идей, цѣлыя вѣка отуманивавшихъ человѣческой разумъ и никогда, въ теченіе всего прошлаго человечества, не приносившихъ ему ничего, кромѣ самыхъ мрачныхъ, леденящихъ кровь ужасовъ.

Противъ этой статьи выступилъ А. Н. Аксаковъ: Нашъ Торквемада („Ребусъ“ № 12, стр. 125сс.), гдѣ высказываетъ предположеніе, что она принадлежитъ г. Эльпе. См. ниже статью этого послѣдняго: Напрасныя претензіи спиритизма (№ 923).

763. (Спириты). Конгрессъ спиритовъ. (Корреспонденція Л. Р. изъ Неаполя). „Нов.“ № 100.

Станкевичъ. См. Волынскій.

Стаудингеръ. См. Басистовъ.

Степановъ, И. И. См. Хрулевъ.

764. Стефановскій, Д. Н. Пассивизмъ. (Замѣтки по вопросамъ половой психопатологіи). „Архивъ псих.“ т. XIX, № 1, стр. 76—94; т. XXI, стр. 1—23.

Описаніе любопытныхъ явленій изъ области отклоненій полового чувства.

765. Стоктонъ, Фрэнкъ Р. Философія относительнаго бытія. Разсказъ. „Нов. Вр.“, приложеніе къ № 6404 (25-го декабря).

Не лишенный остроумія разсказъ, въ которомъ призраки оказываются настоящей дѣйствительностью, а реальные люди—призраками.

766. Столыпинъ, Д. 1) Къ вопросу о крестьянскомъ хозяйствѣ. По-

ложеніе 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. 2) Критическія замѣтки по поводу положенія философіи Конта. М. Тип. Чернышевскаго. 27+8 стр. 1600 экз.

Чтобы дать понятіе читателю о томъ, на сколько небрежно исполнено это изданіе, можно привести слѣдующіе факты. На первой же страницѣ брошюры къ заглавію сдѣлана сноска, въ которой буквально перепечатано оглавленіе одной изъ болѣе раннихъ брошюръ автора, не имѣющее ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о крестьянскомъ хозяйствѣ. Если въ заглавіи говорится о какомъ-то положеніи философіи Конта, то изъ текста брошюры читатель увидитъ, что здѣсь простая опечатка: надо читать „по поводу положительной философіи Конта“. Въ замѣткахъ о Контѣ авторъ пытается собрать нѣсколько фактовъ изъ области современной науки, подтверждающихъ взгляды этого философа. Въ своемъ изложеніи авторъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой и потому на немногихъ страничкахъ успѣваетъ затронуть почти всѣ важнѣйшіе взгляды Конта.

767. Столыпинъ, Д. Къ вопросу философіи права. Нашъ крестьянскій вопросъ, статья 165-я, о личномъ выкупѣ. Право на землю. Москва. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 19 стр. 1800 экз. 10 к.

Аристотель и тутъ же статья 165-я, метафизика и положеніе 19-го февраля, — все это проходитъ передъ читателемъ въ какомъ-то пестромъ калейдоскопѣ. — Тѣ же статьи вышли и отдѣльно каждая, въ видѣ летучихъ листовъ (8—7 стр.), которые вложены въ другія брошюры г. Столыпина.

Несочувственно отзываясь „Сѣв. Вѣстн.“ 9, 78с.

768. Столыпинъ, Д. Нашъ крестьянскій вопросъ. Наука и метафизика. М. Тип. Чернышевскаго. 8 стр. Обложки нѣтъ.

Одинъ изъ летучихъ листовъ г. Столыпина. Метафизика вліяетъ на сельское хозяйство, и г. Столыпинъ находитъ это вліяніе вреднымъ.

769. Столыпинъ, Д. А. Нѣкоторыя разсужденія о современныхъ вопросахъ. Причины неудовлетворительности въ преподаваніи политической экономіи. М. Тип. Чернышевскаго. 8 стр. 600 экз.

Логика автора можетъ быть охарактеризована слѣдующимъ примѣромъ. „Адамъ Смитъ, — говоритъ онъ, — былъ профессоромъ философіи въ Глазговѣ; онъ примѣнилъ ученіе Аристотеля къ экономическимъ явленіямъ и справедливо признанъ основателемъ современной политической экономіи. Изъ этого можно заключить (?), что одностороннее изученіе экономическихъ явленій безъ общаго обзора естественнаго общественнаго строя будетъ всегда вести къ ошибкамъ“.

770. Столыпинъ, Д. Нѣсколько словъ о политическихъ и общественныхъ формахъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключенія Н. П. Семенова. М. Тип. Чернышевскаго. 22+8 стр. 600 экз. 5 коп.

Въ царствѣ животныхъ авторъ различаетъ: 1) физиологическія единицы, 2) семью, 3) различныя коллективныя ассоціаціи, 4) собственность и 5) правленія. Эта классификація можетъ служить недурнымъ образчикомъ разсужденій автора.

771. Столыпинъ, Д. Общія заключенія по вопросу о нашемъ сельскомъ бытѣ. М. 8 стр. Обложки нѣтъ.

Летучій листокъ, въ которомъ авторъ утверждаетъ, что между философией и нашимъ сельскимъ бытомъ существуетъ тѣснѣйшая связь, и трудно поэтому говорить объ одномъ, не упоминая о другой.

772. Столыпинъ, Д. А. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ общинѣ. Статья 2-я. Москва. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 14 стр. 1.500 экз. 10 к.

Несочувственно отзывается М. Л.—скій въ „Истор. Вѣст.“ 11, 585сс.

773. Столыпинъ, Д. А. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ вопросу нашего сельскаго быта. Статья 3-я. Москва. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 20 стр. 1.600 экз. 10 коп.

774. Столыпинъ, Д. О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. По вопросу нашего сельскаго быта. Статья 4-я. Москва. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 22 стр. 1.800 экз. 10 коп.

Трехъ послѣднихъ брошюръ не удалось имѣть въ рукахъ составителю „Ежегодника“, такъ какъ ихъ нѣтъ въ спб. публичной библиотекѣ. Въмѣсто же нихъ попался летучій листокъ подъ заглавіемъ: „О существованіи научныхъ естественныхъ законовъ для общественныхъ явленій. Къ рѣшенію вопроса объ общинѣ“ (8 стр.). Излюбленныя мысли г. Столыпина излагаются имъ во всѣхъ его произведеніяхъ, а потому нѣтъ необходимости останавливаться на содержаніи названныхъ брошюръ и листковъ.

775. Столыпинъ, Д. Очерки философіи и науки. Книга 1-я. Ученіе Огюста Конта. Начала социологіи. По вопросу объ организаціи земельной собственности и пользованіи землей. Изданіе 2-е. М. Тип. Чернышевскаго. IV+210 стр. 1.200 экз. 60 коп.

Составитель „Ежегодника“ не могъ получить этой книги, и ея нѣтъ въ спб. публичной библиотекѣ.

776. Столыпинъ, Д. А. Очерки философіи и науки. Книга 2-я. Объ организаціи нашего сельскаго быта. Теорія и практика. Къ вопросу о высшемъ образованіи. Изданіе 2-е. М. Тип. Чернышевскаго. VI+166 стр. 1.200 экз. 40 к.

Въ спб. публичной библиотекѣ этой книги нѣтъ.

Несочувственно отзывается „Сѣв. Вѣст.“ 9, 78с.

777. Столыпинъ, Д. А. Очерки научной философіи. Книга 3-я. Вопросы образованія, социальныя и политическіе. Изд. 2-е. М. Тип. Чернышевскаго. II+II+158 стр. 1.500 экз. 40 коп.

Въ спб. публичной библиотекѣ книги нѣтъ.

Очевидно, во всѣхъ трехъ книгахъ „Очерковъ“ перепечатаны старыя статьи г. Столыпина, выходящія подъ разными заглавіями въ 1889 — 1890 гг. Всѣ онѣ отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ: запашки и философія Конта, общеніе и политическое ученіе Аристотеля идутъ рука объ руку въ разсужденіяхъ автора.

778. Столыпинъ, Д. А. (1818—1893). Некрологъ. „Нов. Вр.“ № 6389 (10-го декабря). Нѣсколько сочувственныхъ словъ его памяти посвящено въ статьѣ III.: Изъ Москвы. „Гражд.“ № 308. Довольно интересныя свѣдѣнія о покойномъ позитивистѣ сообщаетъ В. Ф. въ „Рус. Вѣс.“ 12, 335—338.

779. Страховъ, Н. Н. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892. Тип. Пантелеевыхъ. II+313 стр. 1.000 экз. 1 руб.

Изъ статей, имѣющихъ философскій интересъ, въ этотъ сборникъ вошли: Толки объ Л. Н. Толстомъ (стр. 131—184), Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго (185—197), Справедливость, милосердіе и святость (стр. 199—215).

Сочувственный отзывъ М. М. въ „Ист. Вѣс.“ 4, 270с.

780. Страховъ, Н. Н. Забѣтки о Тэнѣ. „Рус. Вѣс.“ 4, 238—258.

Значительная часть статьи отведена философскимъ взглядамъ Тэна, сложившимся подъ вліяніемъ нѣмецкаго идеализма. вмѣсто того, чтобы увлекаться отраженіемъ этого идеализма, намъ слѣдовало бы, по мнѣнію автора, обратиться къ самому источнику этой мудрости.

Взглядъ Н. Н. Страхова на Тэна раздѣляетъ Ю. Николаевъ. Литературныя замѣтки. Ипполитъ Тэнъ. „Моск. Вѣд.“ № 123.

Страховъ, Н. Н. См. Астафьевъ, Волинскій № 137, Гротъ № 204.

781. Страховъ, С., свящ. Нѣсколько словъ о христіанской любви въ ея отношеніи къ духовной природѣ человѣка. „Чтенія въ общ. люб. духов. проsv.“ I, отд. II, стр. 1—10.

По поводу статьи Н. А. Елеонскаго „Изъ записокъ по основному богословію“ (тамъ же 1892, 1). Любовь—актъ воли, устремляющій душевныя силы человѣка къ извѣстному предмету или лицу и настраивающій ихъ сообразно съ природою любимаго человѣка или лица.

782. Струнниковъ, А. Доступно-ли намъ непосредственное познаніе Божества? „Бог. Вѣст.“ 5, 319—330.

П. Е. Астафьевъ въ своей статьѣ «Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ» («Вопросы философіи» кн. 13 и 14) не разъ касается взглядовъ г. Струнникова. Но г. Струнниковъ не пытается защищать ихъ отъ нападокъ; ограничившись утвержденіемъ, что статья г. Астафьева полна софистики, прикрывающейся иностранными словами и темными выраженіями, онъ останавливается изъ всей статьи покойнаго автора лишь на одномъ вопросѣ и приходитъ къ выводу, что человѣку доступно познаніе божественной сущности, но только, вопреки П. Е. Астафьеву, не непосредственное.

783. (Стэдъ). Таинственный журналистъ. „Книжки Недѣли“ 3, 264—267 (отдѣлъ: Изъ иностранныхъ изданій).

Передается разсказъ Стэда о духовномъ телеграфѣ.

Стэдъ. См. Желиховская, Орловъ.

Суворинъ, А. См. Шарко.

784. (Сумасшествіе). Заразительность сумасшествія и преступленія. „Прав. Вѣст.“ № 149.

Компилятивная статья, основанная на русскихъ и иностранныхъ работахъ.

Суріо. См. Святскій.

785. **Т а л а м а**, Д. Значеніе музыки и ненормальныя условія современнаго музыкальнаго воспитанія. Актовая рѣчь. (Оттискъ изъ отчета виленской 1-й гимназіи за 1892—93 гг.). Вильна. Тип. Сыркина. 28 стр. 100 экз.

Авторъ недоволенъ тѣмъ, что въ современномъ воспитаніи такъ много отводится мѣста уму и такъ мало—чувству. Въ результатѣ такого печальнаго положенія воспитанія получились разнаго рода язвы, разъѣдающія современное человѣчество. Исходя изъ подобныхъ соображеній, ораторъ высказываетъ свой взглядъ на правильную постановку музыкальнаго образованія. Если „дѣло музыкальнаго образованія, говоритъ онъ, будетъ прочно организовано, и музыка станетъ для человѣка тою великою просвѣтительною силою, о которой мечтаютъ лучшіе умы, то и чувство будетъ имѣть возможность пройти надлежащую школу, и благодѣтельные плоды не замедлятъ обнаружиться въ поднятіи нравственнаго уровня общества; исчезнутъ сами собою и тѣ ненормальныя явленія въ общественной жизни, которыя обусловливаются одностороною современною культурою“.

786. (**Т а н и**). Магнетизеръ Джузеппе Тани. (Бесѣда съ однимъ изъ его пациентовъ). „Петербург. Жизнь“ № 36, 362с. (съ портретомъ).

787. **Т а р д ъ**, Ж. Законы подражанія. (*Les lois de l'imitation*). Переводъ съ французскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1892. Тип. Яздовскаго. V+370 стр. 1 р. 50 к. [Популярно-научная бібліотека].

Самую важную особенностью подражанія является его стремленіе къ безконечному распространенію, несмотря ни на какія преграды. Каждый зародышъ подражанія, воспринятый какимъ-либо подражателемъ подъ формою вѣрованія или стремленія, идеи или новой способности, развивается постепенно, получаетъ внѣшнее выраженіе въ словахъ и дѣйствіяхъ и охватываетъ всю нервную и мышечную системы, по закону развитія изнутри наружу. Нельзя не сознаться, что авторъ иногда подводитъ подъ подражаніе такія явленія, которыя гораздо лучше можно объяснить иными способами.

Благопріятный отзывъ въ „Жур. мин. нар. просв.“ 1, 258с.

788. (**Т а р д ъ**). Tarde, G. *Les transformations du droit. Étude sociologique*. Par. 1893.

Отчетъ о книгѣ даетъ Л. С(лонимскій), „Вѣс. Евр.“ 8, 864—868. По его мнѣнію, фактъ подражанія ничего объяснить не можетъ. Очень сочувственный отчетъ даетъ „Рус. Мысль“ 5, 232—236.

789. **Т а р д ъ**, Г. Преступленія толпы. Переводъ д-ра И. О. Юрданскаго подъ редакціей проф. А. И. Смирнова. Казань. Тип. универ. 44 стр. 600 экз. 50 коп. Печаталось сначала въ приложеніи къ „Неврол. Вѣстнику“ т. 1, вып. 1.

Группа лицъ изъ простаго скопища дѣлается колоссальною личностью только благодаря тому, что она пріобрѣтаетъ свое собственное коллективное самолюбіе. Толпа формируется благодаря симпатіи, этому источнику подражательности, этому животворящему началу социальныхъ тѣлъ. Толпа въ нравственномъ отношеніи оказывается ниже средняго уровня составляющихъ ее элементовъ.

Т а р д ъ. См. Козловъ, Михайловскій, Оболенскій.

Тарновскій, Е. См. Фойницкій № 847.

790. Тархановъ, И. Головной мозгъ. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 82—93.

791. Тархановъ, И. О вліяніи музыки на человѣческой организмъ. „Сѣв. Вѣс.“ 1, 193—220; 2, 55—89.

Статья богата фактическимъ матеріаломъ. Музыка вліяетъ не только на психическое состояніе человѣка, но и на тѣлесные процессы, возбуждая или ослабляя ихъ.

792. Татуировка у людей съ психической точки зрѣнія. „Правит. Вѣст.“ № 198.

Небольшая замѣтка на основаніи работъ Лакасана, Ломброзо и Марандонъ-де-Монтеля.

793. Тверской, Н. Университетская рѣчь Вирхова. (Корреспонденція изъ Берлина). „Моск. Вѣд.“ № 206. Объ этой же рѣчи есть корреспонденція и въ „Рус. Вѣд.“ № 205.

Въ исторіи Берлинскаго университета Вирховъ различаетъ два періода: первый, когда господствовала философія, и второй—періодъ господства естествознанія.

Тейхмюллеръ. См. Бобровъ.

794. (Телепатія). О телепатіи. „Ребусъ“ № 5, стр. 57сс.; № 7, стр. 79сс. Излагаются нѣкоторые факты изъ области телепатіи безъ всякой ихъ критики.

Тертуллианъ. См. Мазуринъ, Мартыновъ, Поповъ.

795. Тимирязевъ, К. Историческій методъ въ біологіи. „Рус. Мысль“ 1892, 8, 83—99; 1893, 8, 39—58.

Приложеніе историческаго метода къ біологіи вызвало коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ на живую природу и положило рѣзкую грань между наукой первой и второй половины нашего вѣка. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить въ самыхъ широкихъ чертахъ главные моменты этого характеристическаго движенія научной мысли XIX вѣка. Статья представляетъ сжатое изложеніе читанныхъ авторомъ въ Москвѣ публичныхъ лекцій для читателей, не имѣющихъ особенной подготовки въ естествознаніи.

796. Тимоеевъ, А. В. и Игнатьевъ, М. В. Основы психіатрической экспертизы. Составлено по Леррпапп'у примѣнительно къ русскому законодательству. Спб. Тип. мин. внутр. дѣлъ. 117 стр. 300 экз. 1 р. 50 к.

Спеціальное сочиненіе изъ области судебной медицины. Къ психологіи не имѣетъ никакаго отношенія.

797. Тимской, Ф. На современныя темы. О женской лжи. „Вѣс. ин. лит.“ 1, 253—256.

По поводу этюда Ломброзо „Ложь женщинъ и ея происхожденіе“.

798. Тихомировъ, Л.—П. Е. Астафьевъ. „Моск. Вѣд.“ № 101.—Памяти Петра Евгеніевича Астафьева. „Моск. Церк. Вѣд.“ № 16, стр. 224.

Краткія газетныя замѣтки, посвященныя памяти покойнаго философа. См. ниже.

799. Тихомировъ, Л.—П. Е. Астафьевъ. (Некрологъ). „Рус. Об.“ 5, 358—363.

Значеніе Астафьева будетъ расти, пока будетъ развиваться русская мысль, и даже долѣе, потому что его работы закладываютъ прочный фундаментъ той новой философіи, необходимость и неизбѣжность которой предвидѣлъ еще И. Кирѣевскій.

800. Тихомировъ, Л. Лѣтопись печати. Больныя мѣста публицистики. „Рус. Об.“ 10, 929—940.

Статья по существу полемическаго характера, но съ попытками обобщить нѣкоторыя частныя явленія русской журналистики. Большая часть статьи посвящена рѣзкому отвѣту на статью Л. Е. Оболенскаго (см. Вл. Соловьевъ № 749).

801. Тихомировъ, Л. Лѣтопись печати. Борьба идеаловъ. „Рус. Об.“ 2, 900—912.

Вторженіе метафизики—только здоровая реакція человѣческаго духа противъ логическихъ послѣдствій позитивизма, изуродовавшаго своихъ приверженцевъ до степени декадентства. Авторъ останавливается на Ницше по поводу статей г. Лопатина, Астафьева и Грота. Въ статьѣ послѣдняго онъ видитъ любопытную переплестку различнѣйшихъ міросозерцаній, противоположнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Со словомъ „мораль“ г. Гротъ, по мнѣнію автора, не соединяетъ никакого опредѣленнаго значенія.

802. Тихомировъ, Л. Лѣтопись печати. Къ полемикѣ о современномъ религиозномъ движеніи. „Рус. Об.“ 1, 359—367.

Отвѣтъ на статью А. Саломона: Въ Каноссу („Гражд.“ 1892, № 332—335, 338, 339), вызванную вопросомъ о „самочинномъ умствованіи“. См. Вл. Соловьевъ № 736.

803. Тихомировъ, Л. Лѣтопись печати. Упадокъ творчества. „Рус. Об.“ 5, 364—375.

Главнымъ образомъ по поводу статьи г. Аврелина. Мимоходомъ затронуть и фельетонъ Ю. Николаева, посвященный этой статьѣ. Русское художественное творчество въ его золотыя времена есть творчество не религиозныхъ людей, а глубоко-религиознаго народа.

Небольшія поправки къ статьѣ г. Тихомирова пытается дать Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. О незамѣтныхъ людяхъ. „Моск. Вѣд.“ № 136. Онъ касается здѣсь и статьи г. Аврелина. Самъ г. Тихомировъ продолжаетъ разсужденія на эту же тему въ статьѣ: Къ вопросу объ упадкѣ творчества, „Рус. Об.“ 8, 898—909 (лѣтопись печати). Въ свою очередь по поводу этой статьи Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Двѣ литературы. „Моск. Вѣд.“ № 234.

804. Тихомировъ, Л. Соціальныя ученія. (К. Головинъ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе, Спб. 1892.—Д. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ, изд. 2-е, Спб. 1891). „Рус. Об.“ 1, 396—399.

Нечего и прибавлять, что въ лексиконѣ критика не находится ничего, кромѣ похвальныхъ эпитетовъ по адресу названныхъ книгъ. Соціализмъ есть результатъ коренной несправильности въ воззрѣніи на жизнь человѣческую.